Неполная перезагрузка

Андрей Михайлович Белов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр — изобретатель-одиночка с уникальными способностями делает самое желанное изобретение всех времен и народов, и решает использовать его только для себя. Но имеет ли он право так поступить? Несет ли он обязательства перед обществом? Вправе ли общество отобрать у него его изобретение? Правильно ли поступает общество, предоставляя право решать судьбу изобретателей-одиночек и их изобретений представителям официальной науки? Вторая молодость — благо или проклятие? Имеет ли право Александр ломать судьбы самых обычных людей, встретившихся ему на его жизненном пути? Все эти трудные вопросы встают перед Александром постепенно на протяжении всей его очень долгой жизни. Меняется и сам Александр, меняется его личная жизнь, включая самые интимные ее стороны.

-
- Глава 1 Странный мальчик.
- Глава 2 Жизнь во время первой молодости.
- Глава 3 Обретение вечной молодости.
- Глава 4 Жизнь во время второй молодости.
- Глава 5 Все имеет свое окончание.

Глава 1 Странный мальчик.

— Мама, есть, — появившись на пороге кухни, тихо сказал Саша.

— Сашенька, а ты давно уже хочешь кушать? Что же ты не сказал мне раньше? — спросила мать.

Саша уставился на мать снизу вверх своими огромными серыми немигающими глазами и молчал. Мать подождала немного, и заметно расстроившись, задала ему другой вопрос:

— Сашенька, а что ты хочешь есть? Я приготовила щи, пожарила котлеты, есть тушеное мясо, жареная картошка. Ну, скажи. Не бойся, ведь тебя никогда никто не обижал. Очень прошу тебя — скажи, пожалуйста.

На лице мальчика появилась улыбка, но не глупая и совсем не детская, больше похожая на усмешку, а в глазах еле заметная издевка. При этом он продолжал молча смотреть на мать.

Мать — по внешнему виду очень домашняя женщина среднего возраста и роста немного располневшая, даже можно сказать пухленькая с заботливо-добрым лицом тихо заплакала и, не обращаясь ни к кому конкретно, сквозь слезы очень тихо буквально простонала:

— Ну, за что нам такое. Ну, почему он совсем не говорит.

— Лена, зачем ты так? Ведь он же не немой. Он же говорит. Тебе не стоит так сильно волноваться. Я думаю, что со временем все наладится, — попытался успокоить жену отец Саши, все это время сидевший за столом и молча наблюдавший в растерянности за происходившим. Однако он не смог скрыть тревоги и подавленности от своего бессилия хоть что ни будь сделать.

— Значит, мне не стоит волноваться? Может ты, конечно, не помнишь, но Саше уже идет пятый год, а он произносит всего четыре слова: "мама", "папа", "есть" и "спать". При этом он совсем не умеет построить даже простое предложение. Это, по-твоему, он говорит? Ведь ему уже совсем скоро идти в школу. Вон Алеша у нас как рано начал говорить. Да к четырем годам он уже болтал так, что остановить было невозможно. А тебе лишь бы не волноваться. Сидеть и ждать. Ты говоришь, так как будто речь идет не о твоем сыне, а о соседском ребенке, — набросилась на мужа Лена.

— Не неси ерунду. Я люблю Сашку вовсе не меньше чем ты.

— Ладно, Миш. Я конечно зря на тебя набросилась. В проблемах Саши твоей вины нет, но я больше не могу спокойно смотреть, как Саша все больше отстает от своих сверстников. В

прошлом месяце водила его к врачу. Так она считает, что у Саши задержка в развитии и вообще намекала, что он возможно умственно отсталый и его придется сразу отдавать во вспомогательную школу. Да и соседи по дому, если прямо мне ничего не говорят, то смотрят на нашего Сашу явно с жалостью. Я просто не могу больше видеть, как они на него смотрят. Дети во дворе с ним не играют. Да, и сам он к общению не только с детьми, а вообще с кем-либо почему-то не стремится.

— Слушай, ну ты же знаешь, что наш врач не педиатр, а терапевт. Ее же сразу после окончания института распределили на здравпункт нашего завода. Она после института проработала то всего года два. Других врачей в нашем поселке нет. Ей ни опыта набраться не у кого, ни посоветоваться не с кем. Да я нашему фельдшеру доверяю больше. А наш врач только и может, что больничные выписывать, да ОРЗ лечить, которые и сами через известное время проходят. Ну, а если случается, что по серьезнее, так она сразу направление выписывает в районную больницу в Энгельс или в областную в Саратов.

— А ведь действительно, что же мы сидим? Завтра же пойду и возьму направление. И не в Энгельс, а сразу в Саратовскую областную больницу. Пусть нашего Сашеньку по-настоящему опытные врачи обследуют, как следует. Вот только как мы его в Саратов то повезем? Ведь Сашенька никакой транспорт совсем не переносит, — снова расплакалась Лена.

— Да не торопись ты так с обследованием. Давай еще месяц другой подождем. Знаешь, у меня предчувствие, что Саша вот-вот заговорит и еще как заговорит. Насчет же его умственной отсталости вообще забудь. Это полная глупость. Он же с нами общается, как нормальный человек. Да, пусть только при помощи четырех слов, но возможно он считает, что сейчас ему общение в большем объеме просто ненужно. Он явно с интересом смотрит телевизор, великолепно лепит из пластилина, собирает всякие штучки из Алешкиного конструктора, уже научился пользоваться большей частью моего инструмента. А как ловко он стащил у тебя нож, чтобы разрезать свои игрушки? И что? Все это похоже на поведение и возможности умственно отсталого ребенка?

— Телевизор то он, конечно, смотрит. Вот только как он его смотрит? Он смотрит взрослые передачи, а детские совсем не смотрит. Даже мультфильмы почти совсем не смотрит. А из пластилина, он же лепит слишком хорошо для своего возраста. Да и далеко не каждый человек за всю свою жизнь так хорошо лепить может научиться. Рисует кстати он тоже хорошо и явно не по своему возрасту. В игрушки он практически не играет. Если не считать того, что каждую новую игрушку он разбирает. Те же из

них, которые тебе удается после этого восстановить, перестают его интересовать. Он даже повторно никогда не пытается их разобрать. Мягкие и резиновые игрушки он уже несколько месяцев как перестал разрезать. Он просто перестал обращать на них внимание. Да, Саша, конечно, играет в конструктор, но этот конструктор предназначен для детей среднего и старшего школьного возраста. Алексей никогда из своего конструктора просто не мог собрать хоть что-то подобное тому, что уже сейчас удается собрать Саше. Лепит и рисует он часто то, что просто никогда не мог видеть, явно придуманных им животных. Я не могу понять, как может ребенок еще не достигший пятилетнего возраста столь ловко обращаться с отверткой, гаечным ключом, пассатижами и даже молотком. Абсолютно все происходящее с нашим ребенком просто не может считаться нормальным.

— Но все о чем ты говоришь, вовсе не свидетельствует о слабоумии нашего сына, а совсем наоборот говорит о том, что он обладает незаурядными способностями.

— Миша, ты меня не понял. Я никогда не думала, что наш сын действительно является слабоумным. Мне лишь неприятно, что окружающие так про него думают, а я не могу убедить их в обратном. Меня больше волнует, что он не такой как все и отличия буквально с каждым днем становятся все заметнее и заметнее. Ведь ты же знаешь, каково живется белой вороне.

— Значит, мы должны сделать все, чтобы помочь ему безболезненно адаптироваться к окружающей обстановке. И мы уже делаем немало. Самое главное мы не отдали его в детский сад, где он действительно чувствовал бы себя очень не уютно. Ведь именно ради этого ты оставила работу. А вот врачи вряд ли смогут помочь адаптироваться нашему сыну.

— Ладно, давай подождем с обследованием, но если Саша нормально не заговорит к пяти годам, то я его повезу в Саратов. Ведь в школу мы не сможем его не отдать, и если он нормально не заговорит, то это будет настоящая катастрофа.

— Я думаю, что до пяти лет он обязательно будет говорить не хуже своих сверстников и ему не придется мучиться всю дорогу до Саратова. И еще одно. Я думаю, что нам больше не следует говорить о Саше в его присутствии. Мне кажется, что он уже понимает гораздо больше, чем мы думаем и нашими разговорами мы можем просто напугать его.

Родители замолчали. Саша, молча стоявший все это время на пороге кухни и внимательно слушавший родителей, снова произнес:

— Мама, есть.

Было непонятно прав ли отец, и действительно Саша понял, о

чем говорили его родители, и был ли он напуган услышанным, но улыбка с его лица исчезла еще в середине разговора, и сам он стал выглядеть каким-то не по-детски сосредоточенным и озабоченным.

* * *

Семья Игнатовых проживала в поселке при заводе, на который Михаил и Лена были распределены в качестве молодых специалистов сразу после окончания института. Завод и примыкающий почти вплотную к нему поселок располагались за Энгельсом далеко в степи. С внешним миром его связывала единственная автомобильная дорога, которая начиналась в Энгельсе, проходила мимо большого военного городка при аэродроме забитого большими стратегическими бомбардировщиками, доходила до их поселка и уходила дальше в степь, соединяя между собой многочисленные совсем недавно построенные военные городки и рабочие поселки при предприятиях. Впрочем, имелась еще и одноколейная железная дорога, но пассажирские перевозки по ней не осуществлялись. По железной дороге доставлялось сырье, и вывозилась готовая продукция, а еще по ней пригоняли цистерны с мазутом для котельной, отапливающей завод и заодно весь поселок.

В то время между небольшими военными городками и поселками при предприятиях еще сохранялись большие незастроенные и практически никак не освоенные человеком участки степи. Даже если по дороге добраться до Энгельса, то все равно для того, чтобы попасть в Саратов, надо было переправиться через Волгу, так как автомобильного моста соединяющего, стоящие на противоположных берегах Волги, Энгельс и Саратов тогда еще тоже не существовало. Поэтому жизнь в поселке в чем-то была схожа с жизнью на острове и протекала она однообразно и очень скучно. Из развлечений в нем имелся только заводской клуб, в котором по воскресеньям показывали кино и устраивали танцы, работал буфет. В клубе размещались и единственные на весь поселок парикмахерская, швейная мастерская и библиотека. Из предприятий общепита имелась лишь заводская столовая. Не было ни ресторана, ни кафе, ни даже пивного ларька.

Для занятий спортом имелся открытый стадион с вытоптанным футбольным полем, вокруг которого была проложена беговая дорожка и имелись низкие необорудованные даже навесом деревянные трибуны. Зимой футбольное поле

заливалось водой и использовалось в качестве катка, который был настоящей отдушиной и посещался почти поголовно всеми жителями поселка. Но в основном стадион использовался для проведения уроков физкультуры в местной школе. Школа была тоже одна, но зато десятилетка. Поэтому девятиклассников и десятиклассников не приходилось отправлять в интернат или возить в школы других поселков, как это часто вынуждены были делать в других соседних поселках, где были школы с обучением только до восьмого класса.

Медицинское обслуживание все жители поселка без исключения получали на здравпункте завода, так как других медицинских учреждений не имелось. Если не считать медицинских сестер при школе, в яслях и детском саду. В случае необходимости стационарного лечения больных возили, как правило, в Энгельс. Туда же приходилось возить женщин рожать.

Жилой фонд поселка состоял из нескольких больших трех, четырех и пятиэтажных домов, а также множества бараков, большинство из которых были построены еще во время строительства завода, как временное жилье для строителей. Однако строить новые дома взамен постепенно приходящих в негодность бараков никто не спешил. Газ к поселку не был подведен. Электрические сети были маломощными. Максимально допустимая сила потребляемого тока на одну квартиру составляла всего пять ампер, что исключало возможность использования электроплит и электрических нагревателей. Заводская котельная была маломощной и не позволяла провести в дома горячую воду. Средства на модернизацию котельной и прокладку трубопроводов никто в обозримом будущем выделять не собирался. Таким образом, из нормально функционирующих благ цивилизации имелись лишь центральное отопление, холодная вода и канализация. В ванных воду грели в титанах, а для приготовления пищи на кухнях из кирпича были выложены плиты. Титаны и плиты топили дровами, для хранения которых во дворах были построены сараи. Правда, плиты для приготовления пищи почти никто не использовал. Все готовили на керосинках, которые устанавливали прямо на плиты, топки которых использовались в качестве шкафчиков для хранения сковородок и кастрюль. Убожество жилья усугублялось тем обстоятельством, что поселок был застроен хаотично, не придерживаясь какого либо плана, а между домами почти отсутствовали заасфальтированные дорожки. Поэтому все бесформенное пространство между домами почти на полгода превращалось в сплошную скользкую грязь и огромные лужи, которые долго не высыхали, так как почти у самой поверхности

залегали глины, не пропускавшие через себя воду. Дома, стоящие среди огромных луж и сплошной грязи с отпечатавшимися в ней следами ног, колесами автомобилей вызывали особенно тягостное впечатление и порождали в людях ощущение своей заброшенности и полной безысходности. Всякое передвижение между домами, как для людей, так и для автомобилей превращалось в настоящее испытание.

В центре поселка стоял большой двухэтажный магазин — универсам, в котором жители поселка в основном и делали почти все свои покупки. Первый этаж магазина занимали отделы, торгующие продуктами питания, а на втором этаже продавались все виды промтоваров от ниток, одежды, обуви до посуды, канцтоваров, книг, мебели и бытовой техники. Летом на площадке перед магазином работал ларек, в котором продавали развесное мороженное в картонных стаканчиках и газированную воду с сиропом да привозили бочку с квасом.

Ассортимент товаров, которые можно было приобрести в поселке, был очень скудным. Поэтому одежда его жителей, вещи, которые их окружали, не отличались разнообразием. Женщины, для того чтобы хоть как-то отличаться друг от друга много шили одежды самостоятельно или на заказ, но это не спасало положения, так как ткани, из которых они шили себе одежду, ведь тоже были одинаковыми и совсем не отличались разнообразием расцветок. Походы в магазины соседних поселков тоже ничего не давали, так как завозимые в них товары совсем не отличались друг от друга. Поездки же в Энгельс или Саратов из-за отвратительной работы транспорта были крайне редки и являлись для любого жителя поселка настоящим событием. Обитатели поселка вообще очень редко покидали его пределы даже в период отпуска.

Для постоянно проживающих в поселке людей все дни были похожи один на другой и бесконечно медленно тянулись в их замкнутом мирке среди бескрайней степи. От них требовалось только одно, чтобы завод работал и выполнял постоянно увеличивающийся из года в год план. При этом люди понимали, что им не следует рассчитывать, что в их жизни что-то может измениться в ближайшем будущем. Жизнь в таких убогих и безрадостных условиях порождала повальное пьянство и периодическое совершение тем или иным человеком поступков совсем не характерных для психически здоровых людей. Впрочем, когда очередной сосед выкидывал что-то из ряда вон выходящее, то это уже воспринималось как событие и служило для окружающих хоть каким то развлечением, вносившим хоть какое то разнообразие в жизнь поселка.

Природно-климатические условия тоже не были комфортными. Летом стояла сильная жара, зимой — довольно сильные морозы при постоянном, круглогодично насквозь продувающем поселок, сильном ветре. Из-за сильных зимних морозов плодовые деревья никак не хотели приживаться на этой неуютной земле. Летом земля высыхала настолько, что вся степь покрывалась замысловатой системой глубоких трещин в палец толщиной. Между трещинами произрастала жидкая, редкая низкорослая полынь и очень незначительное количество, становившейся желтой и почти сухой еще в начале лета другой травы. В этой утлой растительности в громадных количествах сновали мыши и ящерицы, да в норах сидели здоровенные пауки. Кроме этого по степи постоянно гоняли больших высоких темно-рыжих коров, которые ухитрялись в этой почти пустыне находить себе пропитание, но от такого пропитания, получаемое от них молоко сильно горчило.

Вообще степь привлекательно выглядела только весной. Весной в степи на поверхности стояло много воды, образовавшейся от таяния снега. В это время года вся она покрывалась ярко-зеленой растительностью, в которой в больших количествах росли дикие низкорослые тюльпаны. Но это время длилось совсем не долго.

Более или менее нормально росли только те деревья, которые были высажены близ домов и периодически поливаемые. Деревья и кустарник же высаженные в степи в лесополосах хоть совсем и не погибали, но тени практически не давали, так как их листья поворачивались к солнцу ребром.

От Волги поселок стоял на значительном расстоянии, и его жители крайне редко имели удовольствие видеть эту великую реку. Правда рядом с поселком протекала небольшая речушка — приток Волги, но вода в ней никогда не поднималась выше колена. Поэтому обитатели поселка летом обычно купались в заброшенном песчаном карьере, оставшемся со времени строительства завода.

В то время подобные поселки вырастали по всей стране, как грибы после дождя. Страна из последних сил пыталась успеть перевооружить свою армию и создать современную военную промышленность, одновременно стараясь рассредоточить свой военный и промышленный потенциал на случай ядерного нападения. А для страны, плотно окруженной совсем недружественными государствами, такое нападение было очень реальным.

Международное положение страны было таковым, что предотвратить нападение на нее гораздо более сильного

противника могло только одно — скорейшее создание военно-промышленного потенциала способного нанести любому агрессору неприемлемо большой ущерб. Поэтому при катастрофической нехватке ресурсов в жуткой спешке буквально в чистом поле возводились многочисленные объекты. Те немногие ресурсы, которые все же удавалось выделить, расходовались в основном на обеспечение пуска очередного предприятия или постановку на боевое дежурство очередной ракеты о создании же нормальных социально-бытовых условий для рабочих или военнослужащих тогда вообще никто не думал. Создавать инфраструктуру было просто не на что и некому. Поэтому почти все вновь построенные поселки представляли собой в той или иной степени самые настоящие дыры малопригодные для нормального проживания. Вот в одной из таких дыр и прошли Сашины первые годы жизни.

* * *

Появление Саши на свет прошло не без приключений.

Родители Саши были среди тех специалистов, кому выпало участвовать в пуске завода после окончания его строительства. Однако Лена недолго успела проработать на заводе, так как вскоре после прибытия в поселок забеременела и затем родила Алексея — старшего брата Саши. Михаил же к рождению своего первого сына успел зарекомендовать себя на заводе, как грамотный и очень толковый специалист. Поэтому когда у Игнатовых трехгодичный срок их обязательной отработки после окончания института стал приближаться к концу, чтобы удержать на заводе хорошего специалиста руководство завода выделило семье Игнатовых отдельную однокомнатную квартиру в большом четырехэтажном доме.

Вообще проживание в поселке в отдельной квартире было большой редкостью. Большинство семей проживало в превращенных в коммуналки трех — пятикомнатных квартирах, занимая в них не более двух комнат, а то и вовсе в комнатушках бараков с удобствами на улице.

Как только Игнатовы перебрались из комнаты в бараке, куда их поселили сразу по приезде в поселок, в свою отдельную квартиру, они решили остаться работать на заводе, так как понимали, что где-то в другом месте получение отдельной квартиры им совсем не светит. И почти сразу им захотелось завести второго ребенка, но, несмотря на все их старания, Лене никак не удавалось забеременеть. И вот уже когда они совсем

смирились с тем, что у них никогда не будет второго ребенка, почти через десять лет после рождения Алексея, совершенно неожиданно для них Лена забеременела. К этому времени у Игнатовых уже не было никакого желания заводить новых детей. Они просто думали, что для них это уже слишком поздно. Будучи абсолютно уверенными, что они не в состоянии зачать ребенка, Михаил и Лена, когда занимались сексом, никогда не предохранялись. Кроме этого к тому времени Лена не очень-то следила за своим состоянием по этой части. Поэтому она не сразу заметила наступившие в своем организме перемены, а когда заметила, то не сразу поехала в Энгельс в женскую консультацию. Сначала у нее вдруг образовались неотложные дела, которые конечно таковыми не являлись, а затем ей никак не удавалось отпроситься с работы. В результате в женской консультации ей объявили, что она беременна и срок ее беременности уже очень большой.

Лене уже было за тридцать и со здоровьем у нее было не все в порядке. Поэтому врачи ей сразу заявили, что рожать в ее положении не рекомендуют, но с другой стороны на таком большом сроке беременности делать ей аборт тоже крайне опасно. Короче, Лене самой пришлось решать рожать ей или избавляться от ребенка и, посоветовавшись с мужем, она решилась рожать.

Сразу, как только было принято решение оставить ребенка, у родителей Саши возобновилось желание иметь второго ребенка. Они с нетерпением ожидали прибавления в своем семействе, но уже совсем не так легко и беззаботно, как в молодости ждали появления на свет Алексея. Им очень хотелось, чтобы у них была девочка, и они, почему-то, были даже уверены в том, что у них родится именно девочка.

Опасения врачей подтвердились, Лена не смогла самостоятельно родить. Когда во время родов она потеряла сознание, Сашку из нее пришлось выдавливать при помощи полотенца. Несмотря на то, что медики достаточно быстро сориентировались и смогли Лене помочь, в момент своего появления на свет Саша уже не дышал, и врачам пришлось затратить немало времени и сил на то, чтобы вернуть его к жизни.

Впоследствии именно эти обстоятельства рождения Саши Лена считала основной причиной имеющихся у ее сына странностей.

Само же появление Саши на свет с полным правом можно было назвать совершенно случайным, так как оно было обусловлено рядом последовательных случайных событий и

случайным же стечением обстоятельств.

* * *

Саше было уже четыре года десять месяцев. Как, обычно вечером после ужина, отец сел читать Саше очередную сказку:

— Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше…

В последнее время Саше все, начиная с матери и кончая братом, регулярно по очереди читали сказки, так как думали, что чем больше они будут ему читать, тем быстрее он начнет разговаривать. Но Саша, к огорчению остальных членов семьи, совсем не любил слушать, читаемые ему сказки. Его приходилось заставлять их слушать буквально силой. Каждый раз после непродолжительного сопротивления он сдавался, тихо усаживался и отрешенно смотрел перед собой, явно думая о чем-то своем, так, что окружающие начинали сомневаться, а слышит ли он вообще читателя? Такое поведение Саши всех раздражало, но они упорно продолжали ему читать, так как искренне верили, что действуют ему во благо.

В этот вечер Саша не сопротивлялся, а, усевшись напротив отца, стал пристально на него смотреть. Со стороны это выглядело, так, как будто он очень внимательно слушает сказку. Отец обрадовано уже подумал: "Ну, наконец-то!" А Саша, в самом начале сказки, совсем не по детски, тихо правильно и отчетливо выговаривая все слова, вдруг совершенно неожиданно произнес:

— Папа, ну зачем ты мне постоянно читаешь эти сказки? Ведь все же знают, что никаких колобков, как, впрочем, и других персонажей, не бывает и быть не может. Тебе самому-то не надоело перечитывать эту чушь? Вот мне ее слушать уже давно надоело.

Отец, по инерции прочитав еще пару слов, замолчал и ошарашено уставился на сына.

Первой среагировала мать. Она бросилась к сыну и обняла его.

— Сашенька, да ты же у нас говоришь! Даже все буковки правильно выговариваешь! Зачем же ты скрывал? Ведь мы же все волновались, переживали за тебя. Совсем все извелись. Не знали, что и думать и что с тобой делать. Ведь так родителей в гроб раньше времени вогнать можно, — сквозь слезы радости затараторила Лена, совсем не обращая внимания на то, что

сказанная фраза и слова, использованные в ней, не подходят для ребенка, которому еще не исполнилось пять лет. Ребенок в возрасте Саши не должен был так говорить. Это было противоестественно.

Наконец отец пришел в себя. Его озадачило больше не то, что его сын оказывается способен хорошо и правильно говорить, строить сложные предложения, а то, что он сказал и какими словами, но решил сделать вид, что ничего особенного не произошло. Ему не хотелось расстраивать Лену, тем более что она от радости, похоже, совсем не вдумалась в произнесенное Сашей. Поэтому он ровным спокойным голосом спросил Сашу:

— А, что ты хочешь, чтобы я тебе почитал? Может, тебе хочется послушать, какую ни будь другую сказку?

— Нет, сказки я слушать не хочу. Про другие книги я ничего не знаю. Ведь мне всегда читали только сказки, а сам я читать не умею. Поэтому лучше научи меня читать, чтобы я сам мог выбирать себе книги для чтения, — серьезным голосом очень логично и неторопливо ответил отцу Саша.

— Сашенька, понимаешь учиться читать совсем непростое дело. Ты еще маленький и тебе будет тяжело учиться читать. Может, лучше завтра пойдем в магазин и купим тебе, какую ни будь новую сказку, и пока я тебе ее сам буду читать. А через годик, когда ты подрастешь, мы тебя станем учить читать, — предложил отец.

— Ничего, я справлюсь, — заупрямился Саша.

— Хорошо, я стану учить тебя читать. Но ты должен пообещать, что если тебе будет трудно или расхочется учиться, ты мне об этом сразу скажешь, — беря с книжной полки старый потрепанный букварь Алексея и тяжело вздохнув, произнес отец.

— Конечно, обещаю. Давай лучше не будем тратить зря время и начнем, наконец, учиться.

До Лены, наконец, дошло, что ее сын в его возрасте вообще-то не должен так говорить и все сейчас происходящее является неправильным. Она погрустнела, а ее радостное выражение лица изменилось на растерянно-озабоченное. Она тихо произнесла:

— Ох, лучше бы он не выговаривал все буквы и плохо строил предложения.

Наблюдая за тем, с какой невероятной скоростью одну за другой ее сын осваивает буквы алфавита, Лена все больше мрачнела.

Уже через неделю Саша знал все буквы алфавита и хоть очень медленно по слогам, но начал читать. Еще примерно неделю он практически с утра до вечера почти без перерывов читал и перечитывал сказки. При этом было совершенно понятно, что

содержание сказок его совсем не интересует. Он их читал исключительно для тренировки. Все это время родители уговаривали его так сильно не напрягаться и читать поменьше, пойти поиграть во дворе с соседскими детьми. Однако, несмотря на то, что теперь он был в состоянии поддерживать любой разговор на гораздо лучшем уровне, чем его сверстники и, казалось бы, все препятствия для его контактов с ними устранены, Саша продолжал игнорировать других детей и в их играх участия не принимал. Он не обращая ни на кого внимания, упрямо продолжал упражняться в чтении до тех пор, пока не начал читать бегло.

Как только Саша начал нормально говорить родители стали приставать к нему с просьбами, пересказать сказку или рассказать наизусть детский стишок, как это обычно с удовольствием в его возрасте делали все дети. Но он этого не делал. Родители думали, что он просто упрямится, но на самом деле Саша физически не мог этого сделать. Если бы он мог, то конечно хоть ему все эти пересказы наизусть были совсем не нужны, но для того чтобы сделать родителям приятное он бы пересказал бы им пару стишков. Однако его мозг отказывался дословно запоминать, какие либо тексты. Своими словами он свободно мог пересказать содержание любого текста, если конечно он имел хоть какой ни, будь смысл, но воспроизвести что-либо наизусть у Саши никак не получалось.

Зато в этот же период он уговорил родителей научить его еще и считать. И как-то очень быстро, легко и незаметно Саша освоил счет до ста.

Только после того, как он превратился в сравнительно грамотного человека, Саша приступил к изучению полок с книгами, находящимися в квартире. И быстро убедился, что почти вся их небольшая домашняя библиотека состоит из старых учебников Алексея, детских книжек для детей дошкольного возраста, материалов съездов КПСС, трудов Ленина, Маркса и Энгельса и нескольких романов прославляющих строителей коммунизма.

Завершив обследование книжных полок, маленький Саша укоризненно посмотрел на родителей и тяжело вздохнув, взял учебники по математике, физике и биологии.

Посмотрев на сделанный его сыном выбор, отец удивился и предложил:

— Саш, тебе еще рано читать эти учебники. Ты в них ничего не поймешь. Мне через неделю по работе надо будет съездить в Саратов. Давай я привезу тебе от туда хороших детских книжек.

— Нет, пап не надо. Я все равно их читать не стану. В детских

книжках совсем нет ничего интересного.

— Ну, как знаешь. Только учти, что возможность побывать в Саратове в следующий раз у меня будет не скоро.

— Хорошо бы у меня была детская энциклопедия, — не совсем уверенно сказал Саша.

— А, ты разве знаешь, что такое энциклопедия?

— Да, я по телевизору слышал, что это такие большие книги, в которых написано почти обо всем понятным для детей языком.

— Саш, но энциклопедии, как и учебники, которые ты взял, рассчитаны на детей школьного возраста, а ты еще слишком мал для того, чтобы их читать.

— А я все же думаю, что смогу в них разобраться и такие книги мне будет читать действительно интересно, — упрямо продолжал настаивать на своем Саша.

— Детская энциклопедия состоит из большого количества томов и стоит дорого. Как ты думаешь, мать выдержит наш семейный бюджет такую покупку? — обратился уже к Лене отец.

— Раз ему так сильно хочется, ну что делать, давай купим эту энциклопедию. Если сейчас он читать ее не сможет, то ничего страшного, ведь в школе она ему все равно пригодиться. А на счет денег, так мы все равно Саше на пятилетие собирались покупать хороший подарок. Вот из денег, что я на подарок отложила и купим. Конечно, придется добавить, но ничего, как-нибудь выкрутимся.

— Ну, хорошо, посмотрю в Саратове энциклопедию. Хотя маловероятно, что она будет в продаже. Саш, а если энциклопедии в магазине не окажется, может все же мне тебе купить детских книжек?

— Нет, не надо. Зачем зря деньги тратить? — уверенно ответил Саша.

На последние слова сына родители ничего не сказали, только улыбнулись и переглянулись. Им показалось забавным, как серьезно рассуждает о деньгах этот совсем еще маленький мальчик.

Саша же погрузился в чтение, отобранных им учебников. Отец думал, что Саша вскоре бросит это занятие, так как учебники просто обязаны были показаться ему скучными и непонятными, но вышло по-другому. Саша действительно оказался способен их читать. Причем он не просто бездумно читал, как сказки, когда упражнялся в чтении, а старался досконально разобраться в прочитанном. В связи с этим он буквально забрасывал родителей совсем не детскими вопросами. Ответы на которые порождали целую цепь последующих вопросов. И родители почти сразу поняли, что им не удастся

отделаться обычными ответами. Вроде, таких как традиционный ответ на вопрос: "Откуда берутся дети?". Ни аист, ни капуста с их сыном бы не сработали. Он сразу чувствовал фальшь. Правда, родителям не пришлось разъяснять Саше, откуда берутся дети, так как на их счастье он разобрался с этим вопросом самостоятельно при помощи учебников по биологии. Но им все равно доставалось, так как давать малолетнему сыну объяснения по многочисленным весьма сложным вопросам оказалось совсем не просто.

Через некоторое время Лена даже предложила:

— Может нам стоит отдать его в школу пораньше, раз Саша так тянется к знаниям, хочет учиться. Пусть его учителя по всем правилам как надо учат. Глядишь и нас поменьше своими вопросами донимать станет.

— Ничего не выйдет. Сейчас он осваивает только то, что ему интересно, а то, что его не заинтересовало, он просто пропускает. Не станем же мы Сашку в таком раннем возрасте заставлять учить какие-то вещи насильно? Несмотря на его, весьма обширные познания, навыки и умения вряд ли ему удастся сдать экстерном хотя бы программу первого класса. Так что, к сожалению, ему придется в обычном возрасте идти в первый класс.

— Ну и хорошо, я всегда хотела, чтобы наш Сашенька не выделялся среди остальных детей.

— То, что он пойдет в школу в обычные установленные сроки совсем не означает, что он будет выглядеть как все. Ты подумай, каково ему будет учиться, зная программу обучения процентов на семьдесят, а учителю как учить такого ученика в одном классе вместе с остальными учениками? Большую часть времени ему будет в школе просто скучно.

— А ведь и, правда, но тогда нам надо что-то с этим делать.

— Да ничего мы с этим уже не сделаем. То, что ему захотелось освоить из программы начальной школы, он уже освоил. Теперь же наш Саша только то и делает, что приобретает знания в основном в области естественных наук. Я даже сказал бы техники и почему-то биологии и анатомии. Причем и эти его познания не являются систематическими. Многое он по своему усмотрению пропускает. Так, что в первый класс нам придется отдавать ученика по своему интеллектуальному развитию частично соответствующего чуть ли не ученику старших классов. И вся наша проблема будет состоять именно в том, что соответствовать он будет лишь частично.

Несмотря на то, что отец Саши обошел все книжные магазины не только в Саратове, но на обратном пути еще и в Энгельсе, найти в продаже детскую энциклопедию не удалось. Поэтому

Саша на свое пятилетие получил в подарок детский трехколесный велосипед.

Утром, увидев у своей кровати велосипед, сильно обрадованный Саша, тут же кинулся его разбирать.

— Сашенька ты же еще на своем велосипеде даже ни разу прокатиться не успел. Он же совсем новый и совершенно исправный. Зачем же его разбирать? Может тебе лучше сначала на нем поездить, — стала уговаривать сына мать.

— Я хочу посмотреть, как он устроен.

— А если папа потом не сможет его собрать? Второй велосипед мы тебе сейчас купить не сможем, у нас нет столько денег.

— Зачем папа будет собирать мой велосипед? Я сам его соберу, — уверенно ответил Саша, продолжая столь же уверенно быстро и ловко орудовать гаечными ключами.

В это невозможно было поверить, но он действительно сам без посторонней помощи потом собрал свой велосипед. Причем очень быстро. До этого случая Саша никогда не собирал разобранных им игрушек. Родители поняли, что не собирал он их вовсе не потому, что не мог этого сделать, а потому, что в дальнейшем не собирался в них играть. На велосипеде же он подолгу и явно с большим удовольствием катался.

В школу Саша пошел, как и большинство обычных детей в семь лет, но вопреки ожиданиям родителей отличником не стал. Как и предполагал отец, в школе ему учиться было скучно. Он с трудом отсиживал уроки, на которых его одноклассники учились тому, чем он уже давно владел в совершенстве.

С одноклассниками нормальных отношений не сложилось. То, что было важно для них, интересовало их, совсем не интересовало его. Если же он пытался с кем-либо поговорить о том, что было интересно ему, то встречал только полное непонимание. Чаще всего его одноклассники просто не имели в своем словарном запасе тех терминов, которые при разговоре употреблял Саша.

Кроме этого возникла проблема и с учительницей. Саша ее просто раздражал тем, что был способен читать и писать со скоростью ученика средних классов, а считать в уме вообще едва ли не лучше ее самой. Поэтому ей особую радость доставляло заставить его вместе с остальными учениками раскладывать на парте кучками счетные палочки или составлять из отдельных, нарисованных на картонных прямоугольниках букв слова типа "мама", "папа" и тому подобные. При этом она следила за тем, чтобы он неукоснительно выполнял все ее задания так, как больше ни за кем из детей в классе не следила. Она даже усадила

его на первую парту прямо перед своим столом только для того, чтобы ей было легче его контролировать. В результате большинство уроков для Саши превратились в самые настоящие издевательства.

Если с раскладыванием счетных палочек и составлением слов он хоть и с отвращением, но легко справлялся, то с другими вещами у него ничего не получалось.

Саша до школы почти два года пока изучал учебники Алексея, делал из них выписки, часто записывал пояснения, которые давали ему родители. В результате к семи годам он обладал уже сложившимся почерком, который по своему виду был больше похож на почерк взрослого человека, чем ребенка. Но на его беду он обзавелся неразборчивым, корявым и совсем некрасивым почерком. Хотя, как известно, изменить уже установившийся почерк практически невозможно, учительница Саши заставляла его старательно выводить в тетради огромное количество палочек, кружочков, петелек и тому подобного. Он же раз, за разом начиная новую строчку, первые несколько знаков старательно выводил, но затем неизбежно сбивался на обычный свой почерк и соответственно получал очередное замечание и плохую оценку.

Однако наибольшее количество плохих оценок Саша получал не за то, что коряво писал или в тетради отступил на одну строку меньше чем сказала учительница, а за то, что не мог наизусть пересказать определение или стихотворение. Происходило это возможно потому, что, по всей видимости, мозг его был устроен не совсем, так как у остальных людей. Его мозг отказывался запоминать информацию не несущую смысла. Если же информация все же имела смысл, то все равно Саша мог ее пересказать, но только своими словами, что, разумеется, ни одного педагога устроить никак не могло.

В дальнейшем особенности работы его памяти привели к тому, что он так и не смог научиться грамотно писать. Существующие правила русского языка никак и ни чем не обосновывались, их просто следовало запоминать и не задаваться вопросом, почему то или иное слово принято писать так, а не иначе. Саша как раз этого сделать был и не в состоянии и поэтому часто писал слова по принципу: "Как слышится, так и пишется". Такой подход мог привести только к очень плохим результатам, но с этим он ничего поделать не мог. Не мог же он залезть к себе в мозги и переделать механизм работы своей памяти.

Никто ему не мог объяснить, зачем он должен запомнить алфавит и при этом еще запомнить очередность следования в нем букв. С какой стати он должен учить наизусть стихотворение,

которое ему лично совсем не нравилось, казалось ему несуразным и вообще непонятно с какой целью написанным и много еще чего другого учить наизусть. Саша очень рано осознал, что без этих знаний он в жизни вполне сможет обойтись, и не понимал, почему с ним так жестоко обращаются и не хотят оставить его в покое. В результате он пришел к выводу, что в школе над ним умышленно издеваются, и никто не мог убедить его в том, что это не так.

Родители заметили, что их сын стал стремительно изменяться и вовсе не в лучшую сторону. Саша и без того никогда не отличавшийся общительностью становился еще более замкнутым. Все чаще он игнорировал как требования, так и просьбы окружающих. При малейшей возможности игнорировал общепринятые нормы поведения. Все отчетливее в нем проявлялась жестокость и безразличие, как к знакомым, так и незнакомым ему людям. Стало заметно, что почти всех окружающих он просто ненавидит и круг этих окружающих постоянно расширяется. Он позволял себе откровенно издеваться над любым человек, если он давал к этому хоть малейший повод. Примерно в третьем классе его первая учительница, в общем-то, недалекая женщина превратилась для него в постоянный и явно любимый объект для издевательств. Ее спасало только то, что остальные малолетние ученики класса были пока просто не в состоянии понять высокоинтеллектуальных, но, тем не менее, очень жестоких издевательств Саши. Саша мстил своей первой учительнице и получал от этого наслаждение.

Родители всегда интересовались делами своих детей и хорошо знали о возникших у Саши проблемах в школе. Как только стали заметны самые первые негативные изменения в поведении их сына, они тут же попытались поговорить с его учительницей. Они надеялись договориться с учительницей об индивидуальном подходе к их сыну, учитывающем особенности Саши, наличие у него полученных еще до школы знаний и навыков.

Однако учительница заявила: "Я не вижу причин для применения к Саше в ходе его обучения, какого-то особого подхода. Он должен наравне с другими учениками освоить программу обучения в полном объеме. Если по программе предусмотрено, что ученик должен продемонстрировать способность чтения по слогам, счета при помощи счетных палочек или выучить наизусть стихотворение, то ваш сын обязан все это выполнить, а я обязана убедиться в наличии у него соответствующих навыков и умений. Так предусмотрено в применяемой сейчас методике преподавания. Если же вы

считаете, что ваш сын уже освоил программу начальной школы, то он может попытаться сдать курс начальной школы экстерном, но ведь я и вы прекрасно знаем, что ему это сделать не удастся. И вообще вам не следовало в столь раннем возрасте учить мальчика многому из того, что он уже знает. Эти знания бессистемны и только мешают его нормальному обучению. У мальчика ужасный почерк, при чтении он проглатывает окончания, предпочитает читать про себя, что ему еще рано делать. Он еще не научился, как следует, читать вслух. И я сомневаюсь, что мне удастся исправить ошибки вашего домашнего обучения. Если же говорить об особенностях работы его памяти, то по этому вопросу вам лучше обратиться к врачам. Вполне возможно, что по состоянию здоровья ему действительно тяжело обучаться в обычной школе".

Так как школа в поселке была единственная, то перевести сына в другую школу родители никак не могли. Добиться же в школе понимания проблем Саши родителям так и не удалось. Более того, не без участия его первой учительницы в дальнейшем к нему стали плохо относиться и почти все остальные учителя школы. В школе не упускали случая дать понять родителям, что Сашу терпят, переводят из класса в класс и не настаивают на его переводе во вспомогательную школу лишь из жалости и уважения к его отцу, который к тому времени на заводе был уже далеко не последним человеком. Но хуже всего было то, что это совсем не старались скрыть от Саши.

Отец, понимая, что его сын постепенно превращается в затравленного и озлобленного на всех человека, периодически пытался изменить мнение Саши об отношении к нему окружающих. Объяснял, что требования, которые предъявляют к нему, распространяются на всех, что в их обществе так установлено и принято, такая система образования и оценки любого человека. Персонально под него никто ничего изменять и переделывать не станет и ему необходимо приспособиться жить по установленным в обществе правилам и перестать обвинять всех вокруг себя в предвзятом к себе отношении.

Беда была в том, что Саша не признавал авторитетов, для него не существовало понятий: "так принято" или "так установлено, определено" и тому подобных, если только они не сопровождались системой четких и логичных доказательств, обоснований. Ему необходимо было указать причины того почему "принято" именно так, а не иначе. Поэтому когда Саша указывал на то, что его в очередной раз вовсе напрасно заставляют учить очередное произведение великого русского писателя, а отец говорил ему, что это необходимо для того, чтобы он стал образованным человеком, мгновенно со стороны Саши следовал

вопрос:

— Для того чтобы мне стать образованным человеком я обязательно, должен выучить это произведение, а если я его не выучу, то образованным никогда не стану?

— Конечно, — отвечал отец.

— Тогда получается, в других странах совсем нет образованных людей.

— С чего ты такое взял?

— Ну, как же? В других же странах почти совсем не заучивают наизусть произведений великих русских писателей, а ты сам только что сказал, что заучивание их произведений является необходимым условием для того, чтобы стать образованным.

— Это необходимо только для того, чтобы стать образованным на территории нашей страны, а они там у себя учат другие свои произведения.

— Значит, в иностранных посольствах на территории нашей страны сидят сплошь необразованные иностранные дипломаты?

— Нет, они конечно, образованные. Просто свое образование они получили в своих странах. И, как я уже говорил, для того чтобы получить образование они тоже должны были учить произведения, но только не русских классиков, а своих писателей.

— Тогда получается, что для того чтобы стать образованным вовсе не так уж и обязательно учить именно те произведения, которые указаны в программе. Оказывается можно выучить и другие. А, если подумать, так может и вовсе никаких учить то и не надо? Вот, например, знание арифметики я думаю действительно необходимое условие, для того чтобы стать образованным человеком, так как ее изучают во всех странах без исключения и заменить ее ничем невозможно.

Отец привык, что подобные рассуждения, как правило, объявлялись демагогией и, на этом разговор заканчивался. Но своему сыну просто так объявить, что все его рассуждения являются демагогией, он не мог. Для этого необходимо было предъявить логичные доказательства. Без доказательств Саша просто проигнорирует его заявление. Однако доказать, что рассуждения Саши базируются на ложных основаниях или он в них использует односторонний подход не представлялось возможным.

При наличии у Саши очевидных проблем с памятью все же сказать по этой причине о его умственной отсталости было нельзя. Даже просто говорить, что у него плохая память было тоже нельзя. Его память была даже очень хорошая, но иная, чем у большинства людей. Он был в состоянии, без каких либо усилий,

запомнить во всех подробностях информацию, которую запомнить большинство людей было не в состоянии, как бы они не старались это сделать.

Так на схемы, чертежи, карты ему было достаточно лишь мельком взглянуть, чтобы затем без ошибок их воспроизвести даже через несколько дней. Играя в карты, он запоминал все карты так, что обмануть Сашу становилось практически невозможно. Играя в шахматы, он запоминал все сделанные ходы. Был в состоянии мысленно увидеть шахматную доску с расставленными на ней фигурами на любой выбранной им стадии игры. По всей видимости, именно это приводило к тому, что выиграть у него обычному человеку было практически невозможно. Может быть, профессионально занимающемуся шахматами человеку, он бы и проиграл, но проверить это не удалось, так как с такими шахматистами Саше играть так ни разу и не довелось.

Отцу удалось с большим трудом свести в ничью всего одну партию, самую первую партию Саши. Больше в своей жизни Саша не только не проиграл ни одной партии в шахматы, но даже ни одной не закончил ничьей.

Несмотря на то, что шахматы была практически единственной игрой, в которую Саша играл действительно с удовольствием, к девяти годам он перестал в нее играть раз и навсегда. Он постепенно настолько увлекся игрой, что стал играть мысленно, вспоминая старые партии. От этого ему особенно плохо было по ночам. Стоило Саше лечь в постель, как помимо его воли в мозгу начинали прокручиваться шахматные партии. В результате он не мог заснуть, порой до самого утра.

Впрочем, бросил играть в шахматы Саша довольно легко, так как к тому времени с ним соглашались играть только отец и Алексей, да и то без явного удовольствия, а так словно для отбытия повинности. Больше в поселке садиться с ним за шахматную доску никто не соглашался. Одним было просто неинтересно из-за постоянных проигрышей, а некоторым и откровенно неудобно из-за того, что они никак не могут выиграть у совсем еще маленького мальчика.

Саша очень неохотно изучал в школе почти все гуманитарные предметы и любил точные и естественно-научные дисциплины. По последним ему было недостаточно объема знаний, предусмотренного школьной программой. Очень многое он осваивал самостоятельно.

Среди освоенного им самостоятельно особое место занимали электротехника и радиоэлектроника. Он не просто очень рано стал ремонтировать все бытовые приборы в их квартире и

собирать различные радиоприемники, как это многие делали в то время, но создавал собственные схемы различных радиоприемников, усилителей, генераторов и блоков питания. Причем многие из созданных им устройств по своим характеристикам превосходили традиционные, рекомендуемые в специальной литературе. Более того, Саша самостоятельно освоил методики расчета всех этих устройств. И к средним классам он уже запросто был в состоянии фактически выполнять работы, которые на предприятиях обычно способны были делать только инженеры.

В школе знали о его обширных познаниях далеко выходящих за пределы программы обучения и рассматривали их как очередное проявление чудачеств Саши. Учителя никак не могли понять, зачем человеку, который в полном объеме удовлетворительно не освоил еще даже школьную программу узкоспециальные знания. Ведь эти знания никак не могли помочь ему получить аттестат с хорошими оценками, обеспечить поступление в престижное высшее учебное заведение, не давали право профессионально выполнять определенные работы, занимая соответствующие должности, и были явно избыточными для использования в быту. В общем, для дальнейшей жизни они были ему совсем не нужны. Поэтому когда становилось известно об очередном хитроумном изобретении Саши, в учительской кто ни будь из учителей, обязательно произносил: "Нет, что не говорите, а у этого Игнатова точно не все дома! Лучше бы он свою энергию на учебу бы направил. Глядишь, из него бы толк и вышел, и коллеги молчаливо соглашались с этим высказыванием, а некоторые даже развивали эту мысль.

Но больше всего Саша раздражал учителей своей способностью при демонстрации своего полного незнания правил и определений быстро решать самые сложные задачи по математике, физике и химии. Они не понимали, как он это делает. Это было неправильным. Этого не должно было быть, но Саша, раз за разом демонстрировал эту свою способность. Тем самым, демонстрируя остальным ученикам, что оказывается можно решать все задания, вовсе не утруждая себя зубрежкой и более того большую часть уроков, занимаясь совсем не учебой.

Сначала учителя думали, что он просто списывает у кого-то из своих одноклассников, и старались его поймать на списывании, но сделать это им так и не удалось. Более того, использованные им методы решения задач очень часто больше никто в классе не применял, да и самим учителям они не всегда были знакомы. А случаи, когда Саша оказывался единственным в классе, кто смог решить особо трудную задачку вообще всех

ставили в тупик.

Тогда решили, что задачки за него решает отец, но сразу было понятно, что эта версия также является несостоятельной. Ведь большую часть задач Саша решал в классе на виду у всех, и никакой отец тут явно был не причем.

Как бы там ни было, но то, что такой плохой ученик оказался, наделен этими способностями, всеми воспринималось как вопиющая несправедливость, которую, увы, невозможно было никак исправить. Причем, таким образом, относились к Сашиным неизвестно откуда берущимся успехам не только учителя, но и его одноклассники. Те из них кто хулиганил и плохо учился, считали несправедливым, что чисто внешне такой же, как они Саша каждый раз вдруг начинал от них отличаться. А то, что учителя вынуждены были уже через пять — десять минут после начала очередной контрольной, для того чтобы он не мешал остальным, выпроваживать Сашу из класса, как все решившего досрочно вообще вызывало у них дикую зависть. Как же он отправлялся гулять и заниматься своими делами, а они вынуждены были сидеть до конца урока и решать контрольную, за которую все равно получат двойку, ну в самом лучшем случае — тройку. Те же Сашины одноклассники, которые хорошо учились, вообще буквально ненавидели его. Для того чтобы решить сложные задачи они были вынуждены день и ночь заниматься зубрежкой и над решением очередной задачи часто бились по нескольку часов, а тут Саша брал, и решал все подряд без каких либо усилий, затрачивая на решение, каких то пять минут. Кроме этого получалось так, что, решая задачи, Саша лишал их возможности получить свои заслуженные тяжелым трудом пятерки. Дело было в том, что у учительницы рука не поднималась поставить Саше пятерку за очередную решенную им задачу, но она считала, что поставить пятерки всем, решившим трудную задачу, кроме Саши будет выглядеть нехорошо и поэтому она не ставила пятерок никому в Сашином классе. Хотя исправно ставила их всем в параллельном классе.

Когда Саша учился в седьмом классе, в школу поступили задачи олимпиады по математике первого тура. Олимпиаду первого тура должны были решать все семиклассники школы без исключения. Математичка долго и открыто возмущалась по этому поводу, так как считала, что она и так знает тех немногих по настоящему достойных учеников способных пройти это испытание, а таким ученикам, как Саша и другим бездельникам, лентяем и прочим тупицам участвовать в олимпиаде вовсе не к чему. Однако ослушаться поступившего в школу указания не посмела.

Задачи, которые было предложено решить ученикам в ходе олимпиады, оказались все нестандартные и сложные. Они были из тех, которые невозможно было решить, опираясь лишь на крепкую терпеливую задницу, зубрежку и натаскивания в ходе дополнительных многочасовых занятий. Было очевидным, что составители заданий хотели убедиться в наличии у ребенка вполне конкретных способностей, полученных им еще при рождении.

Впервые за все время его обучения в школе Сашу не пришлось досрочно удалять из класса. На решение заданий олимпиады у него ушли почти все сорок пять отведенных на нее минут.

Когда Саша в конце урока сдавал свои листочки с решениями, математичка с ухмылкой громко на весь класс произнесла:

— Ну, вот уж теперь-то наш Игнатов, наконец, поймет, что в школе надо учиться по- настоящему и много трудиться, а определения и правила нужно знать наизусть. Что на этот раз решить все задачи не удалось?

— Елена Викторовна, задания были по-настоящему трудными и очень интересными, но мне удалось их все сделать, — тихо, но очень уверенным голосом ответил ей Саша.

— Ничего, я посмотрю, сколько ты там смог сделать, — ехидно улыбнулась учительница. У нее даже заметно улучшилось настроение. Она откровенно радовалась тому, что на этот-то раз Саша точно никак не мог решить все эти задачи. Ведь накануне она сама попыталась их порешать, и после двух часов усилий ей удалось решить меньше половины заданий.

На следующий день настроение Елены Викторовны уже не было столь хорошим, войдя в класс, не поздоровавшись как обычно с учениками, не предложив им сесть, она в раздражении обратилась исключительно к своим любимчикам:

— А вы оказывается липовые отличники. Как же так получается? Никто из вас не смог решить даже минимально необходимого для участия в районном туре олимпиады количества задач. Вы показали результаты лишь не на много лучшие, чем у большинства наших двоечников и троечников. Ну, ничего, если вы все еще собираетесь на что-то претендовать, то теперь вы будете у меня заниматься в два раза больше.

Переведя дух, она продолжила:

— Во всей нашей школе нашелся всего один ученик, сделавший правильно все задания олимпиады. Конечно же, им стал наш Игнатов. Получается, именно он должен представлять нашу школу на районной олимпиаде. Но я не собираюсь в районе

с ним позориться сама и позорить нашу школу. В район все школы привезут по-настоящему достойных учеников, а мы привезем лентяя Игнатова лишь только потому, что ему случайно каким-то чудом удалось решить эти задачки. Раз у нас достойных нет, я решила, что от нашей школы в этом году на районную олимпиаду вообще никто не поедет.

Завершив свою речь, Елена Викторовна так посмотрела на Сашу, словно он нарочно решил олимпиаду исключительно только ради того чтобы ей досадить, и теперь настаивает на своей поездке в район.

Конечно, было совершенно понятно, что успешное решение заданий олимпиады Сашей вовсе не является случайным. Уж слишком часто подобные случайности у него происходили за время обучения в школе. Конечно же, Саша специально вовсе не собирался досаждать учительнице. Он вообще о ней не думал, когда решал задачи олимпиады. Ему действительно было просто интересно их решать. Однако Елене Викторовне было все равно, что Сашиной вины ни в чем нет и только она сама виновата в своих самонадеянных вчерашних высказываниях по поводу способностей Саши. С этого дня ее недовольство наличием у себя такого ученика, как Саша только усилилось и заметнее стало проявляться. Теперь она изменила свой подход к выставлению оценок Саше. Если раньше она хоть и очень нехотя, но все же ставила ему пятерки за правильно решенные контрольные, то теперь выше тройки он никогда не получал даже за абсолютно правильно решенную контрольную. В контрольных по математике она тщательно исправляла все его многочисленные ошибки по русскому языку и снижала оценку. Если ошибок по русскому языку не оказывалось просто в силу того, что при написании контрольной работы по математике почти не требовалось использовать слова, то она все равно ставила тройку и делала приписку: "Написано неаккуратно и неразборчиво".

Саша не стал спорить с учительницей и настаивать на своем участии в районной олимпиаде. Хотя ему очень хотелось принять в ней участие. Его очень огорчало, что он так никогда и не сможет узнать, какие задания бывают на районной олимпиаде. Ведь по его представлениям они должны были быть гораздо интереснее предложенных ему в школе. Все произошедшее он посчитал еще одним подтверждением ничем неспровоцированного с его стороны предвзятого и недоброжелательного отношения к нему со стороны окружающих. Саша еще больше укрепился в своем мнении о своих учителях, как о злобных, весьма ограниченных, недалеких и неспособных ни на что людях.

Отец, узнав о возникшей ситуации, попытался ее смягчить, объясняя поведение Елены Викторовны наличием у нее устоявшихся представлений о хорошем ученике, в которые Саша просто не вписывается, но особо не преуспел.

Вообще Саше, конечно сильно не повезло с учителем математики. Будь у него более терпимый учитель, вполне возможно он бы попал не только на районную, но и на областную олимпиаду. И в результате вся его жизнь могла бы сложиться совсем иначе, и сам бы он стал совсем другим человеком.

Дело было в том, что участие в областной олимпиаде могло открыть ему путь в специальную школу-интернат с физико-математическим уклоном. Собственно все эти олимпиады в провинциях и проводились ради того, чтобы выявить талантливых детей и направить их для дальнейшего обучения в спецшколы.

Страна остро нуждалась в высококвалифицированных специалистах способных создавать принципиально новые виды вооружений и новые технологии. Быстро осваивать украденные в других странах новшества. Но по ряду причин в нее не хотели переселяться обладающие высокой квалификацией эмигранты. В нее вообще не хотели переселяться никакие эмигранты. Поэтому государство выжимало все возможное из своего населения. В том числе пыталось выявить еще в школе талантливых детей и подготовить по специальным программам из них необходимых специалистов.

Если бы Саше повезло, и он бы попал в спецшколу, то, окончив ее, он бы без экзаменов был бы зачислен в одно из престижных высших учебных заведений. Затем по окончании института был бы направлен в один из закрытых городов, где получил бы интересную для него работу и решение всех своих бытовых проблем. Интересная работа вполне могла полностью занять его, и вряд ли он стал бы интересоваться чем-то еще.

К сожалению, эта дорога оказалась для него закрытой. В следующем году Елена Викторовна уже просто не допустила его к участию в школьной олимпиаде. В отношении Саши созданная в государстве система дала сбой.

Саша продолжил свое самообразование по своему выбранному только им плану. При этом он постепенно превращался совсем не в того человека, которого хотело бы иметь существовавшее тогда общество.

Его самостоятельные занятия в значительной степени сдерживало отсутствие в поселке нормальных книг. В продаже книг почти не было, а библиотеки имели просто чудовищно скудные фонды. Об Интернете в те времена еще никто даже не начал думать. Саша выходил из создавшегося положения за счет

проведения самых различных экспериментов. В ходе этих экспериментов он, по сути, в основном добывал повторно информацию уже давно полученную и описанную. Хотя бывали исключения, и он узнавал или создавал что-то принципиально новое, но установить это он никак не мог.

Кроме чисто технических экспериментов, в ходе которых Саша придумал и изготовил огромное количество самых разных приборов, он проводил и исследования особого рода. Это были исследования живых организмов. Его очень сильно интересовало их внутреннее устройство и принципы жизнедеятельности. Поэтому еще в дошкольном возрасте он начал ловить доступную ему живность и разрезать ее на части. Первыми его жертвами стали различные насекомые.

Как-то поймав очередную редко встречающуюся стрекозу, Саша, вооружившись лупой, пинцетом и лезвием от бритвы начал последовательно отрезать ей лапки и крылья. Ему тогда только исполнилось шесть лет и родители впервые его застали за этим занятием. Мать естественно потребовала от него немедленно прекратить мучить несчастное насекомое и больше так никогда не делать. Она объяснила ему, что животные точно так же как и человек испытывают боль и мучить их совсем не хорошо, что он, как и все люди, должен заботиться о сохранении природы. Иначе на Земле постепенно все животные просто вымрут, а люди без них тоже жить не смогут.

Тогда Саша свои манипуляции со стрекозой прекратил, но позицию матери посчитал неправильной. К тому времени он уже знал, что взрослые люди проводят свои опыты на животных, рыбаки спокойно насаживают червяков на крючок, ежедневно забивается громадное количество коров, свиней, кур. И он просто не понимал, почему другим можно это делать, а ему нельзя.

Довод матери по поводу того, что он своими действиями причиняет боль другому существу, тоже не сработал, так как совсем недавно Саша впервые сам себе проколол палец, для того чтобы добыть кровь. Было больно, но он готов был терпеть ради удовлетворения своего любопытства. А раз он сам мог терпеть, то по его представлениям и окружающие тоже должны были терпеть. И уж утверждение матери о вымирании на планете всего живого из-за того, что он убьет одну стрекозу, и вовсе показались ему полной глупостью. Ведь он знал, что продолжительность жизни стрекозы совсем маленькая, и пойманная им стрекоза все равно в скором времени умерла бы.

Однако спорить с матерью он тогда не стал, а сделал вид, что прислушался к ее словам и больше так поступать с насекомыми не будет. Сам же с того дня стал тщательно скрывать свои

исследования от окружающих. Причем он продолжал это делать и тогда когда стал взрослым. Во всяком случае, он всегда скрывал те из них, которые осуществлял по собственной инициативе.

К счастью его матери, она так и не узнала о готовности ее малолетнего сына не только резать на части насекомых, но резать даже людей. Саше очень хотелось посмотреть, как все устроено внутри человека, но он боялся, что не справится с уже большим ребенком, не говоря уж о взрослом человеке. Поэтому он продолжительное время пытался выкрасть для вскрытия, в каком либо укромном месте новорожденного ребенка соседки по подъезду. К счастью соседка была очень заботливой мамой и на улице буквально ни на минуту не оставляла без присмотра коляску с младенцем. И все многочасовые наблюдения Саши за соседкой с коляской ни к чему не привели.

В конечном итоге самыми крупными жертвами Саши стали дворовые кошка Мурка и маленький, очень ласковый кобелек Шарик.

Шарик был любимцем всего двора, и увести его незаметно для окружающих было совсем не просто. Поэтому с Сашей первой в степь отправилась Мурка.

Все свои скрываемые от посторонних глаз эксперименты Саша проводил в заброшенной траншеи, которая располагалась в степи примерно километрах в трех от поселка. Траншея представляла собой яму с частично обвалившимися стенками длинной около пятидесяти метров шириной полтора метра и глубиной от одного до двух метров.

Когда Саша спускался в траншею, то его из поселка невозможно было увидеть и никаких звуков из траншеи до поселка не долетало. С другой стороны между траншеей и поселком простиралась ровная как стол степь, и никто незамеченным не мог подойти к Саше, когда он был в траншеи. Саша всегда мог рассчитывать на достаточное количество времени для того, чтобы скрыть все следы своих занятий. Впрочем, взрослые в траншею практически никогда не ходили, им просто нечего в ней было делать, а дети бегали в нее играть очень редко из-за сравнительно большой ее удаленности от поселка. Таким образом, траншея была идеальным местом для проводимых Сашей опытов.

Всю дорогу до траншеи Саше пришлось Мурку нести на руках. Кошка, привыкшая к тому, что дети часто таскали ее на руках и никогда ничего плохого ей не делали, доверчиво прижималась к нему и не сделала ни одной попытки освободиться и убежать от него. Она безропотно позволила одеть себе на шею и лапы веревочные петли-удавки. Другие концы

веревок были надежно привязаны к длинным остро заточенным колышкам. Только когда Саша вбил в землю колышек, привязанный к шеи Мурки, она почувствовала неладное, выпустила когти, зашипела и попыталась отбиться от Саши, но было поздно. С каждым новым ее движением удавка на ее шее лишь сильней затягивалась. Оказавшись привязанной за шею к колышку, она не могла уже ни убежать, ни хотя бы поцарапать Сашу. Он же между тем, не спеша и невозмутимо, вбил в землю остальные четыре колышка привязанных к ее лапам. В результате Мурка оказалась прижатой спиной к земле с широко разведенными в стороны лапами. Саша еще сильнее натянул веревки, максимально возможно обездвиживая кошку. Теперь все, что удавалось Мурке это злобно сверкать глазами, шипеть, угрожающе открывая пасть, демонстрируя свои клыки и совсем немного выгибать свое тело.

Саша с полным безразличием немного посмотрел на безуспешные попытки Мурки освободиться, убедился, что она зафиксирована надежно и достал из кармана свой перочинный нож. Затем он взялся за незащищенный живот распятой Мурки и попытался разрезать на нем ее кожу. Однако Мурка дико визжала, кожа на животе невероятно растягивалась, но при этом никак не хотела прорезаться. Его нож оказался недостаточно хорошо наточен. Раньше ему не приходилось вскрывать никого крупнее мыши, и он всегда использовал острые лезвия для бритв и никогда нож.

Только минут через пять после нескольких попыток Саше, наконец, удалось проткнуть кожу на животе Мурки, но и после этого ему пришлось изрядно повозиться, делая тупым ножом длинный разрез вдоль всего ее тела по направлению к шее. Дело было в том, что Саша, опасаясь повредить внутренние органы, не хотел сильно давить на нож.

Раздвинув края разреза, Саша вынул внутренние органы и долго тщательно их изучал в свою очередь, делая на них многочисленные разрезы. Затем он начал взламывать ее ребра. Мурка оказалась живучей и умерла только после того, как Саша добрался до ее сердца.

Саша вырезал из ее тела все, что только было возможно и только после того, как полностью удовлетворил свое любопытство, закопал останки Мурки на дне траншеи.

Окажись у Саши острый нож, возможно Шарик остался бы жить. Но у Саши был тупой нож и он переживал, что разрезы у него вышли недостаточно ровные из-за чего, он мог не все хорошо рассмотреть. Поэтому он посчитал, что ему следует, более тщательно подготовившись, обязательно вскрыть Шарика.

На исчезновение Мурки никто внимания не обратил. Она и раньше периодически надолго покидала территорию двора, отправляясь бродить по своим кошачьим делам. Вот с Шариком было совсем другое дело, он никогда далеко не убегал. Более того, он каждое утро неизменно терпеливо дожидался, когда дети выйдут гулять на улицу и кто-нибудь вынесет ему поесть. Затем он до позднего вечера всюду таскался за детьми, играя с ними и попутно выклянчивая себе еду.

Так как поселок был совсем недавно построен, то проживали в нем в основном люди молодые и среднего возраста. Поэтому детей было много. В течение всего дня одни дети выходили во двор, другие уходили, но получалось так, что Шарик буквально ни на минуту не оставался один. Кроме этого Саша никогда не играл с Шариком и более того никогда не обращал на него вообще никакого внимания. Поэтому если бы он вдруг проявил интерес к собаке и куда-нибудь ее за собой повел, то наверняка кто-нибудь это запомнил.

Саше шел одиннадцатый год, и он всерьез опасался, что если кто-нибудь узнает о его планах в отношении Шарика, то у него возникнут серьезные проблемы вплоть до того, что его могут и побить. Конечно, Саша мог за себя постоять, но все же он был недостаточно физически развит, чтобы позволить себе вообще ни с кем, ни считаться. Он не входил ни в одну дворовую группу, которая могла бы его защитить. Брат, который всегда защищал его, в том числе и от более взрослых ребят уже несколько лет учился в институте в другом городе.

Саша, обдумав сложившееся положение, быстро пришел к выводу, что незаметно завладеть Шариком он может только рано утром, когда все еще спят. Дождавшись ближайшего воскресения, Саша вышел из дома, когда еще не было и шести часов. Шарик тут же подбежал к Саше, виляя хвостом и слегка повизгивая.

Оглядевшись по сторонам, Саша убедился, что на улице никого нет. Стояла тишина, и казалось, что в поселке вообще никого кроме Шарика и Саши больше нет. Он дал собаке половину, приготовленной им накануне колбасы. Когда Шарик быстро проглотил колбасу, Саша показал ему вторую половину колбасы, но отдавать ее не стал, а двинулся к своей траншее. Как и рассчитывал Саша, Шарик сам побежал за ним, периодически подпрыгивая и беспрестанно виляя хвостом. Стараясь всем своим видом показать имеющееся у него очень сильное желание съесть всю колбасу. Он был готов бежать за этой колбасой хоть на край света.

Шарик был совсем небольшим, в своих размерах он даже немного уступал Мурке и Саша мог бы отнести его в траншею на

руках. Однако он сознательно не хотел этого делать. Так как если его все же кто-нибудь случайно увидит из окна с Шариком и спросит, потом куда он с ним ходил, то всегда можно будет сказать: "Нужен мне ваш Шарик. Я, что за ним следить, что ли должен? И вообще он сам за мной увязался, а потом убежал куда-то дальше в степь".

Заманив Шарика в траншею, Саша проделал с ним те же операции, что и с Муркой. Но, даже оказавшись распятым, пес продолжал вилять хвостом и заискивающе повизгивать, видимо надеясь, что уж теперь-то ему точно отдадут колбасу.

Когда Саша воткнул ему в живот свой, на этот раз остро заточенный, нож и начал делать разрез Шарик дернулся своим телом всего один раз, но не зарычал, не попытался укусить Сашу или как-то еще защитить себя. Пес лишь жалобно заскулил и посмотрел на Сашу своими большими, красивыми и очень выразительными глазами, в которых можно было прочесть искреннее удивление. Потом он перестал скулить, но продолжал до самого конца неотрывно смотреть в глаза Саше. Только выражение глаз собаки изменилось. Потом в них уже не читалось удивление, они выражали мучение от испытываемой нестерпимой боли.

Шарику пришлось мучиться гораздо меньше Мурки, так как Саша был лучше подготовлен и приобрел определенный опыт, вскрывая кошку, и умер пес значительно быстрее кошки.

Саша успел вернуться домой еще до того времени, как дети стали выходить на улицу. И его утренняя отлучка из поселка осталась никем не замеченной.

Исчезновение Шарика было замечено сразу же. Сначала все недоумевали, куда мог подеваться Шарик? Затем примерно к середине дня начались широкомасштабные поиски собаки по всему поселку, которые продолжались до позднего вечера. В поисках участвовали практически все дети младшего и среднего возраста, и даже некоторые дети старшего возраста и взрослые. Высказывались самые разные предположения. От относительно безобидного: "Он, наверное, за кем-нибудь побежал. И убежал слишком далеко, заблудился, и теперь не может найти дорогу назад, до "Попал под машину". Многие малыши к вечеру начали плакать.

Саша в поисках участия не принимал. Но это обстоятельство ни у кого не вызвало подозрений, так как все привыкли к его нестандартному поведению и знали, что к Шарику Саша был всегда равнодушен. Когда у него кто-нибудь спрашивал о Шарике, Саша неизменно отвечал: "Делать мне, что ли больше нечего? Кроме как за всякими собачонками следить. И что вы все так

всполошились? Бегает где-нибудь ваш Шарик. Побегает и сам назад прибежит".

Активно поиски пса продолжались три дня. Через неделю их прекратили даже самые стойкие.

Саша не испытывал чувства жалости к замученным им животным. Когда он их резал, у него не было волнения, повышенного возбуждения, у него не дрожали руки. Он действовал спокойно и уверенно исключительно в целях получения новых знаний и навыков. Формально его нельзя было назвать живодером. Ведь он же не испытывал наслаждения и удовлетворения, наблюдая за мучениями животных, у него не возникало желания убить следующее животное только ради того, чтобы посмотреть как оно будет страдать.

Однако если бы Сашу застали бы за его занятиями, то его непременно бы посчитали живодером и более того возможно даже попытались бы привлечь к ответственности, если по причине малолетства не его самого, то его родителей. Конечно, Саша все это понимал, но не понимал, чем же он принципиально отличается от ученого осуществляющего эксперименты на животных в научно-исследовательских целях.

После Шарика Саша прекратил свои исследования животных, но не потому, что боялся поимки. Просто во время вскрытия Шарика он уже не смог получить принципиально новой информации. И в результате сравнения полученной во время вскрытия информации, с информацией приведенной в доступных ему книгах, он пришел к выводу, что все действительно ему интересное он узнает, и просто читая книги.

Глава 2 Жизнь во время первой молодости.

Все долгие годы проживания в поселке Игнатовы искали пути выбраться из этой Богом забытой дыры, но при этом они не хотели на новом месте начинать все с нуля. Михаилу удалось организовать свой перевод на другое предприятие только после того, как его назначили на должность главного инженера завода, и он весьма успешно проработал в этой должности около трех лет. Зато долгое ожидание Игнатовых и работа на износ Михаила были вознаграждены. Они ничего не потеряли, но очень многое приобрели.

Михаила перевели на должность главного инженера завода-дублера расположенного в областном центре области, граничащей с Московской областью. Откуда до Москвы можно было добраться всего часа за четыре. Вместо их однокомнатной квартиры семье Игнатовых на новом месте была предоставлена отдельная просторная трехкомнатная квартира. Теперь титаны, керосинки, заготовки дров можно было забыть как кошмарный сон и начать привыкать пользоваться всеми благами цивилизации, включая даже центральное горячее водоснабжение.

Хотя в городе было меньше миллиона жителей, но после убогого поселка он казался просто огромным. Первое впечатление не смогло испортить даже посещение в процессе переезда Москвы — самого большого многомиллионного мегаполиса страны. Теперь ненужно было, чуть ли не по полгода ходить в резиновых сапогах. В городе были чистые широкие заасфальтированные улицы, по которым ходили автобусы, троллейбусы, трамваи. Из общественного транспорта отсутствовало лишь метро.

Переезд семьи пришелся на начало октября. К моменту переезда Саша успел отучиться в девятом классе только один месяц. Переход в новую школу для него был как нельзя кстати. Было очень хорошо и то, что его старая школа находилась от его новой школы на расстоянии более чем тысяча километров. Это обстоятельство не позволило попасть в его новую школу негативной информации о нем из старой школы.

Конечно, перейдя в новую шкалу во время обучения в старших классах, Саша не мог рассчитывать обзавестись настоящими школьными друзьями. Но это обстоятельство его нисколько не волновало. Ведь в его прежней школе у него никогда не было друзей, и он привык быть один.

К своим шестнадцати годам Саша уже многому научился по

части общения с окружающими. Поэтому в новой школе он старался вести себя тихо, не раздражать учителей, не показывать своего превосходства в определенных вопросах и быть как можно более незаметным серым безликим учеником. Он тщательно скрывал свои возможности по невероятно быстрому решению любых контрольных и весьма обширные к тому времени дополнительные познания.

Такая тактика принесла свои плоды, у педагогов его новой школы сложилось о нем мнение, как о способном ребенке, но запущенном. В качестве причин недостатков в его образовании они видели не лень и нежелание учиться, а плохое качество преподавания в его прежней отдаленной поселковой школе. Многие, считая, что ему, безусловно, тяжело подтягиваться до уровня их школы, старались ему помочь. Закрывали глаза на то, что он никак не мог очень многое воспроизвести наизусть, а пересказывал лишь своими словами. Во всяком случае, если он отвечал не дословно, но в целом правильно и чувствовалось, что он понимает, о чем говорит, то двойки, как это делали в его прежней школе, ему уже не ставили. Конечно, за подобные ответы пятерки ему тоже не ставили. Обычно это были тройки или в самом лучшем случае четверки. К тому же теперь он исправно получал свои заслуженные пятерки за правильно решенные контрольные и особо трудные задачи, которые почти никто не мог решить и в его новом классе. В результате Саша, если судить по его оценкам, стал намного лучше учиться. Теперь он имел четверок даже больше чем троек.

Самообразование Саши пошло тоже намного лучше. На новом месте жительства он мог брать в библиотеках книги, о которых раньше ему оставалось только мечтать. Многие книги удавалось купить в многочисленных книжных магазинах. Приобретение нужных ему радиодеталей также перестало быть непреодолимой задачей.

Пользуясь новыми возможностями, Саша, конечно, сожалел о потраченной им уйме времени на решение задач в отсутствии нужного транзистора или конденсатора. Но не бывает, худа без добра. Зато он приучился находить решения сложных задач, используя лишь простые примитивные средства.

Педагоги новой школы стали замечать странности Саши и то, что он не такой, как все их остальные ученики только к середине десятого класса. Однако разбираться со всем этим в выпускном классе уже никому в голову не пришло. И Саша смог спокойно окончить школу, получив аттестат со средним баллом около четверки.

В дальнейшие планы Саши не входило, сразу после

окончания школы идти работать, и тем более он совсем не собирался вскорости на два года отправиться служить в армию. Во избежание этой участи ему необходимо было продолжить свое образование в высшем учебном заведении.

Сам Саша хотел бы дальше заняться изучением радиоэлектроники, медицины или биофизики. В этих областях его знания были столь обширны, что ему не пришлось бы даже учиться с нуля, ему нужно было лишь упорядочить свои приобретенные самостоятельно знания и по существу совсем немного доучиться. Но проблема была в том, что как раз эти специальности в то время были одни из самых модных и престижных. Поэтому для поступления в институт на эти специальности необходимо было сдавать почти все вступительные экзамены на одни пятерки. Саша этого сделать не мог. Он вообще считал, что для него будет большой удачей, если он сможет написать сочинение хотя бы на троечку.

В результате Саша вынужден был, для того чтобы не остаться совсем без диплома, поступать не туда, куда ему хотелось, а туда, где конкурс был поменьше и соответственно проходной бал был пониже. Саша поступил в институт по окончании, которого он должен был получить диплом инженера-механика по специальности: "Горные машины и комплексы".

Нельзя было сказать, что Саша вынужден был заняться не своим делом. У него были необходимые способности для того, чтобы в конечном итоге он стал действительно очень хорошим конструктором. Саша это чувствовал и даже знал об этом. Более того, ему его будущая работа была даже интересна. Но все равно он посчитал несправедливым и неправильным невозможность своего обучения по специальностям, которые он хотел бы освоить в первую очередь. Он точно знал, что, например, врач бы из него вышел намного более лучший, чем получится из тех, кто занял его место в медицинском институте.

Рационально мыслящий Саша вообще не мог понять, почему человеческое общество столь легкомысленно относится к подготовке своих специалистов. Почему на вступительных экзаменах проверяется все, что угодно, но только не способность успешно работать по будущей профессии, способность развивать науку, получать новые знания, генерировать идеи, в конце концов, элементарно применять на практике полученные знания не вообще все равно какие, а именно по конкретной профессии. Почему, например, при поступлении в медицинский институт знание русского языка и литературы имеет одинаковое значение наряду с другими дисциплинами. Ведь в обязанности ни одного врача никогда не входило сочинение романов. Разве абсолютно

любой человек не заинтересован в ускоренном развитии медицины и избавлении от болезней, продлении качественной жизни. Не понимает, что все это в первую очередь зависит от наличия хороших специалистов, а хороший специалист может быть выращен только из человека обладающего вполне определенными способностями. Причем, чем более сильными способностями человек обладает в одной сфере, тем, как правило, хуже у него способности, необходимые для работы в других сферах.

В институте Саша учился хорошо и легко во многом благодаря тому, что в техническом вузе преподавание ненавистных для него гуманитарных дисциплин было сведено к минимуму. К третьему курсу преподаватели поняли, что Саша вполне может работать по специальности, и более того генерировать прорывные идеи на уровне весьма хорошего опытного специалиста и быстро привлекли его к выполнению многочисленных хозяйственных договоров, которые институт заключал с предприятиями. Для того чтобы Саша как можно меньше отвлекался на всякую ерунду, его почти полностью освободили от сдачи экзаменов. Экзамены просто проставлялись ему в зачетную книжку автоматически, и конечно, это были только пятерки. Так что Саша стал почти отличником и даже получал повышенную стипендию.

За все время обучения в институте Саша не обзавелся друзьями. Он, как и в школе оставался один и жил сам по себе своими интересами, которые были больше никому не нужны, а то и не понятны, причем как другим студентам, так и преподавателям. Очень быстро все его контакты с однокурсниками свелись к тому, что он по их просьбам оказывал им помощь в выполнении курсовых проектов и различных контрольных работ, расчетов. Он обычно никому не отказывал и делал это очень легко и невероятно быстро. При этом к нему, как правило, никто не испытывал чувства благодарности. Все, почему-то, считали, что он чуть ли не обязан всем совершенно бескорыстно помогать. Среди тех, кто пользовался его помощью, были даже завистники, которые завидовали его способностям. Одновременно в студенческой среде он рассматривался, как чужак, человек не от мира сего у которого явно не все были дома.

Вот преподавателям было абсолютно все равно, что собой представлял Саша, как человек, какие у него в жизни были интересы. Не интересовало их в отличие от школьных учителей, каким образом ему достаются его знания, почему все его решения и предложения возникают, словно ниоткуда без каких либо видимых усилий с его стороны, почему, казалось бы, такие

логичные, а главное очень простые его технические решения не увидели раньше многочисленные хорошие известные авторитетные специалисты. Ведь для них было главным, что обучается в институте студент, который исправно выдает столь нужные идеи и за время его обучения необходимо постараться выжать из него как можно больше.

В институте Саша впервые столкнулся с тем, что у окружающих чужой талант может вызывать не только зависть, ревность и раздражение, но и желание им попользоваться. Причем желание попользоваться чужим талантом в своих целях на работе становилось основным, а на все остальное люди быстро переставали обращать внимание, если они, конечно, не встречали сопротивления удовлетворению их основного желания.

Саша знал, что его идеи преподаватели и аспиранты самым бессовестным образом выдают за свои. При публикации результатов проведенных исследований или подаче заявки на получение патента его "забывали" указывать в списке соавторов. Однако он никогда не обижался, не высказывал претензий, не пытался, что-либо скрыть от своих, так называемых, научных руководителей. Ему нравилось работать над выполнением договоров и находить решения сложных проблем. И он занимался этим с большим удовольствием, так словно это были просто интересные задачки, выданные ему для решения школьным учителем. Такое его поведение способствовало установлению у него с преподавателями его выпускающей кафедры очень хороших отношений. В определенном смысле его ценили, и когда срок его обучения подошел к концу, то естественно не захотели с ним расставаться. Ему предложили остаться работать в институте с перспективой года через два поступления в аспирантуру, а после подготовки и защиты им кандидатской диссертации обещали место преподавателя на кафедре.

По тем временам предложение было весьма заманчивым. Саша, если бы принял это предложение, реально мог рассчитывать примерно через десять лет занять место доцента. Место доцента обеспечивало весьма неплохую зарплату, сравнительно свободный график работы и практически двухмесячный отпуск каждое лето. Сильно напрягаться или нести большую ответственность на такой работе было не надо. Многие студенты делали все возможное, для того чтобы хоть как-нибудь остаться в институте, но Саша не хотел заниматься преподавательской работой. Более того, он понимал, что такая работа ему совсем не подходит, а, учитывая особенности его памяти, будет ему только в тягость. И к всеобщему удивлению отказался от предложения.

Все же напоследок о нем была проявлена забота. Его распределили на работу ни как всех его однокурсников в отдаленный район страны механиком на шахту, рудник или разрез, а в качестве инженера-конструктора в местный научно-исследовательский институт.

Научно-исследовательский институт занимался разработкой разнообразного бурового инструмента и по существу являлся типичным конструкторским бюро. В нем разрабатывалась конструкторская документация, изготавливались опытные партии, проводились испытания инструмента и после получения всех необходимых разрешительных документов, новое изделие передавалось на завод-изготовитель для организации серийного производства. Научных исследований как таковых можно сказать, что в институте практически и не велось.

Институт был завален работой. Министерство заказывало громадное количество нового бурового инструмента и щедро финансировало его разработку. Стране нужны были новые месторождения полезных ископаемых, и их разведка год от года постоянно расширялась. В результате в стране бурился каждый второй метр скважин из пробуренных на планете. Бурить приходилось все чаще в отдаленных районах в очень сложных горно-геологических условиях глубокие скважины, что и вызывало постоянную потребность в разработке для этих условий нового бурового инструмента.

Саше нравилась его работа. Судьба избавила его от участи стать механиком и заниматься однообразной эксплуатацией оборудования. Он получил творческую работу, на которой оказались, востребованы его изобретательские способности. Ему было особенно интересно работать над изделиями в условиях дефицита качественных материалов. Качественные материалы разрешалось использовать только при изготовлении изделий военного назначения. Буровой же инструмент считался сугубо гражданской продукцией. Ему нравилось ездить на испытания разработанного им инструмента и наблюдать за его работой в порой очень причудливо изменяемых природой горно-геологических условиях, выявлять новые закономерности, явления и особенности работы инструмента различной конструкции. Он очень быстро приобрел репутацию хорошего грамотного специалиста способного справиться с любой сложной задачей, и его руководители были весьма довольны его работой. При этом Саше не пришлось по распределению, как остальным его сокурсникам, уезжать из дома и у него не возникло никаких бытовых проблем. Хотя особенно на первых порах у него была не очень большая зарплата, но ему ее вполне хватало, так как он

никогда не требовал многого, он скромно одевался, не пил, не посещал компании и всякие увеселительные заведения. Причем он не отказывал себе во всем этом. Ему просто всего этого никогда не хотелось.

Частые поездки на испытания давали возможность посмотреть страну и познакомиться с большим количеством интересных людей. Обычно командировки были в такие отдаленные уголки, куда иначе как по работе попасть было невозможно, и проживали в них люди часто весьма колоритные.

В первые годы после окончания вуза Сашу практически все устраивало в его жизни, и он действительно ощущал себя по-настоящему счастливым человеком.

* * *

Саше шел двадцать восьмой год. Он гулял в городском парке и пристально рассматривал встречающихся ему девушек, особенно если они были одни. Этим, если позволяла погода, он занимался каждый вечер уже почти полгода.

Первое время он не осознавал, зачем он это делает. Ну, понравилось ему вечерами бродить по парку. Вроде бы ничего особенного в этом нет и, казалось бы, совсем неважно, что раньше он этого почти не делал. И неважно, что раньше девушек он совсем не замечал, а теперь вот стал весьма заинтересованно разглядывать. Однако, проанализировав свое поведение, Саша осознал — он не просто так от нечего делать ходит кругами по парку, а преследует вполне конкретную цель — ищет себе жену. Впрочем, даже и не жену. Как таковая жена в общепринятом понимании ему была не нужна. Он в первую очередь искал постоянного партнера для занятий сексом. Все остальное прилагаемое к такому партнеру вообще-то для него было неважным. Саша хоть и отличался от большинства людей, но в этом смысле отличия видимо были совсем несущественными, и природа требовала от него вполне конкретного поведения.

Именно такого поведения ждали от него и его родители, которых почти сразу после окончания им школы начало беспокоить отсутствие у их сына обычных интересов, присущих большинству молодых людей. Мать все чаще говорила:

— Сынок, молодость бывает лишь однажды, и она очень быстро проходит. Потом уже повторить ничего будет нельзя.

А в последнее время стала, горестно вздыхая, добавлять:

— И она у тебя уже почти прошла, а у тебя даже ни одной девушки никогда не было.

Друзей у него не было, в компании он не ходил, да и никто его в них никогда не приглашал. Познакомиться с девушкой ему было негде. Вот и начал он сначала интуитивно, а потом вполне осознанно посещать парк. Не прибегать же ему было к услугам проституток для удовлетворения своих физиологических потребностей. Да и не хотел он иметь временные связи вообще ни в каком виде.

Почти сразу после начала своих прогулок Саша заметил, что практически каждая вторая встречаемая им девушка обязательно пробегает по нему заинтересованно-оценивающим взглядом. Но их взгляды были различны и выражали от "Ну, такой чудик мне уж точно никогда и ни при каких обстоятельствах не подойдет!" до "Хорошо бы было с ним познакомиться поближе и для этого я готова на все".

Те девушки, которые продемонстрировали к нему полное безразличие и те, в чьих взглядах сразу читался отказ от хотя бы рассмотрения его в качестве возможного партнера для серьезных дальнейших отношений, сразу переставали интересовать Сашу, даже если эти девушки внешне были очень привлекательны. Он не собирался тратить время на конфетно-букетный период и уж тем более продолжительное время заниматься завоеванием женщины. Саша старался во встречных девушках угадать женщину готовую перейти к серьезным отношениям без длительного предварительного знакомства, но в тоже время не являющуюся легкодоступной и неразборчивой в своих связях.

Саша издалека заметил высокую стройную женщину лет тридцати одиноко сидящую на скамейке в почти пустой тенистой аллее. Ее четкий пропорциональный одинокий силуэт с красивой чуть наклоненной открытой длинной шеей, переходящей в идеально прямую спину и выдающейся вперед совсем не маленькой грудью непроизвольно притягивал его взгляд. Он удивился, как она ухитрялась длительное время находиться в такой позе. Сам он обычно сидел, расслаблено сутулясь, не затрачивая усилий на поддержание своей осанки. Ведь так было удобно и он никогда не задумывался о том какое впечатление на окружающих производит неизбежно появляющийся при этом на его спине горб, а женщину этот вопрос по всей видимости волновал и она явно следила за своей позой и не жалела для этого сил.

Когда Саша подошел поближе к женщине, то понял, что ошибся насчет ее возраста. Ей было не больше двадцати пяти лет и ее еще вполне можно было считать девушкой. Ошибка произошла потому, что в ее полностью сформировавшейся фигуре молодой женщины не осталось и следа от угловатого тела

девочки-подростка.

Девушка была загорелой изящной и очень хорошенькой. В данном случае можно сказать просто восхитительно красива. Густые сильные темно-каштановые волосы собранные на затылке оставляли открытыми тонкую длинную шею и безупречное лицо с большими карими очень выразительными глазами, прямым хорошей формы носиком и полными чувственными губами. Почти белое обтягивающее платье с глубоким вырезом подчеркивало красивый загар и совершенство ее фигуры. Совсем не скрывало ее стройные прямые и очень длинные ноги. В целом она выглядела сексапильно, но при этом, как это было ни странным, во всей ее фигуре была скрыта еще и какая-то внутренняя развращенность, неосязаемая взглядом, но от этого еще более притягивающая.

Саша, наконец, осознав какой необычной красоты девушку, увидел, внутренне про себя ахнул: "Как с обложки".

"Да, за такой можно было бы, и поухаживать! А вдруг у меня что-то и получится?", — промелькнуло в голове Саши. Но он тут же отбросил эту мысль, не желая возбуждать в себе напрасные надежды. Он, уже давно глядя на себя в зеркало и видя свое, в общем, то обычное, правильное тело, пару глаз, нос, рот вовсе не думал какой он славный и симпатичный молодой человек, ну уж во всяком случае, не хуже других. Он отдавал себе отчет в том, что вовсе не обладает телосложением атлета и, хотя рост его был намного выше среднего, но он был худ и имел слаборазвитую мускулатуру к тому же, стесняясь своего вида, сильно сутулился, в целом его внешность нельзя было назвать мужественной, и он понимал, что не относится к красавчикам, которые обычно нравятся женщинам. Поэтому Саша совсем не мог надеяться на то, что один лишь его внешний вид в состоянии вот так сразу с первого взгляда вызвать у такой девушки хоть минимальный интерес. К тому же девушка ни разу даже не взглянула в его сторону, пока он подходил к скамейке, на которой она сидела.

Когда Саша практически поравнялся с девушкой, он каким-то чудом боковым зрением на пределе возможностей своих глаз совершенно неожиданно для себя вдруг заметил, что она подняла голову и посмотрела на него. Да она смотрела именно на него, ведь поблизости больше никого не было. В ее взгляде чувствовалась тоска и унизительное бесконечно большое пренебрежение к нему к Саше. Она взглянула на него как на ничтожество, как на какую-нибудь гадость. Вместе с тем Саше показалось, что в ее взгляде промелькнула мысль: "Ну, вот даже такой совсем непривлекательный парень проходит мимо, словно во мне что-то действительно не так".

Саша шел, все дальше удаляясь от скамейки, и никак не мог

решить, показалось это ему во взгляде девушки или ее взгляд действительно выражал именно то, о чем он подумал. При этом он ругал себя за то, что вовремя не повернул голову и не посмотрел прямо в глаза девушке и теперь вынужден терзать себя сомнениями. Ведь у него есть пусть и совершенно мизерный, но все же есть шанс заполучить эту девушку, если в ее взгляде выразилось именно, то о чем он подумал, а подумал он о том, что она одинока и уже долгое время никак не может завести себе постоянного парня и в силу этого ее требования к этому пока несуществующему парню упали ниже некуда.

Саше хватило двадцати-тридцати секунд, в течение которых он рассматривал девушку, для того чтобы его стало тянуть к ней словно магнитом невероятной силы. Именно поэтому он уцепился за зародившуюся в нем слабую надежду и решил обойти парк по кругу с тем, чтобы еще раз пройти мимо девушки.

Он не мог знать, насколько верными оказались его предположения относительно так сильно заинтересовавшей его девушки. У нее действительно никогда не было парня, по отношению к которому она могла бы употребить слово "мой". Время шло, все ее подруги уже успели выйти замуж и обзавестись детьми, некоторые даже двумя, а она все оставалась одна. Почему так получалось? Ведь она чувствовала, как на нее смотрят мужчины. Возможно потому, что реальных претендентов смущала ее красота, и они просто боялись даже попытаться вступить с ней в серьезные отношения. Правда, все же нашлось двое мужчин, которые не побоялись попытаться завести с ней роман. Эти мужчины были женаты и намного старше нее, и они сразу дали ей понять, что свои семьи никогда не бросят. В одном случае это был преподаватель университета, в котором она училась, а в другом непосредственный начальник на ее первом месте работы после окончания университета. Оба мужчины были весьма привлекательны, но она пресекла все их попытки начать за ней ухаживать еще в самом начале. Больше претендентов у нее не было и теперь ей было стыдно признаться, что она ни разу даже не целовалась ни с одним мужчиной. К двадцати пяти годам вопрос устройства личной жизни превратился для нее в главный вопрос ее жизни и весьма болезненный.

Саша многое мог узнать о состоянии и мыслях человека по выражению его лица и глаз, но все же не мог полностью считать его мысли и узнать его прошлое. Поэтому он даже не догадывался, в насколько удачный для себя период жизни девушки, он ее встретил. Если бы он догадался, то, скорее всего, сразу бы подошел к девушке и тем самым возможно упустил бы свой шанс. А так он продолжал свое движение по парку, терзаясь

сомнениями и опасаясь, что девушка просто успеет уйти до того момента, как он снова пройдет по этой аллее.

Саша действительно испытал самое настоящее облегчение, когда минут через двадцать снова вошел в аллею и увидел сидящую на той же скамейке и в той же позе девушку. На этот раз девушка повернула голову и посмотрела на Сашу, когда он достаточно близко подошел к ее скамейке. В ее взгляде больше не было пренебрежения к нему, а появился интерес и немой вопрос: "Этот молодой человек по кругу обходит парк? Интересно и сколько раз он это собирается сегодня делать?"

Когда Саша подошел к девушке вплотную, то он уже был уверен, что у него есть шанс познакомиться с ней и самый первый маленький шаг к этому ему уже удалось совершить. Он вызвал в ней хоть какой-то интерес к себе, она уже обратила на него внимание. Теперь ему было необходимо развить это свое маленькое достижение, но что ему делать дальше он не знал. Опять пройти, мимо совсем не годилось. Девушка в любой момент могла встать и уйти из парка и тогда он вероятнее всего больше никогда ее не встретит. Так ничего и, не придумав, Саша просто взял и молча уселся рядом с девушкой на скамейку.

Этот его поступок выглядел более чем странно. Вся аллея была часто уставлена скамейками, и на всем ее протяжении больше невидно было ни души. Ему, что присесть больше было некуда? Зачем ему было нужно усаживаться на уже занятую скамейку к незнакомой девушке? При этом хотя бы из вежливости не удосужившись спросить разрешения.

Саша сидел и молча в упор откровенно разглядывал девушку. Этот его поступок привел девушку в полную растерянность. На ее лице явственно отразилось удивление, смятение от непонимания происходящего и даже признаки паники и страха. Одновременно ее брови поднялись в вопросительном ожидании объяснений. Эта неловкая пауза затягивалась. Оба молчали, и напряжение нарастало.

Саша, глядя на девушку, наконец, сообразил, что просто напугал ее и подумал: "Она, наверное, решила, что я маньяк, который ее сейчас изнасилует, а возможно и вообще зверски убьет". И буквально подавился так и непроизнесенной им банальной фразой: "Привет, я Саша, а тебя как зовут?", сообразив в последнее мгновение, что сохранить ее внимание к своей невзрачной персоне он может лишь одним способом — совершая нестандартные поступки.

Саша полностью завладел вниманием девушки. Она смотрела только на него. Можно сказать почти лихорадочно рассматривала его, сосредоточившись на его лице. Перед ней сидел молодой

человек с очень смуглой кожей и несимметричным заметно деформированным лицом. Нависший высокий лоб, широко расставленные глаза в отличающихся друг от друга, если присмотреться, по размеру глазных щелях. Нос не сломанный, но как-то весь целиком смещен в сторону и немного изогнут в плоскости лица. Широкий лоб как бы продолжался хорошо развитыми скулами, которые в свою очередь пусть и не очень заметно, но все же располагались на лице несимметрично. Затем лицо сильно сужалось книзу и заострялось к подбородку, от чего прямой рот с тонкими губами казался непропорционально большим, разрезающим поперек по прямой линии все лицо. Маленький, заостренный, вдавленный внутрь подбородок сводил лицо на нет, награждая его безвольностью. А, вот его большие светлые серые глаза совсем не соответствовали лицу. Про такие говорят острые или цепкие, и еще они были холодные, но не бесчувственно холодные, а просто чувство в них было холодное, расчетливое что ли. Они отражали незаурядный мощной интеллект их обладателя и вместе с тем в них смешивались злость, жесткость и уверенность, но не самонадеянная, а внутренняя, сдержанная, подкрепленная реальной силой.

Эти глаза были очень опасными, были бесконечными. В том смысле, что смотреть в них можно было бесконечно. Раз зацепив, они уже не отпускали. Девушка сама не заметила, как глаза молодого человека полностью приковали к себе все ее внимание, а его непривлекательное лицо как бы отодвинулось в даль и продолжало лишь почти схематично фиксироваться где-то в глубине ее подсознания.

Между тем Саша продолжал молча смотреть на девушку, улыбаясь ей лишь одними уголками губ. Очень по-доброму и успокаивающе. И девушка через некоторое время успокоилась и решила: "Хоть он и очень странный, но на маньяка он точно не похож и значит насиловать и убивать меня не станет. Наверное, он просто так неуклюже хочет познакомиться".

Когда Саша только сел на скамейку у девушки промелькнула мысль о том, что ей следует как можно быстрее встать и уйти подальше от этого странного субъекта, но она промедлила. Ей не хотелось вот так просто сразу уступать скамейку этому бестактному наглецу. Она не хотела бежать, тем самым, показывая, что она испугалась.

Затем противоречия между глазами и остальным внешним обликом молодого человека стали ее притягивать, она поняла, что перед ней сидит вовсе не хам или просто чудак, а весьма необычный человек. Ее стало распирать любопытство, как он поведет себя дальше. Она уже с нетерпением ждала, когда он,

наконец, заговорит и объясниться с ней. И девушка так и не встала со скамейки.

Саша не догадывался, какое влияние могут оказывать его глаза на женщин, но почувствовал, что все страхи девушки прошли, а ее отношение к нему вдруг неожиданно очень сильно изменилось. Однако он по-прежнему не знал, как ему вести себя дальше.

Отсутствие, каких либо действий породило в девушке внутреннюю потребность в совершении движений. Ей с каждой секундой все в большей степени становилось необходимо хоть как-то пошевелиться. Не осознавая этого, она, не прекращая смотреть на Сашу, несколько раз суетливо пыталась поправить свою прическу, хотя ее прическа в этом совсем не нуждалась. В конце концов, она зачем-то все так же машинально, не глядя, взяла свою сумочку и положила ее на скамейку между собой и Сашей. В этот момент Саша поймал руку девушки, даже не успев осознать свое действие. Он взял ее за руку инстинктивно, спонтанно. Это потом Саша понял, что все время пока он сидел рядом с девушкой, ему очень хотелось к ней хотя бы прикоснуться.

В момент их соприкосновения Саша почувствовал, как от неожиданности все тело девушки вздрогнуло. Ощущение было таким, как будто он замкнул высоковольтную электрическую цепь и между ними устремился мощный поток энергии. Его прикосновение не было резким, хватательным. Оно было скользящим, ласкающим. Кончики пальцев Саши, почти не касаясь руки девушки, от запястья медленно скользнули к ее длинным красивым пальцам и мягко обхватили их кончики. В первое мгновение девушка, не успев осознать произошедшее, лишь вздрогнула, но затем инстинктивно попыталась отдернуть руку. Но Саша пусть и неосознанно успел среагировать. Его пальцы мгновенно обрели твердость и несильно, но настойчиво сжали пальцы девушки, и держали их, пока они не затихли. Все это продолжалось секунд пять-семь. К концу этого времени Саша уже осознал, что девушка по сути лишь демонстрирует попытку освободиться, так как вложи она в свое движение чуть больше силы, то он просто не смог бы лишь за кончики пальцев удержать ее руку.

Девушка больше не пыталась вырвать руку. Почему? Да просто потому, что ей этого совсем не хотелось, как потом это она поняла. Ведь не делать, то чего не хочется совсем легко. И еще ей очень хотелось узнать, что будет дальше. Она, просто предоставила свою руку в полное распоряжение Саши. И он стал молча поглаживать ее руку. Подушечки его пальцев нежно и

очень волнующе трогали внутреннюю сторону руки девушки, чуть выше запястья, иногда поднимаясь вверх, почти к самому локтю. И девушка хотела этих прикосновений и ожидала их с все большим нетерпением, когда Саша останавливался на одну две секунды. Она постепенно перестала замечать все вокруг себя. Остались только бездонные глаза Саши на фоне его завораживающе странной улыбки. Затем под его волнующие и одновременно успокаивающие поглаживания исчезла, и улыбка и девушка провалилась своим взглядом в эти бездонные глаза. Они пропустили ее взгляд в самую глубину и уже не позволили выбраться. Она, на какое то время потеряла ощущение времени и пространства, а когда пришла в себя, то поняла, что ее дыхание стало сбитым, прерывистым и нервным, а ладонь вспотела и увлажнилась. Ей было стыдно оттого, что она допустила появления такой своей реакции. Девушка покраснела от одной мысли, что этот странный молодой человек, конечно же, уже давно заметил произошедшие с ней перемены. Ей было очень неловко и от этого ее внутреннее возбуждение только возросло, а нетерпеливое ожидание дальнейшего усилилось.

В начавших сгущаться сумерках, из-за покрытой темным загаром кожи Саша не заметил, как покраснела девушка, но он хорошо разобрал ее горящий, прорезающий наступающую темноту, изменившийся взгляд. В нем, несмотря на предпринимаемые девушкой усилия скрыть это, отчетливо читалось возникшее буквально животное желание и откровенный призыв. Он понял, что не ошибся, эта девушка представляла собой как раз то, что ему было нужно, что он так тщательно искал последнее время. Больше ему сегодня здесь делать было нечего. Более того, задерживаться возле девушки было даже опасно, так как любое его действие могло легко разрушить возникшие в ней интерес и желания. Сейчас больше предпринимать ничего не следовало. Было необходимо сохранить в ней возникший интерес, желание узнать дальнейшее и неудовлетворенное любопытство.

Саша мягко отпустил руку девушки, поборов внутри себя совсем другие желания, решительно поднялся со скамейки и, обойдя ее, не оглядываясь, направился по тропинке к высаженным вдоль аллеи рядам деревьев и кустарника. Уходя, он заметил, насколько сильно девушка была потрясена его внезапным уходом, она была буквально ошарашена причем в гораздо большей степени чем когда он внезапно присел к ней на скамейку.

Девушка проводила Сашу совершенно растерянным, ничего непонимающим взглядом и потом, повернув голову, еще долго смотрела ему в след, даже после того как его фигура

окончательно скрылась за кустами и деревьями. Когда у нее прошел шок, вызванный неожиданной выходкой Саши, она жутко разозлилась: "Нет, во мне, наверное, действительно что-то не так, раз от меня все шарахаются. И все равно, даже если я не такая как все, это не дает ему право обращаться со мной подобным образом. Что он о себе возомнил? Тоже мне неотразимый красавец. Без слез не взглянешь. Нет, но почему он решил, что имеет право без разрешения подсаживаться ко мне, сидеть со мной, разглядывать меня, трогать меня, а затем вот так ничего не объяснив, ни проронив вообще, ни одного слова вставать и уйти? Да, потому, что я сама такая дура. Расселась тут с первым встречным и давай перед ним слюни пускать". Постепенно кипевшая в ней злость, а вместе с ней и внутренняя дрожь отступали. И девушка стала чувствовать себя просто наивной обманутой дурочкой. Так, как, наверное, чувствует себя маленький ребенок, которому для того чтобы его хорошо сфотографировать, сказали: "Смотри! Сейчас от туда вылетит птичка!", да еще предупредили, что ему непременно надо улыбаться, а потом, когда довольные взрослые разошлись, он вдруг понял, что его обманули, и никакая птичка из объектива фотокамеры не вылетит. Вместе с тем она стала понимать, что только что произошедшее с ней вообще-то является единственным в своем роде. Во всяком случае, вряд ли подобные события могут случаться на каждом шагу. И вряд ли ее подруги, с их куда более богатым опытом общения с мужчинами, могут похвастаться, что пережили хоть раз в своей жизни нечто подобное. И все случившееся с ней сегодня она запомнит навсегда и никогда не забудет своих переживаний и ощущений. Поэтому постепенно она даже стала думать о так и оставшемся неизвестным молодом человеке с некоторой благодарностью. Ведь именно он подарил ей сегодня самое настоящее пусть маленькое, но, по сути, забавное приключение, и внес хоть какое-то разнообразие в ее жизнь. Правда, чувство неудовлетворенности оттого, что ей так и не удалось узнать поближе столь необычного молодого человека так никуда и не ушло.

Саша никуда не ушел. Как только деревья надежно скрыли его от глаз девушки, он остановился и, развернувшись, стал за ней наблюдать. По тому, как долго девушка не покидала скамейку, как ерзала на ней, Саша понял, что ему удалось зацепить ее по настоящему. Потом, когда девушка, наконец, поднялась со скамейки и медленно направилась к выходу из парка, Саша последовал за ней по проложенной среди деревьев параллельно аллее тропинке, часто спотыкаясь в темноте. Он не боялся быть замеченным, так как за время прошедшее после его

ухода в парке успели включить освещение, и теперь девушка была ярко освещена фонарями, стоящими вдоль всей аллеи, и все находящееся за их пределами в лучшем случае она могла видеть, как неясные размытые темные контуры. По мере приближения к выходу из парка Саша вынужден был все дальше отпускать от себя девушку. Конечно, он рисковал. Если бы она на остановке у парка села бы в автобус или троллейбус, то догнать ее он бы уже не смог и потерял бы навсегда. Но ему повезло, миновав остановку, девушка свернула в узкую плохо освещенную улочку. По которой она медленно шла минут пятнадцать пока ни свернула во двор пятиэтажки. Саша, все это время шедший за ней по другой стороне улицы, значительно отставая от нее, еле успел заметить, в какой подъезд она вошла. Хотя его предосторожности были излишни — девушка за все время ни разу не оглянулась. Зато когда Саша подошел к подъезду, то увидел, как на втором этаже осветилось окно, а затем в этом окне показалась и девушка, задергивающая шторы. Так Саше стал известен точный адрес девушки. Ему очень хотелось как можно быстрее продолжить свои контакты с ней, но он позволил себе появиться у ее дома только через неделю.

Теперь он дежурил каждый вечер у ее подъезда. Просто сидел до позднего вечера на скамейке прямо под ее окном, не зная, выйдет ли она и вообще находится она дома или нет. Саше повезло только на четвертый вечер. Уже совсем стемнело, и под козырьком подъезда давно горел светильник. Саша встал со скамейки, собираясь уходить, но задержался перед самой дверью, услышав доносившиеся из подъезда звуки шагов. Он почему-то решил, что это идет именно его девушка, и в ожидании застыл перед закрытой дверью. И он не ошибся.

Девушка открыла дверь, и едва успев сделать два шага, буквально наткнулась на Сашу. Перед ней почти вплотную стоял тот же самый странный молодой человек из парка и точно также улыбался ей одними уголками губ как тогда, в парке. Девушка заметно вздрогнула от неожиданности и застыла на месте с немного округлившимися от удивления глазами, продолжая держаться за ручку распахнутой двери подъезда. Затем смутилась и покраснела. Если Саша был готов к этой встрече и держался спокойно и уверенно, то она оказалась в невыгодном положении и совершенно растерялась. Она в нерешительности стояла и в голове у нее полностью отсутствовали мысли по поводу ее дальнейших действий. Саша, удовлетворенный произведенным на девушку эффектом от своего неожиданного появления, выдержал паузу секунд двадцать и тихо спокойным голосом произнес:

— Я тебя напугал? Извини, я не хотел этого. Но ведь мы уже,

кажется знакомы.

— Да, если это вообще можно считать знакомством, — автоматически ответила девушка все еще не совсем владеющая ситуацией и на ее лице появилась улыбка, глупая такая улыбка.

— Я думаю можно. Можешь не сомневаться, — сказал Саша так, как будто его утверждение являлось очевидной истиной.

— Как ты меня нашел? — вырвалось у девушки, но у нее тут же мелькнула мысль: "А, что если он меня вовсе не искал, и сейчас мы столкнулись чисто случайно? Тогда мой вопрос выглядит глупо, а я смешно. Нет, я все же полная дура". От этой мысли она опять покраснела и инстинктивно стала медленно отступать назад тем самым, пытаясь увеличить расстояние между Сашей и собой.

Однако расстояние между ними не сокращалось, так как Саша также медленно двигался следом за девушкой и уже не она, а он придерживал дверь подъезда в открытом состоянии. Саша продолжал оставаться так близко, что она слышала его возбужденное дыхание и практически могла видеть только его лицо, с которого никуда не исчезли его опасные глаза уже опять начавшие затягивать ее в себя.

— Какое это имеет значение? — продолжая медленно буквально по сантиметру движение вслед за девушкой, сказал Саша в ответ на ее вопрос.

— А, что же, по-твоему, имеет значение?

— Значение имеет то, что мы все же встретились и только это сейчас является действительно важным.

— Значит ты тогда, после нашей встречи в парке, проследил за мной до самого дома? — задала новый вопрос девушка, сообразив, что эта их встреча была подстроена и ее вопросы вовсе не выглядят глупыми и ей совсем нечего стыдиться.

— Конечно, я проследил за тобой до самого дома.

— Зачем?

— Разве непонятно? Я вовсе, тогда в парке, не собирался расставаться с тобой навсегда.

— Зачем же такие сложности? Ведь ты мог просто попросить у меня номер моего телефона. В конце концов, просто открыто проводить меня.

— Это было бы предсказуемо и слишком скучно и обычно, а так наше знакомство превратилось в маленькое своеобразное приключение. Разве ты хочешь прожить обычную скучную жизнь и совсем без приключений?

— Ты ненормальный? — спросила девушка, уже задом полностью войдя в тамбур подъезда.

Она видела, как Саша, стоя в проеме двери подъезда, пожал

плечами.

— Возможно. Но точно не психически больной.

Они оба продолжили свое странное движение. Дверь за спиной Саши постепенно начала закрываться.

— Это утешает. Значит, хотя бы нападать на меня не станешь. А то вдруг еще приключений захочется? — толи пошутила, толи нет девушка.

— Конечно, нет. Я не сделаю тебе ничего плохого. Даже ради приключения, — совершенно серьезно ответил Саша.

Девушка, почему-то ему верила и считала, что он для нее не представляет никакой угрозы. Наконец дверь в подъезд полностью закрылась. Они оказались почти в полной темноте. Грязные, наверное, вообще никогда не мытые, стекла фрамуги над дверью подъезда почти не пропускали через себя свет от уличного фонаря, а светильник в тамбуре был выключен. Теперь они видели друг друга в виде нечетких, размытых темных пятен. Девушка, наконец, избавилась от завораживающе притягивающих к себе Сашиных глаз, но это мало что изменило. Теперь ее волновала и притягивала к себе нависающая над ней темная фигура. В ней было что-то загадочное и помимо ее воли все ее органы чувств сами собой обострились до самых пределов своих возможностей в попытке полностью ее разгадать и понять. Она продолжала медленно пятиться, но не к выходу из тамбура на лестницу, а в угол тамбура. Она никогда и никому не смогла бы объяснить, почему она изменила направление своего движения, так как сделала это неосознанно. Девушка совсем не замечала, что движется вовсе не к двери, а в угол, из которого у нее уже не будет возможности выбраться иначе, как прорвавшись через двигающегося за ней следом странного молодого человека. Саша, конечно, заметил, что девушка пятится вовсе не туда, куда она должна бы отступать под натиском практически незнакомого ей мужчины в подобных обстоятельствах и понял, что может вести себя с ней более решительно. Он чувствовал, что если сейчас он и получит отпор, то этот отпор точно не будет окончательным.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Наташа, — быстро и с какой то странной готовностью ответила девушка, ни дав себе, ни сколько времени на то, чтобы подумать, а стоит ли ей сейчас вообще называть свое имя? Спокойный, уверенный голос и вся темная еле различимая фигура Саши оказывала на нее почти гипнотическое воздействие.

— Наташа… хорошее имя, а главное именно это имя очень тебе подходит, — как бы в задумчивости произнес Саша и после небольшой паузы добавил:

— Я, почему-то так и думал, что тебя зовут именно Наташа.

Было бы нехорошо, если бы вдруг у тебя оказалось, какое ни будь иное имя.

Наташа не обратила внимание на то, что Саша так и не назвал ей свое имя, хотя должен бы был. Ведь во время знакомства было принято в ответ называть свое имя, но Саша не пожелал этого и опять поступил нестандартно. Она не разозлилась, когда он позволил себе совершенно бесцеремонно рассуждать об ее имени. Как будто все, что сейчас Саша говорил и делал, было, безусловно, истинным и правильным совсем неподлежащим критическому осмыслению. Ее голова почему-то была занята совсем другим вопросом, который она и задала:

— Как ты узнал, что я выйду из дома именно сейчас?

— А я и не знал.

— Но ведь тогда ты мог меня не дождаться. И мы бы не встретились, — в волнении произнесла Наташа. Она уперлась спиной в стенку и вынуждена была остановиться. Это обстоятельство не породило в ней паники.

Все ее тело сотрясала дрожь, оно давно буквально билось в конвульсиях и эта дрожь, несмотря на предпринимаемые усилия скрыть ее, предательски передавалась голосу. Однако дрожь вовсе не была вызвана страхом перед Сашей. Просто Наташа находилась в жутком нетерпении от ожидания дальнейших Сашиных действий. Ей тогда казалось, что все происходит чудовищно медленно. Саша был совершенно непредсказуем, и она не в состоянии была просчитать дальнейшие события, они могли быть какими угодно, и эта непостижимая неизвестность буквально терзала ее, но прекратить все это было выше ее сил.

Когда Наташа остановилась, Саша тоже остановился, сохраняя маленькую первоначальную дистанцию между ними и как будто нарочно, для усиления ее нетерпения, выдержал длинную паузу, а затем в ответ на высказанную Наташей озабоченность медленно и четко проговорил:

— Нет, я бы все равно дождался и мы бы обязательно встретились, если не сегодня, так завтра, послезавтра…

— Но почему ты так в этом уверен? Ведь я могла просто уехать из города на длительное время.

— Разве ты не понимаешь? Да потому что я ходил бы к этому подъезду столько дней, сколько бы потребовалось, и пока не дождался бы тебя. Я все время с момента нашей встречи в парке не переставал думать о тебе.

— Но если бы я уехала на очень большой срок, на год или два?

— Этого не могло случиться. Ведь у тебя оставались не завершенные дела. Я знаю, ты очень хотела второй нашей

встречи. Надеюсь, я не ошибаюсь, и ты действительно ждала продолжения нашего знакомства?

— Да, — сама не зная, почему призналась Наташа.

— И потом, ты же должна была чувствовать, что я думаю о тебе, ищу с тобой встречи. Ты чувствовала?

— Наверное. Нет, ты все же с большими странностями. Я не понимаю, зачем тебе надо было так сильно рисковать?

— Мне надо было, чтобы ты не оказалась случайной. Необходимо чтобы наше знакомство было осознанным, продуманным.

— Но, как же такое может быть? В парке мы уже встретились случайно.

— Да, но тогда наше знакомство не было оформлено до конца, завершено. А сегодня я посмотрел на тебя и понял, что ты ждала меня. Ждала именно меня, а не вообще кого-то, все равно кого, первого встречного. Так ты ждала меня?

— Да, — опять призналась Наташа, чувствуя, что вошла в какое-то странное состояние и просто не в силах врать или хотя бы уклониться от ответа. Она признавалась во всем, в чем бы никогда не призналась, если бы владела собой.

— Знаешь, мечтая о тебе, я часто представлял себе нашу встречу. Ты бы хотела узнать, как я ее себе представлял?

— Конечно. Очень хочу.

— Ты в этом уверена?

— Да. Конечно, уверена.

— Я должен был долго, очень долго ждать тебя, а ты появиться только тогда, когда я уже совсем изнемогал бы от ожидания. И мы бы остановились и смотрели бы друг на друга. Стояли бы так близко друг к другу, что могли бы чувствовать друг друга, и ты в свою очередь не смогла бы скрыть своего ожидания. Затем ты, именно ты, а не я, медленно двинулась бы в темноту, а я просто последовал бы за тобой совсем не думая, зачем, заботясь только о том, чтобы ты не удалялась слишком далеко от меня. В темноте наше зрение бы стало бесполезным, и все наши остальные чувства обострились бы до предела своих возможностей. И я бы прикасался к тебе очень волнующе, я бы трогал тебя всю, так как в темноте мог различать тебя только на ощупь. Ведь там, в парке на скамейке тебе понравились мои прикосновения к твоей руке?

— Да, — еле слышно подтвердила Наташа.

— Так вот, те мои прикосновения в парке не должны, идти ни в какое, сравнение с моими прикосновениями в темноте. В темноте они будут восприниматься резче, обостреннее, буквально сводить тебя сума. Ты будешь хотеть, чтобы мои губы, руки

никогда не отрывались от тебя и продолжали бы свое блуждание по твоему телу вечно. Для этого я бы даже не стал снимать с тебя юбку. Ведь ты сейчас в юбке и она достаточно широкая?

— Да, — также еле слышно произнесла Наташа, не удосужившись подумать, для чего ее юбка должна быть достаточно широкой.

— Да, я не хотел бы оставлять тебя без одежды в общедоступном месте. Ты бы излишне отвлекалась бы на это обстоятельство, ожидая внезапного нарушения нашего уединения, и не смогла бы полностью отдаться своим ощущениям. Я бы лишь задрал твою юбку наверх, но ровно на столько, чтобы мои руки беспрепятственно могли проникнуть под твою одежду. Я бы очень постарался, чтобы твоя юбка не поднялась ни на один сантиметр выше, чем это действительно было бы необходимо, и ты чувствовала себя достаточно комфортно. Для тебя перестало бы существовать окружающее. Остались бы только одни твои ощущения. Очень постепенно, без спешки, я бы довел тебя до того, что ты уже прижимаясь ко мне все сильнее, с трудом сдерживала бы себя от того, чтобы уже взять инициативу на себя и самой все завершить. Ты буквально сгорала бы от ожидания завершения, приходя к полному изнеможению. Но с самого начала мы оба бы знали, что завершения не будет, по крайней мере, не в этот раз. Ты хотела бы, чтобы у нас сегодня все было бы именно так?

— Да, хочу, — ее голос стал совсем неполноценным, хриплым. Ей даже хотелось добавить: "Не спрашивай! Давай же, наконец, делай все, что нужно, быстрей! Я же больше не могу ждать!". Где-то в ее мозгу центр критики совсем отключился, но все же на самой границе ее затуманенного сознания мелькнула мысль: "Что же я такое говорю? Я даже имени его не знаю. Ведь своими безропотными "да" я даю согласие на все, что еще не успело осуществиться из его фантазии". Наташа даже закрыла глаза от этой внезапно возникшей у нее в голове мысли.

Потом мыслей уже больше не было совсем никаких. Потому, что она почувствовала как его губы медленно и нежно сминают ее рот, доводя ее губы практически до состояния их полной раздавленности, а затем, как заходили его щеки, вбирая и выпуская из себя, ее губы, как автоматически, совершенно неосознанно в ответ заходили ее щеки, в свою очередь, вбирая и выпуская из себя уже его губы.

Она не заметила, в какой момент ее руки стали обнимать его шею, оставив свое тело совершенно беззащитным в полной власти его рук. Она так и не открыла глаза. В полной темноте закрытых глаз все ее ощущения действительно воспринимались острее.

Наташа хотела только одного — воспринимать свои ощущения, не упустить ничего, наслаждаться ими и не в силах была от них отказаться. Она напрягала все свое осязание, свой слух, так как поначалу совсем не чувствовала его рук, а она их ждала, они были ей необходимы и ее нетерпение росло буквально с каждым мгновением. И когда ее нетерпение, казалось, превысило все мыслимые границы, Наташа, наконец, ощутила у себя на бедрах скользящие прикосновения. Саша, как и обещал, задрал ее юбку и проник под нее. Его руки поднимались все выше, туда, где заканчивались колготки, и начиналось ничем не защищенное тело. Постепенно руки перебрались через резинку колготок, и Наташа вздрогнула от соприкосновения их кожи, от затянувшегося ожидания этого момента. Его руки ей казались очень теплыми и ласковыми. Затем Сашины пальцы проникли под резинку колготок, пытаясь их стащить. Они поддались не сразу, но, наконец, оторвались от ее тела и сначала быстро упали вниз, а затем уже очень медленно стали сползать по ногам. Тем самым, порождая в Наташе дополнительные волнующие ощущения.

Избавившись от колготок Сашины руки, чуть касаясь ее бедер, скользнули к талии, а затем его правая рука переместилась на ее спину и, протиснувшись под резинку ее трусиков, стала медленно опускаться вниз, поглаживая округлые обводы Наташиного тела. От этого ее трусики совсем немного сползли вниз, но Наташа догадалась, что этим все и ограничится, сейчас снимать с нее трусики он не будет. К своему удивлению, о том, что сегодня ничего более решительного предпринято, не будет, она подумала с сожалением. У Наташи начинали болеть спина и губы, которые за все время ни на мгновение не оторвались от Сашиных губ. Она давно изо всех сил сама прижималась всем своим телом к Сашиному телу, так как будто стремилась полностью поглотить его и хорошо чувствовала возбуждение Саши. И когда она уже не знала, куда ей деваться от своего собственного возбуждения, преодолевшего все мыслимые пределы, где-то наверху громко хлопнула дверь.

Наташа, полностью сосредоточившись на Саше и своих ощущениях, совсем забыла, что находится в тамбуре подъезда, в котором в любой момент могут появиться совершенно случайные люди. Стук двери разом погасил все ее возбуждение и вернул ее к реальности. Она инстинктивно отстранила от себя Сашу. Это вышло у нее легко, так как он не стал сопротивляться.

Между тем с лестницы донеслись шаркающие старческие шаги, прерываемые глухими сильными ударами ног по ступеням лестницы. Человек хоть и медленно, но спускался вниз к выходу из подъезда. Он неумолимо приближался. Мгновенно внутри

Наташи все заполнил страх быть вот так нелепо застигнутой обнимающейся с, по сути, незнакомым молодым человеком. Хотя, данное обещание не раздевать ее, было выполнено, и она была практически одета, но Наташа осознавала, что их вид вовсе не подходит для посторонних глаз. Любой сразу поймет, чем они тут занимались. И избежать сплетен практически невозможно.

В панике Наташа потянулась к выключателю, чтобы включить в тамбуре светильник, но ее руку тут же перехватил Саша. А затем она услышала его совершенно спокойный и очень тихий голос:

— Я бы не стал сейчас этого делать.

Наташа почувствовала, что ее рука стала снова свободной и представила, как хорошо при свете можно будет рассмотреть ее испуганные глаза, размазанную по растерянному и излишне напряженному лицу помаду, растрепанные волосы и приспущенные, болтающиеся в районе ее коленей скомканные колготки. К ее счастью колготки сползли только до коленей, а потом застряли. Она поняла, что он прав и включать свет сейчас не следует. Пытаясь хоть как-то привести себя в порядок, Наташа нагнулась и трясущимися руками, как получилось, быстро натянула на себя колготки.

Звук шагов на лестнице уже доносился буквально из-за самой двери. Сделать что-то еще она не успевала. Наташин взгляд упал на все еще неподвижно стоящую перед ней темную фигуру, и тут она почувствовала, именно почувствовала, так как в темноте увидеть не могла. Она почувствовала и поняла, что все это время он совершенно спокойно, на сколько, конечно, это делать позволяла темнота, наблюдал за ней, и все происходящее даже забавляло его. Конечно, Наташа мгновенно жутко разозлилась на этого с весьма большими отклонениями от нормы молодого человека. В конце концов, ведь именно из-за него она оказалась в этой идиотской ситуации. И в дополнение ко всему испытала чувство стыда оттого, что продемонстрировала перед ним свою панику. Она даже не знала, кого больше стыдится, того, кто уже начал открывать дверь или этого молодого человека. Наташа очень не хотела, чтобы он увидел ее в этом растерянном, разобранном виде.

Дверь открывалась просто чудовищно медленно. Наташа мысленно молила, чтобы это оказался кто-нибудь из соседей мужского пола, так как если это будет кто-то из соседок, проводящих в обсуждении всех и вся все вечера на скамейке у подъезда, то она пропала. О том, что она обжимается в подъезде с молодыми людьми, узнают абсолютно все в радиусе как минимум километра. А еще все узнают о том, что эти ужасные женщины

нафантазируют про нее.

Дверь открылась ровно на столько, чтобы в нее можно было буквально протиснуться. Поэтому в тамбур света проникло совсем не много. На счастье Наташи в тамбур подъезда входила Галина Ильинична, старушка с пятого этажа, которая уже давно почти ничего не видела даже при нормальном освещении.

Наташа заметила, что Саша никак не отреагировал на появление старушки. Он, не отрываясь, смотрел на Наташу, стремясь ничего не пропустить в ее облике. Наташа очень надеялась, что проникшего в тамбур света будет не достаточно для того, чтобы он смог разглядеть все детали. Однако почувствовала, как сильно она покраснела под его взглядом. При этом она испытывала чувство благодарности к Саше за то, что он несмотря на очень сильное желание посмотреть на нее в новой обстановке все же не позволил ей включить свет и избавил ее от необходимости испытывать сейчас еще более сильное чувство стыда.

Между тем старушка совсем приостановила свои вялые движения и испуганно спросила:

— Кто здесь?

— Галина Ильинична, это я, Наташа, со второго этажа, — поспешно, срывающимся голосом почти прокричала Наташа.

— Совсем ничего не вижу. Каждой тени стала пугаться, — проворчала старушка и двинулась через тамбур к выходу на улицу.

"Как же хорошо, что она так плохо видит. Похоже, она даже не разобрала, что нас тут двое", — с облегчением подумала Наташа и как только за старушкой закрылась дверь подъезда, оттолкнув Сашу, бросилась по лестнице вверх.

Саша не стал преследовать Наташу, а когда она уже подбежала к двери своей квартиры, негромко крикнул:

— Мы обязательно опять встретимся и так скоро, что ты не успеешь меня забыть.

— Можешь не спешить, такое, я уже точно никогда не забуду, — бросила ему Наташа и захлопнула за собой дверь.

Потом, прислонившись спиной к двери, она стояла и думала: "И почему это все должно происходить именно со мной? Все находят себе нормальных парней, а ко мне какой-то чудак прицепился. Приключений ему, видите ли, захотелось. И я тоже хороша второй раз купилась на его штучки". Здравый смысл подсказывал, что необходимо как можно быстрей раз и навсегда избавиться от этого странного молодого человека, но Наташа осознавала, что уже сейчас начала ждать их новой встречи, новых приключений и думает о нем, как о своем парне. И ничего уже со

всем этим поделать не могла.

Саша вновь пошел к Наташе уже через день, еле дотерпев до ближайшего выходного дня. На этот раз он не стал дожидаться ее на скамейке у подъезда, а сразу поднялся к ней в квартиру. Когда он позвонил в дверь Наташиной квартиры, было чуть больше одиннадцати часов. Саша понимал, что для подобного визита было еще слишком рано, но он не смог заставить себя подождать еще немного.

Дверь открыла Наташа. На ее лице полностью отсутствовали даже следы косметики, волосы не причесаны и слегка растрепаны так, как будто она только встала с постели. Из одежды на ней был мешковатый, почти бесформенный халатик, едва прикрывающий ее колени, да мягкие чрезмерно объемные тапочки, отороченные искусственным мехом с длинным ворсом. Но даже в таком виде она как женщина совсем не потеряла своей привлекательности. Более того, вот к такой домашней Наташе, Саша испытывал даже более сильное физическое влечение.

— Это опять ты. Да у тебя прямо талант, какой-то к тому чтобы заставать людей врасплох, — опять глупо, почти как позавчера у подъезда улыбнулась Наташа. Правда, когда она увидела перед своей дверью Сашу, она все же вздрогнула, а по ее спине пробежал холодок. Но в ее голосе не было удивления. На этот раз она действительно ожидала его появления. Неожиданностью для нее стало лишь время и место появления Саши. Наташа никак не могла предположить, что он вздумает посетить ее в столь ранний час. Да и не думала она о том, что он способен вот так без приглашения взять и заявиться прямо к ней домой.

Саша к своей радости сразу понял, что на этот раз Наташа действительно ждала их встречи, ждала именно его, и широко улыбаясь, с удивлением в голосе ответил:

— Я же в прошлый раз обещал тебе, что мы опять встретимся. И ты не возражала. Ты лишь сказала, что я могу не торопиться. И вот я, сколько смог подождал, и пришел.

— Недолго же ты подождал, а откуда ты узнал, что я буду дома?

— А я и не узнавал. Сам не знаю почему, но я точно знал, где ты сейчас находишься. Наверное, это из-за того, что мне очень хотелось тебя увидеть.

— Вообще-то приличные люди, прежде чем прийти в гости к девушке, спрашивают у нее разрешение. Ты что не мог позвонить и нормально договориться о встрече?

— Конечно же, не мог. Ты разве не помнишь? Я же не успел в прошлый раз спросить у тебя номер твоего телефона, — опять

добавил в свой голос нотки притворного удивления Саша.

— А, ну да, конечно. Зато успел много чего другого, — выпалила Наташа и тут же покраснела от смущения, вспомнив, как легко она позволила Саше залезть ей в трусы.

— Совсем ничего не успеть было бы обидно. И потом в прошлую нашу встречу мы успели сделать гораздо более важные вещи, чем обмен телефонными номерами. Кстати, а почему ты тогда так быстро и неожиданно ушла? Ты, что не доверяешь мне? — очень серьезным тоном и как-то деловито произнес Саша, но его глаза светились лукавством, и от этого было понятно, что это он сказал нарочно, для того чтобы подразнить Наташу, заметив, как она смущается своих воспоминаний.

— Нет, ничего действительно важного ты все же не успел. Я до сих пор не знаю даже твоего имени, — сказала Наташа, пытаясь предотвратить обсуждение подробностей их прошлой встречи.

— Ну, если тебя это так сильно волнует, то меня зовут Сашей. Вот теперь ты знаешь мое имя. И я не думаю, что эта информация хоть что-то способна сейчас изменить в наших взаимоотношениях. Вот первый поцелуй и все за ним последовавшее — это совсем другое дело, — продолжил дразнить Наташу Саша, осознающий, что она стесняется вспоминать с ним вместе подробности произошедшего в подъезде. Однако ему необходимо было вызвать в ней волнения и эти непрямые напоминания как раз очень хорошо подходили для этого.

Они стояли друг напротив друга у распахнутой двери и оба осознавали, что все их препирательства не имеют никакого значения. Они говорят все это друг другу просто потому, что надо же было что-то говорить, и необходим переход к действительно важным вещам. Она вовсе не забыла прикосновения его губ, рук и подсознательно хотела ощутить их вновь. Так что их взгляды красноречиво выражали подлинные устремления и намерения в отношении друг друга и никакие слова ничего замаскировать или скрыть были не в состоянии.

— Но ты даже не удосужился объясниться. Зачем ты ко мне ходишь? — спросила Наташа, понимая, что задала совершенно ненужный вопрос.

— Неужели ты хочешь сказать, что до сих пор не понимаешь этого? — с ухмылкой ответил вопросом на вопрос Саша и поскольку ему уже надоел этот пустой разговор, двинулся к Наташе, одновременно входя в квартиру, так и не дождавшись приглашения.

Существовавшее все это время между ними расстояние примерно в два шага мгновенно исчезло.

— Не надо, — севшим голосом очень тихо выдавила из себя Наташа, отступая назад под напором Александра.

Громко стукнула, захлопнувшись, входная дверь. Это Саша, полностью войдя в прихожую, толкнул ее. Но Наташа никак не отреагировала на это.

Неожиданно быстро Саша вдруг оказался сбоку от Наташи. Вытянул руки и упер их справа и слева от нее в стену, разом лишив Наташу пространства для отступления.

— Что не надо? — спросил Александр.

Его прерывистый голос, казалось, волновался, но Наташа догадалась, что это было по большей части притворное волнение. Однако ей сейчас почему-то это было все равно. Она ничего не ответила. Ее глаза и так сказали все что нужно.

— Я поцелую тебя. Тебе понравится. Тебе ведь понравилось тогда в подъезде? — не дождавшись ответа, вкрадчивым голосом медленно произнес Александр.

— А как же сценарий? Разве ты не расскажешь сначала, что будет? — торопливо, явно боясь не успеть, с заметной дрожью в голосе и сильно волнуясь, неожиданно спросила Наташа.

— Сегодня сценария не будет. Да и зачем он тебе? Неизвестность, она ведь способствует более сильному возбуждению.

Александр вел себя уверенно, как хозяин положения, как опытный наставник и это Наташе нравилось. Ей хотелось подчиняться и следовать за ним. Она безропотно в кольце его рук стояла, прижимаясь спиной к стене, а все ее тело сотрясала дрожь в ожидании дальнейшего. Все что она видела — это его нависающее над ней лицо, которое стало медленно приближаться, по мере того как сгибались в локтях Сашины руки. При этом это приближающееся лицо как-то странно раскачивалось, а его взгляд бегал по ее лицу. "Черт! Да ведь он выбирает место, куда меня поцеловать", — наконец догадалась Наташа. "И чего тут выбирать? Конечно же, в губы. Я определенно хочу в губы. Как же медленно он приближается. Я же не хочу больше ждать", — пронеслось в голове у Наташи. Она не решилась ничего сказать, но ее губы сами собой стали вытягиваться ему на встречу, подсказывая, куда она хочет, чтобы ее поцеловали.

Наконец ее губы коснулись его губ. И она, уже больше не сдерживая себя, жадно втянула их в себя до появления боли. Ей было все равно, что он о ней подумает. Животное желание взяло верх. Сознание Наташи помутилось и стало заполняться пустотой. Ее тело требовало прикосновения его рук, но она их не ощущала и тогда она сама обхватила его шею своими руками и прижалась

к нему, настолько сильно на сколько смогла. Фактически Наташа на какое-то время повисла на Саше. Получалось, что это не он целует ее, а она целует его. И поцелуй у нее вышел настолько затянувшимся, тягучим, надсадным, что у Александра исчезли все последние сомнения относительно ее желаний. Он оторвал руки от стены, и немного наклонившись, подхватил Наташу левой рукой под ноги, а правой обхватил чуть повыше поясницы.

Наташа смогла отпустить Сашины губы только после того, как почувствовала, что она отрывается от пола, а все ее тело поворачивается в воздухе, постепенно занимая горизонтальное положение. Она не ожидала, что хлипкий на вид Александр в состоянии взять ее на руки. Ведь она вовсе не истязала себя диетами, обладала роскошным женским телом с хорошими формами и, хотя вовсе не выглядела толстой, но все же весила никак не меньше шестидесяти килограмм. Однако, почувствовав, что Александр достаточно надежно удерживает ее и ей вовсе не грозит падение на пол, позволила расслабиться своему телу и лишь слегка продолжала придерживаться руками за его шею. Такое изменение ее положения вызвало во всем ее теле ощущение восторга. Именно в это мгновение она окончательно доверилась Александру.

Александр с Наташей на руках двинулся по коридору в комнату, теряя по пути ее тапочки. В комнате он бережно положил ее на диван.

Наташа расслабленно лежала и всем своим видом показывала, что готова принять любую инициативу Александра. Он не стал заставлять себя ждать и начал развязывать пояс ее хала.

— Саша, а, что если бы я была дома не одна? — продолжая неподвижно лежать с вытянутыми вдоль тела руками, пробормотала Наташа.

— Ну, ведь мы же одни. И потом нам вовсе нет никакой нужды что-то скрывать и чего-то стыдиться. Мы не делаем ничего такого, чего не делали бы большинство людей в нашем возрасте.

Наконец узел на поясе сдался, и Александр быстро распахнул полы ее халата. На Наташе из нижнего белья были только трусики, такие повседневные, мешковатые, не эстетичные, но зато удобные из белой достаточно толстой хлопчатобумажной ткани. Ее же шикарные упругие, не потерявшие формы даже в лежачем положении полные с крупными возбужденными сосками груди ни что не скрывало от взгляда Александра. Он не стал останавливаться на достигнутом, и решительно взявшись за резинку ее трусиков начал их с нее стаскивать. Неожиданно для Александра Наташа облегчила решение его задачи,

приподнявшись бедрами над поверхностью дивана. Так что он все сделал легко и быстро. Он не приспустил ее трусики, как позавчера в подъезде колготки, а снял их с нее совсем. Затем Александр как бы в нерешительности остановился и уставился на почти полностью обнаженную теперь Наташу. Его взгляд бегал по всему ее телу. Пауза затягивалась. Под его взглядом возбуждение Наташи усиливалось. Отчетливо стали заметны мелкие подрагивания ее тела. Кроме этого, несмотря на то, что в комнате было тепло, появилось ощущение холода, она стеснялась своей наготы, ей было неудобно оттого, что Александр так откровенно и бесцеремонно пользовался ею.

Наташа лежала совершенно неподвижно, не делая попыток прикрыться. Только в ее глазах появилась какая-то растерянность, да еще она покраснела от смущения. Наконец она не выдержала и, волнуясь, тихо спросила запинающимся голосом:

— Что? Что-то не так? Со мной… во мне что-то не так?

— О чем ты? Как такое тебе только могло прийти в голову? Нет, я, конечно, догадывался, что без одежды ты будешь выглядеть очень хорошо, но все же не ожидал, что твое тело окажется на столько совершенным, — срывающимся от возбуждения голосом сказал Александр, не отрывая своего взгляда от лежащего перед ним тела девушки. Со стороны было видно, что он сейчас просто не в силах не смотреть на Наташу.

От слов Александра смущение Наташи только усилилось и она, конечно же, не осознанно, немного сдвинув в бок ногу и слегка поджав ее, скрыла кончики своих губ, совсем немного выступавших над густо растущими короткими волосами. Однако вид покрытой характерными волосками ложбинки образовавшейся в районе лобка и соблазнительного изгиба бедра стал оказывать на Александра еще более сильное воздействие.

— Пожалуйста, не надо на меня так смотреть, — робко попросила Наташа.

— Но почему? Ведь ты же просто потрясающе красива, — искренне удивился Александр.

— Понимаешь, ты меня смущаешь, очень сильно смущаешь, мне же стыдно, — почти прошептала Наташа, ухитрившись сжаться при этом еще больше, но так и не попыталась поднять свои руки, чтобы прикрыться ими.

— Не понимаю, как можно стыдиться такого тела? Таким телом можно только восхищаться, — произнес Александр, склоняясь над Наташей.

Его ладони накрыли твердые, словно каменные от невероятно сильного возбуждения соски на ее грудях. Почувствовав, как они уперлись в самую середину его ладоней, он даже вздрогнул, а

затем Александр ощутил все нарастающий невероятно приятный зуд в месте контакта ее сосков с его кожей. Он склонился еще ниже и его губы коснулись ее губ.

Наташа успокоилась, поняв, что Александр больше не может рассматривать все ее тело, во всяком случае, целиком, и закрыла глаза, полностью погрузившись в свои ощущения. Сейчас его рот был требовательным и настойчивым, именно он целовал ее, а она лишь позволяла ему это. Его язык раздвинул ей губы и медленно начал проникать все глубже, изучая ее рот. Руки Александра начали ритмично сжимать и отпускать ее груди, но не больно, не сильно, очень мягко и ласково. Все волнения, вызванные пристальным изучением ее обнаженного тела, постепенно заместились в Наташе другими не менее сильными и возбуждающими.

Наконец Александр оставил ее рот и, покрывая по пути все, что попадалось поцелуями, двинулся вниз по ее телу. Он почувствовал, как дернулось все Наташино тело, когда его губы медленно и нежно первый раз втянули в себя сосок на ее груди. Потом его щеки ритмично заходили, вбирая и выпуская через волнующее кольцо уплотнения его губ ее большой и, несомненно, очень чувствительный сосок. Его рука, почти не опираясь на ее кожу, переместилась к ней на живот, и стала все так же еле прикасаясь, поглаживать его, периодически слегка задевая волосы на ее лобке. В ответ с уст Наташи сорвалось нечто в роде: "О. о! Ах…", а на ее теле появилось много мелких пупырышек — мурашек.

Александр видел, как нерешительно, медленно раздвинулись ноги Наташи, не широко, ровно на столько, чтобы могла пройти его рука, приглашая опуститься ее еще немного ниже. Он видел, что ее губы тоже немного разошлись, что они переполнены выделившейся жидкостью. От длительных ласк ее выделилось столь много, что она покрывала уже всю видимую поверхность губ и даже короткие волоски, росшие у их основания, были мокрыми.

У Наташи еще сохранялось чувство стыда. Она стыдилась того, что как только Александр коснется ее там, внизу, то сразу поймет ее состояние, ее желания, которых она так сильно стыдилась. Но она уже больше не могла терпеть этот уже давно охвативший ее и непрерывно нарастающий зуд желания. Поэтому, уже совершенно не обращая ни на что внимания, она, ерзая, изгибаясь всем телом и перебирая ногами, в жутком нетерпении ждала, когда же, хотя бы его пальцы дотянутся, будут трогать и мять ее там, избавляя от этого зуда.

Она опять выдохнула: "О. о! Ах…", когда его рука, несмотря

на то, что она ожидала этого, все равно внезапно для нее накрыла ее губы и сжала их, захватив вместе с ними волосы и окружающую кожу, выдавливая из них скопившуюся влагу. Он сжал ее там внизу до боли. От чего Наташа, сильно придавленная его рукой, заерзала, сдвигая бедра из стороны в сторону, и выгнулась грудью, шумно хватая воздух широко открытым ртом.

Сашина рука быстро покрылась жидкостью чуть более вязкой и тягучей, чем обычная вода. Он ослабил хватку и разровнял ладонью между ее ног все им только что сжатое и скомканное. Затем сдвинул свою руку чуть выше и его указательный палец легко и свободно провалился в щель между ее губами. Задвигался, исследуя влажную, теплую внутреннюю поверхность. Наташа затихла, стремясь ничего не пропустить из своих новых ощущений.

Примерно через минуту ее дыхание опять сбилось, стало шумным. Она опять стала хватать ртом воздух, ерзать, выгибаться всем телом и перебирать ногами, периодически сдавливая между ними Сашину руку. А потом ее тело вообще все затряслось и буквально забилось в конвульсиях. С ее губ сорвались стоны: "У. ух..", периодически прерываемые возгласами: "Что же это?", "Да как же такое может быть?".

Александр решив, что предварительные ласки можно закончить, и он достаточно хорошо подготовил Наташу забрался к ней на диван.

Наташа почувствовала, как прогнулся диван под тяжестью Александра, и открыла глаза. Она увидела, что он стоит над ней на коленях, раздвинув ноги так, что ее тело как раз смогло разместиться между ними и в волнении трясущимися руками торопливо пытается расстегнуть свои джинсы. Но из-за его сильного возбуждения у него никак ничего не получалось.

С некоторой задержкой, но до сознания Наташи все же дошло, что за всем этим сейчас должно последовать. Она мгновенно вся напряглась и обнаружила, что не в состоянии поднять своих рук. Они надежно запутались в рукавах и полах ее халата, которые были прижаты к дивану коленями Александра. Все, что ей удавалось — это сдвигать свои руки сантиметров на пять-десять. Она в панике забилась всем своим телом, пытаясь все же вырваться, и завопила:

— Нет! Не надо!.. Я не хочу!

До Александра тоже не сразу дошла суть произошедших перемен, а когда он понял, что Наташа не хочет продолжения и его не будет, то буквально застыл с уже практически полностью расстегнутыми джинсами, с высунувшейся из них тканью сильно растянувшихся трусов, и сотрясаемый мелкой дрожью невероятно

сильного возбуждения. Наконец он оторвал от своих джинсов взгляд и посмотрел в глаза Наташи. В его взгляде были растерянность, немая просьба и удивление.

— Пожалуйста, не надо этого делать, — увидев, что Александр остановился, и немного успокоившись, уже тихо попросила Наташа.

— Ну почему? Ведь я же чувствую, что тебе, как и мне хочется близости, — еле слышно почти шепотом спросил Александр.

— Понимаешь, я не могу вот так…

— Я сделал что-то не так? Я сделал тебе больно или чем-то обидел?

— Нет. Конечно, нет. Дело не в тебе. Это я не могу, — торопливо сказала Наташа. Она полностью прекратила свои попытки освободить руки и опять лежала тихо и неподвижно. Перестала смущаться своей наготы. Да и взгляд Александра сейчас вовсе не изучал ее тело. Он смотрел ей исключительно в глаза.

— Ты девственница? — с некоторым удивлением толи спросил, толи сказал утвердительно Саша.

— Да, — слегка покраснев, призналась Наташа.

— И ты боишься?

— Наверное.

— Понимаю, но через это проходят все женщины, а может, ты еще и меня лично боишься?

— Возможно.

— Наташ, послушай, тебе не надо меня бояться. Я никогда не сделаю тебе ничего такого, чего ты сама не захочешь. Ведь, вот сейчас, я не пытаюсь овладеть тобой силой. Хотя легко могу это сделать, и ты в своем положении и сопротивляться то не сможешь.

— Сейчас я это понимаю, но минуту назад очень сильно испугалась.

— Извини, я даже и не думал тебя пугать. Ведь все у нас шло нормально, как должно.

Александр слез с дивана, и Наташа поспешно запахнула полы своего халата. Возбуждение его все не отпускало и ему никак не удавалось застегнуть свои довольно тесные джинсы. Он по всякому пытался приладить в трусах свое разбухшее и почти совсем не желающее сгибаться хозяйство, но ничего не выходило.

Вся эта его возня со стороны должна была выглядеть комично, но Наташе было не до смеху. Она вся еще была наполнена приятными ощущениями от только что пережитого оргазма и понимала, что так или иначе, но она получила удовлетворение, а вот Александр нет. Осознавала, что он сейчас

должен мучаться от не получившего удовлетворения желания и чувствовала свою вину в этом.

— Саша, прости меня, но я, правда, так не могу. Я, конечно, виновата. Мне с самого начала не следовало позволять тебе меня раздевать и тем более трогать. А я, как совершенно ничего не понимающая дура раздразнила тебя, обнадежила. Я, правда, не знала, что будет все вот так. Конечно, я должна была дать понять тебе раньше, что не готова к столь далеко заходящим отношениям, — запинаясь, стала извиняться Наташа.

— Да, ладно, Наташ. Ведь ничего непоправимого не произошло. Я понимаю, что все сегодня для тебя случилось неожиданно, и ты совсем не была готова к подобному развитию наших отношений. Зато после сегодняшнего ты сможешь больше доверять мне, психологически подготовишься, и в следующий раз у нас все получится, — ответил на извинения Наташи Александр, наконец справившийся со своими джинсами.

— Саш, ты меня не совсем правильно понял. Дело не только в моих страхах. Понимаешь, может я совсем не современная, но я не могу просто так.

— А, так ты что ли имеешь в виду штамп в паспорте? Так эту проблему вообще очень просто можно решить, — наконец догадался Александр.

— И как же ты это себе представляешь?

— Да очень просто, пойдем да распишемся.

— Это ты, что предлагаешь мне замуж, что ли за тебя выйти? — улыбнувшись, шутливым тоном сказала Наташа.

— Конечно.

— Это ты серьезно?

— Абсолютно. А что, собственно говоря, нам мешает взять и пожениться?

Наташа внимательно посмотрела на Александра и поняла, что он действительно вовсе не шутит, и уже серьезно сказала:

— Да ты и в правду ненормальный. Как же так можно?

— Как так?

— Да так. Мы едва знаем друг друга. Мы встретились то только в третий раз. Причем в первый раз вообще не говорили, а во второй почти не говорили. Ты обо мне по сути ничего не знаешь, а я о тебе.

— Ничего подобного я о тебе знаю все мне действительно необходимое для принятия такого решения. Я даже успел посмотреть, как ты выглядишь без одежды, ведешь себя в определенных обстоятельствах. Может тебе это покажется странным, но для меня это имеет большое значение. И пришел к выводу, что ты мне подходишь.

— По-твоему, получается, достаточно посмотреть, как выглядит женщина голышом. Так что ли? И если оказалось, что она хоть сколько-нибудь привлекательна, то уже можно жениться, а как же все остальное?

— А, что остальное?

— Ну, как же? Общие интересы, взгляды, темы для разговоров. Мы же должны будем общаться не только в постели.

— Да чушь все эти общие интересы. В мире полно, если не абсолютное большинство супружеских пар, не имеющих и никогда не имевших никаких общих интересов. И ничего, они прекрасно существуют. Все эти интересы, уровни развития, образования имеют значение разве что на работе, да при выборе друзей. Что действительно является важным, так это способность удовлетворять друг друга в постели.

— Нет, я все же не согласна, что все сводится исключительно к сексу.

— Конечно, существуют еще и чисто бытовые интересы при совместном проживании. Но ты можешь представить, чтобы они не совпадали, чтобы кто-нибудь в здравом уме и твердой памяти хотел жить плохо? Они могут значительно отличаться только у людей воспитанных в разных обществах с отличными культурами. Но нас-то это не касается, мы выросли в одной среде. Поэтому фактически остается только вопрос интимных отношений. И ты сегодня сама смогла убедиться, что я в состоянии тебя возбудить и довести до нужного состояния. Остался не выясненным лишь вопрос чисто анатомической совместимости, но мы можем проверить это в любое время.

— Нет уж, больше я ничего проверять не буду, — вся залилась краской Наташа.

— А что ты так смущаешься? Это действительно важный вопрос и лучше его прояснить до, чем после. Впрочем, если ты не хочешь, то можно рискнуть пожениться и так. Ведь чисто физиологически люди не подходят друг другу очень редко.

— Но я даже не знаю, люблю ли я тебя? А как же можно выходить замуж без любви?

— Наташа, скажи, по каким признакам ты можешь распознать, что ты меня любишь или не любишь?

Наташа открыла, было, рот, но потом в растерянности захлопала глазами.

— Не получается? Вот то-то и оно. Но тебе не стоит переживать, что ты не можешь однозначно идентифицировать это чувство. Если не говорить по этому поводу всякие глупости, то и никто не сможет, — помолчав, немного сказал Саша.

— Возможно, если мы будем достаточно продолжительное

время встречаться, то я все же смогу хотя бы понять люблю я или нет.

— Долгое знакомство принципиально ничего не изменит. Мы просто напрасно потеряем время. Ведь все определяется в первые минуты встречи. Именно в эти минуты на подсознательном уровне решается готов или нет, ты иметь хоть какие то дела с этим человеком. Если да, то все возможно, а если нет, то ничего не будет. Во всяком случае, ничего хорошего. Конечно, если ты собираешься выходить замуж по расчету, то тогда другое дело. Всякая информация о будущем муже приобретает первостепенное значение, а вот все прочее, включая, кстати, и любовь становится не важным. Но я надеюсь, ты не собираешься выходить замуж по расчету?

— Конечно, нет. Зачем говорить глупости? Я, что похожа на женщину, дошедшую до такого состояния? — обиделась Наташа.

— Ну, а тогда брак между нами вполне возможен. Ведь на подсознательном уровне ты вовсе полностью и безоговорочно меня не отвергаешь. Иначе ты не только никогда не позволила бы мне тебя целовать и обнимать, но вряд ли позволила бы мне сегодня даже просто войти в квартиру. Про мое отношение к тебе и вовсе говорить нечего. Зачем бы я к тебе ходил?

— Нет, все же у меня в голове совсем не укладывается — как можно взять и вот так, едва познакомившись, выйти замуж? — продолжала упрямиться Наташа.

— Хорошо, тогда слушай. Полностью меня звать Игнатов Александр Михайлович. Мне двадцать семь лет, я инженер имею высшее образование, работаю в научно-исследовательском институте, практически здоров, не имею вредных привычек, вырос в нормальной полной семье, родственников с психическими заболеваниями и сидевших в тюрьме не имею и в настоящее время не поддерживаю, во всяком случае, близких отношений с иными девушками. Вот, теперь ты знаешь практически всю чисто формальную информацию обо мне, которую ты постепенно могла бы узнать, встречаясь со мной длительное время. Я хочу, чтобы ты кроме этого знала, что я хочу, причем сразу, нормальных отношений, какие бывают между мужчиной и женщиной, и не собираюсь тратить время на всякие предварительные встречи. Теперь сделаем так. Сейчас я уйду. Ты сможешь спокойно обдумать мое предложение, а когда завтра я опять приду, ты уже дашь мне определенный ответ.

Произнеся все это, Александр быстро повернулся и вышел из комнаты, а затем хлопнула входная дверь. Наташа так и осталась сидеть на диване. По тому, что у нее вдруг возникло желание побежать и вернуть Сашу и ей вовсе не хотелось, чтобы он сейчас

уходил, она поняла — у нее образовалась очень серьезная проблема.

Она сидела и думала, что если она откажет завтра Александру, то скорее всего никакого продолжения их отношений уже не будет. Однако она никак не могла забыть его поцелуев и прикосновений. Он только ушел, а ей уже хотелось опять быть с ним вместе. Да и других претендентов на нее пока нигде не наблюдалось. С другой стороны она всегда считала, что со своими внешними данными вполне может рассчитывать на куда, как более привлекательного мужа. Кроме этого все было в нем каким-то неправильным, ненормальным. В том, как и что он говорил, как он себя вел, как быстро фактически продемонстрировал свою готовность перейти к серьезным отношениям. Так было не принято. Разум говорил ей, что от этого ненормального ей следует как можно быстрее избавиться и навсегда забыть его. От всех этих противоречий голова у Наташи буквально раскалывалась, и дело дошло до того, что она не смогла ночью заснуть. Промучившись без сна в постели до утра, она так и не пришла к какому либо решению.

На следующий день около двенадцати часов Саша, одетый в строгий хорошо отглаженный костюм появился на пороге ее квартиры с роскошным букетом цветов в руках. Теперь он был гораздо больше похож на человека, пришедшего делать предложение.

Однако его внешний вид еще больше запутал Наташу. Уж больно сегодняшний Саша не соответствовал вчерашнему.

Наташа сразу предложила Саше пройти в ее комнату. По тому, как растерянно бегают ее глаза, он понял, что она так и не смогла принять определенного решения, но все равно торопливо сказал:

— Ты еще не одета. Давай одевайся и мы пойдем подавать заявление, а то времени уже много.

— Саш, но я не знаю, что тебе сказать…, - начала Наташа.

— Как? Тебе не хватило суток, чтобы прийти к определенному решению? — перебил ее Саша.

— Ты только не обижайся, но мне необходимо еще время.

— Ты хочешь сказать, что не смогла определиться хочешь ты или нет выходить за меня замуж?

— Ну, в общем да.

— Вчера ты категорически была готова отказаться, а сегодня уже ни в чем не уверена. И это о многом говорит. В твоих представлениях о возможном развитии наших отношений произошли значительные изменения.

— Да и в результате я совсем запуталась.

— Знаешь, когда из двух вариантов осознанно никак не удается выбрать один — есть только один способ решения проблемы — это положиться на случайный выбор.

— Ты шутишь? Ты, что серьезно предлагаешь бросить монетку и гадать — выпадет орел или решка? — засмеялась Наташа.

— А почему бы и нет? И кстати нет в этом ничего смешного. Вот только монетку я бросать бы не стал. Уж слишком случаен и независим от нас такой выбор. Давай разыграем нашу женитьбу, в какую ни будь игру, например, в карты, — совершенно серьезно предложил Саша.

— Чем же игра лучше? — все еще продолжала смеяться Наташа, но уже как-то нервно.

— Понимаешь, за игру происходит не одно случайное событие, а целая цепь. Кроме этого участники игры могут влиять на ее результаты, в том числе и неосознанно. Так, например, если ты на подсознательном уровне в большей степени хочешь выйти за меня замуж, то сама не сознавая этого, будешь способствовать своему проигрышу и наоборот. В результате вероятность принятия правильного решения возрастает.

— Ты, что совсем ненормальный? Ты серьезно предлагаешь поставить меня на кон, как какую ни будь вещь и разыграть в карты? Вот уж не думала, что такое кто-либо посчитает возможным мне предложить.

— Ничего плохого или оскорбительного в моем предложении нет. И потом почему ты всю эту ситуацию рассматриваешь лишь в отношении себя. Ведь моя судьба тоже будет разыгрываться наравне с твоей. Таким образом, получается, мы находимся в равных условиях.

— Хорошо, я согласна, ты тоже выставляешь себя на кон. Но все же я не понимаю, как можно такое важное решение отдавать в руки случая?

— А о каком таком важном решении ты говоришь? Ведь если мы сегодня подадим заявление, то распишут нас не раньше чем через месяц. Таким образом, фактически мы сейчас можем разыграть лишь одну вещь — будем или нет мы сегодня подавать заявление. Мы вовсе не собираемся проигрывать в карты друг друга. У тебя в любом случае будет еще целый месяц на обдумывание. Ведь отказаться от бракосочетания можно будет в любое время в течение всего этого месяца. Если для тебя важным является сохранение девственности, то я обещаю тебе, не покушаться на нее до самой свадьбы и таким образом ты будешь избавлена от наступления необратимых событий. Кроме этого ты избавишь себя от мучающей тебя проблемы выбора.

Наташа надолго задумалась: "А ведь он прав. Сейчас, сиюминутно я ничего не теряю. По сути, в самом худшем случае я даже не даю ему обещания выйти за него замуж. Уж за месяц я в любом случае смогу во всем разобраться, а если подача заявления не выпадет, то легче смогу уговорить его продолжить наши встречи." Наконец Наташа решилась и сказала Саше:

— Ты сумасшедший авантюрист. С тех пор как я с тобой познакомилась ты только тем и занимаешься, что втягиваешь меня в различные авантюры. Однако сейчас ты меня убедил и может я, конечно, совсем полная дура, но я решила ввязаться в очередную твою авантюру. Вот только я никаких карточных игр то и не знаю.

— Ну, как в "Дурачка" играть ты уж точно знаешь.

— Знаю, а разве такая игра подойдет?

— Конечно, подойдет, — деловито заверил Наташу Александр.

— Это ж надо, даже игру ухитрился подобрать с подходящим названием, — ухмыльнулась Наташа.

— Надеюсь, у тебя дома колода карт найдется? — проигнорировал ехидное замечание Наташи Александр.

— Найдется. Не понимаю, куда ты спешишь?

— Зачем тянуть? Проясним нашу ситуацию, да и успокоимся уже, наконец.

Наташа принесла колоду карт. Александр начал ее тасовать и объявил условия их игры:

— Так, играем абсолютно честно. Никто не пытается мухлевать. Если ты проигрываешь, то мы идем подавать заявление в загс. Если выигрываешь, то не идем. Если у нас получается ничья, то играем вновь до первого проигрыша кого-либо из нас.

— Если я выигрываю, то мы не просто не идем подавать заявление. А продолжаем встречаться, и ты берешь на себя обязательство в течение полугода не делать мне повторного предложения выйти за тебя замуж, — добавила Наташа.

— Хорошо, — неожиданно для Наташи легко согласился с ее добавлением в условия игры Александр.

Наташа торжествующе улыбнулась, намереваясь непременно выиграть. Она даже представляла себе, что уже выиграла и тем самым привязала к себе Александра, без каких либо обязательств со своей стороны и стала хозяйкой положения. От возбуждения во время игры у нее заметно тряслись руки. Но, несмотря на все ее старания, она проиграла.

— Уфф! Так, переодеваешься, берешь паспорт, и мы идем в загс, — сказал Александр без какого либо намека на торжество

или радость в своем голосе, так как будто результат игры был ему известен заранее.

— А твой паспорт у тебя разве с собой? — в раздражении и одновременно с надеждой отсрочить их поход в загс, спросила Наташа.

— Разумеется. Ведь сегодня я сюда шел вовсе не в карты играть.

— Нет, я все-таки не понимаю, как тебе удалось у меня выиграть? Ведь ко мне пришли очень хорошие карты, и козырей у меня было гораздо больше чем у тебя.

— А это только доказывает, что моя теория принятия решений действительно работает и нам действительно следует подать заявление в загс именно сегодня.

— А вдруг твой выигрыш совсем ничего не значит?

— Так, дело сделано. Решение принято и нечего нам больше заниматься обсуждениями. Давай собирайся и хватит тянуть время, — твердо сказал Александр и весьма жестко посмотрел на Наташу.

Наташа в растерянности захлопала глазами, понимая, что ей придется исполнять свое обязательство. Перед тем как они начали игру, она так сильно верила в свою победу, что проигрыш для нее превратился в полную неожиданность. И ей пришлось заново обдумывать сложившуюся ситуацию и успокаивать себя тем, что подача заявления почти ничего еще не значит. После небольшой паузы Наташа, наконец, собралась и сказала:

— Выйди из комнаты. Надеюсь, ты не ждешь, что я стану переодеваться при тебе.

— Можно подумать, что я тебя голой еще не видел, — ухмыляясь, недовольно проворчал Александр, выходя из комнаты.

— Вот когда у меня в карты на раздевание выиграешь, тогда вновь и увидишь, — мстительно и ехидно улыбнувшись, бросила ему в след Наташа.

У Наташи вначале возникла мысль переодеться прямо при Александре. Причем нарочно раздеться догола и затем максимально промедлить с одеванием. И так поступить она хотела по двум причинам. Во-первых, ей очень хотелось опять почувствовать на себе его восхищенные, так сильно ее волнующие, взгляды. Во-вторых, раздразнив и возбудив, его она заставила бы Александра помучиться и тем самым, в какой-то степени отомстила бы ему за свой проигрыш. Однако она была вынуждена отказаться от реализации этой идеи, так как была совсем не уверена не только в том, что Александр удержит себя в руках, но опасалась, что и сама не сможет вовремя остановиться, особенно если дело опять дойдет до ласк.

* * *

О том, что сегодняшний ее выбор на самом деле был не таким уж и случайным, Наташа узнала лишь спустя много лет, после первого и единственного раза посещения ими казино. Александр играл в карты и играл весьма успешно. Благодаря своей способности просчитывать оставшиеся в колоде карты он часто и помногу выигрывал, а если и проигрывал, то помалу. Когда же его суммарный выигрыш составил уже совсем непомерно значительную сумму, в казино заподозрили неладное и естественно решили с ним разобраться, посчитав, что он жульничает. Доказать факт жульничества не удалось и благодаря этому их относительно вежливо просто выставили из казино очень настойчиво попросив больше никогда его не посещать.

Тогда оказавшись на улице, Наташа спросила у Александра:

— Так ты что же действительно играл честно?

— Конечно. Я же не шулер. Я играю очень редко, но уж если играю, то только честно.

— Тогда непонятно, как ты умудрился столько выиграть. Ведь вон и в казино тебе сказали о невозможности без обмана такого большого выигрыша. И кстати говорили они это очень уверенно.

— Значит, возможно, и потом я бы никогда не стал бы при тебе заниматься подобными вещами, даже в том случае если бы позволял себе подобное в прошлом.

— Тогда получается у тебя невозможно или, во всяком случае, очень трудно выиграть в карты. И как давно ты об этом знаешь?

— Ну, как тебе сказать? Где-то с детства.

— Так я и знала, ты меня все же обманул.

— О чем это ты? Когда же я тебя обманывал? — не понял, о чем говорит Наташа Александр.

— Конечно, уже даже успел забыть. Я о том якобы случайном принятии решения о подаче заявления в загс. Ведь ты, получается, знал заранее, что выиграешь, и у меня нет вообще никаких шансов. Небось, еще и подсмеивался надо мной всю игру, а я как дура карты там раскладывала, — разозлилась Наташа.

— Так ты действительно тогда думала, что я в таком важном для меня деле доверюсь случаю?

— Представь себе, думала.

— Впрочем, у тебя возможность выиграть все же была. Представь, при сдаче карт мне бы пришили три шестерки и три семерки и ни одного козыря за всю игру. В этом случае даже я бы ничего сделать не смог бы.

— Ты сам-то в такую возможность веришь?

— Я нет. И тогда подобного варианта развития нашей игры, признаюсь, даже не рассматривал. Но если такое все же случилось бы, то это означало бы только одно — нам действительно нельзя было жениться. Но ведь не случилось же, а значит, мы могли и должны были пожениться.

— Опять намекаешь на наличие у каждого человека своей судьбы, которую изменить невозможно? И тогда, получается, выйти за тебя замуж, было предопределено моей судьбой. А что если никакой судьбы нет, и все это полная чушь и я досталась тебе лишь благодаря твоему обману?

— Все возможно. Насчет наличия или отсутствия судьбы точно никто ничего не знает. Но ведь я тебя тогда даже не обманул. Я не карточный шулер. Я тогда и вообще всегда играю по-честному. Я предложил тебе способ принятия решения, и ты сама на него согласилась. Единственное в чем ты меня можешь упрекнуть, так это в том, что я не сообщил тебе о наличии у меня определенных способностей. Возможно, эта информация повлияла бы на дальнейшие события, а возможно и нет.

— Да как же это могло бы не повлиять? Неужели ты думаешь, что, зная о твоих способностях, я бы согласилась сесть с тобой играть?

— Это ты сейчас, когда сама точно убедилась в наличии у меня способностей, так уверенно рассуждаешь. Тогда же, даже если бы я тебе сказал, что обладаю способностью практически всегда выигрывать в карты, то вероятнее всего ты бы решила, что я тебя разыгрываю или пытаюсь запугать перед игрой. И потом. Вот ты узнала, что я тогда не все тебе сказал касающееся предстоявшей нам игры, и ты готова из-за этого сейчас со мной развестись?

— Конечно, за эти годы уже все изменилась. Вот тогда возможно я за тебя и не вышла бы замуж, и вся моя жизнь сложилась бы совсем иначе. А сейчас ведь ты же все и сам отлично понимаешь. Наш паровоз давно ушел и гудка его совсем не слышно, — с грустью и сожалением в голосе ответила Наташа.

— Что и требовалось доказать. Тебе стало известно о моей способности, но ничего изменить это в наших судьбах не в силах. Вот если бы я тогда не настоял на подаче заявления, то действительно, ты могла бы и не стать моей женой. Скорее всего, через некоторое время, ты бы познакомилась бы, еще с кем ни будь, и бросила бы меня, как не выдержавшего конкуренции. Хотя кто знает, сложилась бы в результате всего этого твоя жизнь лучше? А вдруг она вышла бы хуже? Поэтому не стоит грустить по поводу того, чтобы было если…

* * *

Александр ждал долго, минут пятнадцать. Когда Наташа, наконец, все же вышла к нему, то он отметил, что она принарядилась, успела поправить прическу и не пожалеть косметики, а значит осознанно или нет, но несмотря ни на что все же воспринимает все происходящее в качестве торжественного момента своей жизни. Однако Александру она сразу заявила:

— Мы сейчас пойдем и подадим заявление, но это ничего не будет значить и ничего не изменит в наших отношениях. Я вовсе не даю обещание выйти за тебя замуж. Надеюсь это тебе понятно?

— Хорошо, — с готовностью согласился Александр. Он отлично понимал, что чтобы она ни думала и ни говорила, но факт подачи заявления в загс изменит все. И опасался только одного, что она возьмет и в самый последний момент передумает.

Но Наташа не передумала, и они подали заявление, и им как тогда было и положено ровно через месяц назначали день их свадьбы. Потом они пошли в ресторан, где отмечали подачу заявления под постоянные напоминания Наташи, что она еще совсем ни чего не решила и, по сути, пока совершенно свободна. Александр же со всем соглашался, говорил, что пока ни на что большее не претендует и лишь надеется, что уж за месяц Наташа сможет определиться.

К вечеру из-за бессонной ночи и очень напряженного дня Наташа представляла собой полностью выжатый лимон. Александр, заметив ее сильную усталость, проводил ее домой. Когда она легла спать, то опять сразу заснуть не получилось. В голове крутились мысли о том, как много необходимо успеть сделать до свадьбы. Потом Наташа спохватывалась, злилась на себя и мысленно говорила сама себе: "О чем я думаю? Ведь еще совсем ничего не решено. Я еще могу отказаться выходить замуж". Но через какое-то время ее волнения по поводу того, что она не сможет успеть, как следует подготовиться к свадьбе, опять возвращались. Через некоторое время к ее счастью усталость взяла свое и она заснула, правда с противным ощущением, что хитрый и настойчивый Саша все же ухитрился заморочить ей голову и обманул ее, заставив сделать то, чего она вовсе не хотела. Она потом за всю свою жизнь так и не смогла понять, как же вышло, что она согласилась пойти подавать заявление в загс практически с незнакомым человеком.

Потом время побежало просто с невероятной скоростью. Сначала Александр знакомился с ее родителями. Потом Наташа знакомилась с родителями Александра. Потом их родители знакомились друг с другом и обсуждали детали предстоящей

свадьбы. А потом Наташа уже окончательно поняла, что просто не представляет себе, как она сможет своим родителям сказать об отсутствии у нее окончательного решения по поводу ее замужества. Да и как-то свыклась с мыслью, что выходит она замуж за Александра. И подготовка их свадьбы пошла полным ходом.

Единственное, чем Наташе удалось хоть как-то отомстить Александру, так это тем, что она до самой свадьбы не позволяла ему ничего кроме поцелуев. Хотя сама от этого тоже страдала — ей очень не хватало его рук, его прикосновений и ласк. Для этого ей, оказалось, достаточно ощутить их всего один раз. И она все время злилась на себя за эту похоть, за то, что не может избавиться от этого хотя бы на время, за то, что ей вовсе не нужен был именно Александр, а нужен был вообще кто-то.

Поскольку Александру было все равно, какая у него будет свадьба, а Наташа из-за своих долгих сомнений просто пропустила момент, когда она еще могла эффективно повлиять на сценарий своей собственной свадьбы, то все определили их родители. И в результате свадьба превратилась в традиционную по такому поводу пьянку с участием громадного количества родственников с обеих сторон, в том числе дальних и в основном практически совсем незнакомых молодоженам.

Гости сначала осторожно, а по мере увеличения выпитого спиртного открыто обсуждали странный брак Александра и Наташи. Они не понимали, каким образом невзрачному Александру удалось заполучить в жены такую яркую и эффектную девушку как Наташа. Всем было очевидно, что Александр никак не соответствует Наташе, и она определенно могла бы рассчитывать на гораздо лучшую партию. Строили предположения по поводу того, что могло заставить Наташу согласиться выйти замуж за Александра.

Наташа потеряла способность критически оценивать происходящее еще перед поездкой в загс и по этой причине почти ничего вокруг себя не замечала. Александр же воспринимал все с двояким чувством. С одной стороны ему было неприятно, что как жених он столь низко котируется. С другой стороны ему льстило общее мнение окружающих о том, что он, завладев Наташей, ухитрился добиться практически для него невозможного. И Наташе и Александру казалось, что этот торжественный ужин уже никогда не закончится.

Как только они остались одни, Наташа с облегчением для себя решила, что теперь она полностью освободилась от всех ограничений, которые сама же себе и установила. И теперь нет никаких препятствий для удовлетворения своих потребностей и

можно уже совсем себя не сдерживать. Она практически сразу быстро, почти лихорадочно стала избавляться от одежды, бросая, как попало, ее на пол вокруг себя. Наташа обратила внимание на спокойно стоящего и с улыбкой на губах рассматривающего ее Александра только когда стянула до коленей с себя свои трусики — единственного к этому моменту времени остававшегося на ней предмета одежды. Александр же избавился лишь от пиджака и галстука. Наташа так и застыла в согнутом состоянии, придерживая трусики руками у своих коленей. Она смотрела снизу вверх прямо ему в глаза и отчетливо видела в них буквально животное желание, видела, что Александр прикладывает значительные усилия, сдерживая себя. И ничего не понимала. Ее мгновенно переполнили раздражение и злость.

— Что ты застыл, как памятник? Ну, давай же двигайся быстрее, раздевайся, — с раздражением в голосе и в нетерпении сказала Наташа.

— Наташа, нам сейчас можно уже не торопиться. Более того, торопиться даже не нужно, особенно тебе.

— Ты что? Ты же сам говорил, что тебе нужны нормальные отношения с женщиной и быстро. С тобой что-то не так? У тебя проблемы? — заволновалась Наташа.

Она отпустила свои трусики, которые тут же сползли по ее ногам вниз и, наконец, разогнулась и выпрямилась.

— Со мной все в порядке. Более того, твой внешний вид так сильно на меня действует… Я даже всерьез опасаюсь, что мои брюки не выдержат и порвутся, — пошутил Александр, широко улыбаясь и продолжая пожирать глазами ярко освещенную светильниками совсем голую Наташу. В комнате были включены практически все имевшиеся в ней светильники.

— Тогда чего же ты тянешь? — совсем разозлилась Наташа и, смутившись, вся сильно покраснела, сообразив, наконец, что опять оказалась абсолютно голой перед полностью одетым Александром, и он откровенно пользуется ее наготой по своему усмотрению. И ничего с этим поделать уже нельзя. Как-то закрываться уже поздно и не имеет никакого смысла. Она сама сделала себя слишком открытой, слишком незащищенной от его взгляда. Ей было жутко стыдно оттого, что все это, случилось с ней без какой либо хоть совсем мизерной инициативы с его стороны.

— Не волнуйся, все у нас будет. Просто ты сейчас вся на взводе и излишне напряжена. В первый раз тебе будет больно и лучше тебе сейчас постараться максимально расслабиться. Понимаешь, тебя нужно подготовить, — сказал ей полуправду Александр, так как его медлительность была вызвана не только

заботой об ощущениях Наташи, но и о полноте и яркости своих собственных ощущений и поэтому он вовсе не хотел ничего сейчас делать наспех, впопыхах.

— Я сама знаю, что мне сейчас нужно и я не желаю больше ждать, — продолжала настаивать Наташа срывающимся голосом.

— То, что сейчас между нами произойдет, бывает один раз в жизни. Особенно для тебя. Повторить потом уже ничего будет нельзя. И я ни тебе, ни себе не позволю поддаться сиюминутным слабостям, — мягко и одновременно не допускающим возражений голосом сказал Александр, подходя вплотную к Наташе.

Наташа тут же обхватила его за шею руками, и буквально повисла на Александре, изо всех сил прижимаясь к нему всем своим телом.

— Я не буду спешить, все произойдет только тогда, когда я почувствую, что ты готова к этому, — тихо, почти прошептал Александр перед тем, как его рот нашел ее губы и втянул их в себя.

Руки Александра начали блуждать по ее телу. Они медленно еле касаясь почти скользили по ее коже не оставляя без внимания ни одной округлой выпуклости, впадины или складочки, до которых только могли добраться. Она сразу вспомнила эти руки и порождаемые ими восхитительные ощущения. Тело Наташи покрылось мурашками, мелко затряслось, дыхание стало сбиваться, а глаза она не открывала с того самого момента как повисла на шее у Александра.

Она совсем не двигалась в ожидании дальнейших инициатив Александра. Она вся буквально превратилась в одно сплошное ожидание. И когда его правая рука, скользнув по ее бедру, устремилась в почти полностью закрытую щель между их телами, то Наташа, создавая необходимое свободное пространство для нее, с поспешной готовностью выгнулась своими ягодицами и раздвинула свои ноги. Правда ее трусики, продолжавшие все это время болтаться внизу, у нее на ногах и связывающие их словно обручем не позволили ей просто расставить ноги пошире. И тогда Наташа немного присела, чуть согнув и разведя в стороны свои ноги в коленях, полностью раскрывая себя для Александра.

Александр следил за всеми телодвижениями Наташи в большом зеркале шкафа, стоящего у нее за спиной. И это зрелище столь сильно усилило его возбуждение, что в брюках у него все распухло до появления болевых ощущений, и он даже серьезно стал опасаться, как бы у него там чего не сломалось. Однако он сдержался, и прежде чем проникнуть в Наташу своими пальцами, несколько раз медленно провел рукой по внутренней поверхности

ее ног, периодически лишь слегка прикасаясь к ее губам и окружающим их волоскам.

Наташа в нетерпении совершала круговые движения своими бедрами, ягодицами и при этом пружиня ногами немного проседая. Сама не зная того, демонстрируя в зеркале Александру, просто сводящее его сума зрелище.

Затем пальцы Александра раздвинули ее губы и начали медленно погружаться внутрь. Наташа приостановила свои движения, руки, словно железным обручем сдавили его тело, и с ее губ сорвалось сладострастное:

— О-ох!

Неудовлетворенная медленным продвижением Александра, Наташа подалась своими бедрами, вперед пытаясь как можно глубже насадиться на эти, как ей тогда казалось, через, чур, медлительные пальцы. Однако Александр не позволил ей этого, отведя свою руку, и в результате она оказалась зажата между их телами. Поняв, что так она сделала только хуже, Наташа вынуждена была опять выгнуться бедрами, создавая необходимый простор для руки Александра. Его пальцы снова проникли в нее, и она стала тереться о них, в нужном ей темпе водя своими бедрами из стороны в сторону. Через некоторое время Александр сам увеличил глубину своего проникновения и интенсивность своих движений, подстроившись под ее ритм.

Александр оторвался от ее губ для того, чтобы можно было следить за выражением лица Наташи. Ему было интересно буквально все. Он изучал на практике процесс совокупления и сверял свои наблюдения с ранее приобретенными им теоретическими познаниями. К счастью для Наташи она об этом не догадывалась.

Она не открывала глаз, а лишь подрагивала ресницами, часто закусывала нижнюю губу, а когда отпускала ее, становилась, заметна блаженная улыбка, плохо сочетающаяся с выражением муки на лице. Ее идеально гладкий лоб систематически покрывался морщинами, и от этого казалось, что она силится осознать, понять что-то очень важное и сложное, но правильные мысли все время ускользают, и у нее ничего не получается. Ноздри неровно и сильно раздувались так, как будто она в хорошем темпе пробежала километр. Когда же в лице становилось совсем много муки, Наташа сильно до очевидной боли кусала верхнюю губу, а вся она напрягалась, выгибаясь хотя и не сильно, но как-то подавалась вперед. Затем следовало расслабление и на ее лице все вытесняло выражение полного и беспредельного счастья.

Наташей овладел какой-то совершенно неподвластный ей,

животный, первобытный инстинкт. Ей уже не было нужды самой совершать какие-либо движения. Все ее тело превратилось в сплошную похотливую, жаждущую эрогенную зону. Мозг буквально немел от любого самого незначительного прикосновения к ней Александра и даже от простого перемещения в ее теле его пальца всего на пару миллиметров. Она догадывалась, что истекает влагой, чувствуя, как липко, вязко скользит его рука, захватывающая ее ноги у самого их основания и слыша периодически характерные чавкающие звуки.

Наташа ожидала дальнейших шагов Александра и уже опять начинала нервничать. Открыла глаза и напоролась на внимательный, изучающий взгляд Александра, но ее помутневшие, почти бессознательные глаза не в состоянии были различать особенности в его взгляде.

— Я вся мокрая, — выдохнула из себя Наташа.

— Я знаю, — спокойно сказал Александр. — Так и должно быть. Это хорошо.

В его поведении ничего не изменилось. "Я и сама знаю, что так должно быть", — в раздражении подумала Наташа.

— Я же уже готова. Почему ты тянешь? Делай же хоть что-нибудь, — не выдержала Наташа.

— Подожди, потерпи еще немного. Я чувствую уже скоро.

— Я не хочу ждать. Сними с себя все, — попросила Наташа. — Я хочу чувствовать своими руками твою кожу, а не твою одежду.

— Я сам хочу этого. Конечно, сниму. Чуть позже, — услышала в ответ Наташа.

Наташа подумала, что Александр нарочно унижает ее. Хочет, чтобы она униженно просила, буквально умоляла его даже об этом. Своими действиями показывала свое похотливое нетерпение. И она не выдержала. Руки помимо ее воли выволокли из-за ремня брюк его рубашку и, скользнув под нее, стали жадно изучать его теперь ничем не защищенную мелко вибрирующую кожу.

Она почувствовала, что движения пальцев Александра ускорились, в их характере отчетливо стало ощущаться нетерпение, которого ранее Наташа никак не могла заметить. И именно отсутствие нетерпения в Александре больше всего ее злило и одновременно поддерживало и усиливало желание полностью завладеть им. Она чаще стала хватать ртом воздух и тут же бестолково со стоном выпускать его. Ее уже всю трясло и било как в лихорадке, все ее тело ходило, извивалось грудью и бедрами в рваном ритме.

Наташа чувствовала левую руку Александра, подхватившую

ее под ягодицы и безуспешно пытающуюся убавить амплитуду колебаний ее тела.

Поскольку ей было всего этого недостаточно и, показывая, что она ждет от никак нежелающего понять ее Александра большего, Наташа попыталась протиснуть ладонь между животом и ремнем его брюк, но смогла продвинуться в глубь его штанов всего лишь на несколько сантиметров. Тогда, вытащив из-за ремня не способную пробиться дальше руку, она сильно прижала ее прямо поверх брюк к выпуклости между его ног.

Наташа кончила тут же, как только почувствовала твердость, и в ее ладонь проникло тепло от сильно нагретой в этом месте брюк ткани. Видимо до этого момента где-то в подсознании у нее все же продолжала сидеть мешающая ей мысль о том, что с Александром не все в порядке.

Она почувствовала, как по всему ее телу разливается слабость, и Наташа обессилено начала сползать по Александру вниз, больно цепляясь за него своей выставленной наружу незащищенной грудью. Совсем не замечая этой боли и легко скользя своими ладонями по его телу.

Александр не попытался удержать Наташу. Он лишь придерживал ее своей левой рукой, направляя ее сползание и препятствуя заваливанию ее вбок или навзничь. Она подняла голову и видела, как суетливо быстро пальцы правой руки Александра начали расстегивать пуговицы рубашки.

Медленное, будто в замедленной киносъемке почти падение прекратилось, когда ее дрожащие колени уперлись в пол. Наташины руки уже сами собой пытались расстегнуть ремень его брюк. Из-за того, что ее била сильная дрожь это у нее получалось плохо. "Из-за моей мерзкой животной похоти он все же полностью подчинил меня себе. Заставил меня раздевать себя. И, конечно, сейчас отлично видит мои неловкие, трясущиеся в нетерпении руки. Видит мое неконтролируемое животное желание. Наверное, со стороны это выглядит унизительно. Ну и пусть. Лишь бы он, наконец, сделал свое дело", — думала Наташа, которую, несмотря на то, что она только что кончила, сейчас совсем не мог удовлетворить ненормальный половой акт.

К моменту, когда Александр отбросил свою рубашку, Наташа все же справилась с ремнем, расстегнула пуговицу и застежку на брюках. Александр не пытался ей помочь, явно предпочитая, чтобы Наташа все сделала сама. Она в раздражении сильно потянула за края пояса его брюк и молния на брюках с треском разошлась, а затем быстро двумя руками спустила их вместе с трусами к его коленям. Из его трусов буквально выстрелило, словно внезапно освобожденной пружиной невероятной силы.

Наташа вздрогнула в испуге, настолько неожиданно он оказался всего в нескольких сантиметрах от ее лица, обдав ее, как ей тогда показалось, струей горячего воздуха.

Александр никак не торопил Наташу, а она какое-то время потрясенно рассматривала его, а затем в изнеможении уперлась лицом в пах Александра и окончательно стала оседать на пол.

— Пойдем, — глухим голосом выдохнула Наташа, — пойдем в постель, я не могу больше.

— Понятно, ты не можешь больше ждать, — согласился Александр, полностью избавляясь от брюк с трусами, — вот теперь ты действительно готова.

Он подхватил ее на руки и быстро перенес на уже давно разобранную кровать. Сорвал все еще продолжавшие болтаться на ее ступнях трусики. Наташа приподнялась, устраиваясь поудобнее, и широко развела в стороны свои ноги. Она чувствовала, как зуд нетерпения охватывает ее с новой силой. Видела, как Александр вслед за ней забрался на кровать и стал всем своим телом наваливаться на нее. Затем его губы нашли ее и страстно всосались в ее рот, подмяв ее губы и кусая их до боли. Наташа вскрикнула, когда почувствовала у самого входа почти обжигающе горячее, столь долгожданное живое прикосновение. Хотя из-за того, что ее рот был занят, крика не получилось, а вышло что-то вроде удивленного мычания. Внутри у нее все онемело одновременно и в ожидании и в истоме, и она закрыла глаза, стараясь максимально расслабиться. Наташина грудь, сдавленная телом Александра болезненно заныла, но не резко, а тупо, тягуче, приятно. Ей было приятно даже возникшее из-за невозможности вздохнуть полной грудью ощущение нехватки воздуха.

Чувствуя многочисленные бестолковые касания внизу своего живота, Наташа в нетерпении сама рукой направила его в нужном направлении. И ощутила, как член, раздвинув мышцы, мягко начал входить в нее, но как же он осторожно и медленно продвигался. Наташа чутко откликалась на любое самое незначительное его движение, замирая и прислушиваясь к своим ощущениям в томительном ожидании. Наконец, она не выдержала, и подалась к нему, вдавив в его бедра свой живот, и тут же почувствовала, как больно на что-то нажала. Так больно, что застонала. И хотя она сейчас не боялась боли и даже не напряглась, но все же инстинктивно начала уходить из-под Александра своими ягодицами. В результате он почти выскочил из нее.

— Не паникуй и не надо спешить, — сказал Александр, — сама ты все равно вряд ли это сможешь сделать. Тебе только надо

расслабиться.

— Я не паникую. Я давно уже расслабилась, но ты все же делай все побыстрее, — часто и тяжело дыша, ответила Наташа.

— Тогда все нормально. Если не будешь дергаться, а полностью доверишься мне, то больно будет лишь мгновение. Ты чувствуешь, как я осторожно вхожу. Ведь не больно. Даже приятно, — вновь медленно погружаясь в Наташу, успокаивающе говорил Александр.

И Наташа действительно успокоилась, как вдруг Александр совершил быстрое, резкое, проламывающее все разом движение. Острая резкая боль пронзила Наташин живот. От боли слезы брызнули из ее глаз. Она вскрикнула и резко дернулась. Попыталась вырваться, но не смогла, так как Александр сильно прижимал ее всем своим телом к постели. И в результате своих попыток она только глубже насаживалась. Она чувствовала, как, не встречая больше сопротивления, все глубже и глубже проникает в нее Александр, разламывая ее ноги и внутренности. А затем она почувствовала, как сильно сотрясается от перевозбуждения тело Александра, и услышала его возбужденный голос:

— Вот и все. Больше больно не будет. Теперь ты можешь спокойно заниматься сексом и получать удовольствие. Ведь боль уходит?

Наташа прислушалась к своим ощущениям. Действительно острой боли уже не было. Внутри чувствовалось лишь что-то слегка саднящее, не совсем подходящее под определение боли. Зато ощущать его внутри себя с каждым его размеренным ритмичным движением становилось все приятнее.

Александр из-за сильного возбуждения и долгого сдерживания кончил очень быстро. Когда он слез с Наташи, она увидела, что вся перепачкана смесью крови и спермы, а основательно промокшая простыня прилипла к ее телу.

— Тебе нужно сходить в ванную, — сказал Александр, — а я пока перестелю постель.

Обмывшись под душем, Наташа убедилась, что кровотечение уже совсем прекратилось. Она полностью успокоилась, и от ее страхов не осталось и следа, но у нее осталось чувство неудовлетворенности. Ведь она не смогла кончить во время нормального полового акта.

Наташа быстро вернулась в комнату, надеясь, что теперь у них с Александром все будет по-другому. Однако она так сильно возбуждала Александра, что к ее разочарованию он опять кончил слишком быстро. Александр злился на себя за это, но продлить половой акт, был не в силах.

Тогда Александр изменил тактику их секса. Он сначала при помощи пальцев доводил Наташу почти до оргазма и только после этого входил в нее. Наташе же он посоветовал во время полового акта надавливать пальцами на низ своего живота, регулируя силу нажима в зависимости от своих ощущений. Она послушалась. В результате им удалось несколько раз кончить почти одновременно.

Наташа никогда не думала, что с ней может случиться такое, но в ту ночь она превратилась в ненасытное похотливое животное. Только кончив, ей тут же хотелось повторения процесса. Она клала свою голову почти на самый низ живота Александра и лезла своей рукой ему в пах в ожидании наступления эрекции. Зорко следя за восстановлением Александра и в нетерпении перебирая своими пальцами.

Из-за чрезмерно частых совокуплений у Александра давно все внизу его живота ныло и ломило. Но он не обращал на это внимание. С Наташей он испытывал сильное наслаждение, как раз такое, какое и ожидал. И готов был испытывать его снова и снова. Александр мысленно уже не раз похвалил себя за правильный выбор. Ведь он очень хорошо осознавал, что на роль его жены могла подойти далеко не всякая женщина, ему нужна особая жена, сильно жадная до секса, способная заниматься им без передышки, без отдыха, которой бы все в сексе нравилось и, похоже, именно такую он нашел.

Они не говорили друг другу о любви. Они вообще мало говорили друг с другом. Почти все, что им было нужно, они быстро научились понимать без слов.

Раз от раза Александру требовалось все больше времени на восстановление и, наконец, наступил момент, когда Наташа поняла, что Александр иссяк и в эту ночь больше уже ничего не будет. Ей по-прежнему безумно хотелось его, это было мукой, вот так вынужденно ограничить реализацию своих потребностей, но теперь мука эта была особая, тягучая и сладостная.

Наташа оставила в покое Александра и с блаженной улыбкой откинулась на подушку.

— Я вот все думаю, ведь в тебе ничего особенного нет, выглядишь ты обычно, как большинство, но почему я так безумно хочу тебя снова и снова? — спросила Наташа. — Что же это такое? Почему так происходит?

— Знаешь, у тебя все тело такое жадное, по животному жадное. Если честно, то я боюсь, что сегодня все же не смог полностью соответствовать твоим потребностям, — не стал даже пытаться ответить на ее вопрос Александр.

"Конечно, откуда ему знать про мои желания и почему они у

меня появляются? Интересно, он действительно посчитал мои сексуальные потребности чрезмерно большими? Неужели я дала ему повод так думать?" — подумала Наташа и сказала Александру:

— Да все прошло хорошо и я вполне удовлетворена. И вообще не понимаю, почему ты решил, что чему-то не соответствуешь? Разве стремление получать удовольствие от секса — это плохо? Или ты считаешь, что такое стремление следует скрывать?

— Да нет же, это совсем не плохо, а очень хорошо. И скрывать точно ничего не надо. Ведь бесчувственный партнер мне точно не нужен. Просто у меня сегодня это было в первый раз. Из-за отсутствия опыта я вполне могу чего-то не понимать. Поэтому, если я делаю что-то не так, то ты говори мне об этом, не стесняйся и не бойся меня обидеть.

— Что-что? В первый раз? — захихикала Наташа. — Послушай, мне абсолютно все равно, что у тебя было в прошлом. Главное, чтобы теперь ничего не было. Измен я терпеть не буду. После сегодняшнего убедить меня в своей не опытности у тебя все равно вряд ли получиться. Не стоит напрасно стараться. Ты еще скажи, что изучал секс чисто теоретически. Вдруг я окажусь такой дурой, что возьму и поверю.

Александр действительно потратил немало времени и сил на чисто теоретическое изучение различных техник секса, но сразу понял, что убеждать в этом Наташу действительно бессмысленно. Он привык, что окружающие никогда не понимали, как и почему ему удается выполнять очень хорошо, а часто вообще наилучшим образом чуть ли не любое дело. И он вовсе не рассчитывал, что с Наташей будет иначе.

Наташа так до конца своих дней и не поверила, что была первой женщиной Александра.

* * *

В браке либо оба супруга любят друг друга, либо чаще всего один из супругов лишь позволяет другому любить себя. В браке же Александра и Наташи не было ни того, ни другого. Говорить о наличии, у кого-то из них чувства любви в общепринятом смысле было нельзя. По сути, фактически они позволяли друг другу удовлетворять свои чисто физиологические потребности. Впрочем эта ситуация не была уникальной в человеческом обществе встречалось и такое.

Они стали друг для друга типичными попутчиками, по жизни обеспечивающими друг другу возможность удовлетворения без особых проблем своих потребностей и комфортное существование на этом свете. Они не лезли, как говорится в подобных случаях, друг другу в душу и никогда не пытались что-то навязать своему партнеру явно помимо его воли. Никто из них не испытывал иллюзий на счет их брака и осознавал реальное положение дел. Возможно, именно благодаря этому брак Александра и Наташи оказался очень прочным. Ведь браки распадаются от разочарования, от несбывшихся ожиданий, а им разочаровываться было не в чем, никто из них с самого начала и не имел каких то особых ожиданий.

Однако Александр быстро понял, что Наташа хоть и соответствовала своим сексуальным аппетитом его потребностям, но вот женщиной, которой нравилось в сексе абсолютно все, вовсе не являлась. Она категорически отказывалась заниматься тем, что считала сексуальными извращениями, а в те времена к ним относили многое из того, что в настоящее время считается нормальным. В результате в сексе Александру очень многое из желаемого им не удавалось попробовать. Несмотря на все свои старания повлиять на мнение Наташи по этому вопросу ему не удалось, и он просто смирился со сложившимся положением дел в их сексуальных отношениях. Он не стал искать кого-то еще для реализации своих сексуальных фантазий. Ему просто было лень и неинтересно этим заниматься. А потом острота этого вопроса и вовсе пропала, когда через несколько месяцев после свадьбы они привыкли друг к другу, и жизнь покатилась по накатанной колее. И у каждого из них сформировалось стойкое нежелание расставаться со столь удобным партнером, способным несмотря ни на что исправно доставлять удовлетворение, пусть даже всего лишь и чисто физиологическое. Потерять так неожиданно быстро сформировавшийся спокойный, без потрясений, размеренный

образ жизни. Ведь каждый из них осознавал, что любая попытка изменить что-то кардинально в своей жизни может привести и к совсем нежелательным последствиям, а то и вовсе к катастрофе всей жизни.

Александр и Наташа очень мало общались друг с другом даже просто на бытовом уровне. Конечно, Александр всегда старательно поддерживал любой разговор, затеянный Наташей, и демонстрировал свою заинтересованность, но Наташа очень быстро научилась распознавать истинное отношение к обсуждаемому вопросу Александра. Она отлично чувствовала, что ему наплевать какого цвета обои будут поклеены в их доме, какая одежда будет у Наташи и даже у него самого, где и как они проведут очередной отпуск. Разговоры на подобные темы поддерживались Александром исключительно ради нее, чтобы из-за какой ни будь ерунды случайно ее не обидеть, не вызвать раздражения. Однако, как это было нестранным, но такое общение полностью устраивало Наташу, так как безоговорочная соглашательская позиция Александра давала ей ощущение полной и безраздельной хозяйки в их доме, позволяла считать себя главной в семье. Александра же можно было рассматривать в качества подчиненного ей лица, неспособного без нее нормально обустроить даже свое личное существование. Все это тешило ее самолюбие и совсем не требовало тратить силы на споры со своим мужем.

Примерно через год после свадьбы Наташа родила дочку, которую назвали Анной. Наташа сама выбрала имя для своей дочери, так как Александр продемонстрировал полное безразличие к этому вопросу и целиком и полностью доверил его решение жене. Хотя Александр был доволен, что у него есть свой ребенок, и он пусть по-своему и весьма своеобразно даже заботился об Анне, но с самого раннего детства Анны у него с ней сложились отношения, про которые обычно говорят: "никакие". Во всяком случае, со стороны они выглядели именно так.

Наташа выплеснув всю свою любовь на Аню ухитрилась закрыть все свои потребности в любви и то, что она не испытывала любви к Александру стало совсем неважным. Ведь не могла же она предъявить какие либо требования к отцу столь любимого ею ребенка.

Александр с Наташей жил в просторной родительской квартире и совсем неплохо зарабатывал. Они вполне могли позволить себе иметь второго и даже третьего ребенка без заметного снижения уровня жизни семьи, но Наташа больше не захотела рожать детей. Это произошло из-за отсутствия между ними любви и наличия у Александра своих специфических

интересов в жизни вовсе не способствующих заведению многочисленных детей. Александр совсем не расстраивался из-за нежелания Наташи больше иметь от него детей, так как понимал, что в общепринятом смысле отец из него получился никакой и всем будет действительно только лучше, если у него с Наташей так и останется одна Аня.

* * *

Удачно для себя, без малейшего сопротивления, переложив все заботы об устройстве быта, воспитании ребенка на Наташу, Александр позволил себе полностью погрузиться в изобретательскую деятельность. Теперь, когда все потребности его тела неизменно и полностью удовлетворялись, больше ничто не мешало ему заниматься любимым делом. Периодические недовольные ворчания Наташи — "Ну, что ты ведешь себя, как пионер из кружка юных техников? Ты же глава семьи, у тебя ребенок подрастает. Пора бы уже настоящим мужиком становиться, а я живу так словно у меня ни один, а два ребенка и мужа вовсе нет", — конечно же, не воспринимались Александром в качестве серьезной помехи его занятиям. Он просто не обращал внимания на замечания Наташи. К тому же она дальше редких недовольных замечаний не шла и никаких реальных действий для изменения сложившегося положения дел не предпринимала.

Наташа никогда не вникала в суть занятий Александра, а зря. Возможно, прояви она чуть больше хотя бы просто любопытства вся ее жизнь, особенно в зрелые годы, сложилась бы совсем иначе и длилась бы заметно дольше. Но не случилось, и она так по настоящему и не поняла, с каким человеком прожила всю свою жизнь и все ее представления об Александре и жизни с ним являлись полным ее заблуждением.

* * *

С годами Александр вовсе не утратил свое стремление к самообразованию. Он впитывал в себя все новые знания, навыки и умения, словно гигантская губка бесконечного размера. Все это он перерабатывал и создавал на этой базе новые знания. В результате он очень быстро стал автором нескольких десятков только зарегистрированных изобретений. Количество же его изобретений, о которых он никому не рассказывал, было на порядок больше.

Сделанные им изобретения часто совсем не имели никакого отношения к его работе. Среди таких изобретений особенно много было изобретений предназначенных для использования исключительно в медицине. Конечно, по подобным изобретениям Александру приходилось выступать не только в качестве единственного автора, но и заявителя. Он мог позволить себе оформлять авторские свидетельства лишь благодаря тому, что во времена существования СССР государство действительно проявляло заботу о развитии в стране изобретательского движения и предоставляло изобретателям возможность оформлять заявки на изобретения совершенно бесплатно. Ведь доходов от своих изобретений Александр почти не получал. Если ему что-то и удавалось внедрить, то только непосредственно в своем институте. При этом его институт отчитался всего лишь об использовании двух его изобретений, а без официального признания факта использования изобретений Александр не мог получать причитающиеся ему премии. Конечно, официально признанных внедренными изобретений у Александра могло быть гораздо больше при условии регулярного включения им в состав соавторов руководителей своего института, но он принципиально никогда не делал этого.

Однако Александра не сильно расстраивало отсутствие официального признания внедрения его изобретений, он был рад и тому, что может наблюдать, как работают его идеи на практике.

Вот, что его действительно раздражало, так это глухой, совершенно безоговорочный отказ от использования его медицинских изобретений. Казалось бы, что может мешать взять готовую, подробно описанную в авторском свидетельстве идею и применить ее для избавления от страданий, а то и спасения жизней громадного количества людей? Но раз за разом после регистрации очередного изобретения ничего не происходило, казалось, что представители медицинской науки просто умышленно не желают замечать изобретений Александра. Александр для них был дилетантом, а значит никем и звать, которого никак. А еще раздражителем и возмутителем спокойствия. Ведь получалось, что признанные профессионалы не могли предложить путей решения проблем, а человек совсем из другой сферы деятельности мог.

Так, как действовал Александр, действовать было не принято и вообще считалось дурным тоном. Поэтому ничего удивительного не было в том, что на все свои многочисленные обращения в научно-исследовательские медицинские организации он либо вообще не получал никакого ответа либо получал вежливую отписку типа: "Благодарим за

предоставленную информацию… и она обязательно будет внимательно изучена…" и все, за этим больше ничего не следовало. Более того, регистрация им нескольких изобретений даже привела к замедлению развития некоторых направлений в медицине, так как были прекращены исследования по схожим с его изобретениями темам. Причем выглядело все это, как осознанные преднамеренные действия, совершенные исключительно для того, чтобы не использовать изобретений Александра. В этих нескольких особых случаях вся проблема заключалась в бессмысленности проведения дальнейших исследований без использования идей Александра.

В отказе от использования изобретений Александра фактически были заложены многочисленные проблемы в будущем. Дело было в том, что чиновники патентного ведомства чисто по формальным признакам не могли отказать ему в выдаче авторского свидетельства СССР, но могли отказать в патентовании его изобретений за рубежом. И, конечно, его изобретения в зарубежных странах никогда не патентовались, а это фактически позволяло любому человеку за пределами территории СССР получить на свое имя патент на изобретения Александра.

Большинство зарегистрированных Александром медицинских изобретений все же начали использовать. Правда, ждать этого пришлось двадцать — тридцать лет. Причем внедрение с начало происходило в других странах, а на родину Александра они попадали лишь лет через пять уже в качестве чисто иностранных изобретений.

В силу большой значимости изобретений их внедрение всякий раз сопровождалось громкой шумихой в прессе. Вот только ни в одной публикации в качестве автора изобретений Александр не упоминался, он вообще никак не упоминался, как будто такого изобретателя вообще никогда не существовало. На все его изобретения в том или ином виде в других странах в разное время были выданы патенты и авторами в этих патентах значились широко известные заслуженные иностранные ученые.

В том, что подобные вещи происходили в так называемых странах запада, ничего необычного не было. Такой уж у них был менталитет. Для населения этих территорий всегда первооткрывателем был тот человек, который первый распространил информацию об открытии или изобретении, причем обязательно именно в западном сообществе и на соответствующем языке. А вот, где этот первооткрыватель добыл свои знания, сам ли придумал, заимствовал ли из публикаций в других странах или вообще подсмотрел у инопланетян, по

большому счету было неважным. Эту позицию западной цивилизации очень хорошо можно увидеть на примере так называемых "великих географических открытий", когда какой ни будь европейский мореплаватель, натыкался на неизвестные в Европе плотно заселенные остров или материк и объявлял себя их первооткрывателем. Точно такая же практика применялась даже и по отношению к землям, до которых путешественник смог добраться исключительно сухопутным путем.

Вот только для кого такой первооткрыватель делал свои открытия? Для всего человечества? А как же тогда быть с населением постоянно проживающем на открытых землях? Разве это население не является частью человечества? Однако представители западного мира никогда не отличались скромностью, и поэтому всегда подразумевалось, что открытие сделано не только для европейского населения, а, конечно же, для всего человечества. Потому, что они и только они и есть все человечество.

Если причины, по которым существование Александра за границей замечать не хотели, в общем-то, были достаточно очевидны, то почему у него на родине с такой готовностью буквально все соглашались уступить его приоритет и соответственно приоритет государства, было не очень понятно. Это как же его должны были ненавидеть собственные соотечественники, если лишь для того, чтобы не признавать его приоритет они безоговорочно признавали иностранный приоритет и тем самым приносили в жертву и престиж государства, и престиж отечественной науки. Александр не понимал почему, а главное за что так относились к его деятельности. Ведь по большому счету он в своей жизни ни кому сколько-нибудь заметного вреда никогда не причинял. Он даже не настаивал на обязательной выплате ему больших вознаграждений и настаивал на внедрении своих изобретений исключительно из желания помочь людям даже совершенно ему незнакомым. И все чисто личные его интересы сводились по сути лишь к желанию увидеть, как работают его идеи, насколько они действительно оказались правильными и полезными.

Конечно, Александр считал себя незаслуженно обиженным. Первое время он даже пытался объяснить журналистам, писавшим об очередном крупном успехе зарубежной медицинской науки, что они заблуждаются и описанное ими изобретение вовсе не является американским или германским или чьим-то еще. Он искренне верил, что они так написали просто из-за незнания всей информации по данному вопросу. И когда он продемонстрирует им свое авторское свидетельство, то

они незамедлительно исправят свою ошибку и укажут, что на самом деле изобретение советское, но доведенное до промышленного образца и впервые использованное за рубежом. Однако никто вовсе не собирался бежать к нему рассматривать его бумажки и к себе тоже не приглашал. В ответ на свои обращения он слышал лишь оскорбительно-насмешливое: "Значит, вы утверждаете, что автором изобретения являетесь именно вы? А вы хоть знаете, сколько всемирно известных институтов и ученых занимались его разработкой в течение почти десяти лет? А где были вы все эти годы? Почему же вы не внедряли свое изобретение? И вообще, где вы делали свое изобретение? На кухне? Или может вообще сидя на толчке в туалете? Теперь же, когда всю работу сделали другие, вы предлагаете нам заняться выискиванием совпадений ваших записок тридцатилетней давности с современными документами. Так что ли? Между прочим, в ходе подготовки статьи нас консультировали известные и очень авторитетные ученые. Так вот ни один из них о вас не упоминал. Вам ни кажется это странным? У нас в редакции работают нормальные люди, а вовсе не сумасшедшие. И мы не собираемся на страницах нашего издания обвинять в воровстве всемирно известных и очень уважаемых ученых лишь только потому, что кому-то, даже не являющемуся врачом, вдруг что-то такое привиделось в его бредовых записках тридцатилетней давности".

Выслушав подобные высказывания в свой адрес три раза подряд, Александр осознал, что как изобретателя его игнорируют совсем не случайно и не по недоразумению, его отторгает сама сложившаяся система взаимоотношений. Он воспринимается системой в качестве неправильного ее элемента, и поэтому будет выбрасываться из нее до тех пор, пока не изменится либо система, либо он сам. Здраво оценив создавшееся положение, он прекратил всякие попытки что-либо кому-либо доказать. Однако обиду и даже злобу на все человеческое сообщество все же затаил.

Люди же старательно изгонявшие отовсюду, откуда только было возможно Александра, уверенные в своем праве именно так поступать с любым человеком, не укладывающимся в рамки традиционных взаимоотношений, даже не догадывались, что им придется платить за свои действия. Они не представляли, и к их счастью никогда не узнали, сколь непомерно большой оказалась эта плата. Они также не узнали, что за них платить пришлось всему человеческому сообществу без исключений, а осведомленные потомки в раздражении стали именовать их исключительно идиотами и придурками.

Но все это произошло гораздо позже, а после женитьбы Александра на Наташе у него было примерно пять, возможно, самых счастливых лет в его жизни. Именно в эти годы он мог позволить себе заниматься тем, чем ему самому хотелось. Даже работа, которую он делал в основном ради получения заработной платы, была ему действительно интересна и вовсе не была в тягость. Хотя Александр воспринимался окружающими как чудак не от мира сего, но все равно он сравнительно быстро продвигался по служебной лестнице. Ведь он был способен выполнить любое задание, его работами всегда можно было красиво отчитаться перед министерством, в конце концов, он неизменно обеспечивал выполнение плана. С другой стороны Александра никак нельзя было отнести к типичным карьеристам, подсиживающих своих начальников. Такие люди ценились любым руководителем. От наличия в организации таких людей во времена СССР во многом зависело благополучие и продвижение по службе и самих руководителей.

* * *

Как известно ничто не может длиться вечно. Вот и спокойной счастливой жизни Александра совершенно неожиданно для него пришел конец. На его беду именно его поколению выпало жить в эпоху глобальных перемен.

Все началось с развала СССР, отказа России от социализма и ее возврата к капитализму. Когда случились эти переворачивающие буквально все с ног на голову события, Александр, увлеченный своими исследованиями, на них совсем не обратил внимания.

Люди вокруг него словно внезапно сошли сума. Все только тем и занимались, что в жутком возбуждении обсуждали приватизацию. Думали, как бы лично для себя суметь урвать побольше кусок бывшей общенародной собственности, а главное внезапно, очень быстро и сказочно разбогатеть, обманув при этом своих сограждан, конечно же, совсем не заслуживающих иного. Ведь, если верить телевизору, то чуть ли не абсолютное большинство этих сограждан были сплошь пьяницы, совсем не умеющие и не желающие работать безынициативные лентяи, и лишь немногие были по-настоящему трудолюбивыми, предприимчивыми и достаточно ловкими, для того чтобы в самом ближайшем будущем стать эффективными собственниками. Разумеется, каждый относил именно себя к тем немногим и тратил все свои силы на доказательство самому себе и

окружающим бездарям этого совершенно очевидного факта.

Лишь Александр продолжал по инерции заниматься своими делами, так словно вокруг ничего не происходило. Вполне возможно, что во всем его институте больше никто подобным образом себя не вел. Однако прошло совсем немного времени, и он уже просто не смог не замечать стремительно наступавших перемен.

Для начала государство прекратило финансировать его институт, как впрочем, и все остальные. Затем государством же был запущен механизм, приводящий к быстрой потере оборотных средств предприятиями, оказавшимися способными выживать без государственного финансирования. Кстати институт Александра оказался в числе предприятий способных работать без государственного финансирования, у него было достаточное количество заказов и как долго без внешних уничтожающих воздействий такое положение дел могло бы продолжаться, было совершенно неизвестно. Естественно потеря оборотных средств незамедлительно приводила к остановке производств, вынужденному сокращению персонала и фактически к их разорению. В результате всех этих процессов на фоне быстро растущей в стране инфляции заработная плата Александра превратилась фактически в ни что. Его семье реально стало не на что жить.

Кроме этого Александр лишился права регистрировать свои изобретения бесплатно, так как патентный закон СССР был отменен одним из самых первых, а по новому патентному закону ему необходимо было оплачивать вовсе не маленькие пошлины. Заниматься изобретательской деятельностью лишь ради собственного интереса стало невозможно, да и бессмысленно. Не имея средств даже на удовлетворение своих самых насущных потребностей, Александр был вынужден прекратить свою изобретательскую деятельность. И вернуться к официальной изобретательской деятельности он уже никогда не смог, что для него лично послужило самой существенной утратой. А в будущем дополнительным аргументом в пользу того, что ему вовсе не следует проявлять заботу, как о человеческом обществе в целом, так и об отдельных его представителях.

Именно отмена авторских свидетельств в будущем сыграла в жизни Александра очень плохую роль, послужила дополнительным и практически неоспоримым подтверждением умышленного обмана его со стороны своих сограждан. Дело было в том, что авторские свидетельства для изобретателя имели практически неограниченный срок действия. Изобретение могли начать использовать хоть через пятьдесят лет. Это не имело

никакого значения. Все равно автор сохранял право на официальное признание факта внедрения своего изобретения со всеми вытекающими последствиями. Все что требовалось от изобретателя так это просто умудриться дожить до этого славного момента. А вот патенты действовали всего лишь двадцать лет, и именно поэтому Александр не стал переоформлять свои авторские свидетельства в патенты и когда его медицинские изобретения, наконец, начали использовать на территории России не смог чисто формально отстаивать свои интересы в суде. Ведь все его документы к моменту внедрения изобретений просто прекратили свое действие.

Разумеется, авторы новых законов меньше всего думали об интересах таких изобретателей, как Александр, им было наплевать, что автору-одиночке во все времена было практически невозможно добиться внедрения по-настоящему пионерного изобретения менее чем за двадцать — тридцать лет. Ведь они думали совсем о другом, и преследовали цели очень далекие от проблем изобретательства.

Конечно, разорение предприятий и организаций, уничтожение существовавшей патентной системы, а вместе с ней и обесценивание практически всей промышленной интеллектуальной собственности осуществлялось вовсе не для того чтобы досадить Александру и ему подобным людям, а для того, чтобы в ходе приватизации без особых проблем практически по цене металлолома передать государственные предприятия в собственность определенным людям. Ввести и закрепить в стране право частной собственности и в первую очередь на средства производства.

Александр понял, что и почему происходит, но все равно посчитал себя жертвой. Он не собирался становиться бизнесменом, вовсе не мечтал о миллионных состояниях, не собирался получать в собственность патенты на свои изобретения и не претендовал на доходы от их использования и поэтому право на частную собственность ему лично, было не нужно. Все действительно ему нужное состояло из удовлетворения обычных, без каких либо излишеств, человеческих потребностей и потребностей своего интеллекта. А весьма специфические потребности его интеллекта наилучшим образом могли быть удовлетворены только при общественной собственности на средства производства. Ведь ни один хозяин никогда просто не стал бы терпеть на своем предприятии работника тратящего большую часть своих сил на генерацию идей, которые в самом лучшем случае имеют шансы на реализацию лишь лет через двадцать и зачастую не имеют никакого отношения к его бизнесу.

И самое главное идеи Александра имели ценность для людей в целом, имели общегосударственное значение, но при этом никак не могли приносить прибыль хозяину предприятия.

Конечно, Александр никогда не считал нужным лишать всех без исключения людей права частной собственности, но при этом он считал, что его право жить в условиях общественной формы собственности на средства производства никоем образом не должно страдать и является таким же справедливым и неотъемлемым, как и любое другое базовое право человека. Беда была лишь в том, что эти два права по большому счету не могли существовать одновременно в одном и том же пространстве.

Размышляя над сложившейся ситуацией, Александр пришел к выводу, что все же его право жить в условиях общественной формы собственности на средства производства по справедливости должно бы иметь приоритет. К такому выводу пришел он исходя из того интересного обстоятельства, что бизнес и соответственно вместе с ним бизнесмен — хозяин существовать без наемных работников не может, а работники без бизнесмена вполне могут.

Он задумался об аналогии в природе и без труда ее нашел — это паразиты. Как бизнесмены не могут существовать сами по себе без наемных работников, так и паразиты тоже не могут существовать сами по себе без своих носителей. Хотя право на существование паразита вроде бы предопределено природой, но при этом, если носителю паразита удается от него избавиться, как правило, никаких препятствий для носителя в реализации своего права жить без паразитов не возникает. То есть природа, вовсе не отдает приоритет правам паразитов. Тогда почему в человеческом обществе должно быть иначе? Но проблема была в том, что большинство людей хотело быстро стать богатыми и потому само стремилось к разделу общей собственности и скорейшему переводу ее в частную. Такие, как Александр оказались в меньшинстве. Кроме этого Александр и его единомышленники никогда не объединялись, ведь такие люди всегда были малообщительными индивидуалистами, не интересующимися и не занимающимися политической деятельностью. Они слишком поздно начинали реагировать на события, происходящие в обществе, когда процесс их развития заходил уже слишком далеко, если, конечно, вообще начинали реагировать, и их реакцию хоть кто-то в состоянии был заметить.

Поэтому все оказалось предрешено и активная, преследующая свои шкурные интересы кучка людей очень легко их достигла, откупившись от так и не получившей никаких богатств основной массы населения бесплатной приватизацией

жилья. Отсутствие серьезного сопротивления с одной стороны даже сыграло свою положительную роль, так как в противном случае с очень большой вероятностью страна бы погрузилась в затяжную и кровопролитную гражданскую войну. Однако, как известно, на свете ничего даром не дается. И на самом деле за быстрый и легкий успех пришлось платить и очень дорого.

Основная проблема, с которой столкнулись новые хозяева жизни, заключалась в том, что такие люди, как Александр, по сути, являлись главными двигателями научно-технического прогресса и, походя, раздавив и отбросив их в сторону, как какой-нибудь ненужный хлам, они тем самым фактически остановили все инновационные процессы в стране. И страна остановилась в своем развитии. Правда, поначалу этого никто даже не заметил. Какое-то время по отдельным направлениям было движение просто по инерции за счет старого багажа. Да все были слишком увлечены бесконечными переделами уже созданного имущества. А потом, так легкомысленно утраченный потенциал восстановить в новых условиях оказалось просто невозможно. То, что пришло ему на смену, по своей эффективности было во много раз хуже. Надежды на восполнение потерь за счет научно-технических потенциалов других стран, использования их достижений тоже не оправдались. Существовавший в других странах научно-технический потенциал просто не мог повысить свою производительность лишь потому, что потенциал СССР прекратил свое существование. Ведь в ходе борьбы с СССР из него и так выжималось все возможное, а с развалом СССР был вообще утрачен стимул, это делать, и развитие наоборот стало замедляться.

Вначале Александр, учитывая, что его институт в основном работал на нужды разведки полезных ископаемых, надеялся, что со временем все образуется, и он опять будет востребован. Однако с каждым новым днем он все больше убеждался в своем заблуждении. Новые, так называемые, эффективные собственники занимались исключительно разработкой уже разведанных месторождений, не вкладывая в геологоразведочные работы почти ничего. И такое положение дел было понятно. Уж больно дорого и рискованно в условиях России вести геологоразведочные работы и новые собственники предпочли выкопать из земли все разведанное за деньги СССР, а когда разведанные запасы закончатся все свои капиталы перевести в другой бизнес. Начался затяжной период массового вывоза капиталов заграницу.

Хотя институт Александра не стали приватизировать, и он остался в государственной собственности — это не смогло обеспечить нормальную жизнь ни организации, ни ее

сотрудникам, так как у государства больше не было средств для финансирования подобных институтов. Почти вся прибыль от продажи полезных ископаемых оседала в карманах новых собственников, которые не собирались ее вкладывать в развитие. Хорошие грамотные специалисты и научные работники стали быстро покидать умирающие институты и уходить в торговлю, сферу услуг, а если везло, то в банковский сектор или переезжали на работу заграницу.

* * *

Вечером, после очередного рабочего дня, проведенного в полном бездействии, так как в институте уже давно не было совсем никакой работы, Александр по привычке сидел за столом в углу комнаты своей квартиры. Это был его рабочий стол на дому. Именно за этим столом он экспериментировал и проверял свои идеи.

Вся поверхность стола в беспорядке была завалена кусками проводов, радиодеталями, винтиками, гаечками, коробками, инструментами, приборами и раскрытыми справочниками. Все было покрыто ровным толстым слоем пыли. Александр ни касался столь любимых им раньше вещей никак не меньше, как несколько месяцев. Он сидел, уставившись невидящим взглядом в какую-то точку на стене словно зомби, которому забыли отдать указание. Заниматься изобретательством в условиях, когда о сделанных изобретениях никто и никогда не узнает, да и узнавать не захочет, было слишком даже для такого человека, как Александр.

Точно в такой же позе он проводил почти все рабочее время в практически пустом корпусе института. Оставшиеся немногочисленные сотрудники редко появлялись на своих рабочих местах, и все время тратили, пытаясь хоть как-то подзаработать за пределами института. Александр оказался полностью неприспособленным к такой жизни, ну не получалось у него ни товары перепродавать, ни квартиры ремонтировать, ни даже частным извозом заниматься. Он давно ощущал себя в качестве забытой и брошенной вещи, про которую никто не вспоминает, так как считают, что она больше никогда не пригодится, и чувствовал, как медленно, но верно с каждым прожитым днем тупеет все больше и больше.

Из прихожей донесся звонок в дверь. Александр глянул на часы. Было около восьми часов вечера. В его голове мелькнуло: "Интересно, кого это так поздно принесло? Может это к Наташе,

соседка?", но свою позу он так и не изменил. В доме Игнатовых уже давно открывала входную дверь и отвечала на телефонные звонки только Наташа.

Раньше Александр не позволял себе отвлекаться от своих занятий и тратить время на всякую ерунду. Теперь же он вел себя так просто по привычке. Да и не в состоянии были столь слабые раздражители вывести его из приятного состояния ступора, в котором он пребывал теперь большую часть дня. Ведь время шло, а он вроде бы вовсе не проживал его и как, оказалось, выходить из такого спокойного, безмятежного состояния совсем не хотелось.

Всего секунд через пять звонок в дверь повторился. Человек, стоящий за дверью явно не отличался деликатностью и не собирался безропотно ожидать, когда ему хозяева откроют. В коридоре раздались торопливые шаги Наташи, а затем шум открываемой двери.

— Что это вы, гостей пускать не хотите? — расплылся в широкой улыбке всегда уверенный в себе Алексей и, не дав Наташе, совсем времени на осознание факта своего внезапного появления, быстро начал входить в квартиру.

— Что же ты не предупредил…, - в растерянности пробормотала Наташа, едва успев отстраниться в сторону. При этом у нее появилось ощущение, что замешкайся она всего на долю секунды и Алексей просто смел бы ее со своего пути.

Алексей после окончания института так никогда и не вернулся в родительский дом. Женился на москвичке и, как тогда говорили, прочно зацепился за Москву. Поэтому Александр имел возможность видеться со своим братом не чаще двух, трех раз в год.

Между тем Алексей непостижимо быстро оказался в самом центре прихожей, успел пристроить свою большую сумку, нашел себе тапочки и начал снимать ботинки.

— Завтра в администрацию вашей области прибывает большая делегация. Я в ее составе. Выехал пораньше. Решил вот с родственничками немного пообщаться, а то от вас уже больше года ни слуха, ни духа, — громко, четко и отрывисто говорил Алексей, переобуваясь в тапочки.

— Ведь нас же дома могло не оказаться, и куда бы ты тогда на ночь то, глядя? — продолжила свою мысль Наташа, не поспевая своими мыслями за быстрыми действиями Алексея и совсем не веря в то, что их действительно могло не оказаться дома.

— Ой, Наташенька, ну какая ерунда! Неужели меня ваша администрация на ночлег бы не пристроила? И потом, ведь я же

знал к кому еду. Я даже водителя сразу отпустил, а то ему до Москвы еще часа два пилить, — рассмеялся Алексей.

Александр совершил над собой значительное усилие для того, чтобы вывести себя из уютного заторможенного состояния и выйти из комнаты встречать брата.

— Что-то ты братик кисло выглядишь, — неодобрительно бросил Алексей, лишь мельком взглянув на Александра и подхватив свою сумку, устремился на кухню.

Александр и Наташа последовали за ним словно две щепки, подхваченные сильным ветром, но все равно когда они вошли на кухню, Алексей умудрился почти на половину выгрузить свою сумку. На столе красовались четыре бутылки дорогущего коньяка и внушительная груда хорошей закуски, которая продолжала пополняться, быстро перемещаясь из сумки на стол. Игнатовы уже давно не могли позволить покупать себе подобные продукты даже по праздникам. Они уже с трудом наскребали даже на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Наташа бросилась доставать посуду и спросила Алексея:

— Слушай, я ничего не понимаю. Ты же был освобожденный секретарь парторганизации, а теперь вот с демократами приехал к нам в администрацию. Как же это может быть?

— Да вы, что ребята? Совсем ничего не понимаете? Наслушались по телевизору страшилок о разгоне КПСС? Так это ж для серых масс, но вы то грамотные разумные люди. Когда где и кто мог обойтись без опытных партийных функционеров? А взять их кроме, как в КПСС и негде, — цинично ухмыляясь и даже возмущаясь такой наивности своих родственников, сказал Алексей.

— А я думал, что тебе с твоей активной в прошлом партийной работой гораздо хуже, чем нам приходится, — с возбуждением и даже радостью в голосе сказал Александр. Чувствовалось, что он обрадовался неожиданному для него успеху брата.

— Плохо было лишь первые два месяца, а потом я сообразил к кому можно обратиться и быстренько оформился на государственную службу. В смысле карьеры я даже значительно продвинулся. В несколько дней перескочил с уровня управления отдельным предприятием на государственный уровень управления. Раньше такое мне даже близко не светило, особенно в Москве. Теперь вот занимаюсь обустройством новой системы власти. Все создавать приходится практически с нуля. Так, что мой опыт оказался очень даже востребован, — с нескрываемой гордостью в голосе говорил Алексей, отставляя в сторону поставленные Наташей рюмки и заменяя их большими

стаканами, которые тут же примерно на треть и наполнил коньяком.

Пил Алексей много и лошадиными дозами, но при этом никто и никогда не видел его действительно по настоящему пьяным. Сам он по этому поводу любил говорить, что партийный функционер обязан уметь пить, так как иначе карьеры ему никак не сделать. И возможно такая способность ему действительно помогла — он очень рано уселся на относительно крупном предприятии в кресло парторга с правами райкома.

— Значит, тебе пришлось отказаться от своих идеалов, дела всей своей жизни, — с сочувствием в голосе произнес Александр.

— Какие еще идеалы? Те старые больше уже никому не нужны. У меня теперь новые. Нет, я вижу, ты действительно тяжелый случай и я вовремя к тебе заехал. Неужели ты и, правда думаешь, что я сожалею о прошлом или даже может быть, испытываю страдания? — рассмеялся Алексей.

Александр в растерянности уставился на брата. Было видно, что он совсем не готов к столь стремительным переменам в своем брате. Ведь он помнил, с каким воодушевлением и убеждением он совсем недавно говорил о перспективах развития страны под руководством единственной самой правильной партии на свете и ругал его за то, что он до сих пор умудрился еще не вступить в эту самую партию.

— Да, Наташ с таким мужем тебе можно только посочувствовать, — продолжая смеяться, сказал Алексей Наташе, которая уже заканчивала раскладывать закуску по тарелкам на столе.

— Ой, Алеш и не говори, Саша в последнее время сам на себя стал не похож. Все время сидит и смотрит в одну точку словно мумия, какая. Даже все свои изобретения забросил, — горестно пожаловалась Наташа.

— Так, для начала надо выпить за встречу, — поднимая свой стакан, предложил Алексей.

Проглотив одним глотком все содержимое своего стакана, Алексей неодобрительно посмотрел на брата и укоризненно сказал:

— Ну, что ты его цедишь, словно отраву, какую? Сколько раз я тебе говорил, что пить надо уметь красиво? А ты все никак не научишься.

Дождавшись, когда все поставят на стол свои стаканы, он тут же их снова наполнил.

— Вот, теперь нормально пьем дальше, и вы мне по порядку не спеша, рассказываете о своей жизни, а потом мы вместе решим, как нам с наименьшими потерями пристроить нашего

Сашу в новой жизни, — практически распорядился Алексей, откусывая от бутерброда с икрой.

Их рассказ завершился к моменту, когда две первые бутылки коньяка опустели. Вообще правильнее будет сказать, завершился рассказ Наташи, а Александр просто вместе с Алексеем его слушал и злился оттого, что предстал он в нем далеко не в самом лучшем виде — неконкурентоспособным, отказавшимся от борьбы, совершенно неприспособленным к жизни человеком. Но он дослушал все безропотно и до конца благодаря тому, что быстро захмелел и его мыслительные процессы в значительной мере замедлились. И он не успевал реагировать на слова Наташи.

— Да, тяжелый случай… Тебе надо как можно быстрее уходить из института, — обратился к Александру Алексей.

— То есть как? Ведь я в нем столько лет проработал. Добился определенного положения. В конце концов, я создал большие заделы, у меня громадное количество изобретений непосредственно по моей работе. Их внедрением можно заниматься десятки лет. Есть и новые идеи. Я же могу еще очень долго генерировать новые идеи, — возмутился Александр на заявление брата.

— Ты, что совсем вокруг себя ничего не видишь? Кому сейчас нужны твои идеи и изобретения? За них на работе больше держать не станут, и платить зарплату кстати тоже. Во всяком случае, нормальную, позволяющую сносно существовать.

— Но, ведь не может же вся страна отказаться от развития, отказаться от научно-технического прогресса. Возможно, вскоре все изменится, — со слабой надеждой в голосе возразил Александр.

— Нет, я не думаю. Уж при нашей с тобой жизни точно ничего не изменится. Сейчас большинство наших сограждан занимается тем, что пытается сделать себе состояние. И те, кто сделают себе состояние, вряд ли немедленно захотят потратить его на развитие науки.

— А как же государство. Разве оно не обязано финансировать развитие науки.

— В стране произошло кардинальное перераспределение доходов. Теперь в бюджет просто не поступают необходимые средства для нормального финансирования науки и новых разработок. И ожидать тут каких-то изменений в лучшую сторону просто глупо.

— Наш институт имеет очень хорошую производственную базу, большие запасы сырья мы можем изготавливать и продавать инструмент. На доходы от продаж вполне можно выжить и даже начать развиваться, — не унимался Александр.

— Саш, ты же сам все прекрасно понимаешь. Если бы это было возможно, то давно бы было реализовано. Геологоразведка совсем умерла и ваш инструмент никому не нужен. Ваш институт может заработать только одним способом — сдать в аренду под торговые площади главный корпус, который очень удачно расположен практически в центре города. Но ты с этого все равно ничего иметь не будешь.

— Это еще почему?

— Да потому, что ты занимаешь должность всего лишь заместителя начальника отдела. Ты в свое время отказался вступать в партию и соответственно не смог пробиться в руководители института. Надо сказать прямо — для беспартийного ты и сейчас занимаешь слишком высокую должность. Я всегда удивлялся, как тебе вообще удалось ее занять. Но это все уже не важно. В любом случае все доходы уйдут в карманы руководства, а таких, как ты они постараются как можно быстрее уволить, чтобы сократить расходы.

— Ну и куда же я пойду, когда уволюсь из института? — уже совсем затравленным голосом спросил Александр.

— Я думаю, тебе следует поступить на государственную службу, в администрацию области. Я завтра переговорю с кем надо и все устрою.

— Я же не смогу там работать. Я высококлассный изобретатель, конструктор, но никак не чиновник, — возмутился Александр.

— Другого выхода все равно нет. Я, по крайней мере, его не вижу. Бизнесмен из тебя не получится. Твой бизнес прогорит быстрее, чем ты его успеешь зарегистрировать. Конечно, ты на чиновника тоже совсем не похож. Именно поэтому я предлагаю тебе не в Москву ехать, а остаться здесь. Здесь, по крайней мере, сразу тебя выгнать вряд ли посмеют. Ну, а потом со временем как-нибудь, приживешься.

— Все равно я думаю, что из этой затеи ничего не выйдет даже здесь. Нужен какой-то другой выход, мне нужно приспособиться к новой жизни как-то иначе с учетом моих способностей и интересов, — продолжал упорствовать Александр.

— Конечно, на службе олигархом тебе стать не получится, но на вполне сносную жизнь получать будешь, — продолжил не допускающим возражений голосом Алексей, словно не слыша Александра.

— Но, нет… Так же нельзя…

— Да, и не вздумай брать взятки. Ты сразу попадешься. Хотя вряд ли тебе кто предложит, — с сомнением и одновременно с жалостью посмотрел на брата Алексей.

— Какие еще взятки? Нет, не надо мне такой работы, — с ужасом в голосе выпалил Александр.

— Чего испугался? Я же сказал не брать взяток, а насильно заставлять тебя никто не будет. Если же я недооценил твои возможности и способности, в чем я, уж не обижайся, сильно сомневаюсь, то немного погодя перетащу тебя в Москву. И советую тебе очень хорошо подумать, прежде чем отказываться. Тебе вообще очень сильно повезло, что у тебя есть брат, который может решить вопрос твоего такого трудоустройства.

— Ой, Алеш да, не слушай ты его. Конечно же, он пойдет на работу в администрацию. Пусть только попробует не пойти…. Тоже мне классный изобретатель нашелся. Только бы о своих изобретениях думал, а на семью ему, конечно, наплевать. У нас уже долг за квартиру за два месяца и оплачивать ведь нечем. Ох, только бы тебе не отказали, взяли этого чудака, — вмешалась Наташа, испугавшись, что Александр категорически откажется от предложения брата.

Александр понимал, что сейчас он находится не в том положении, чтобы отказываться от подобных предложений. Да, и его отказ вернуть прошлую жизнь никак не мог, а мог привести лишь к усугублению его положения. Но он так и не нашел в себе силы озвучить свое согласие на переход на другую работу, а осознав всю бесполезность своих возражений просто замолчал и сидел словно обложенный со всех сторон затравленный зверь с выражением обреченности на лице.

Однако его близким хватило и этого, они догадались о его состоянии и больше не стали его мучить. Оставшийся коньяк они допили почти молча. Больше всего Александру было обидно, что обществом оказались, не востребованы именно его способности и таланты, а не совсем иного рода таланты и способности брата. Но выбор общества был очевиден, и изменить его никто уже не мог. Александру ничего не оставалось, как подчиниться этому выбору и обстоятельствам.

Александру очень не хотелось принимать помощь от брата не только потому, что в результате он получал совсем не ту работу, для которой он был приспособлен. Он

вообще-то считал, что принять помощь от родного брата — это нормально и естественно. Все дело было в Наташе. Он видел, какими глазами всегда смотрела Наташа на Алексея. Да, и не скрывала она своего восхищенного отношения к его брату и даже как-то раз сказала: "Вот вы два родных брата, а совсем друг на друга не похожи. Можно подумать, что вы и неродные вовсе. Вон, как Алексей себя подать умеет, кажется, что врасплох его застать вообще никогда невозможно. Всегда энергичен, уверен в себе и

своего добивается. В общем, настоящий хозяин положения и жизни. А ты настойчивость проявил лишь один раз, когда меня, дуру, охмурял, а потом просто взял да сдулся". И внешне он тоже сильно проигрывал Алексею. У Алексея было красивое симметричное мужественное лицо без присущих лицу Александра деформаций с мощным волевым квадратным подбородком настоящего героя. Его карие очень выразительные глаза совсем не обладали свойствами глаз Александра и не могли оказывать такого же, как глаза Александра воздействия на женщин, но этого было и не нужно, так как они были слишком красивы, приметны и пусть и поверхностно, но буквально вынуждали обратить внимание на их обладателя практически любую женщину. При этом Алексей отличался крепким телосложением с очень хорошо развитой мускулатурой. Во всей его фигуре ощущалась сила, и Александр знал, что его брат действительно обладает совсем незаурядной физической силой. Александр был человеком совсем не маленького роста, но даже в этом он проигрывал Алексею целых пять сантиметров. Алексей в отличие от Александра следил за своей внешностью. Всегда был аккуратно подстрижен, чисто выбрит, имел ухоженные руки, носил модную дорогую очень хорошую одежду и делал это на редкость умело.

Единственное в чем превосходил Александр Алексея, так это в интеллекте. Нет, Алексея нельзя было назвать глупым человеком. Интеллектуально он был развит достаточно хорошо и значительно превосходил средний уровень. Просто его младший брат в этом смысле обладал выдающимися, уникальными способностями. Алексею, никогда и ни при каких обстоятельствах просто не могли прийти в голову идеи, которые посещали Александра. Да, что там идеи, Алексей элементарно не в состоянии был выиграть у Александра ни в одну интеллектуальную игру. Но кто об этом знал?

Хотя в общепринятом смысле никак нельзя было сказать, что Александр испытывал к Наташе чувство любви, но он все же ревновал свою жену к брату. При этом его ощущения напоминали не чувства, испытываемые обычно мужчиной — любовником, а скорее ощущения хозяина дорогой для него вещи. Когда к этой вещи прикасается другой человек и в голову сами собой начинают лезть мысли: "А вдруг он ее испачкает, поцарапает, сломает, захочет оставить себе и просто украдет ее или завладеет ей каким либо иным способом".

Александр чувствовал, что его старшему брату всегда нравилась Наташа. Знал он и о его многочисленных любовницах. Однако при этом он был уверен, что именно потому, что Наташа была его женой, Алексей никогда не позволит себе ничего

лишнего, даже если Наташа станет навязываться сама. К тому же Наташа вряд ли была способна пойти дальше высказываний о том, что как муж, отец ее ребенка и просто мужчина он недостаточно хорош. Ну, а как любовник он по-прежнему более чем ее устраивал.

Несмотря на то, что волноваться вроде бы было и не о чем, Александр все равно испытывал чувство ревности. Именно поэтому он не хотел в присутствии Наташи принимать помощь от своего более успешного старшего брата. Он вообще очень многое бы дал за то, чтобы Наташа никогда не узнала о помощи Алексея в его трудоустройстве.

Если бы Алексей догадывался о чувствах и мыслях Александра, то, конечно бы он сделал так, чтобы Наташа никогда ни о чем не узнала, но он не догадывался. Он искренне думал, что все сомнения Александра вызваны исключительно нежеланием менять творческую работу на работу чиновника.

На следующий день Алексею действительно очень легко и быстро удалось решить вопрос трудоустройства Александра. Уже через неделю Александр приступил к работе в администрации, заняв в ней сравнительно приличную должность.

В его институте заявление об уходе было подписано сразу без требования, отработать положенное в таких случаях время. Причем руководители института не посчитали нужным скрыть от Александра свою радость от его увольнения. Это обстоятельство окончательно убедило Александра в правоте Алексея. Действительно прошло бы совсем немного времени, и директор института стал бы сам искать повод избавиться от него, как от ставшего совсем не нужным работника.

Несмотря на ожидание Александром развития событий при его увольнении именно подобным образом, все равно от того, каким образом происходила вся процедура, ему было очень неприятно. Получалось, в глазах окружающих он был настолько никчемным специалистом, что ему даже из вежливости не сказали, принятых в подобных случаях, слов сожаления об уходе очень хорошего и нужного сотрудника. Видимо из опасения, что он истолкует неправильно такие слова и откажется от увольнения, а всем хотелось как можно быстрее от него избавиться и сэкономить на его, к тому времени, уже совсем ничтожной зарплате.

Потом у Александра еще на протяжении нескольких лет резко портилось настроение, стоило ему только вспомнить подробности увольнения из института, в котором он очень результативно работал много лет. Ведь он понимал, что вовсе не заслужил такого почти хамского к себе отношения. Да, пусть и в других

экономических условиях, но он работал очень эффективно и к смене экономической системы был совершенно непричастен.

На новом месте работы все почти с первого его рабочего дня поняли, что Александр никак не является типичным чиновником и вряд ли может стать им в будущем, но, как и предсказывал Алексей, сразу избавиться от него не посмели. Потом же просто привыкли к тому, что работает у них человек со странностями. К тому же Александр был абсолютно неконфликтным человеком, лично никому не мешал и чисто формально со своими обязанностями вполне справлялся.

Самого же его новая строго регламентированная формализованная работа тяготила. Его стремление к творческой деятельности не находило выхода. От полной безысходности поначалу Александр даже серьезно увлекся совсем новым для себя вопросом — оптимизацией государственных расходов направляемых на поддержку экономических проектов. И математически точно доказал, что государственные средства расходуются совсем не на те проекты, тратятся фактически впустую, что поддерживаемые экономически эффективные коммерческие проекты были бы все равно реализованы без всякой поддержки. Обосновал критерии, по которым должны отбираться для получения государственной поддержки проекты, от государственных расходов, на реализацию которых действительно можно было получить не мнимый, а реальный эффект, ускорить развитие экономики страны.

Сделанные Александром обоснования и выводы даже были опубликованы и вызвали интерес у некоторых членов многочисленных в те годы иностранных делегаций. Но его предложения применяться на практике так и не стали.

— Ведь все же на словах соглашаются с моими расчетами. И я никак не могу понять, почему мы до сих пор распределяем деньги по традиционной схеме? Почему мы не оптимизируем этот процесс хотя бы на территории нашей области? — как-то изрядно выпив по случаю какого-то праздника, спросил у своего непосредственного начальника в администрации Александр.

— Слушай, Саш, ну ты действительно прямо человек ни от мира сего. Ну, что здесь может быть непонятно? Все же предельно просто. Если распределять деньги согласно твоему предложению, то невозможно будет получать откат. Именно поэтому твоя схема распределения средств никогда и нигде использоваться не будет, — совершенно серьезно ответил так же сильно нетрезвый начальник.

Начальник Александра был довольно циничным человеком, но на трезвую голову никогда ничего подобного не позволил бы

себе произнести вслух, так как одновременно он был и очень осторожным человеком. Жил по принципу, как бы чего не вышло, и тщательно обдумывал каждое свое слово или действие. Чем-то сильно напоминал Алексея, но, конечно, если их двоих поставить рядом, то стало бы ясно, что он представляет собой лишь бледную тень Алексея. Наверное, именно поэтому начальник Александра навсегда застрял в областной администрации и не смог, не смотря на большое желание, перебраться в Москву.

— Так что же по этой же причине она не используется нигде и заграницей? Многие наши зарубежные коллеги весьма заинтересованно расспрашивали меня о моих обоснованиях.

— А ты серьезно веришь, что они там все такие правильные и сколько-нибудь значительно отличаются от нас в лучшую сторону? Они отличаются лишь в мало, что значащих деталях, а в действительно главном мы все одинаковы, — заплетающимся языком ответил начальник и, как-то сильно погрустнел, — так, что причина отказа от реализации твоих идей действительно одна на всех.

— Но, ведь эффективное расходование бюджетных средств всем же выгодно.

— Вот именно, что всем, а надо что бы оно было выгодным вполне конкретным людям. Когда можно получить большую персональную выгоду, то про общую обычно забывают. По рассуждать на тему эффективности расходования бюджетных средств конечно можно, а почему нет? Тем более с тобой. Ведь все же понимают, что твоя карьера уже завершена. Тебе, Саш, никогда ни занять должность, которая позволила бы тебе реально повлиять на процесс управления хотя бы в одной отдельно взятой губернии.

— Так значит то, что я делаю никому не нужно? И годиться разве в качестве развлекательного чтива?

— К сожалению это так и поделать с этим ничего нельзя. Но может то, что все складывается именно так даже и к лучшему. Во всяком случае, для тебя лично. Саш, ведь ты же честный порядочный человек. Жаль будет, если тебя сломают и уничтожат. Не лез бы ты лучше, от греха подальше, ни к кому со своими идеями. Если уж тебе так очень хочется, ну пиши статейки, а еще лучше займись наукой, защити диссертацию.

После этого разговора Александр не стал писать статьи или тем более диссертацию — он просто сломался, превратился в некое подобие бездушного механического человека исправно выполняющего порученную работу от и до без каких либо попыток проявить инициативу даже в мелочах. Он больше ничего не изобретал, его абсолютно перестала интересовать судьба

старых изобретений. И даже его стол в квартире, как-то сам собой незаметно был очищен от инструментов и деталей, которые были убраны им в самые дальние уголки квартиры. Он практически полностью перестал улыбаться, шутить, весь как-то потух и жил, словно по инерции. И Наташа как-то тоскливо призналась, заехавшему к ним в гости Алексею: "В бытовом плане жизнь у нас наладилась даже в лучшей степени, чем я могла бы ожидать, зарплаты Александра нам более чем хватает, но, знаешь в Саше, как тогда, что-то надломилось ведь, так до сих пор и не выправилось. Понимаешь он, словно не живет, а существует, как какой ни будь очень хорошо отлаженный механизм. И это касается не только работы, но, что самое главное, и личной жизни. Нет, ты не подумай, я не жалуюсь и уж тем более даже не думаю в чем-то тебя упрекать, но все же он тогда был прав и ему действительно нужна совсем другая работа. Я понимаю, что в существующих сейчас условиях нашей жизни подобрать действительно подходящую для Саши работу практически нереально. Но ведь надо же как-то Сашу из этого жизненного ступора выводить? А, как и чем ему помочь, я не знаю".

Алексей тогда ничего Наташе не ответил. Возможно потому, что просто не знал ответа, а возможно он просто ничего не понял. Ведь сам он с подобными проблемами никогда не сталкивался.

Глава 3 Обретение вечной молодости.

Александр в одних трусах стоял перед зеркалом в ванной своей квартиры. Он с Наташей только что вернулся из Москвы с похорон его брата. Алексей не дотянул до своего шестидесятилетия всего несколько дней. У него внезапно отказало сердце, а может вовсе и не внезапно, ведь Алексей никогда по настоящему капитально у врачей не обследовался и возможно просто терпел боли, так как не любил ни лечиться, ни соответственно врачей. Он до самого конца вел образ жизни вовсе не способствующий долголетию. Продолжал и после пятидесяти лет иметь беспорядочные половые связи, курить и пить также как и в молодости. К тому же с возрастом полностью перестал заниматься спортом и стал вести малоподвижный образ жизни. Ел все, подряд, совсем не задумываясь о том негативном влиянии, которое может оказать на состояние его здоровья только что съеденное им. Совершенно не заботился об обеспечении для себя нормального отдыха. Часто просидев допоздна с друзьями в ресторане, затем отправлялся к кому ни будь из них на квартиру, где продолжал пить до утра. При этом занимался групповым сексом вместе, как правило, с совершенно случайными женщинами, подобранными их компанией, где-нибудь по дороге, а утром, так и не поспав ни часу, совершенно не отдохнув, шел на службу. И такое чудовищное насилие над своим организмом можно было сказать, что он совершал регулярно. Таким образом, Алексей делал все, что только было возможно для причинения вреда своему здоровью, ну разве что наркотики не употреблял. Но даже в этом Александр не был уверен.

Из того, что знал Александр об образе жизни своего брата, выходило, что он сам умышленно хотел умереть в сравнительно молодом возрасте. Стремясь при этом взять от своей жизни максимум, отжать из нее все приятное до последней капли пока это еще позволяло сделать здоровье. Возможно, Алексей очень не хотел становиться немощным стариком и даже страшился старости. И не видел иного выхода избежать ее, кроме, как уйти из жизни еще до ее наступления. Тогда ему все удалось. Он ухитрился измотать свой, наделенный от рождения богатырским здоровьем, организм как раз к нужному сроку. При этом ему не пришлось в прямом смысле становиться самоубийцей.

— Саш, ну, сколько можно торчать в ванной? Ведь ты же не один живешь! — возмущенно произнесла Наташа, появившись на

пороге ванной.

Александр никак не отреагировал на внезапное появление Наташи. Его поза продолжала оставаться неизменной, ни один мускул на его теле не дрогнул, и даже направление взгляда совсем не изменилось. У Наташи создалось впечатление, что Александр просто ее не заметил. По тому насколько глубоко он ушел в себя и как напряженно он о чем-то думал, Наташа решила, что Александр все еще слишком сильно переживает смерть своего брата, и предпочла тихо удалиться.

А Александр рассматривал свое отражение в зеркале. Рассматривал так сосредоточенно и внимательно, как никогда в своей жизни. И это отражение ему совсем не нравилось.

На его лице и шее особенно отчетливо было видно, как сильно огрубела его кожа, утратила свою эластичность и стала сухой, дряблой. На ней образовалось большое количество глубоких морщин на лбу, на переносице, вокруг глаз, особенно у их уголков они разбегались многочисленными кривыми лучиками. Глубокие, контрастные носогубные и щечно-подбородочные складки бросались в глаза и буквально притягивали внимание, а у опустившихся уголков рта образовались хорошо развитые морщины-складки, которые предавали его лицу какое-то печальное, подавленное выражение. Кожа шеи также сморщилась, и под ней четко обозначились шейные мышцы. Из-за практически полной потери былой упругости кожа сильно провисла и в результате она мешковато висела под подбородком, глазами, а верхние веки образовали внушительные складки вплоть до самого ресничного края. Но это были еще не все неприятные перемены в состоянии его кожи. Из-за общего ее истончения местами стали просвечиваться капиллярные сосуды, а нарушения в пигментации вызвали появление темных пятен.

Из-под нависших складками век на Александра смотрели глаза усталого человека с помутневшей роговицей и белками желтоватого оттенка. В них уже не было прежнего блеска.

Его лицо, явно чрезмерно отмеченное прожитыми годами, обрамляли сильно поредевшие, тусклые, истончившиеся и ставшие ломкими, примерно на семьдесят процентов седые волосы. Причем седые волосы у него появились уже везде, а не только на висках, как это наиболее часто бывает в его возрасте. Виски же уже сплошь были покрыты седыми волосами. Отчетливо было видно начавшееся образование залысин.

Все его тело как бы сжалось. Его никогда не отличавшиеся красотой и мощью мускулы заметно усохли, так что руки и ноги теперь выглядели чрезмерно тонкими, сухими и костлявыми. На

всем его теле выделялся лишь непропорционально большой, свисающий к низу складками и вследствие этого скрывающий резинку трусов живот.

Глядя на свое отражение в зеркале, Александр отчетливо осознал, что выглядит лет на пятнадцать, а то и на все двадцать старше своего календарного возраста. Фактически, там, в зеркале отражался глубокий старик. Более того, он сейчас выглядел даже хуже и более старым, чем его брат в гробу. Его охватила легкая внутренняя паника, Александр никак не мог понять, как же так вышло, что он раньше просто не замечал столь существенных и весьма неприятных перемен в своем внешнем облике? Почему он раньше ни разу не подумал о своей старости? Хочет ли он продолжать жить, когда окончательно превратится в дряхлого и немощного старика? Или ему следовало побеспокоиться, как и Алексею обо всем заранее и просто сделать так, чтобы не дожить до этой поры?

Конечно, его панические мысли не были вызваны исключительно внешним видом, а главным образом были спровоцированы внезапной смертью брата и тем, что сейчас Александр совершенно точно знал о многочисленных нарушениях в системах своего организма. Так вены на его ногах были вздуты многочисленными узлами и постоянно вызывали боли и ощущение тяжести в ногах, что не оставляло сомнений в наличии варикозного расширения вен в довольно поздней стадии развития. У него были очевидные проблемы со сном и ставшие почти постоянными головные боли. Иногда носом шла кровь, а кожа периодически приобретала неестественный алый цвет, что, скорее всего, свидетельствовало о повышенном артериальном давлении и, соответственно, прогрессирующей гипертонической болезни. Ощущались покалывания в области сердца. При малейшей физической нагрузке появлялась одышка и резко увеличивалась частота пульса. Ему досаждали геморрой и боли в пояснице и суставах. Периодически из-за совершения им резких движений боли в пояснице становились настолько острыми, что фактически полностью сковывали его. В этих случаях без соответствующих уколов Александр уже не мог обойтись. Позывы к мочеиспусканию стали чрезмерно частыми, а само оно было длительным и сопровождалось неполным опорожнением мочевого пузыря. Он вынужден был буквально выдавливать из себя мочу по каплям, постоянно ощущая при этом рези. Были проблемы и во время занятий сексом. Зубы медленно, но верно уничтожал кариес. Уже лет пятнадцать, как Александр был вынужден активно заниматься протезированием своих зубов. Система его пищеварения все чаще давала сбой, и он вынужден

был считаться с этим при выборе блюд. Острота зрения была утрачена, и Александр уже не мог без заметного напряжения читать обычный газетный текст. Он не пользовался очками лишь потому, что читал в основном с монитора компьютера, на который выводил текст с максимальным увеличением его размера.

Конечно, Александр быстро осознал, что смерти его родителей в те времена, когда он был молод, полон сил и здоровья просто не могли породить в нем мысли о наступлении своей собственной старости. Ведь тогда старость была еще так далека, а смерти просто знакомых и незнакомых ему людей вообще никогда не привлекали его внимания. Зато сейчас надежно спрятанный где-то на дне его души маленький страх наступления старости и неминуемой последующей смерти, возможно даже мучительной разросся до непомерно громадных размеров, вырвался на поверхность и со всей своей силой обрушился на Александра, застав его практически врасплох.

Александр не сразу смог прекратить автоматический, бессмысленный подсчет морщинок, складок на своей коже и седых волос на голове, успокоить беспорядочно скачущие мысли и упорядочить их, просто успокоиться. Но, когда ему, наконец, удалось это, то первое, что он совершенно четко осознал было: "Я ни при каких обстоятельствах не хочу отправляться в могилу вслед за братом и вместе с тем я ни хочу становиться немощным стариком, А затем медленно и мучительно умирать под натиском постоянно увеличивающегося количества болезней".

Осознать свои, такие естественные и достаточно очевидные желания было делом не хитрым. Фактически он пожелал для себя вечной молодости. Достижение вечной молодости было голубой мечтой многих поколений самых разных людей. Однако достичь ее еще никому не удалось, ни сильным мира сего, ни самым богатым людям, которые ни смотря на все их огромные возможности, старели и умирали, как и все прочие обычные люди.

Почти одновременно с желанием заполучить вечную молодость пришло осознание того, что современное развитие человеческого общества может обеспечить гарантированное исполнение лишь второй части его желания. Да, он мог, например, прямо сейчас соорудить петлю и удавиться. Тем самым отправиться вслед за братом и избежать наступления старости. И разом избавиться вообще от всех проблем. Но ту же самую возможность имел, еще не знавший даже огня, его совсем далекий предок, когда, трясясь от страха, прятался от многочисленных хищников, в какой ни будь пещере.

Получалось, что за прошедшие многие тысячелетия человечество так и не смогло заполучить возможности, существенно отличающиеся от возможностей пещерного человека в вопросе преодоления старения.

Именно тогда стоя в одних трусах у зеркала в своей ванной, Александр принял решение, что всю свою оставшуюся жизнь он посвятит решению этой, неподдающейся никому, задачи. По всей видимости, эта задача была действительно невероятно трудной. Для него же ее решение осложнялось рядом непреодолимых обстоятельств. И Александр очень хорошо себе представлял реальное положение дел и свои ничтожные шансы на успех.

Зная о судьбе своих ранних изобретений медицинской направленности, он не мог рассчитывать на использование государственных ресурсов или привлечение частных инвестиций. Даже если он выдвинет разумную основную идею, то сразу ему просто никто не поверит и вряд ли кто-то из лиц, действительно принимающих решение о выделении средств на проведение научных исследований, согласиться просто серьезно его выслушать. Везде над ним будут смеяться, принимать его за сумасшедшего и гнать.

Рассчитывать на получение иной реакции можно было только в том случае, если бы он стал своим в системе медицинских научных исследований. Но для этого ему для начала необходимо обзавестись дипломом медицинского института, что в принципе было возможно, поступи он прямо в этом году в какой-нибудь медицинский институт для обучения на коммерческой основе. Однако в этом случае диплом ему светил только к пенсионному возрасту и система все равно его выкинула бы из-за несоответствия его возраста, не дав ему даже попытаться начать делать карьеру ученого в медицинской науке.

Можно было еще попытаться оформить патент на свою идею, описав в нем все как можно более подробно, в расчете на то, что лет через двадцать его идея будет кем-то реализована, как были уже реализованы некоторые старые его изобретения. Но, учитывая деликатность вопроса обретения вечной молодости, вряд ли следует рассчитывать, что ее сразу предложат всем желающим. Первыми ее получат исключительно избранные. А ему, как неудобному автору основополагающей идеи, про существование которого вряд ли и вспоминать кому-то захочется, вечную молодость уж точно предложат в самую последнюю очередь. А это значит, что по самым оптимистическим оценкам ждать ему придется лет шестьдесят. Столько Александр прожить не рассчитывал даже в качестве дряхлого старика.

Вот и выходило у него, что он не просто должен был решить

эту невероятно трудную задачу, а получить все средства для достижения вечной молодости буквально на кухне своей квартиры и за счет только денежных средств своей семьи. Именно при осознании этой мысли Александр вдруг почувствовал азарт. Тот самый, давно забытый азарт, который он всегда испытывал в детстве при получении от учителя очередной сколь трудной столь и бессмысленной задачки. Внезапно возникшее чувство азарта породило в нем уверенность в его способности решить эту возможно последнюю задачу в его жизни. И ему уже стало не важно, что пока у него нет вообще никаких идей, и понятия, он не имеет с какого конца подходить к решению, и о такой науке, как геронтология практически ничего не знает. Главным было, что каким-то чудом стремительно надвигающаяся старость еще не затронула его мозг и он, как и прежде готов к использованию. Так как, если бы это было не так, то никакого чувства азарта он не мог бы испытать в принципе.

Убедив сам себя в том, что он вполне еще в состоянии результативно заниматься решением подобных задач, Александр, наконец, покинул ванную и направился в спальню, продолжая ощущать во всем своем теле сильное возбуждение от только что принятого им решения.

Потом, лежа в кровати, он еще долго не мог уснуть. Ему захотелось сразу, не откладывая на потом конкретизировать стоящую перед ним задачу. Уж очень неопределенны были его первоначальные: "не хочу умирать и при этом не хочу быть стариком". И через некоторое время эти первоначальные пожелания были заменены вполне конкретными целями.

Александр понял, что ему предстоит создать средство, обеспечивающее избавление от всех заболеваний с одновременным омоложением человеческого организма и затем неограниченно долго поддерживающее организм в абсолютно здоровом и молодом состоянии. Устройство это будет, химическое вещество или, например, система магических заклинаний, физических упражнений являлось непринципиальным.

Причем необходимо было достичь реального омоложения, а не иллюзии, которую вполне обеспечивала уже современная пластическая хирургия и косметология, а также парики и многочисленные краски практически любых, даже самых немыслимых, цветов для окрашивания волос. Как это было нестранно, но тогда Александр достаточно безразлично отнесся к вопросу, как отразится общее омоложение на его внешности? Ему тогда было все равно, будет или нет, в том числе достигнуто чисто внешнее омоложение. Возможно, это произошло из-за того,

что у него всегда возникало чувство брезгливости при виде на экране телевизора неестественного пластмассового "помолодевшего" лица с натянутой тем или иным способом кожей очередной престарелой поп-звезды. И он надеялся, что с ним ничего подобного не произойдет. Однако в любом случае он был готов смириться с любым своим внешним видом и посчитал тогда излишним затрачивать время и силы на достижение какой-то особой, наперед заданной и тщательно продуманной своей внешности. Такое легкомысленное отношение к вопросу преобразования своей внешности в будущем обернулось массой проблем. Ведь кроме всего прочего тогда же, лежа на кровати, Александр решил, что никогда и ни при каких обстоятельствах никому ни за какие деньги не передаст информацию о своих наработках, а полученное средство омоложения будет использовать исключительно только для себя, и в дальнейшем неизменно придерживался этого решения. Совершенно не подумав о необходимости в этом случае предотвратить воздействие средства омоложения на свою внешность и тем самым избежать привлечения излишнего внимания окружающих.

* * *

Александр шел, казалось по бесконечной очень узкой улице выложенной булыжником и застроенной сильно обветшавшими двух — трех этажными домами. Дома стояли вплотную друг к другу, и нигде не было видно ни одного перекрестка. Между домами нигде не было даже крохотной щелки. Александр догадался, что улица пешеходная, но он был совершенно один. Здесь не только не было людей, но не было даже кошек, собак или хотя бы насекомых.

Александр никак не мог определиться с временем суток. Вроде и не день, но и не ночь и на сумерки было тоже не похоже. Небо темно серое без облаков, без солнца, без луны. Да и существовали ли они вообще в этом мире? Впрочем, окна домов все были темными, и уличные фонари тоже не горели. Да и сами фонари отсутствовали.

Он никак не мог, вспомнит, как оказался на этой странной улице и как долго он уже по ней идет. Постепенно его начал охватывать страх, в голову пришла мысль, что он никогда не сможет выбраться с этой улицы, и будет идти по ней вечно. И Александр перешел на бег и зажмурился, чтобы не видеть больше этих одинаковых домов без дверей с почти черными одинаковыми окнами. В результате вскорости он больно ударился о какое-то

препятствие. Открыл глаза и увидел, что стоит перед большой стеклянной дверью, за которой была видна ярко освещенная, уходящая круто ввысь лестница. К его удивлению стена дома с дверью была выгнута, так, что почти полностью перегораживала улицу, но он точно помнил, что до того, как он закрыл глаза, никаких домов с выступающими частями видно не было и источников света тоже.

Дверь была странная. Без ручек и кнопки звонка из неправдоподобно толстого стекла. Александр почему-то знал, что ему просто необходимо в нее войти, и он забарабанил в дверь кулаками, но не услышал даже слабых звуков от своих ударов. Зато почувствовал, что разбить ее ему никак не удастся, даже если он выворотит булыжник из мостовой, и будет бить им со всей силы в стекло.

Александр прижался лицом к стеклу двери, стремясь разглядеть, куда ведет лестница. Лестница просматривалась вплоть до высоты соответствующей десятиэтажному дому и на всем своем протяжении не имела никаких признаков своего окончания. "Она, что бесконечная?", — подумал Александр. Это было странно, ведь дом у которого он стоял, был двухэтажным. Получалось, что даже, если на верху и были люди, то вряд ли ему удастся привлечь их внимание, как бы громко он тут у двери не шумел.

Александр отступил на шаг и, не зная, что ему предпринять, в недоумении стал тщательно осматривать дверь, но скоро в раме двери заметил замочную скважину. Достал из кармана ключ от своей квартиры, вставил его в обнаруженную замочную скважину и повернул. В результате дверь сама собой распахнулась перед ним. Он начал подниматься по лестнице, ожидая тяжелого и длительного подъема, но, преодолев не более пяти ступеней, он прямо с лестницы вошел в небольшую плохо освещенную замусоренную пыльную комнату с очень низким потолком. В комнате, почти на самой ее середине стоял громоздкий старомодный прилавок, за которым находился человек. За спиной человека прямо в стене был размешен длинный ряд выдвижных ящиков, с какими-то надписями на их крышках. Он присмотрелся к человеку, и вдруг к своему удивлению осознал, что это Алексей, только очень молодой.

— Ну, наконец-то! Пожаловал! Ты что же думаешь, мне заняться нечем, как только тебя здесь ждать, — возмущенно проворчал Алексей.

— Как же так? Ведь ты же умер? — в растерянности и, запинаясь, проговорил Александр.

— Как же так? А вот так! И умер бы и уже совсем, если бы

брат у меня был нормальный человек, жил бы, как все и не выдумывал тут всякого. А так меня сюда погнали.

— Куда сюда? Где мы находимся? — уже ровным голосом спросил Александр, для которого разговор с покойником почему-то уже перестал быть удивительным.

— Как где? В магазине, конечно. Да ты сам разве не видишь?

— В магазине, а почему тогда дверь в магазин отпирается ключом от моей квартиры? Как же в него другие покупатели попадать будут?

— А других покупателей нет, ты единственный. И магазин этот существует только ради тебя. Ведь ты же у нас особенный, уникальный. А в результате отдуваться тут в качестве продавца именно мне приходится.

— Ну, я же не знал… А чем же в этом магазине торгуют? Где тут товар? — спросил Александр, почувствовав себя неловко из-за того, что причиняет столько хлопот.

— Да вот же он, — указал на ряд выдвижных ящиков в стене Алексей.

Ящики сами собой приблизились, а Алексей отодвинулся в сторону и Александр смог прочесть однотипные надписи на их крышках: "с 52 лет по…", "с 53 лет по…"… "с 69 лет по…". Александр ничего не понял и спросил:

— А что это?

— Новые продолжения твоей жизни. Ведь ты же именно за новым продолжением жизни суда и пришел.

— Вообще-то я хотел снова стать молодым.

— А что ты понимаешь под стать молодым? Если жизнь с нуля, то для этого сначала надо умереть. Практически, как в компьютерной игре. Перезагрузил игру и получил нового героя, в котором практически ничего нет от прежнего. Но ты ведь умирать не хочешь?

— Конечно, не хочу.

— Тогда в твоем случае возможна лишь частичная перезагрузка. Молодым станет, и будет оставаться только тело и из-за этого продолжение твоей жизни изменится.

— А как долго будет длиться это новое продолжение моей жизни? На ящиках дата окончания ведь не указана.

— Бесконечно. Пока эта ерунда тебе самому не надоест. Мне так вообще не понятно, и как только к тебе в голову могло прийти заняться этой глупостью. Да, я еще должен тебя предупредить — постарайся воздержаться от самоубийства. Самоубийство это большой грех.

— Да что я сумасшедший, что ли добровольно от жизни отказываться.

— Ну, это ты сейчас так думаешь. Посмотрим, как ты себя будешь чувствовать лет через сто или даже пятьдесят.

— Но, как же я куплю новое продолжение своей жизни? У меня ведь с собой денег нет, — не обратил никакого внимания на последнее замечание Алексея Александр.

— Этот товар за деньги не продается.

— А что же тогда с меня возьмут в качестве платы?

— Не прожитую тобой часть твоей старой жизни или если хочешь судьбы. Ты уже никогда не сможешь узнать, как бы сложилась в дальнейшем твоя жизнь. Не сможешь пережить определенные моменты жизни, которые обычно проживает большинство людей. Плюсом к этой цене пойдут так же изменения судеб твоих близких и людей, с которыми ты вступишь в близкий контакт в будущем. Ну, что готов ты платить такую цену?

"Да, на хрена мне нужны эти моменты жизни старика и вообще жизнь старика", — подумал Александр. Про жизни близких и других пока ему совсем незнакомых людей он вообще не подумал. И уверенно ответил:

— Конечно, готов.

— Ну, тогда выбирай товар, — тяжело вздохнув, сказал Алексей и снова указал рукой на ряд выдвижных ящиков.

Александр задержался взглядом на последнем ящике с надписью: "с 69 лет по…" и спросил:

— А почему предложения заканчиваются на шестьдесят девятом году? Это значит, что если я откажусь от покупки, то в шестьдесят девять лет умру?

— Нет, в семьдесят. На получение нового продолжения жизни ведь требуется определенное время. Вообще-то тебе этого знать не полагается, но ты у нас всегда был слишком умным, сам догадался. Вот теперь и сам смотри — чем в более позднем возрасте выберешь начало нового продолжения жизни, тем меньшую плату с тебя возьмут. Но совсем ничего не заплатить в любом случае не получится.

— Значит, получается, есть у меня всего около двадцати лет, — в задумчивости, очень медленно произнес Александр.

— Саш, слушай, ну выбирай уже и пойду я отсюда, — уже буквально взмолился Алексей.

Александру вдруг стало жалко терять такую большую часть своей жизни. Его глаза забегали по ящикам, а сами ящики образовали кольцо, которое начало все быстрее и быстрее вращаться. В голове непрерывно звучал крик Алексея: "Выбирай! Быстрее! Выбирай! Быстрее!..".

Александр открыл глаза. В спальне еще было темно.

Светящиеся цифры часов показывали около трех часов ночи. "Приснится же такая, хрень", — подумал Александр. А еще он подумал, что из-за этого дурацкого сна теперь не сможет уснуть до самого утра. Но его опасения оказались напрасными. Он почти тут же опять погрузился в сон. И больше ему ничего не снилось, а может другие сны он просто не смог утром вспомнить.

* * *

Александр приступил к разработке своего средства вечной молодости сразу с утра следующего дня. И начал он с капитального обследования состояния своего здоровья, позволив на этом этапе себе параллельно изучать лишь накопленный человечеством опыт и знания в сфере продления жизни и омоложения организма человека. При этом постоянно ругая себя за полное отсутствие в прошлом, с его стороны, интереса к геронтологии. Ведь насколько ему было бы сейчас проще и легче прояви он интерес к этой науке в идеале еще в школьном возрасте.

В поликлинике он без труда получил кучу направлений на сдачу почти всех возможных анализов и на получение консультаций чуть ли не у всех врачей — специалистов просто пожаловавшись участковому терапевту на то, что у него действительно болело и что не болело, сильно преувеличив силу этих болей. В итоге, когда Александр выходил из кабинета с внушительной стопкой бумажек в руках, терапевт смотрела на него уже, как на сумасшедшего, но направление к психиатру все же не дала. Ведь кроме многочисленных жалоб ей совсем не понравилось его артериальное давление в сто семьдесят пять на девяносто и отчетливо прослушиваемые через фонендоскоп шумы неправильно работающего сердца.

А Александру просто надо было знать объективное состояние своего организма еще до того, как он начнет совершать с ним какие либо манипуляции. И еще в глубине души он рассчитывал, что все же чисто субъективно преувеличил степень износа своего организма и его состояние не так плохо, как это ему представлялось вчера вечером.

Конечно, его весьма обширные познания в области медицины делали эту его надежду ничтожно малой, но все же были исследования, которые он самостоятельно без помощи медиков выполнить никак не мог. И вот в ходе именно таких исследований он как раз еще и мог рассчитывать узнать, что ни будь хорошее о состоянии своего организма. Но хорошие новости для него, по

сути, закончились на том, что хотя варикозное расширение вен, артроз и остеохондроз были ему уверенно подтверждены на основе проведенных рентгеновских исследований, но эти заболевания все же еще находились на достаточно ранних стадиях своего развития, а повышение артериального давления и утрата остроты зрения были еще не запредельно высоки. Иными словами этим заболеваниям еще было куда развиваться, и тяжесть его состояния могла еще постепенно нарастать очень длительное время. А ультразвуковое исследование, ожидаемых им камней в почках, так и вовсе не выявило.

Хотя Александр всегда считал, что его сердечно-сосудистая система находится все еще в приличном состоянии, но по результатам электрокардиографии и эхокардиографии у него были выявлены такие весьма неприятные вещи, как атеросклероз, соответственно, стенокардия и вдобавок к этому аритмия сердца.

Уролог же, очень энергичный, весь какой-то жизнерадостный и почему-то очень веселый мужчина средних лет, подробно расспросив Александра о том, как он мочится, и какие боли при этом испытывает, ощупав его яйца и немного поковырявшись у него пальцем в заднице, уверенно бодро и почему-то как-то радостно объявил:

— А у вас аденома простаты! И опухоль уже большая, очень хорошо прощупывается. Да, и можете вставать и одеваться.

Александр встал с кушетки, стер с задницы смазку и начал медленно застегивать брюки. Уролог же обратив внимание на то, как сильно прямо на его глазах осунулось и помрачнело лицо Александра, все так же бодро и весело добавил:

— Я смотрю, вы расстроились. Не стоит. К вашему возрасту это заболевание обнаруживается у каждого второго. Сейчас проведем дополнительное узи, посмотрим анализы и определимся с лечением. Скажу прямо, что в вашем случае вред ли можно будет обойтись одними таблетками. Скорее всего, потребуется операция, но возможно открытая операция не потребуется. Ведь все возможно сделать при помощи эндоскопа через мочеиспускательный канал и потом вполне возможно, что удалять предстательную железу полностью не потребуется, а потребуется удалить лишь аденому. В любом случае результаты оперативного метода лечения, как правило, бывают хорошими и качество вашей жизни значительно улучшится.

Ультразвуковое исследование к большому неудовольствию Александра показало, что врач был прав и операция действительно необходима. Его мочевой пузырь уже был деформирован. Отчетливо просматривались дивертикулы мочевого пузыря, в которых собиралась остаточная моча.

Хирург тоже не порадовал Александра отметив, что геморрой у него находится в весьма запущенном состоянии, геморроидальные узлы выпадают при маленькой нагрузке, плохо вправляются и удерживаются. Предположил наличие сильных болей и кровотечений. Что Александр вынужден был честно подтвердить и в результате получил настоятельную рекомендацию как можно быстрее обратиться к проктологу, а также не тянуть с лечением.

Невропатологу он поведал о действительно существующих у него головных болях, головокружениях, слабости, повышенной утомляемости, раздражительности, чувствительности к яркому свету, чувстве тревоги, внутренней дрожи и плохом сне. Во время осмотра у него заметно дрожали руки, наблюдались ограничения движения взора, пошатывания в позах с закрытыми глазами, заканчивались неудачами попытки коснуться пальцами кончика носа. Однако врач не нашел в его состоянии чего-то из ряда вон выходящего, посчитал его достаточно типичным для его возраста и поставил диагноз — вегетососудистая дистония.

Этот диагноз практически являлся своеобразной помойкой, куда врач удобно для себя всегда мог свалить многочисленные жалобы, симптомы и синдромы пациента, не приводящие к резкому ухудшению его состояния. Особенно это было удобно в случаях, когда пациент был уже в возрасте, и все его состояние определялось главным образом начавшимися возрастными изменениями, проще говоря, старением и общим одряхлением организма. Ведь старение и сопутствующие ему заболевания остановить невозможно. А так, поставил вегетососудистую дистонию, назначил, что ни будь общеукрепляющее, поддерживающее и если в результате пациент начнет ощущать себя лучше пусть даже чисто субъективно, то уже хорошо. А чего же вы еще хотите? Врач ведь не волшебник и с законами природы спорить не может.

Все это Александр с болью для себя очень быстро осознал по тому, что и как говорил невропатолог, как он себя вел, как на него смотрел.

К моменту получения результатов анализов, Александр уже ожидал повышенного уровня холестерина, этого своеобразного универсального показателя начавшихся возрастных изменений. Но он не ожидал столь высокого уровня холестерина крови. Да вдобавок к холестерину сахар крови у него тоже зашкаливал за верхнюю границу нормы.

Потом, когда все результаты его многочисленных обследований и консультаций специалистов поступили к терапевту, Александр вынужден был выслушать совсем не

радостный итог обхода им медицинских кабинетов. Суть же высказываний терапевта сводилась к тому, что практически все нарушения в организме Александра вызваны главным образом возрастными изменениями. Причем эти изменения, да еще в таких количествах буквально всех систем его организма наступили слишком рано. В его возрасте состояние организма обычно бывает гораздо лучше. Вернуть организм в практически здоровое состояние невозможно. Для приостановки и замедления ухудшения здоровья кое-что необходимо немедленно лечить, но только лечения будет недостаточно. Он обязательно должен вести исключительно здоровый образ жизни и дальше следовали многочисленные рекомендации по поводу того, что ему можно, а главное чего нельзя.

Александр же сидел, слушал и думал: "Вот ведь действительно выходит, как в том старом анекдоте, остается только крикнуть: "А, на хрена, она мне такая, жизнь!" С другой стороны он отчетливо осознавал, что ни лечится, ни соблюдать рекомендации он не будет. Поскольку он уже определил себе роль подопытного кролика и ему необходимо будет соблюсти чистоту всех своих экспериментов. Но самое плохое заключалось в том, что времени у него на свои собственные исследования оставалось чудовищно мало. Просто его многочисленные заболевания с каждым днем будут прогрессировать и усиливаться. На их фоне его работоспособность будет стремительно падать и, в конце концов, она упадет практически до нуля, возможно даже намного раньше, чем он ожидает. Когда же его работоспособность упадет до нуля все, что он в состоянии будет сделать, так это поставить большой жирный крест на всех своих исследованиях. И останется ему лишь одно — вернуться к рассмотрению вопроса: "Желает или нет, он жить немощным стариком?"

Осознание острой нехватки времени ничего не давало, Александр по-прежнему понятия не имел даже с какого конца браться за решение стоящей перед ним проблемы. Однако это самое осознание все же придало дополнительное ускорение его работе по изучению накопленных знаний, которая за счет активного использования им Интернета, и так продвигалась довольно быстро.

Теперь благодаря всемирной паутине он легко и просто получал всю накопленную человечеством информацию по интересующим его вопросам. Конечно, к сожалению, и всемирная паутина далеко не всегда позволяла получить ему необходимую информацию, а позволяла оперативно получить лишь именно уже накопленную информацию. Ведь Интернет не осуществлял

научно-исследовательские разработки и не генерировал новую информацию и новые знания под нужды своих клиентов. Но работа даже с таким Интернетом неизменно вызывала в Александре чувство досады, за бездарно потраченное в молодости время на добывание нужных ему тогда знаний. А то, что именно время является самым ценным ресурсом человека, сейчас он ощущал особенно остро, как никогда прежде. Сейчас для него время шло просто с невероятной скоростью, и каким-то непостижимым образом скорость его движения все ускорялась и ускорялась буквально с каждой прожитой им секундой. Именно нехватка времени могла лишить его всего сразу и навсегда.

Раньше Александр почти совсем не обращал внимания на молодежь, да и на окружающих его людей иного возраста тоже. Сейчас же он смотрел на молодых людей, как на полностью законченных идиотов. Его мозг решительно отказывался понимать, как при современных возможностях можно было растрачивать драгоценное время на всякую ерунду. Ведь даже если кто-то и занимался наукой, то делал он это практически исключительно ради научной карьеры, денег или положения в обществе, а не для решения действительно важных любому человеку вещей.

Правда при этом сам он, почему-то совсем не думал о том, что много ли на свете существует людей способных понять его, пожелать себе такой же, как у него жизни. Ведь по существовавшим в человеческом обществе обычаям его жизнь можно было считать фактически уже прожитой. Его востребованность обществом с каждым годом стремительно падала. Впереди у него уже ничего не могло измениться, во всяком случае, в лучшую сторону. Таких людей вокруг было великое множество, и они уже активно не жили, а просто дотягивали до заслуженной пенсии и Александр тоже начал заниматься тем же самым — дотягивать до своей пенсии. И то, что он Александр оказался в составе этой большой и мало привлекательной группы населения, совсем его не устраивало. Он вообще уже не был уверен, что главную роль в принятии им решения о начале разработки способов продления своей молодости, сыграла именно боязнь старости. Вполне возможным главным было, пусть и не осознаваемое им, желание получить дополнительное время на корректировку своей жизни с тем, чтобы прекратить заниматься дожитием до пенсии и навсегда покинуть эту слабую во всех отношениях, постыдную часть населения. Александр никак не мог осознать, что главная проблема заключалась вовсе не в нем, не в характере его жизни, а в самом обществе, частью которого он был. И изменить это

общество, даже получив дополнительное время, было не под силу никому.

Еще во время своих мучений в поликлинике и областном диагностическом центре Александр утратил всякую надежду обнаружить готовое решение для своей проблемы. У него вовсе не вызывали доверия ни совсем еще молодые люди, заявлявшие, что они обнаружили средство позволяющее жить им вечно и пока в их двадцать с небольшим лет у них идет все нормально, ни бодрые старички утверждавшие, что благодаря тем или иным средствам в свои семьдесят пять они себя чувствуют на сорок лет. Ведь все эти старички на фотографиях выглядели вовсе не как молодые люди, а как самые настоящие старики. Относительно молодые же люди могли похвастаться лишь своими чисто теоретическими предположениями совсем не прошедшими никакой проверки. Да и не наблюдалось нигде ни одного человека дожившего хотя бы до ста лет и при этом с молодых лет активно, пользовавшегося каким либо средством продления жизни.

Видимо от полной безысходности появилась даже целая сеть организаций призывающая отказаться от решения проблемы в обозримом будущем, переложить ее решение на своих отдаленных потомков. При этом всех, не желающих безвозвратно умереть, предлагалось заморозить до лучших времен, конечно же, не бесплатно.

На первый взгляд такой выход из ситуации был очень привлекателен. Но Александр представил себе груды замороженных покойников и подумал, а кому в далеком будущем будет нужно возвращать их к жизни и тем более их лечить? Кому они, там, в будущем, будут нужны? Оживление, лечение и последующее омоложение наверняка будет стоить совсем немало. Оставленные замороженными средства со временем просто обесценятся. Ведь их приумножением никто не собирается заниматься. Конечно, оплатить все процедуры могут родственники, но вот будет ли интересовать судьба замороженных покойников отдаленных потомков — родственников? Будет ли у них достаточно средств? Да и вообще будут ли эти самые родственники в будущем существовать? И Александр понял, что глубокая заморозка это чисто психологическая процедура, для самоуспокоения и сохранения надежды во время умирания, для смягчения ухода из жизни. И перекладывать поиски средств омоложения ни на кого нельзя, в том числе и на потомков.

Предложений чудодейственных средств на первый взгляд вроде бы было и очень много, но такое впечатление возникало именно, что на первый взгляд. Потом становилось ясно, что в

конечном итоге все они, так или иначе, сводятся к комбинации ограниченной группы возможных воздействий на организм. К таким воздействиям, в первую очередь, относились различные комплексы физических упражнений, системы голоданий, диеты, способы питания, очищения организма от применения банальных клизм до приема лекарств, вызывающих обильные выделения из организма и различные техники самовнушения, гипноза, погружения в транс, прикладывания к телу различных минералов, камней и других материалов. Особо можно было выделить не всегда доступные всем желающим методы воздействия связанные с пересадкой тканей, клеток, переливанием или обработкой крови, с употреблением особых продуктов питания, лекарственных растений, лекарств, полученных из тех же лекарственных растений и различных организмов, а также связанные с применением различных физиотерапевтических процедур. Последние нередко требовали использования весьма замысловатых, сложных и соответственно дорогостоящих приборов.

Ограниченно доступные методы воздействия на организм многократно были испытаны в различных вариантах на многих тысячах весьма заинтересованных добровольцах и в лучшем случае позволяли добиваться положительного эффекта на очень непродолжительное время, как правило, с последующим быстрым и резким ухудшением состояния подопытных. Очевидно, это было вызвано тем, что оказываемые воздействия на организм в этих случаях были связаны с нанесением организму повреждений, внедрением в него чужих клеток, веществ, или даже целых органов, неестественных перемещений и изменений собственных клеток организма. В ответ на все эти насильственные манипуляции организм запускал свои естественные защитные механизмы, предназначенные для восстановления организма в прежнем виде и его защиты от внедренных в него чужеродных объектов. Протекающие при этом в организме процессы принимались за признаки омоложения, а сам организм перенапрягался и излишне быстро истощался. В результате эффект от воздействия можно было ощущать лишь несколько месяцев, в лучшем случае один или два года. Этого времени вполне хватило бы подопытным мышам, у которых средняя продолжительность жизни составляет около двух лет, но никак не могла устроить человека. Для человека выигрыш в два года был ничтожно мал, да и его можно было получить вовсе не бесплатно. Причем цена за столь непродолжительный возврат в молодость оказывалась неприемлемо высокой — сокращение индивидуальной продолжительности жизни. Хотя строго доказать

сокращение индивидуальной продолжительности жизни было и невозможно, но это было очевидно и так.

Таким образом, все эти дорогостоящие и сложные методы воздействия на организм могли принести пользу исключительно лабораторным мышам.

Лабораторные мыши вообще рассматривались в качестве наиболее удобного объекта для проведения на них испытаний средств омоложения и продления жизни, скорее всего, ошибочно. Ведь при их использовании получалось, что отклик их организма почти на любое вмешательство был, сопоставим по времени со средней продолжительностью их жизни. Поэтому испытания на мышах самых различных средств омоложения неизменно показывали весьма существенное продление их молодости и жизни.

В результате выходило, что для получения действительно надежных результатов испытаний их надо было бы проводить на животных имеющих среднюю продолжительность жизни близкую к человеческой. Но в этом случае ожидать результатов испытаний пришлось бы неприемлемо долго. Ведь мыши потому и считались наиболее удобным и подходящим лабораторным материалом, что с одной стороны они сравнительно близки человеку, а с другой имеют маленькую продолжительность жизни. В результате образовалось непреодолимое противоречие, которое существенно осложняло и возможность экспериментальной проверки будущих идей Александра.

Как только все это было Александром осознанно, то он понял, что ему придется отказаться от проведения предварительных экспериментов на животных в виду их полной бессмысленности в сложившихся условиях и сразу начинать испытывать все придуманные им средства омоложения на себе. Кроме этого, он также понял, что не может позволить себе допустить ошибку, так как даже если ошибка не приведет к его скорой смерти или тяжелой инвалидности, а лишь просто не окажет никакого влияния на его организм, то узнает об этом он так поздно, что времени на вторую попытку у него просто не останется.

Доступные же всем желающим методы омоложения и продления жизни были проверены и перепроверены в течение очень длительного времени на нескольких поколениях громадного количества добровольцев, и уже совершенно не нуждались ни в каких экспериментальных проверках, ни на каких подопытных животных. И как бы сильно не хотелось многочисленным приверженцам этих методов достичь, наконец, желаемой ими цели, но было совершенно очевидным, что получен отрицательный результат. И этот отрицательный результат

является окончательным, и никакие дополнительные усилия, изменения повлиять на него уже не в силах.

Более того, детальное и углубленное изучение того или иного метода воздействия на человеческий организм очень часто показывало, что человек не приносит себе пользу, а совсем наоборот сам же себе вредит. Так тщательные наблюдения за вегетарианцами выявили у них снижение мозговой активности, ухудшение памяти, снижение массы и объемов головного мозга. Причем наиболее выраженными эти негативные изменения оказались как раз у лиц старше шестидесяти лет. А ведь вегетарианство всегда считалось одним из самых эффективных способов борьбы со старостью и продления жизни. И несмотря ни на какие результаты исследований продолжает рекламироваться в качестве такового.

Александр очень хорошо помнил, как по дороге в школу он чуть ли не ежедневно проходил через парк наблюдал там за физическими упражнениями совсем уже немолодых людей. Они в отчаянной попытки побороть старость и вернуть себе утраченную молодость приседали и отжимались просто по невероятному количеству раз, безжалостно нагружая непосильными физическими нагрузками свои уже успевшие заметно одряхлеть организмы. Затем собирали последние силы и долго бегали трусцой по парку, периодически останавливаясь для выполнения дыхательных упражнений, которые тоже рассматривались в качестве одного из важнейших методов омоложения.

Заниматься самоистязанием их побудило чрезвычайно модное в то время предположение какого-то идиота о том, что обычная физкультура не помогает из-за недостаточных физических нагрузок и помочь достичь эффекта омоложения могут только запредельно большие физические нагрузки. Кстати сам изобретатель метода запредельных физических нагрузок вскоре умер, не достигнув даже возраста обычного долгожителя, но это обстоятельство никого тогда не остановило.

Александр очень старался вспомнить, не встречал ли он за последние десять лет кого-либо из тех престарелых физкультурников из времени своего детства и никого вспомнить так и не смог. Было очевидным, что все они уже умерли, так и не достигнув сколь ни будь заметного продления своей жизни, но, несмотря на это он все таки три дня подряд специально ходил в парк в тщетной надежде все же найти хоть одного выжившего. Так как, если бы нашелся хоть один все еще продолжающий жить и активно использующий те старые методы продления жизни, то это было бы явным доказательством эффективности этих методов. И поговорив с этим человеком Александр смог бы получить

ценную для себя информацию. Но, к его огорчению, из этой затеи ничего не вышло, Александр так никого и не встретил.

Правда, Александру показалось, что в парке за прошедшие десятилетия почти ничего не изменилось. Там все также с выражением ничуть не меньшей веры на своих лицах бегала, приседала и отжималась большая группа стариков, которые отличались от тех, из его детства, разве что современной одеждой и еще тем, что разница между их возрастом и его заметно сократилась. И последнее отличие совсем не порадовало Александра.

Глядя на большое количество людей истово верящих в то, чем они занимаются и, зная, что все это продолжается не один десяток лет в Александре даже на непродолжительное время поселились сомнения. Возможно, он ошибается и в занятиях престарелых физкультурников все же есть, какой-то смысл. Просто он никак не может понять, в чем конкретно заключается этот самый смысл.

Все дело заключалось в том, что Александру очень хотелось найти готовое, простое и легкодоступное решение для своей проблемы. Ему совсем не хотелось признавать, что таких решений просто не существует. Ведь так было бы просто, отбросить все сомнения, пойти в парк, присоединиться к упражняющейся группе граждан и вместе с ними искренне уверовать, что все эти упражнения действительно могут помочь вернуть молодость и продлить жизнь.

Но Александр, как это было не соблазнительно, все же не пошел не к кому присоединяться. Ведь он точно знал, что более чем за сто лет применения эти методы никому не помогли омолодиться или существенно продлить жизнь. И от этого знания он не мог просто взять и отмахнуться. А, то, что, несмотря на явное отсутствие результата, наблюдалось так много верующих в возможность чего-то добиться за счет физических упражнений, дыхательной гимнастики, очищающих процедур и еще кое каких незатейливых манипуляций, в общем-то, было объяснимо. Для этого Александр просто представил себе прохождение жизни обычного человека.

Сначала, в молодости, большинство людей, точно так же, как и он сам, мало обращали внимания на продолжительность жизни и неизбежность наступления старости, а затем и вовсе смерти. Они занимались другими, как им казалось, очень важными делами, обычно совсем никак не связанными с вопросами геронтологии. Потом, по достижению зрелого возраста, с появлением первых возрастных заболеваний и совсем неприятных изменений в их организмах появлялись и первые мысли о

приближении конца. Именно конца ни кого-то другого и никогда-то в далеком будущем, а персонального своего и уже совсем скорого и возможно, что очень даже неприятного и болезненного.

И вот только при получении этих первых сигналов человек действительно заинтересованно начинал осматриваться вокруг на предмет поиска способа, если совсем не отменить этот ужасный конец, то, во всяком случае, значительно его отдалить во времени и, конечно, сделать ожидание конца по возможности более комфортабельным. И тут то и выяснялось, что никаких способов избежать неприятностей просто не существует. Ну, не создали их еще пока. И, конечно, эта неприятная информация обрушивалась на человека совершенно "неожиданно".

Большая часть людей смирялась со своим положением, и продолжала жить, стараясь не думать о том, что их ожидает в конце жизненного пути. Но была еще совсем немногочисленная группа очень активных, неугомонных людей, которые никогда и не с чем не могли смириться. Вот они то, как раз и делились на две подгруппы.

Первая, совсем малочисленная, состоящая из состоятельных и облеченных властью людей попадала в руки специалистов — врачей и становилась подопытными кроликами на испытаниях новых дорогостоящих методов. Поскольку они могли позволить себе оплатить это удовольствие и соответственно более или менее научно обоснованную надежду. Просто люди с улицы тоже иногда попадали в состав этой группы, но на них испытывались совсем уж рискованные методики.

Вторая, более многочисленная подгруппа состояла из людей, не обличенных властными полномочиями, не располагавшими, сколь ни будь, значительными денежными средствами или талантами и способностями для ведения собственных исследований. Именно они, оказавшись в безвыходном положении, вынуждены были присоединяться к занимающимся в парке. Тем более, что занятия поначалу очень быстро позволяли почувствовать некоторые результаты. Физические тренировки обеспечивали увеличение количества отжиманий, приседаний и тому подобных возможностей человека чуть ли не каждый день. Голодание и низкокалорийные диеты вызывали слабость и головокружение, потерю веса, что вполне могло быть воспринято, как ощущение легкости во всем организме. Дыхательные упражнения, выполняемые в определенном режиме, пусть и на непродолжительное время, но вызывали схожие ощущения. Процедуры очищения приносили видимый результат еще быстрее. Результат очистительной клизмы был виден в унитазе уже через несколько минут.

Конечно, в большинстве своем, все эти люди вовсе не были дураками и идиотами. Они видели, как стареют и умирают даже самые известные и именитые специалисты в области геронтологии, изобретатели чудодейственных средств, как с неумолимой методичностью, в определенные природой сроки, сменяются поколения престарелых физкультурников, вегетарианцев, йогов и приверженцев других методик продления жизни. Но они в силу особенностей своих характеров никак не могли обойтись без надежды. А надежда, как известно, не может существовать без веры. И они верили, что специалисты-изобретатели вот-вот, наконец, усовершенствуют свою чудодейственную таблетку, что просто надо присесть и отжаться на десяток, раз больше и сделать себе дополнительную клизму, и они точно станут первыми счастливчиками, продлившими свою молодость и жизнь. А, вот, если они этого всего делать не станут, то, потом, мучительно умирая от какого ни будь рака, им придется очень сильно жалеть об упущенных возможностях, глядя с завистью на своих полных энергии, молодо выглядящих сверстников, сохранивших веру в возможность достижения вечной молодости уже при их жизни.

Довольно быстро Александр заметил, что рекомендуемые в различных источниках информации средства стали фактически повторяться, и он перестал тратить время на поиски готовых методов реального омоложения и продления жизни. Он обратился к глобальным, самым общим теориям жизни, старения и смерти, надеясь обнаружить в них глубинные причины старения, с тем, чтобы попытаться приостановить их действие.

И, вот он узнал, что основной закон существования живой материи — это самосохранение, самоподдержание и саморазвитие жизни. Благодаря саморазвитию жизнь имеет способность к неограниченной во времени эволюции. Сама жизнь в каждый момент времени представлена совокупностью отдельных живых организмов. Из-за дискретности существования живых организмов их индивидуальные способности к саморазвитию и уж тем более к эволюции весьма ограничены. И сводятся в основном, к возможности развития от зародыша до зрелого организма, а уж эволюционные процессы вообще могут рассматриваться лишь на уровне отдельного вида, в процессе оставления потомства при обмене биологическим материалом с другими живыми организмами и внешней средой. Поэтому, для обеспечения неограниченной во времени эволюции жизни в целом необходимо, чтобы постоянно происходила смена поколений живых организмов, то есть необходимо, чтобы отдельные живые организмы развивались до половозрелого

состояния, оставляли потомство, старели и умирали. В результате получалось, что старение организмов — это всеобщая необходимость, возникающая при реализации основного закона жизни из-за появления и закрепления способности к самовоспроизведению живых организмов. Так как, если бы самовоспроизведение отсутствовало бы, то для сохранения жизни в целом было бы необходимо обеспечить реальное бессмертие ее элементов — отдельных организмов.

"Да, какие глубокие и совсем "неочевидные" мысли! Любой хоть немного внятно мыслящий человек построит подобные умозаключения, не выходя из дома, за пять минут. И никакие доказательства или обоснования для этого вовсе не нужны. Это ж, каким же беспросветным тупицей нужно быть, чтобы совершенно серьезно, порой всю свою жизнь, в многочисленных статьях и монографиях доказывать и обосновывать и так понятные большинству людей вещи. Хотя нет, вполне возможно далеко не все, так называемые, ученые действительно столь тупы. Конечно, среди них есть и хитрецы, просто обеспечивающие себе, без затрат сколько ни будь значительных усилий, за счет этого словоблудия безбедное существование. А, вот к лицам, осуществляющим управление человеческим сообществом, действительно могут быть вопросы, раз они с готовностью финансируют все это словоблудие из поколения в поколение. Возможно, они действительно, как управленцы абсолютно несостоятельны. И теперь очень даже понятно, почему мы до сих пор не смогли обеспечить себе молодость хотя бы до сотни лет. Если мы и дальше будем финансировать именно такую науку, то в ближайшее время рассчитывать ни на что не следует", — в раздражении подумал Александр.

Он отчетливо осознавал, что прочитанные им горы книг и потраченное на чтение всего этого словесного поноса время нисколько не приблизили его к цели, не смогли породить в его голове ни одной хотя бы минимально полезной мысли. И, похоже, такое случилось не только с ним одним. Ведь нигде не наблюдались попытки проведения всеобщей стерилизации всего населения планеты. А в современных условиях это можно реально осуществить. И все равно даже не пытаются, а почему? Да потому, что не верят. Не верят в то, что человечество, лишившись способности к самовоспроизведению, вдруг перейдет на некий другой уровень, его отдельные представители перестанут стареть и начнут жить вечно. Похоже, гораздо в большей степени верили совсем в другое. Безоговорочно верили в то, что если стерилизовать все человечество, то оно просто прекратит свое существование, уступив свое жизненное пространство другим

живым организмам. Да и можно ли было серьезно относиться к старению, как к всеобщему и необходимому условию развития жизни в целом. Когда простое логическое рассуждение приводило к пониманию того, что для смены поколений старение вовсе не обязательно, а важна смертность. И смертны все известные живые организмы, а вот нестареющие живые организмы существуют — это гидры, планарий, амебы и многочисленные им подобные. Среди нестареющих живых организмов медузу вида Turritopsis nutricula часто даже называют бессмертной, но и она гибнет от внешних воздействий окружающей среды, а значит, тоже смертна. Таким образом, старение вовсе не является всеобщим и необходимым. В лучшем случае старение можно рассматривать, как вспомогательный фактор, гарантирующий смену поколений в более быстром темпе, чем, если бы это происходило в отсутствии старения организмов. Ведь неслучайно нестареющие организмы, как правило, обитают в очень неблагоприятных условиях, где они постоянно в больших количествах гибнут или имеют способность к неограниченному росту и гибнут из-за непомерно возросшей массы своих тел.

Было очевидным, что основной закон существования живой материи никак не мог являться глобальной причиной не только старения, но и смертности. Главной причиной существования смертности являлась агрессивная по отношению к живому, постоянно изменяющаяся, нестабильная во времени среда обитания живых организмов. Смена поколений и расширенное воспроизводство живых организмов вовсе не появились в ходе эволюции жизни, а существовали с самого зарождения жизни. Иначе бы жизнь вообще не могла бы появиться.

Александру ничего не оставалось, как перейти к детальному изучению многочисленных теорий старения. Конечно, к этому времени он окончательно утратил всякую надежду отыскать, что ни будь для себя полезное, но эти теории оставались последними, что еще он капитально не изучил в накопленных человечеством знаниях. Сам факт существования очень большого количества различных теорий старения не предвещал для него ничего хорошего и, говорил лишь о том, что среди них нет полностью правильной, способной исчерпывающе все объяснить.

Сами ученые геронтологи оправдывали свою несостоятельность в первую очередь тем, что механизмы старения очень сложны и многообразны. На такие объяснения Александр в раздражении мысленно про себя отвечал: "Интересно, откуда же вы взяли, что механизмы старения сложны да еще и многообразны, когда вы не в состоянии привести даже одного единственного достоверно доказанного механизма старения.

Может на самом деле все как раз наоборот? Существует один единый универсальный хотя бы для всех млекопитающих механизм старения, и он вовсе не сложен. Просто вы его не видите. Эх, никто с вас за вашу работу не спрашивает. А надо бы спросить, и спросить по серьезному, по взрослому с пристрастием, так сказать".

Но, конечно, с ученых никто и никогда не требовал отчета, и уж тем более они никак не могли знать о мыслях Александра и ему подобных своих сограждан. Поэтому они с гордостью заявляли, что благодаря именно их тяжкому труду человечество в настоящее время располагает несколькими альтернативными теориями старения, которые хотя отчасти и противоречат друг другу, но зато отчасти способны дополнять друг друга. Основываясь на этих теориях и благодаря своему самоотверженному труду, они с каждым годом добывают новые факты и знания, безусловно, позволяющие все глубже и глубже понимать механизмы процесса старения. И, конечно же, для скорейшего достижения решительного прорыва на направлении их исследований им необходимо выделять еще больше денег, других ресурсов при недопущении вмешательства в их деятельность непрофессионалов и дилетантов. Так как, любой даже совсем незначительный контроль будет их нервировать и обязательно приведет к снижению эффективности их труда.

"И ведь из года в год большую часть требуемого эти люди науки исправно получают. Да, и как же может быть иначе? Ведь никто стареть и тем более умирать не хочет. Все надеются на прорыв. Вот и сидят все без исключения, и дураки и умные безропотно на этой надежде словно рыба на крючке. Именно по этой схеме уже много веков целители — шарлатаны бессовестно и очень успешно выманивают последние деньги из карманов безнадежно больных людей, вселяя в них ничем не обоснованную надежду", — грустно думал Александр, — "Эх, получить бы мне хотя бы микроскопическую часть тех ресурсов… Ну, почему? Почему в человеческом обществе все так бестолково и глупо устроено? Почему общество из века в век оказывается не в состоянии делегировать из своего состава по настоящему качественных управленцев и координаторов? А, может, все потому, что человеческое общество действительно недостойно чего-то большего и именно поэтому обречено вечно довольствоваться лишь тем, что уже имеет и так все и должно оставаться. И тогда, получается, что никто не вправе вносить изменения в предопределенный ход вещей".

Александра будто заклинило на мысли о недостойности человеческого общества. Эта мысль объясняла и оправдывала все,

в том числе и то, почему он больше не хочет и не должен, как для своего общества в целом, так и отдельных его членов совсем ничего делать. Почему в его понимании все это общество пригодно лишь для одного, для того чтобы он и подобные ему просто паразитируя на нем, поддерживали свои драгоценные жизни.

Столь сильное психическое отклонение Александра от нормы, конечно же, для него самого произошло совершенно незаметно. И все это могло бы в конечном итоге привести к признанию его недееспособным, а в худшем случае вообще к психушке. Но на его счастье он не приобрел стремления к тому, чтобы с кем-то делиться своими мыслями или убеждать, кого бы то ни было в правоте засевших в его голове идей. И особенно хорошо было то, что у него совсем отсутствовали желания, насаждать свои мысли, прибегая к насилию над окружающими. Он вообще не хотел делиться с кем бы то ни было своими мыслями. Считал себя избранным, уникальным и больше всего на свете боялся, что окружающие могут узнать об его исключительности и отобрать его мысли, а то и вовсе убить из зависти.

Именно поэтому на службе никто не заметил произошедших в Александре перемен. К тому, что у него есть некоторые странности, все уже давно привыкли. А то, что он стал еще более тихим и незаметным, совсем утратил способность, хоть на что-то возражать и еще тщательнее и механистически исполнял любые поручения, на службе даже приветствовалось и поощрялось.

Тихое помешательство Александра вовсе не остановило его работу над решением проблемы вечной молодости, а наоборот лишь ускорило ее. Возможно если бы не помешательство, то он бы под давлением полученной им информации и отказался бы от дальнейшей работы по созданию "эликсира вечной молодости" и в дальнейшем рассматривал цель этой работы, как принципиально недостижимую. Хотя отказ от дальнейшей борьбы для Александра был бы далеко не самым лучшим выходом. В силу особенностей его характера он бы не смог бы, как большинство его сограждан, просто тихо и спокойно доживать отпущенный ему срок жизни. Утрата последней цели в жизни неизбежно привела бы его к катастрофе — к помешательству, но только по иным основаниям и внешне с сильно заметными проявлениями.

В результате Александру удалось избежать худшего сценария развития своей жизни. Он сохранил, во всяком случае, чисто внешне облик нормального здравомыслящего человека и шанс полностью восстановить свое психическое здоровье в случае успешного завершения его работы. Ведь в момент осознания им достижения успеха его мозг должен будет испытать шок, который

с большой долей вероятности должен будет разрушить устоявшееся в его мозгу кольцо навязчивых мыслей.

Если при решении рабочих и чисто житейских вопросов Александр стал отличаться повышенным спокойствием, невозмутимостью, терпеливостью, можно даже сказать чрезмерной заторможенностью, то во время чтения многочисленных теорий старения он совершенно преображался. Его личность словно кем-то внезапно и мгновенно заменялась на совершенно противоположную. Стоило ему лишь только сесть за компьютер с намерением открыть документ, содержащий описание очередной теории старения, как всего его охватывало сильнейшее возбуждение, все тело начинала сотрясать дрожь, особенно бросались в глаза, дрожащие с приличной амплитудой руки. Его мгновенно выводили из себя малейшие неточности в читаемых им высказываниях, а уж обнаруживаемые явные противоречия и не до конца продуманные "сырые" идеи вообще вызывали в нем дикую злобу. Он становился совершенно бескомпромиссным и уже не мог относиться с пониманием к слабостям других людей. Во время чтения Александр, часто не обращаясь ни к кому конкретно, кричал и обзывал авторов теорий дураками, бездарями, идиотами, а то и просто высказывался в их адрес, используя нецензурные выражения.

Такое поведение Александра сильно пугало Наташу, а тексты, которые она при этом видела на мониторе компьютера Александра, вызывали даже у нее, привыкшей за многие годы совместного проживания к чудачествам Александра, искреннее удивление. Она не могла понять, зачем Александру понадобилось все это читать, и почему эти тексты вызывают у него столь бурную реакцию.

Все ее попытки хоть как-то вразумить и успокоить мужа неизменно натыкались на безумно бегающие и совершенно невидящие ее глаза Александра. Да и то если она ухитрялась в них заглянуть, так как в эти моменты для Александра ничего кроме монитора компьютера в комнате больше не существовало, и естественно, он смотрел исключительно только на отображаемый им текст и в гневе, сотрясаясь всем телом, продолжал орать.

Впрочем, часть своего внимания Александр все же вынужден был тратить на, то чтобы не позволить реализоваться неизменно возникающему у него желанию со всей силы грохнуть монитором об стену комнаты. Так как, где-то в глубине своего деформированного сознания он так же неизменно обнаруживал мысль о том, что если монитор будет разбит, то его столь важная работа остановится, а этого он не мог допустить ни при каких

обстоятельствах.

Потом, Александр сам завершал свое чтение, отключал компьютер и снова превращался в аморфного и тихого человека, а Наташа делала новую попытку призвать мужа к благоразумию:

— Саша, я не понимаю, что с тобой происходит? Зачем ты каждый день все это читаешь? Остановись, ведь ты же так совсем сума сойдешь, — чуть не плача произносила Наташа.

— Ты ничего не понимаешь. Это важно, — после заметной паузы, нехотя и всегда одно и тоже тихим голосом отвечал ей Александр и снова погружался в свои мысли.

Наташа некоторое время выжидала и не получая больше никакой реакции от Александра взрывалась и переходила на крик:

— Если ты не прекратишь свои идиотские занятия, то точно сойдешь сума, и я с сумасшедшим в одной квартире жить не буду! Уж тогда я тебя точно в психушку упеку, вот, так и знай!

Но время шло. Эта сцена в том или ином варианте повторялась почти каждый день и в психиатрическую клинику, конечно же, реально никто Александра сдавать не пытался.

К этому времени их единственная дочь уже несколько лет, как вышла замуж и жила постоянно с мужем в Москве. Родителей навещать ей удавалось очень редко, и она понятия не имела о новых чудачествах своего отца. Таким образом, Наташа была единственной, кто являлся помехой Александру в его работе. Соответственно, она сама, не зная того, сильно рисковала, так как никто не мог сказать, на что мог пойти Александр, посчитай он ее достаточно сильной помехой. Но Наташа прожила с Александром много лет и отлично знала, что любые ее попытки повлиять на своего мужа, абсолютно бесполезны и не очень настойчиво на него наседала. В результате Александр надолго не задерживал на ней свое внимание, и у него не успевали появиться мысли о необходимости избавиться от своей жены.

Сам Александр никак не реагировал на происходящие с ним перемены, считал, что с ним ровным счетом ничего не происходит, все идет нормально, так, как должно и его неадекватные реакции во время чтения действительно вовсе не помещали ему дать объективную оценку существующим теориям старения.

После завершения своего ознакомления с большинством опубликованных теорий старения он четко себе представлял, что ни одна из них не может претендовать на статус единой, все объясняющей теории. Кроме этого хоть чисто формально теорий насчитывалось до несколько сотен, принципиально отличающихся, друг от друга теорий можно было набрать едва ли

с десяток. В вопросе выдвижения принципиально новых теорий старения человечество топталось на месте уже лет двадцать — тридцать. И рассчитывать на прорыв в ближайшем будущем не приходилось. Да, и появление еще нескольких принципиально новых теорий все равно практически ничего изменить не могло. Ведь нужна была не куча принципиально новых теорий, а всего одна, но верная теория старения.

Все похожие и непохожие друг на друга многочисленные теории старения Александр довольно быстро смог разделить на две принципиально отличающиеся группы. В первую группу он отнес все теории, в которых возрастные изменения рассматривались как наследственно запрограммированные. Во вторую группу попали все теории, объясняющие возрастные изменения постепенным износом организма, накоплением случайных мутаций, ошибок, повреждений, скопление и недостаточное выведение продуктов жизнедеятельности.

Александр понял, что главное их отличие заключалось в наличии в том или ином виде у первой группы теорий запрограммированных биологических часов запускающих процесс старения в определенные моменты роста и развития организма. Если биологические часы действительно существовали, то найти их было очень заманчиво. Понятно, что упразднить старение путем выключения неких биологических часов будет гораздо проще, чем бороться с последствиями постепенного износа практически всех систем организма. И соответственно большая часть усилий геронтологов была направлена именно на поиски биологических часов запускающих процесс старения. Но, не смотря на значительные усилия, обнаружить их никак не удавалось.

Однако, по всей видимости, не все было так просто, и если биологические часы и существовали, то они совсем не напоминали песочные часы, в которых с падением последней песчинки мгновенно заканчивалось и время. Для биологических часов завершение отсчета означало лишь старт для неких очень длительно протекающих переходных процессов в организме. Да и само завершение отсчета в них вполне могло происходить вовсе не мгновенно, а на протяжении значимо длительного времени. То есть биологические часы могли оказаться состоящими из огромного количества частей. Возможно даже одинаковых, что, в общем-то, совсем ненамного могло бы облегчить жизнь геронтологам. А сами эти части в этом случае оказывались распределенными по всему организму человека, и отсчет времени в каждой такой части биологических часов соответственно завершался в свои индивидуальные сроки.

Такое устройство биологических часов никак не могло порадовать Александра. Ведь даже если бы ему и удалось установить, что собой представляют эти части часов и как они работают, то создать для них единый рубильник одновременно их всех отключающий было бы не менее сложно, чем успешно одновременно бороться с постепенным износом всех частей человеческого организма.

Александру очень не хотелось, чтобы в его организме все было устроено примерно так, как он себе представлял после изучения им вопросов старения. Однако существующие факты неизменно приводили его именно к этим неприятным мыслям. В качестве таких фактов, прежде всего, было то обстоятельство, что даже представители одного вида животных имеют слишком большой разброс по продолжительности индивидуальной жизни и в пределах одного организма различные органы стареют с разной скоростью. Эти обстоятельства никак не хотели согласовываться с существованием единых биологических часов одновременно запускающих процесс старения бес каких-либо переходных процессов сразу во всем организме.

Возможно именно потому, что работа биологических часов была, как бы размыта во времени и пространстве человеческого тела их никак и не удавалось обнаружить. Нет, конечно же, на роль биологических часов периодически предлагались различные органы и системы человеческого тела. Можно даже было сказать, что таких предложений было много. Среди них были: запрограммированное изменение генов или специфических белков, существование генов клеточной гибели или специфических мембранных рецепторов, укорочение теломер с возрастом после каждого деления клетки, синтез избыточных, несущественных и соответственно ненужных белков, различные процессы загрязнения и повреждения клеток, старение и смерть как результат некоего предопределенного биологического плана, естественный отбор, устраняющий индивидуумов после того, как они произведут потомство и многие другие.

Вот только никто и нигде не указывал конкретные гены, белки, рецепторы, как и не раскрывал детали предопределенного биологического плана, механизма работы естественного отбора. Это обстоятельство четко указывало, что все эти теории по существу представляли собой фантазии или в лучшем случае предположения самого общего вида.

Из ряда теорий наследственно запрограммированного старения выбивалась лишь одна теория укорочения теломер. В соответствии с этой теорией у хромосом имеются особые концевые участки — теломеры, которые после каждого удвоения

хромосом в ходе клеточного деления становятся немного короче, и в какой-то момент укорачиваются настолько, что клетка уже не может делиться. Тогда она постепенно теряет жизнеспособность, стареет и гибнет. Именно эта теория не предполагала, а указывала на конкретные биологические часы и непротиворечиво разъясняла принцип их работы. В этой части своей проработанности она практически была единственной и превосходила все остальные теории.

Впервые ознакомившись с теорией укорочения теломер, Александр вначале решил, что наконец-то нашел ключик к решению своей проблемы. И совсем уже было, уверовал в то, что ему действительно улыбнулась удача, когда узнал о существовании фермента теломеразы способного достраивать укороченные теломеры в половых клетках и клетках опухолей, тем самым, обеспечивая их бессмертие. Ведь теперь он знал не только, как функционируют биологические часы наступления старости, но и знал, что рубильником их отключающим является фермент теломеразы.

На несколько дней Александра охватила эйфория. Он серьезно думал, что ему осталось лишь придумать, как заставить работать фермент теломеразы не только в половых клетках и клетках опухолей, но и во всех остальных клетках человеческого организма. И все, стоящая перед ним проблема будет решена. Александр даже чуть было полностью не переключился на изучение вопросов связанных с внешним управлением работой ферментов. Но совершить такую катастрофическую для него ошибку ему не позволили крутящиеся с самого начала в отдаленных уголках его сознания сомнения.

Эти сомнения были порождены простотой теории и сравнительно большим сроком ее существования. Интуиция подсказывала Александру, что если все это известно специалистам, то чего они ждут? Почему лекарство от старости до сих пор не создано? Неужели они ждут, когда его создаст именно Александр? Значит, в этой теории, как и во всех прочих, все же что-то было не так? И Александр продолжил детальное изучение всех материалов по теории укорочения теломер. Да, было надежно подтверждено существование теломер и их укорочение при делении клеток, а также факта существования фермента теломеразы, но проблема оказалась совсем в другом. Проблема оказалась в том, что укорочение теломер никак не влияло на процесс старения человека.

Ряд исследований показали, что клетки даже весьма старого человека сохраняют способность к удвоению. Брали клетки двадцатилетнего и девяностолетнего, и оказалось, что разброс в

их способности к делению не так уж и велик. Клетки просто не успевают исчерпать свой лимит деления до того, как организм постареет и умрет от старости. Был также установлен факт, что лабораторные мыши с довольно длинными теломерами и дикие с короткими теломерами живут одинаковый срок. А у человека длина теломер и вовсе оказалась короче, чем у мышей, но это совсем не мешает ему жить в десятки раз дольше.

Исходя из этих фактов, Александру стало очевидно, что теломеры вовсе не являются никакими биологическими часами старения и решать проблему их удлинения для него будет совершенно бессмысленным занятием. Возможно в будущем, когда человеческая жизнь удлиниться настолько, что лимит теломер будет успевать исчерпываться до наступления смерти эту проблему и придется решать, но только не сейчас.

Теории, объясняющие наступление старости постепенным износом организма Александр не стал рассматривать сразу, так как они не давали ответа на вопрос, почему, состоящие из одних и тех же биологических материалов, разные животные имеют отличные друг от друга продолжительности жизни? Так мышь живет один — два года, кролик около двенадцати лет, слон вообще до шестидесяти — семидесяти лет. И с какой стати организм мыши имеет столь существенно большую скорость износа, чем у организмов кролика или слона? Без вразумительного ответа на этот вопрос эти теории никак нельзя было признать в качестве состоятельных.

Таким образом, Александр, в своих изысканиях окончательно зашел в тупик. И осознание этого факта далось ему очень нелегко. Его измененное сознание просто отказывалось принимать это, и три дня подряд Александр упрямо составлял различные запросы для поисковиков Интернета, в надежде найти какую-нибудь пропущенную им теорию старения.

Александр принял существующую реальность только после того, как сформулированные им запросы были безрезультатно проверены во всех существующих поисковых системах не менее чем по десятку раз, и сформулировать как-то иначе свои запросы он уже не мог. И эта реальность столь сильно его ошеломила, что он вообще недели три не о чем не мог думать, круговорот его навязчивых мыслей был разорван. Все это время, если он не находился на службе или не удовлетворял свои самые насущные потребности, Александр тихо сидел перед своим компьютером, даже не делая попыток его включить.

Последнее обстоятельство поначалу порадовало Наташу, но потом она уже и сама не знала, какой Александр лучше? Постоянно пребывающий в ступоре или тот, читающий всякую

хрень в Интернете и орущий ругательства по поводу прочитанного?

Однако полный ступор Александра продолжался недолго. Круговорот его навязчивых мыслей постепенно восстановился и его мозг сам собой начал искать выход из создавшегося положения. В результате в его мозгу сначала возникла мысль: "Ну, и что с того, что теория старения пока не создана? Разве человек всегда при совершении тех или иных действий или достижении тех или иных целей располагал соответствующей теорией?". И он мысленно сам себе ответил: "Господи, да, конечно же, нет. Ну, какой теорией горения могли располагать люди, когда, например, учились пользоваться огнем. Они, ведь вообще понятия не имели, что такое теория, но это не помешало им научиться пользоваться огнем. А это значит, что и я могу попытаться решить свою задачу, не дожидаясь создания правильной теории старения". "И, как же они это сделали?", — услужливо задал Александру мозг, следующий вопрос. "Они, конечно, знали, что при обычных условиях куски дерева сами собой не загораются… Возможно они просто заметили, что в исключительных случаях, например, при ударе молнии или помещении дерева в пламя пожара, высекании искр древесина все же может загореться.", — опять сам себе ответил Александр. "Так, что же тебе надо сделать? Ведь ты же уже знаешь, ответ?", — пронеслись в голове Александра порожденные его мозгом вопросы. И Александр мысленно про себя прокричал: "Да! Знаю! Мне надо найти исключения из правил! Найти случаи, когда продолжительность жизни и молодости сильно отклонялись от средних значений! И все! Ну почему я это не понял раньше?!". И его руки, не дожидаясь полного осознания им этих мыслей, сами собой потянулись к компьютеру.

Буквально через несколько минут он уже читал интересующую его информацию и, сотрясаясь всем телом, периодически выкрикивал: "Господи! Сколько же времени пропало впустую! Лучше бы эти придурки вообще никогда и ничего не писали! Или сдохли бы все до единого еще маленькими!".

После первого же выкрика Наташа буквально вбежала в комнату, в растерянности застыла у порога, не произнося ни слова, и окончательно решила, что тихий Александр все же лучше, чем вот такой. А примерно через минуту, так и ничего не произнеся, вся, как-то сжавшись, медленно побрела назад на кухню.

Как оказалось, исключения из правил были, и их было даже много. Вызывались они тоже самыми разными и

многочисленными причинами от зачатия потомства до внедрения в организм чужих биологических материалов.

Так, бамбук живет пятнадцать — двадцать лет не старея и размножаясь вегетативным путем. Затем по непонятным причинам после созревания семян в течение нескольких дней стареет и умирает. Тем самым, освобождая место для прорастания семян.

У кальмаров самец разрывает самке кожу, подсаживает сперматофор и погибает.

Экспериментируя с агавой мексиканской, которая обычно живет десять лет, после девятого года ее жизни у нее систематически стали обрезать генеративный побег, и она прожила сто лет.

После нереста лосось обычно стремительно стареет, начинает болеть и умирает в течение одного-двух месяцев. Но если в его жабрах поселяются личинки двустворчатых моллюсков-жемчужниц, то рыба остается жить. Так как личинкам жемчужниц необходимо вернуться в свою родную реку, то они выделяют вещества, которые выключают старение лосося и, соответственно, отменяют его гибель. Рыба опять приходит на нерест и привозит личинок с собой. Были зафиксированы случаи, когда жемчужницы продляли жизнь лосося до тридцати раз.

У двух специально подобранных мышей делали разрезы вдоль туловища, отделяли лоскуты кожи, а потом сшивали кожные края. Мыши срастались, и у них образовывалось общее кровообращение. Для изучения механизмов старения молодых мышей сшивали со старыми, а через несколько месяцев разъединяли. Изучая последствия, обнаружили: старые мыши не омолаживались, а молодые быстро и необратимо старели.

Введение в организм животных вытяжки, полученной из железы эпифиза, приводило к существенному продлению жизни подопытных животных. Животные же с удаленным эпифизом старели заметно быстрее, чем нормальные животные.

У людей, хотя и не так давно, но была установлена и описана прогерия или синдром преждевременного старения. Очень редкое заболевание, ускоряющее процесс старения человека в восемь-десять раз.

С другой стороны также были описаны очень редкие случаи, когда человек длительное время сохранял свою молодость вопреки всем правилам и календарным срокам.

Наблюдения за клонированными животными показали, что они стареют быстрее, чем их доноры. Создавалось впечатление, что клоны как бы наследуют возраст доноров и рождаются уже старыми.

Также среди млекопитающих было найдено и нестареющее животное — голый землекоп, обитающий в Африке. Он похож на мышь, но если мыши живут один-два года, то землекопы — тридцать лет. И не стареют, до самой смерти, сохраняя все параметры молодых организмов.

Таким образом, выходило, что процессом старения все же можно управлять, как в сторону его ускорения, так и в сторону его замедления. Последнее было особенно важно для Александра.

И хотя, как следовало из прочитанных им сообщений, ускорение старения наблюдалось гораздо чаще, вполне возможно из-за того, что достичь его было легче, Александра не очень-то обеспокоило это обстоятельство. Ведь главным для него была возможность управления старением сразу на уровне всего организма, а не отдельных его частей или вообще, что было бы совсем уж плохо, индивидуально для каждой клетки организма.

Теперь ему надо было определиться с механизмом, способным регулировать скорость старения в человеческом организме.

Первое, что приходило на ум, это, конечно же, центральная нервная система теоретически способная формировать приказы и рассылать их по всему телу. Но Александр сразу же отмел эту идею, так как процессы старения развивались медленно, фактически годами, а центральная нервная система вырабатывала и рассылала свои сигналы почти мгновенно. И трудно было представить, чтобы управляющие сигналы одного вида, обычно несвойственные для человеческого организма, центральной нервной системой постоянно вырабатывались с огромной частотой на протяжении многих лет.

Нужна была управляющая система человеческого организма, действующая медленно и длительное время. Но так как в человеческом организме существует всего две регулирующие системы: нервная и эндокринная, то долго выбирать Александру не пришлось. И он за неимением иных вариантов углубился в детальное изучение эндокринной системы или, как ее еще называют в подобных случаях, нейроэндокринной системы.

Эндокринная система включала в себя центральные регуляторные органы: нейросекреторные ядра гипоталамуса, гипофиз, эпифиз, периферические эндокринные железы, органы с эндокринными и неэндокринными функциями, а также одиночные гормонопродуцирующие клетки.

Все органы эндокринной системы вырабатывают высокоактивные и специализированные по действию вещества, называемые гормонами. Физиологическое действие, которых направлено на обеспечение, осуществляемой через кровь,

регуляции биологических процессов, поддержание целостности и постоянства внутренней среды, нормального взаимодействия между клеточными компонентами и регуляцию процессов роста, созревания и репродукции человеческого организма.

Вся же деятельность эндокринной системы в конечном итоге регулируется нервной системой. Связь между нервной и эндокринной системами осуществляется через гипоталамус благодаря тому, что его нейроны секретируют нейрогормоны, а также факторы, стимулирующие или угнетающие выработку гормонов. Гипоталамус фактически является центром регуляции эндокринных функций и объединяет нервные и эндокринные регуляторные механизмы в общую нейроэндокринную систему.

Именно в гипоталамусе расположены нейроны воспринимающие все изменения, происходящие в крови и спинномозговой жидкости. Гипоталамус связан с корой большого мозга и лимбической системой. В гипоталамус поступает информация из центров, регулирующих деятельность дыхательной и сердечно-сосудистой систем. В гипоталамусе расположены центры жажды, голода, центры, регулирующие эмоции и поведение человека, сон и бодрствование, температуру тела и так далее. Центры коры большого мозга корректируют реакции гипоталамуса, которые возникают в ответ на изменение внутренней среды организма. Итак, оказалось, что гипоталамус регулирует все функции организма, кроме ритма сердца, кровяного давления и спонтанных дыхательных движений, которые регулируются продолговатым мозгом.

Для Александра была не так уж и важна глобальность воздействия нейроэндокринной системы на человеческий организм. Более важным было то, что она оказывает свое влияние медленно, в течение длительного времени и через кровь, а не непосредственно нервными импульсами. Это как раз было то, что нужно.

Осознание Александром факта того, что нейроэндокринная система наряду с множеством различных процессов жизнедеятельности способна регулировать и процесс старения вовсе не вызвала в нем эйфорию, как это было во время ознакомления с теорией укорочения теломер. На этот раз ничто не вызывало в нем сомнения. Он был уверен в правильности направления движения своих мыслей. Наоборот он успокоился, весь собрался и сосредоточился, мозг заработал четко и экономно. Никаких выкриков, содрогания тела или иных проявлений эмоций. Александр подсознательно начал экономить свою психическую энергию. Теперь она была нужна для других более важных целей.

Александр снова изменился. Конечно же, Наташа заметила перемену. Когда она вошла к Александру в комнату, спустя пару часов, перед ней предстал целеустремленный, полный энергии, уверенный в себе человек. Теперь Александр совсем не походил на захваченного бредовыми целями и идеями сумасшедшего, а скорее напоминал ей того молодого человека, с которым она умудрилась при весьма странных обстоятельствах связать свою судьбу. Таким Александра Наташа не видела уже много лет, а ведь раньше она очень любила наблюдать за ним во время его увлеченной работы над очередной идеей. Хотя Александр даже не догадывался об этом, но, будучи целиком и полностью поглощенным работой, он превращался в по-настоящему красивого, как бы из другого, более продвинутого мира, человека, равного которому просто не могло существовать. И Наташа, каким-то непостижимым образом умудрялась подзаряжаться его энергией достижения цели несмотря ни на что и вопреки всему. И возникающих в ней при этом ощущений ей как раз и не хватало все эти долгие годы. Возможно, что и их семья сохранилась лишь благодаря тому, что Наташа, практически как наркоман, сама не осознавая этого, все эти годы терпеливо ждала их появления вновь, чувствуя, что найти еще одного такого человека практически нереальная задача. И вот к ее неописуемой радости, она опять вошла в то состояние, которое описать невозможно, но и забыть тоже невозможно.

Хотя Наташа вряд ли уж так сильно радовалась бы перемене в Александре, знай, она о том, чем все это закончится и что ее ждет в совсем уже недалеком будущем. Но сейчас, по стихийно выработавшейся у нее привычке, она тихо проскользнула в угол комнаты и уселась там в кресле. Александр же весь светящийся, какой то непонятной энергией, сосредоточенный на своих мыслях как обычно не обратил на Наташу никакого внимания. И даже если бы Наташа сделала это с большим шумом, намеренно пытаясь привлечь к себе внимание, вряд ли ей это удалось бы. Ее предосторожности были излишними, но она сама не понимая, почему всегда поступала именно так. Конечно, она не могла видеть исходящей от Александра энергии. Она лишь чувствовала возникающие неизвестно откуда во всем ее теле невообразимо желанные ощущения и как вампир с наслаждением поглощала их. А сейчас, после многолетнего перерыва, и под воздействием особо усилившейся внутренней работы Александра, ее ощущения достигли небывалой прежде остроты и примерно через минуту, она сама незаметно для себя, практически отключилась от окружающей действительности. Чего раньше с ней никогда не происходило.

Между тем мозг Александра еще раз проверял на отсутствие противоречий в его предположении о способности нейроэндокринной системы влиять на процессы старения. Если не брать во внимание растения, а рассматривать только животных не ниже рыб, то во всех найденных им описаниях случаев отклонения от нормального развития процессов старения, прямое управление нервными импульсами никак не могло быть использовано. Зато управление через кровеносную систему вполне могло иметь место. И управление через кровеносную систему особенно четко просматривалось в эксперименте с сшиваемыми друг с другом мышами.

Управление же не только процессами старения, а вообще любыми процессами жизнедеятельности организма через кровеносную систему было немыслимо без использования нейроэндокринной системы.

Именно в соответствии с командами нейроэндокринной системы начинал угасать человеческий организм, так как было хорошо известно, что с возрастом снижается возбудимость нервных клеток, уменьшается величина их мембранного потенциала, в целом ослабевает нервное влияние на клетки, соответственно ослабляется координирование высших отделов центральной нервной системы на низшие, снижается чувствительность нервных центров, изменяются соотношения между центром и периферией, в том числе снижается и чувствительность гипоталамуса к различным сигналам и воздействиям организма. Все это приводит к серьезному и с годами только усиливающемуся нарушению обмена веществ с последующим появлением таких широко известных заболеваний старческого периода, как рак, атеросклероз, ишемическая болезнь сердца, гипертония, снижение иммунитета, климакс, ожирение, остеопороз и других подобных заболеваний.

Конечно, Александр так и не смог узнать, что является спусковым крючком развития всех этих крайне нежелательных процессов. Он по прежнему понятия не имел о том, что собой представляют биологические часы, определяющие момент времени для запуска всех этих процессов.

Именно из-за отсутствия прямых указаний на место нахождения биологических часов в так называемой нейроэндокринной теории, рассматривающей гипоталамус в качестве единого регуляторного механизма возрастных изменений, Александр ранее не уделил ей должного внимания. Но сейчас это обстоятельство для него было уже не важным. Он понимал, что для его целей было, не так уж и важно запустили или нет некие биологические часы процесс угнетения

нейроэндокринной системы. Гораздо важнее было простимулировать нейроэндокринную систему таким образом, чтобы она вновь заработала так же, как в молодости. Ведь только в этом случае становится неважным, дали или нет биологические часы команду организму на самораспад.

А если биологические часы окажутся вообще однократного действия? То есть раз, выдав команду на начало распада организма, они уже больше никаких команд выдать просто неспособны. Ведь в этом случае отменив эту единственную команду при помощи принудительной стимуляции нейроэндокринной системы можно получить практически вечно живущий и при этом вечно молодой организм. Эта мысль очень заинтересовала Александра, но дальше он развивать ее не стал. Он решил вернуться к ней только после создания нормально работающего стимулятора нейроэндокринной системы.

Осуществить стимуляцию нейроэндокринной системы тоже было непросто. Хотя попытки были. Судя по публикациям наибольшего прогресса, удалось достичь при применении гормона мелатонина, который вырабатывается эпифизом — небольшой железой в мозге человека. Мелатонин обладает свойством повышать чувствительность гипоталамуса и соответственно сдвигать обмен веществ в сторону характерную для более молодого организма, но с возрастом выработка этого гормона постоянно уменьшается. Так, в возрасте двадцать пять лет эпифизом вырабатывается мелатонина только половина от того, что им вырабатывалось в десять лет, в сорок пять лет — уже не более одной десятой, а в старости — практически совсем не вырабатывается.

Поэтому естественно мелатонин начали разными способами скармливать подопытным животным. Однако результаты были получены сравнительно скромные, а главное нестабильные. От увеличения продолжительности жизни, до нейтрального эффекта и даже уменьшения продолжительности жизни.

Александр понял, что все эти неудачи, скорее всего, каким то образом связаны со сложностью и тонкостью живого организма. По-видимому, для живого организма все имело значение: место поступления гормона в кровь, темп поступления гормона, изменение концентрации по мере распространения и многие другие, на первый взгляд, малозначимые детали этого процесса. То есть с приемом мелатонина получалось примерно то же, что и с употреблением наркотиков. Ведь наркотики естественным путем вырабатываются в организме человека, но введение наркотиков в организм человека где попало, в каких угодно количествах и как попало приводит к весьма неприятным

последствиям. Хотя, если наркотики вырабатываются в организме естественным путем, то, казалось бы, этих неприятных последствий не должно быть.

Таким образом, Александру ничего не оставалось делать, как отказаться от вливания в свой организм каких бы то ни было гормонов, а попытаться стимулировать свой гипоталамус электрическими импульсами, замещающими ослабевшие естественные электрические импульсы своего мозга. В этом случае он мог рассчитывать, на то, что его нейроэндокринная система будет способна выделять гормоны, белковые секреты и медиаторы в нужных местах и в нужных количествах и пропорциях характерных для молодого организма.

Однако практически осуществить такую стимуляцию было совсем непросто. Уж очень глубоко в мозгу был запрятан гипоталамус. И дело было вовсе не в том, что Александр боялся протыкать свою голову электродами. Он спокойно и без сомнений пошел бы на это, но он точно знал, что при введении в мозг на значительную глубину электродов ему никак не удастся избежать повреждения многочисленных клеток своего мозга с непредсказуемыми последствиями.

В сложившихся обстоятельствах единственным выходом для него являлось использование электроакустического эффекта, который заключается в том, что узконаправленный пучок ультразвука в пределах своего распространения изменяет электропроводность тканей человека. То есть он решил применить накладные электроды, совмещенные с ультразвуковыми излучателями и таким образом попытаться доставить стимулирующие токи к гипоталамусу по тканям мозга, через которые будет пропускаться узко сфокусированный пучок ультразвуковых волн. В этом случае заметного растекания электрических токов, в окружающих пучок ультразвуковых волн, тканях, быть недолжно вследствие их более высокого электрического сопротивления. И одновременно удастся избежать повреждения клеток мозга, если, конечно, не потребуется слишком большая мощность ультразвуковых излучателей.

А вот с определением параметров необходимого пучка ультразвуковых волн тоже была проблема. Для выполнения расчетов Александру необходима была очень точная послойная схема его мозга. Такую схему можно было получить на рентгеновском компьютерном томографе, но ими располагали только больницы и областной диагностический центр. Каким же образом убедить врача выдать ему направление на исследование при помощи рентгеновского компьютерного томографа да еще с совершенно нестандартными характеристиками, Александр

просто понятия не имел.

Однако, немного поразмыслив и припомнив свое относительно недавнее тотальное обследование, Александр сообразил, что волноваться ему, в общем-то, и не о чем, и он без труда сможет заполучить необходимые ему послойные снимки своей головы. Дело было в том, что медицинское обслуживание в стране бесплатным было лишь на бумаге, а на самом деле практически за все приходилось платить. И если не первое же, то уж второе медицинское учреждение, в которое он обратиться, за его деньги, и без лишних вопросов возьмется сделать ему практически любое исследование.

В общем, так все и вышло. На следующий день он отправился в кассу диагностического центра, где сказал, что желает платно обследовать свою голову при помощи рентгеновского компьютерного томографа. Когда же ему сказали, что для составления договора ему хорошо бы сначала получить направление врача, Александр просто заявил, что сам проставит в договоре все параметры необходимого ему исследования. И тут же получил бланк стандартного договора. Когда же, он его заполнил и вернул для дальнейшего оформления, то у него никто не стал интересоваться, зачем и почему ему вдруг пришло в голову проводить такое странное исследование. Ему только было сказано, что заказанное им исследование обойдется ему в весьма внушительную сумму денег. Но после того как Александр молча отсчитал требуемую сумму денег из своего кошелька, ему незамедлительно был выдан полностью оформленный договор и талон с указанием номера кабинета и времени проведения исследования.

Врач, проводившая исследование, когда ознакомилась с объемом предстоящей работы, подняла на Александра свои усталые глаза и как-то тоскливо и одновременно затравленно сравнительно долго на него смотрела, явно собираясь ему что-то сказать по поводу заказанного им исследования, но так ничего и не сказала. Ведь для нее пациенты уже очень давно превратились фактически в клиентов, а пожелание клиента, оплатившего уже к тому же услугу, обсуждению не подлежит.

Поэтому Александр без проблем и лишних вопросов уже примерно через полчаса держал в своих руках заключение и прилагавшуюся к нему толстую стопку распечаток послойных снимков своей головы в масштабе один к одному.

На заключение он взглянул лишь мельком, чтобы убедиться, что никаких отклонений от нормы у него выявлено не было. Впрочем, именно этого он и ожидал исходя из того, как и с какой ухмылкой на своем лице врач вручала ему заключение. Она

вручала Александру свое заключение, как человеку изрядно и зря потратившемуся и, конечно, она приняла Александра за очередного чудака выискивающего у себя всякие несуществующие заболевания. Но Александру было абсолютно все равно, за кого его приняли. Главное он в кратчайшие сроки заполучил послойные снимки своей головы с предельно малым для рентгеновского компьютерного томографа шагом в один миллиметр. А вот их он очень внимательно рассмотрел в поисках возможного брака и не покинул диагностического центра до тех пор, пока окончательно не убедился, что со снимками все в порядке.

Из диагностического центра Александру пришлось ехать не домой, а на службу, так как ему с трудом удалось отпроситься к врачу всего на пару часов.

На его рабочем компьютере во избежание лишних вопросов со стороны коллег и начальников не были установлены программы для выполнения необходимых ему расчетов. Поэтому он с нетерпением ждал окончания рабочего дня, перебирая снимки и многократно перепроверяя сделанные им буквально за пятнадцать минут их обмеры.

Снятые со снимков размеры должны были послужить исходными данными для выполнения расчетов. И Александр сам себя успокаивал, говоря про себя, что не бывает, худа без добра, что вынужденная задержка в работе это даже хорошо. Так он более тщательно снимет со снимков размеры, а то ведь всего одна, допущенная им в спешке, мелкая ошибка и вся его работа будет безнадежно испорчена. И самое плохое — он сам себя введет в заблуждение и возможно даже не сможет этого осознать.

Однако здравый смысл ему подсказывал, что больше проверять ничего не надо, никаких ошибок он не допустил, время проходит зря, и уже давно бы пора было вычислить необходимые ему параметры ультразвукового излучения и электрических импульсов. И, наконец, получить ответ на волнующий его вопрос — не будет ли интенсивность ультразвукового излучения и электрических импульсов столь высоки, что они будут способны повреждать ткани и разрушать мембраны клеток его мозга? Но он ничего не мог с собой поделать и через каждые десять минут, то откладывал снимки в сторону, то тут же хватался за них и начинал при помощи линейки делать все замеры вновь.

Промучившись до конца рабочего дня, Александр бегом кинулся домой. Отказался от ужина, и даже не сменив рабочую одежду на домашнюю, уселся перед своим компьютером и сосредоточился на введении в программы исходных данных. Полностью отключившись от окружающей его действительности,

он не замечал ничего кроме колонок цифр и медленно появляющихся на экране графиков.

Все расчеты Александр выполнил трижды каждый раз скрупулезно, до последней цифры, вводя по новой все исходные данные. И только после того, как третий результат полностью до последней запятой совпал с двумя предыдущими, он позволил себе поверить в то, что задуманная им стимуляция мозга вполне выполнима. Пусть и почти на пределе допустимого, но все же она не будет вызывать повреждения тканей мозга.

Александр начал сохранять результаты своих вычислений на флешку в качестве резервной копии и вдруг почувствовал, что у него буквально ноют ноги. Он начал осознавать себя в окружающем пространстве и с удивлением обнаружил, что сидит дома за столом в рабочей одежде и даже в туфлях, в которых он обычно ходит только по улице. Ногам было неудобно находиться длительное время в довольно жесткой обуви и вот они теперь ныли, отчаянно сигнализируя о необходимости сменить неудобные туфли на удобные мягкие домашние тапочки. А еще ему вовсе не помешало бы как можно быстрее посетить туалет.

Александр встал из-за стола и машинально побрел переодеваться и переобуваться при этом, безуспешно пытаясь вспомнить подробности своего перемещения из-за стола на службе за домашний стол. Но он ничего не помнил. Не помнил, как выходил из здания администрации, не помнил, как шел по улице, подъезжал две остановки на автобусе или всю дорогу до дома преодолел пешком, не помнил, как вошел в дом, не помнил, ругалась ли на него Наташа. Хотя при таком его поведении, конечно, обязательно должна бы была ругаться. Наверное, опять грозила ему психиатрической клиникой. Судя по всему, уже была глубокая ночь, и Наташа давно ушла спать, и ему самому тоже следовало отправиться спать. А еще он подумал, что ему не следует в подобных состояниях выходить на улицу. Ведь так можно и под машину попасть. И он понял, что ему необходим отпуск. Монтаж оборудования для стимуляции мозга потребует много времени и ему тяжело будет совместить выполнение служебных обязанностей с работой по изготовлению оборудования.

До начала его отпуска по графику было еще более трех месяцев. Руководство на службе крайне негативно относилось к нарушению графика отпусков, особенно по инициативе служащего и, соответственно, крайне редко удовлетворяло подобные просьбы. Но Александр продемонстрировал столь сильный натиск при полном отсутствии у него хоть каких-нибудь причин для досрочного ухода в отпуск, что у его начальника

образовалось мнение просто о необходимости отпуска для человека, находящегося в таком неадекватном состоянии. И Александр получил отпуск. И получил не просто одну две жалкие недели, а целый месяц и прямо со следующего дня.

Впрочем, в последующем Александр вел себя сравнительно спокойно и не доводил себя до состояния, при котором он был бы способен потерять связь с окружающей его обстановкой. Ведь он понимал, что ему предстояло по сути выполнить чисто технические работы, которые требовали лишь затрат некоторого времени да приложения определенных усилий с его стороны. К тому же он обладал необходимым опытом и навыками для быстрого и качественного выполнения этих работ. Но все равно отпуск оказался совсем не лишним, так как позволил ему целиком и полностью погрузиться в работу. И уже через неделю у него на столе лежали готовые принципиальная и монтажная схемы его прибора, а также рабочие чертежи всех необходимых для изготовления прибора деталей.

Прибор получился у него максимально простой и, как следствие, совсем не дорогостоящий. Сказалась приобретенная еще с детства весьма полезная вынужденная привычка изобретать и изготовлять экспериментальные образцы своих изобретений в условиях тотального дефицита радиодеталей и материалов, а также и финансовых ресурсов. И Александр мог не беспокоиться, что изготовление его прибора,

сколько-нибудь значительно подорвет финансовые ресурсы его семьи.

Правда для изготовления части деталей требовалось использование почти полной номенклатуры механообрабатывающих станков и специфических материалов, которые так просто купить было невозможно и на свалках они также не валялись. Но Александр быстро нашел выход. Он заказал изготовление этих деталей своему соседу по лестничной площадке Славе. Слава всю свою жизнь работал токарем на заводе, которым когда-то руководил отец Александра и имел возможность втихую использовать в личных целях практически любые станки.

Заполучив неожиданную халтуру, Слава с энтузиазмом и немедленно принялся за работу, так как его завод давно сидел без заказов и выплачиваемой ему заработной платы хватало лишь на то, чтобы не умереть от голода. Необходимые материалы он просто позаимствовал на складе мобилизационного резерва, который в советское время создавался на случай атомной войны и на его счастье еще не был полностью распродан новым хозяином предприятия. Затем ударными темпами в течение двух дней

строго в соответствии с чертежами выточил необходимые Александру детали с максимально возможным для себя качеством и вынес их с завода.

Таким образом, уже через четыре дня после завершения работы над документацией прибора Александр заполучил все самые проблемные детали по цене фактически не превышающей стоимость трех бутылок водки. И это притом, что реальная стоимость этих деталей была как минимум на порядок выше.

Большую часть необходимых радиодеталей Александр нашел в своей домашней барахолке, а остальные без особых проблем были куплены им в магазине. В качестве корпуса прибора приспособил давно валявшийся на антресолях ящик. Платы изготовил сам и катушки индуктивности с трансформаторами тоже намотал сам за то время, что сосед вытачивал ему детали на заводе. В результате Александр приступил к сборке прибора сразу по получении от соседа деталей, напряженно работая по четырнадцать — пятнадцать часов в день.

Усилия Александра не пропали даром, и к концу отпуска на столе перед ним стоял полностью отлаженный и проверенный прибор для электроакустического стимулирования глубинных структур мозга.

В качестве времени выполнения процедуры электроакустической стимуляции, им был выбран поздний вечер, перед самым отходом ко сну. По представлению Александра именно это время суток было наиболее подходящим для обеспечения скорейшего достижения стоящих перед ним целей.

Первую электроакустическую стимуляцию мозга Александр выполнил накануне своего выхода из отпуска. Он тщательно следил за своим состоянием, но ничего кроме неприятных ощущений от проходящего через его ткани электрического тока так и не почувствовал. Прохождение электрического тока вызывало весьма болезненные ощущения, но все же ему было не запредельно больно, терпеть было можно.

Александр добросовестно истязал себя двадцать минут, а затем отключил прибор и пошел спать.

На утро Александр внимательно осмотрел себя в зеркале, сосредоточился на своих ощущениях, но как ни старался так и не смог обнаружить никаких изменений в своем организме.

Отсутствие даже намеков хотя бы на крошечный эффект после процедуры электроакустической стимуляции вызвало у него панику и первое, что прочно завладело его сознанием была навязчивая мысль о том, что все его усилия были напрасны и в своих рассуждениях он допустил серьезную ошибку. И теперь его ожиданиям не суждено будет сбыться, а ошибку, даже если ее

удастся обнаружить, вероятнее всего исправить уже будет невозможно.

На службе Александра ждала большая стопка неисполненных документов, большинством из которых необходимо было срочно заниматься еще вчера. Однако Александр не смог заставить себя даже просто разобрать эти документы. Его голова была занята одним — он искал, где была допущена ошибка, но проклятая ошибка никак не хотела обнаруживаться.

Почти до обеда Александр просидел практически неподвижно за столом, никак не реагируя на обычные приветствия своих коллег по случаю его выхода из отпуска. Что вызвало у них недоумение, а затем они и вовсе стали думать, уж не случилась ли с Александром какая ни, будь беда.

Но в какой-то момент к Александру пришло избавление. У него в мозгу, словно что-то щелкнуло и сами собой пошли мысли: "Нет, я все же полный идиот! Ну, с чего я взял, что омоложение должно проявить себя чуть ли не мгновенно. Ведь процесс старения это длительный процесс, протекающий практически незаметно для человека. Человек замечает лишь существенные изменения в своем организме, наступающие через весьма длинные промежутки времени. Обычно такие промежутки времени занимают годы. Даже при заболевании прогерией процесс старения хоть и ускоряется, но все же требует сравнительно значимого времени. И на проявление процессов омоложения тоже потребуется время. Может месяцы, а возможно вообще годы. И не могу я обнаружить ошибку в своих рассуждениях просто потому, что ее там нет".

После возникновения этих мыслей Александр быстро успокоился и решил, прежде чем предпринимать что-то еще, подождать результатов хотя бы два-три года. Он стал вести обычный образ жизни мелкого чиновника, не забывая ежедневно перед сном истязать себя при помощи своего прибора.

Правда столь долго ждать не пришлось, уже через три месяца он стал ощущать в себе прилив сил и явно повышенную работоспособность, головные боли, головокружения, потемнения в глазах от физической нагрузки практически прекратились, ослабли боли в спине, ногах и про свой геморрой ему приходилось вспоминать все реже и реже. Александр снова с пристрастием осмотрел свое отражение в зеркале и опять, как ни старался, так и не смог заметить никаких перемен в своей внешности. В зеркале по-прежнему отражался старик. Возможно небольшие изменения в лучшую сторону все же были, но заметить их Александр, был не в состоянии из-за того, что сравнивать ему самого себя текущего было не с чем. С этого дня

он стал ежемесячно сам себя фотографировать для обеспечения возможности ведения хоть какого то более или менее объективного контроля за изменением своей внешности. Пока же, чтобы не обольщаться раньше времени, все изменения в состоянии своего здоровья он решил считать чисто субъективными. Но его внутренняя уверенность в том, что он находится на правильном пути, все же заметно окрепла.

К концу первого года от начала электроакустической стимуляции своего мозга Александр уже начал забывать, что собой представляют проблемы со здоровьем. При сравнении своих первых фотографий с последними уже отчетливо можно было заметить уменьшение глубины морщин, количества седых волос и изменение цвета кожи в лучшую сторону, исчезновение темных пятен и ранее просвечивавшихся через кожу сосудов, явное повышение ее упругости. На венах ног исчезли вздутые узлы, так как будто их и никогда не было. Прошло несколько месяцев, как Александр смог полностью отказаться от регулирования своего питания. У него был просто зверский аппетит. Начала увеличиваться мышечная масса и его фигура по своему внешнему виду примерно стала соответствовать фигуре, которая у него была в возрасте тридцати пяти лет. Рост мышечной массы уж никак не должен бы был наблюдаться с увеличением возраста, но он был, да еще и какой стремительный. В глазах снова появился блеск. Только не такой, какой был у Александра раньше, характерный для увлеченного познанием окружающего мира и одновременно наивного и азартного человека. Его взгляд стал наглым и одновременно жестким уверенного в себе циничного человека. Стал очень напоминать взгляд его брата.

Однако Александр, видимо все еще, боясь сглазить свою удачу, продолжал сам себя уверять в том, что он, как лицо заинтересованное, принимает желаемое за действительное и его достижения не столь уж существенны. Правда, делать это ему с каждым днем становилось все труднее. Происходящие в нем перемены становились все очевиднее.

Но окончательно все свои сомнения Александр отбросил лишь тогда, когда о его омоложении заявил, так сказать, совершенно сторонний наблюдатель. Причем в роли такого наблюдателя совершенно неожиданно для него выступил его начальник. От которого Александр никак ничего подобного ожидать не мог. Просто потому, что начальник вообще никогда не обращал внимания на то, как выглядят его сотрудники. И, соответственно, никогда по этому поводу не высказывался.

Александр как-то после очередного совещания замешкался в

кабинете начальника и когда он и начальник остались одни, вдруг услышал произнесенную начальником, как бы в задумчивости и одновременно с удивлением фразу:

— Александр Михайлович, а ведь вы за последнее время очень сильно помолодели, — видимо в надежде, что Александр поделится с ним способами своего омоложения, так как начальник был старше Александра и к тому времени представлял собой изрядную развалину.

— Да, хорошо бы, чтобы такое было возможно. Но, к сожалению, с годами мы можем только стареть, — весь внутренне ликуя, ответил тогда Александр и быстро покинул кабинет.

Начальник был очень даже не глупым человеком и к тому же за время их совместной работы хорошо изучил Александра. Он знал, если Александр, не хочет обсуждать какую-нибудь тему, то говорить с ним дальше совершенно бесполезно. И поэтому больше никогда не пытался заговорить с ним по вопросу его омоложения. Хотя и продолжал с нескрываемым изумлением наблюдать за стремительным превращением старика в молодого человека.

Затем за начальником последовали и другие многочисленные сослуживцы, знакомые, соседи и даже совсем незнакомые ему люди, которые возможно просто где-то услышали о нем. Некоторые пытались расспрашивать очень даже настойчиво. Но никто никаких вразумительных объяснений от Александра добиться так и не смог. Александр неизменно уходил от разговоров о своем внезапном и противоестественном омоложении. Поэтому окружающим оставалось только рассказывать друг другу об уникальном случае омоложения.

Впрочем, вопросы и разговоры у него за спиной сами собой постепенно прекратились. Окружающие привыкли к его новому облику. Процесс видимого омоложения Александра примерно через два года прекратился, и Александр стал всегда выглядеть лет на двадцать пять.

Еще некоторое время заметно продолжался только рост мышечной массы. Пока он не обзавелся атлетическим телосложением и мощными рельефными внешне очень красивыми мускулами. Вместе с мускулатурой весьма значительно возросла и физическая сила. Все это досталось Александру в нагрузку к возвращенной молодости без затрат каких либо усилий с его стороны. Ему не пришлось качаться, поднимать тоннами железо и глотать всякие нехорошие препараты гробящие здоровье. Он вообще не занимался ни физкультурой, ни тем более спортом. Ему было абсолютно наплевать на свои физические данные.

Но сам, не желая того, в итоге Александр превратился в очень приметного молодого и сильного мужчину. Внешне очень похожего на Алексея в молодости, а по физической силе даже значительно его превосходящего.

В качестве напоминания о том, что он когда-то все же был пожилым человеком, Александру остались только зубные протезы. Удаленные зубы вновь у него не выросли.

Глава 4 Жизнь во время второй молодости.

Александр сидел в уютном и очень дорогом кожаном кресле в просторном, только что хорошо отремонтированном светлом кабинете, обставленном престижной офисной мебелью, разглядывал сколь шикарные столь и дорогостоящие всякие канцелярские принадлежности, аккуратно расставленные по широкой поверхности стола, и думал о произошедших с ним изменениях.

Этот кабинет достался ему вместе с должностью заместителя директора довольно важного департамента. На должность заместителя директора департамента он был назначен, минуя сразу несколько ступенек в должностной иерархии. И это было совсем неплохо для человека, на карьерном росте которого еще совсем недавно стоял большой жирный крест и которому в самом лучшем случае просто позволили бы доработать до пенсионного возраста без сокращения или перевода на нижестоящую должность.

Да он стал успешным молодо выглядящим человеком, которого больше не интересовало его здоровье просто потому, что не было у него больше никаких проблем со здоровьем. Но этого ему было мало, он хотел наслаждаться своей молодостью, постоянно получать от нее новые удовольствия, дать выход переполнявшей его энергии. А, вот как раз этого, он и не мог получить. Оказалось, что молодость, как и детство, может случиться в жизни лишь однажды. Никакой второй, третьей и так далее молодости не бывает. Ведь избавиться от жизненного опыта невозможно. Ну, разве что с полной потерей своей личности. Именно жизненный опыт ломает и буквально уничтожает все ощущения от происходящих в его жизни событий, лишает их главного — новизны.

Его всегда раздражал размеренный семейный быт: работа на работе, затем по дому, развлечения, сузившиеся до дивана перед телевизором и даже секс, как исполнение супружеской обязанности почти, что по графику. В общем, унылая бесконечная цепь периодически повторяющихся событий. И вот теперь на этот размеренный семейный быт постепенно начали накладываться зацикленные события всей его оставшейся жизни. Ведь новые события жизни, которые могли бы быть вызваны возрастными изменениями, не происходили, а начали бесконечно повторяться события жизни обычно характерные в относительно молодом

возрасте. Правда, пока его в какой-то мере выручали мелкие нюансы, которыми все же отличались в целом однотипные события его жизни. Именно за эти нюансы он и цеплялся и пытался их даже смаковать. Но, что будет через пятьдесят или сто лет, когда начнут повторяться даже мелкие нюансы?

Однако проблема была не только в однообразии личной жизни, у него едва появившись, пропал интерес и к карьерному росту. Ему стало скучно заниматься суетой по убеждению вышестоящих начальников, что он, несмотря на свой предпенсионный возраст, вполне еще может работать не хуже любого молодого человека, преодолению иных препятствий на пути к более высокому кабинету. Ему вообще уже не хотелось работать и зарабатывать, а хотелось выйти на пенсию. Хотя он и понимал, что в его ситуации выход на пенсию по большому счету ничего не изменит.

Правда, его проблемы связанные с однообразием жизни в некоторой степени смягчались за счет субъективного ускорения для него скорости течения времени. Через некоторое время после начала использования электроакустической стимуляции мозга Александр стал отмечать, что в разные дни время для него проходило с разной скоростью. То в один день оно для него по его ощущениям тянулось бесконечно долго, то другой день вдруг пролетал, как один час. Александр тогда решил, что природа на субъективном уровне обеспечивает для всех живых организмов ощущение примерно равного прожитого времени, несмотря на разную среднюю продолжительность их жизни. Так, например, для мышей, имеющих продолжительность жизни два-три года дни должны тянуться очень медленно, а для черепах с большой продолжительностью жизни дни должны буквально пролетать. Да и по ходу жизни скорость течения времени тоже корректируется. Ведь хорошо известно, что чем старше человек, тем в его ощущениях быстрее проходит время. В случае же с Александром природа как бы не смогла определиться с его продолжительностью жизни, вот и начала его мучать скачками в изменении скорости течения прожитого времени. Но, к счастью, помучив Александра несколько месяцев, природа, наконец, остановилась на варианте, при котором для Александра время проходило примерно в два раза быстрее, чем для всех остальных людей.

Вначале он строил большие планы по проведению чисто научных исследований процессов биологического омоложения своего организма. Однако время шло, а он так и не смог заставить себя приступить к выполнению своей обширной программы. Более того, как то незаметно для себя он перестал сам себя

фотографировать и утратил объективный контроль за изменениями в своей внешности. Все реже выполнял электроакустическую стимуляцию своего мозга, что, впрочем, не привело к изменениям в его состоянии. Александр собрался было заняться исследованием этого явления, но так фактически ничего и не сделал.

Оказалось, что невозможно ничего делать, напрягаться или к чему-то стремиться, зная о предстоящей практически бесконечной жизни. Страх того, что после смерти уже ничего нельзя будет сделать, изменить, увидеть, услышать, унюхать, почувствовать на вкус, на ощупь стремительно отступал, а уверенность в незыблемости существования завтрашнего дня, напротив, крепла. Именно эта уверенность практически на подсознательном уровне убеждала отложить все дела на завтра и вообще на когда ни будь на неопределенное потом. Вообще исчезли все привычные жизненные измерения. Предел жизни оказался неопределенным даже очень приблизительно. Жизнь реально оказалась бесконечно растянутой. Создавалось стойкое ощущение того, что еще найдется время сделать то, что пока не успел. Ведь в том бесконечно долгом времени, что ожидает впереди, обязательно найдутся возможности для отложенных на потом дел. Постепенно на потом стали откладываться не только работа, исследования, идеи, изобретения, общественная жизнь, но и личная жизнь и жизнь в быту.

Все это Александр осознавал, но ничего изменить не мог. Не выходило у него ничего, кроме обдумывания складывающейся ситуации. И он стремительно терял всякую инициативу в своих действиях и все чаще совершал только те действия, к которым его, так или иначе, подталкивали окружающие его люди.

* * *

В кабинете Александра вокруг маленького журнального столика в поворотных креслах на колесиках расположились шесть наиболее приближенных его подчиненных, многие из которых еще совсем недавно были просто его коллегами.

На столике и на полу вокруг него стояло внушительное количество уже почти опустевших бутылок из под разнообразного спиртного. Закуски же или следов того, что она была, почти не наблюдалось.

Все изрядно набрались. За окнами кабинета было уже давно темно. Очередная ставшая уже традиционной пьянка после окончания трудового дня подходила к своему завершению.

Образ жизни Александра все больше начинал напоминать образ жизни Алексея. При этом главным отличием было то, что такая жизнь, в конце концов, Алексея убила, а с Александром ничего подобного произойти не могло. Просто потому, что стимулятор неизменно настраивал его организм на уничтожение всех вредных воздействий. И Александр знал, что он изменит свое поведение лишь тогда, когда ему все это окончательно надоест. Правда была еще одна причина, побуждавшая его изо дня в день напиваться. Это было пьяное забвение, наступление состояния, когда у него переставали крутиться в голове вообще всякие мысли. Причем для того чтобы впасть в состояние этого пьяного забвения ему приходилось потреблять непомерно большое количество спиртного. И дозу выпиваемого спиртного приходилось увеличивать чуть ли ни каждый день. Таким образом, конец пьянству все равно наступит, когда необходимое количество спиртного для вхождения в нужное ему состояние превысит все разумные пределы и дальнейшее его употребление потеряет всякий смысл.

Александру было немного неудобно перед своими собутыльниками, так как по его прихоти они гробили свое здоровье, а он свое нет. Он вообще не понимал их и тех своих подчиненных, которые не принимали участия в попойках, но делали все возможное, чтобы войти в число допущенных. Неужели желание угодить начальнику было важней собственных здоровья и жизни?

Собутыльники медленно, заметно качаясь и с трудом попадая в дверной проем, начали покидать кабинет. Александр уже собирался последовать за ними, прихватив с собой заранее приготовленную для употребления перед сном бутылку водки, но тут его взгляд упал на Ольгу Владимировну. Она сидела справа от него и явно уходить не собиралась. Тут Александр осознал, что она вовсе не так уж и пьяна, как старалась казаться весь вечер и цель ее заминки с покиданием его кабинета стала ему очевидной.

Ольга, в конце вечера внимательно следившая за Александром, сразу заметила, что на нее наконец-то обратили внимание. По едва заметным переменам во взгляде Александра она поняла, что Александр догадался, почему она никуда не торопится. Это несколько пригасило тщательно скрываемое ею возбуждение. Ведь теперь не надо было произносить никакие слова, делать намеки, все и так прояснилось в организованной ею ситуации.

Ольге недавно исполнилось тридцать пять лет, с мужем давно развелась и в одиночку воспитывала сына лет десяти.

Взгляд Александра становится откровенно оценивающим, как

в магазине с товаром в виде одиноких, но еще сравнительно молодых женщин. Ясно, что мысли и желания Ольги им в расчет совершенно не принимаются, все дальнейшее будет зависеть исключительно от желаний Александра. От осознания этого обстоятельства Ольга начинает испытывать дискомфорт.

Александр смотрел на женщину и думал: "Не красавица, конечно, но и вовсе не страшненькая. Вполне даже сексапильна, судя по тому, что у меня уже пробуждается желание. Пожалуй, несколько толстовата и формы хоть еле заметно, но уже трачены временем. Впрочем, тощие никогда меня не привлекали. Как не трудно догадаться никаких обязательств в дальнейшем ни от меня, ни от нее не предусматривается. Так, что, почему бы и не воспользоваться, так сказать, предложением. Наташа, ведь за последнее время сильно сдала и, если честно, уже неспособна удовлетворить и при этом доставить удовольствие, как раньше".

Правда Александра сдерживало то, что хотя Ольга по своему календарному возрасту была значительно моложе его, но выглядела все же более старшей, чем он. На ее лице уже были заметны признаки близящегося распада. Кожа под глазами съежилась в частую пока неприметную сеточку, веки выгнулись, образовав складки, над переносицей наметились морщинки, а в густых шикарных волосах была заметна пара седых волосков. Александр понимал, что вполне может найти себе совсем молоденькую девушку и вовсе не хвататься за предлагающую саму себя женщину с почти истекшим, если можно так сказать сроком годности.

Александр все же решился, вытянул ногу, подцепил носком ноги кресло Ольги и подкатил его почти вплотную к своему. Ольга не сопротивлялась, не произнесла ни звука, только ее руки сильнее вцепились в подлокотники да чуть расширились зрачки ее неотступно следящих за Александром карих глаз. Она застыла в ожидании дальнейших действий Александра.

Александр медленно убрал ногу и, наклонившись, положил руку на ее колено и быстро провел ею по телу Ольги, задержав ладонь на ее щеке. Под ладонью ощущалась нежная, упругая, очень гладкая кожа. Когда то давно такая же была у Наташи, но сейчас остались одни постепенно сглаживающиеся воспоминания.

— Значит, ты не возражаешь, — не вопросительно, а утвердительно сказал Александр.

Ольга не ответила, а с некоторым раздражением отвела руку Александра в сторону, встала с кресла, но не покинула кабинет, а отошла к окну и неподвижно застыла у него, повернувшись спиной к Александру. Александра устроило и такое ее согласие. Она смотрела на отражение в стекле кабинета и видела, как

Александр встал, медленно снял пиджак и галстук, неспешно прошел к двери и запер ее изнутри, а затем направился к ней. По его уверенным движениям Ольга к своему удивлению поняла, что Александр практически не опьянел. А ведь она, затевая все это, очень рассчитывала, что Александр к концу пьянки сильно опьянеет.

Он остановился за ее спиной почти вплотную, почти касаясь ее. Потом его руки уверенно заключили Ольгу в кольцо, сильно прижав ее тело к своему. Ольга по своей инициативе даже не шелохнулась и продолжила изображать из себя нечто вроде безвольной куклы. Спустя какое-то мгновение раскрытые ладони Александра совсем не ласково двинулись блуждать по ее телу, дерзко тревожа по пути грудь, живот, и, наконец, спустившись совсем в низ, сильно прижались к самому низу ее живота. Он совсем не сомневался в ее желании, и его ладонь то чуть отпускала, то постепенно усиливала давление, а затем застежка на поясе юбки разошлась и юбка сползла на пол. Ольга с готовностью раздвинула ноги, а рука Александра, скользнув под резинку трусиков, коснулась набухших и уже выделивших влагу губ.

Ольга, не желая полностью отдавать в руки Александра инициативу, повернулась к нему лицом. Ее руки сползли по его торсу вниз и, наткнувшись на ремень его брюк, уверенно принялись его расстегивать. Александр не препятствовал ее действиям, но и не помогал. Он просто опустил свои руки вдоль туловища и так молча стоял.

Немного повозившись Ольге, наконец, удалось стянуть вниз брюки с Александра сразу вместе с трусами. В результате в Ольгу буквально уперся весьма приличный инструмент. Мужское достоинство Александра почему-то увеличилось вместе с его мускулатурой, но причины этого он так никогда и не выяснил. Он вообще отнесся к этому побочному эффекту своего омоложения практически безразлично.

Ольга, чуть промедлив от неожиданности и восхищения, с нескрываемой заинтересованностью просунула свою руку между его ног. Александр дал время Ольге прощупать свой член и молчаливо принял все ее извращения. Наконец, решив, что Ольга уже достаточно ознакомилась с его достоинством, громко и отрывисто произнес:

— Давай раздевайся!

Ольга вздрогнула, оставила в покое член Александра и послушно начала раздеваться.

Александр терпеливо дождался, пока она стянет с себя последнюю тряпочку. Ему почему-то хотелось, чтобы она была

абсолютно голой.

Совершенно нагая Ольга в его рабочем кабинете смотрелась одновременно неестественно, униженной и возбуждающей.

Александр схватил ее и буквально закинул на свой рабочий стол, с которого на пол посыпались многочисленные канцелярские принадлежности. При этом Ольга неслабо ударилась спиной и затылком. И оказалась, беспомощно раскинув руки, лежащей на спине чуть ли не на середине стола. Совсем не аккуратно, одним рывком подтащив ее к краю стола, Александр быстро развел ее ноги в стороны и без предисловий, вставил свой член. Потерявшая ориентацию в пространстве Ольга только и смогла выдохнуть нечто в роде:

— Ах-х!

Грубо и быстро оттрахав Ольгу, Александр в самом конце предусмотрительно извлек из нее член и обильно залил ее живот спермой. Затем оставил, все еще выгибающуюся всем своим телом и издающую нечленораздельные звуки, Ольгу в покое, проковылял, путаясь в брюках с трусами все еще болтающимися в самом низу его ног, до кресла и плюхнулся в него, не попытавшись натянуть брюки.

Ольга с довольным видом соскользнула со стола прошла к своей сумочки и, достав из нее платок, принялась стирать с себя сперму.

— Вообще-то, ты этого мог и не делать. Я сама приняла все необходимые меры для того, чтобы не залететь, — через некоторое время сказала Ольга.

— А, я на сегодня с тобой еще не закончил, — остановил Александр Ольгу, когда она подобрала с пола свои трусики, намереваясь их одеть.

— Да? Ну, это же замечательно! — лукаво улыбнулась Ольга и тут же выпустила из своих рук трусики.

Она подошла к Александру, опустилась перед ним на колени, раздвинула его ноги и со словами:

— Я сделаю все, что нужно, — наклонилась и стала забирать в рот его уже начавший обмякать член.

Она со знанием дела орудовала между его ног ртом и руками минут пятнадцать, а Александр закрыл глаза, откинулся на спинку кресла, и периодически что-то довольно мыча, все время процедуры, придерживал руками Ольгу за голову. Как будто опасался, что она возьмет, да и прекратит свои манипуляции.

Потом, когда он почувствовал, что готов к продолжению, Александр надавил на голову Ольги, отстраняя ее и начал вставать с кресла. Ольга тоже попыталась встать, но Александр, продолжая жестко удерживать ее голову, не позволил ей этого

сделать. И она осталась в согнутом положении.

Александр начал медленно обходить Ольгу, висящие на ногах брюки несколько сковывали его движения и явно мешали, но он не захотел отвлекаться на избавление от них.

Ольга догадалась, чего хочет Александр и, перебирая руками, привстала, опираясь на подлокотники кресла, одновременно задрав свою задницу вверх, и, расставив ноги, предоставила ее в распоряжение Александра. И Александр без промедлений взял ее сзади. На этот раз долбежка длилась гораздо дольше. Вскоре Ольгу охватила слабость, ее руки ослабли, колени подогнулись, и она уперлась головой в кресло, сотрясаясь всем своим телом, издавая нечленораздельные вопли, хлюпанья и пуская вместе со слюной пузыри изо рта. И совсем не падала на кресло лишь потому, что от этого ее удерживал Александр, крепко держа ее руками за талию.

В конце Александр обильно оросил ее внутрь и отпустил, в результате чего Ольга сползла по креслу вниз, пока ее колени не уперлись в пол.

Секс с Ольгой Александру понравился. Она делала многое из того, от чего Наташа отказывалась, считая эти действия извращениями и тем самым лишая обоих возможности получить дополнительное удовольствие. Поэтому он дождался пока Ольга придет в себя. И сказал сидящей голой задницей прямо на полу у кресла с раскинутыми в стороны прямыми ногами и блаженно улыбающейся Ольге:

— Оля, я могу рассчитывать, что наши отношения будут продолжены в будущем. Разумеется, я имею в виду чистый секс, без взаимных обязательств.

— Почему бы и нет, — ответила Ольга и почти сразу добавила, — но у меня есть условия.

— Надеюсь, твои условия разумны?

— Не бойся, я не собираюсь навязывать тебе ничего неприемлемого. Во-первых, я больше не хочу заниматься сексом в твоем рабочем кабинете. Мне здесь неуютно, да и как то вообще не по себе. Во-вторых, когда мы будем встречаться, определять буду всегда я. Знаешь, у меня были мужики, которых я ожидала с утра до ночи чуть ли ни ежедневно. Больше я ожидать никого не хочу.

— Неужели ты думаешь, что встречаться в гостинице или в съемной квартире на пару часов нам будет удобнее?

— Да, я вовсе не имею в виду все эти съемные помойки. Я, конечно, понимаю, что у тебя дома жена сидит… Но у меня ведь есть своя квартира, никаких мужей в ней нет и находится она в пяти минутах от нашего здания. Так, что с местом наших встреч

никаких напрягов быть не должно.

— Ну, хорошо. В принципе я с твоими условиями могу согласиться. Вот только наши встречи не должны проходить в вечерне-ночное время, по выходным и праздникам.

Ольга подняла голову вверх и посмотрела на стоящего почти над ней Александра. Но посмотрела она не в глаза Александру, а уставилась на выглядывающий из-под его рубашки уже совсем обмякший член Александра.

— Да? Что своей старушки опасаешься? Слушай, а зачем она тебе вообще нужна? Давно бы уже развелся, да и жил бы себе без всяких проблем, — с ухмылкой произнесла Ольга.

— А вот это уже совсем не твое дело. Мои взаимоотношения с женой касаются только меня и ее. И ты не смей никогда лезть в мою семью, — резко оборвал рассуждения Ольги Александр.

— Ну, что ты так разволновался? Это я так, позволила себе дать совет и ничего более. Я же все понимаю. У нас никакой любви нет. Мы просто партнеры по сексу, по получению чисто физиологического удовлетворения, которое каждому из нас нужно по-своему. Мы даже сейчас договариваемся почти, как просто деловые партнеры. Да, даже и такие партнеры мы временные. Ведь я старею, а ты уникальный, ты у нас не стареешь. Настанет время, и я превращусь в старуху и стану тебе не нужной. Так, что не бойся, я вовсе не собираюсь выходить за тебя замуж и, как говориться, жить с тобой пока смерть не разлучит нас. И уж совсем мне не хочется встречаться с твоей женой или тем более объясняться с ней. Очень надеюсь, что такого никогда не произойдет. Ведь я же не глупая.

— Раз ты такая умная и все так хорошо понимаешь, то нечего глупости говорить. И советы мне твои не нужны.

— Да, не кипятись ты. Ведь это ты только внешне изменился, а внутри нет. Внутри люди так просто не меняются. Поэтому тебя молоденькая девчонка вряд ли устроит. Тебе нужна зрелая, но еще молодая и опытная женщина, проще говоря, хорошая баба. Я на эту роль как раз подхожу. Потому и решилась остаться сегодня с тобой. Уж не знаю насколько хорош ты был раньше, но сейчас… У меня такого секса никогда не было. Только ради него я, пожалуй, приму твои временные ограничения. Хотя их наличие мне и совсем не нравится.

Пристальное разглядывание Ольгой его уже совсем висящего мужского достоинства смутило Александра, и он почувствовал, что опять начинает возбуждаться. Поэтому он поспешно начал натягивать на себя трусы и брюки.

— Не бойся на сегодня мне больше секса не надо, — усмехнулась Ольга.

— А с чего ты взяла, что я чего-то там боюсь? Просто поздно уже. Тем более, как я понимаю, мы обо всем договорились. Так, что буду ждать от тебя приглашения. Обычно, конечно, приглашает мужчина, но так даже забавнее будет, — в свою очередь усмехнулся Александр.

* * *

По дороге к дому Александр подумал о том, что сегодня в первый раз с момента своего знакомства с Наташей он по-настоящему всерьез обратил внимание на другую женщину. Он не просто случайно по пьяному делу перепихнулся с ней, а сознательно захотел продолжения интимных отношений с этой женщиной. Тем самым он всерьез предал Наташку. Почему? Да, Ольга была значительно моложе, но не это обстоятельство было главным. Главным было то, что изменилось его тело. Если бы не Ольга, так в его жизни обязательно появилась бы любая другая женщина. И никто бы у него не появился только в том случае, если бы он не омолаживался. И никакого продолжения его прежней жизни уже никогда не будет.

* * *

Встречи Александра с Ольгой стали регулярными, но достаточно редкими, не чаще одного-двух раз в неделю и продолжались практически до самого выхода Александра на пенсию.

Приглашение Ольги происходило в циничной форме и всегда одинаково. В районе десяти часов она заглядывала в кабинет Александра и, наверное, нарочно с улыбкой произносила одну и ту же фразу:

— Александр Михайлович, вы как насчет того, чтобы сегодня потрахать одинокую женщину? А то мне как раз сегодня хороший е…рь требуется.

Александр, никак не реагируя на ее циничное приглашение, невозмутимо придумывал и давал Ольге поручение за пределами здания администрации и минут через пять-десять после ухода Ольги шел к ней домой.

Ольга приходила за ним всегда в первой половине дня для того, чтобы он не мог встретиться с ее сыном, который как раз в это время был в школе.

В их сексе, в том числе благодаря стараниям, опыту и фантазиям Ольги было много нового. Ей каким-то не постижимым образом удавалось, каждый раз хоть чем ни будь, но отличаться от себя предыдущей.

Александр неизменно получал определенное удовлетворение от секса с Ольгой, но при этом осознавал, что если бы он завел себе подобную любовницу лет двадцать пять — тридцать тому назад, то его ощущения были бы совсем иными. И ощутить их он уже никогда и не при каких обстоятельствах не сможет. Это осознание порождало в нем чувство неудовлетворенности и одновременно безысходности.

Ольга была права, внешне омолодиться можно, а внутри нет. Даже, если он обзаведется телом хоть грудного ребенка, это ничего принципиально не изменит. Он лишний раз убедился, что от жизненного опыта избавиться невозможно и как то изменить его тоже невозможно. И пока получал от нее новые для себя ощущения, он очень дорожил этой своей любовницей, понимая, что найти еще одну такую женщину будет очень не просто. В любом случае Ольги хватит на несколько лет, а затем придется искать ей замену, но, сколько подобных женщин он сможет выдержать? Две или пять? Ведь и такой секс рано или поздно, но обязательно приестся. Ну, сколько раз можно посмотреть даже

очень хороший фильм? Ну, два-три, а затем испытать удовольствие уже будет невозможно. Совершать дальнейшие просмотры придется заставлять себя буквально насильно, или в лучшем случае просто присутствовать на просмотре фильма по тем или иным причинам фактически не следя за происходящим на экране. А ведь новые сексуальные ощущения были чуть ли не единственным, к чему у него еще сохранялся интерес. Он начинал все больше и больше страшиться бесконечного будущего. Александр уже начал осознавать, что фактически он лишь променял мучительный конец на мучения без конца. И совсем уже не был уверен в удачности такого обмена.

Кроме этого он, к своему удивлению, понял, что Ольга была также права еще в одном. Ему действительно была нужна именно такая баба, каковой она и являлась.

Найди он себе девушку, общаться с ней ему было бы интересно вряд ли дольше нескольких дней. Конечно, он мог бы сам попытаться обучить ее премудростям секса, но в результате ее поведение в постели стало бы слишком предсказуемым. Или ежемесячно менять их, но это было слишком хлопотно, и Александр понимал, что никогда не будет заниматься частой и бесконечной заменой девиц.

Так для чего же он продлил свою жизнь на неограниченный срок? Чтобы трахать старух и начинающих уже стареть женщин? Бегать по девкам и регулярно обманывать этих глупышек, которые из-за своего неведения искренне надеются выйти за него замуж? Заставлять себя насильно заниматься карьерой, работой, зарабатыванием денег, приобретением различного имущества, вообще обычной человеческой жизнью? Никогда не иметь ничего постоянного, о чем бы он мог сказать, что это у меня на всю жизнь? Умирать от скуки и отсутствия вообще каких либо желаний?

Правда, от секса со старухами он, конечно, мог себя избавить. Но не от всех. От одной старухи, своей жены Наташи, он не мог заставить себя избавиться. Он вообще не мог себе представить, как будет разводиться с женщиной, с которой прожил не один десяток лет. В конце концов, ни ботинки же она, которые сносились и теперь могут быть просто выброшены на помойку и заменены на новые. Ведь вины Наташи в сложившейся ситуации не было. И заставлять ее нести ответственность за действия, которые она не совершала, было бы крайне не справедливо.

Вообще жить с ним было не просто. Александр понимал, что не смог обеспечить Наташе нормальную обычную семейную жизнь в общепринятом понимании. Очень многое ей пришлось от него терпеть. Именно поэтому он совсем не хотел заставлять

сейчас ее страдать.

Правда, Наташе все равно пришлось платить за деяния Александра. Хоть она никогда ничего у Александра не спрашивала, но все же была не слепая и, конечно, видела, как стремительно изменялось его тело на фоне стремительного старения ее тела. И, Наташа, никогда не уделявшая, сколько-нибудь значительного внимания своей внешности, вдруг обзавелась просто неимоверным количеством всякой косметики, начала практически еженедельно закрашивать свои уже изрядно поседевшие волосы, соблюдать диету, регулярно заниматься спортом, посещать фитнес-центры и массажные кабинеты, тщательнее подбирать себе одежду и украшения, досаждать врачам, заставляя их вылечить ее суставы, полностью избавить от геморроя и вернуть стопроцентное зрение, чего в принципе достичь было невозможно. И все эти усилия, предпринимались исключительно для того, чтобы выглядеть моложе и не казаться на фоне Александра совсем уж старой.

Но пока Наташу назвать старухой было нельзя, скорее она представляла собой только начавшую стареть зрелую женщину. И принятые ею меры пока приносили положительные результаты, но все равно она могла соответствовать максимум сорокалетнему мужчине, а ни как не двадцати пяти летнему молодому человеку. А Александр выглядел именно, как двадцати пяти летний.

Наташа мучилась, не находя ответа на вопрос: "Что она будет делать, когда через несколько лет применяемые методы омоложения уже перестанут помогать?". Она уже догадалась, что старость и смерть от старости у Александра откладываются на неопределенный срок и в гневе думает: "Я уже выгляжу рядом с ним не как его жена, а скорее как мама. Пройдет несколько лет, и я вообще буду выглядеть рядом со своим мужем, как его бабушка. А скоро я умру, всего-то в худшем случае лет через десять или в лучшем случае лет через двадцать — тридцать. Он же останется жить и жить хорошо без болезней и других проблем с кем то еще. Да, ясно, что он, не дождавшись моей смерти, уже завел себе молодую и здоровую бабу и наслаждается с ней жизнью, а я… Я даже не могу устроить скандал, сцену ревности, развестись. Так как в этом случае он просто начнет открыто радоваться жизни вместе с молодой бабой, а я вынуждена буду все это наблюдать и от этого страдать еще больше. Да, я ведь знала, что все эти его странные занятия до добра не доведут. И, как он только умудрился над собой такое сотворить? А мне не предлагает. И, если сам не предлагает, то, ведь, просить его совершенно бесполезно. Господи, ну за что все это мне. Почему нам нельзя было, как всем нормальным людям, просто вместе тихо и

нормально состариться, а затем в положенное время спокойно умереть?"

Наташа не стала ничего просить, предъявлять претензии, устраивать сцены ревности или пытаться объясниться. Она избрала иную, совершенно неожидаемую Александром, тактику своего поведения.

Почти сразу после возникновения у Александра связи с Ольгой, Наташа, видимо почувствовав появление в жизни Александра еще одной постоянной женщины, стала фактически требовать от него практически ежедневного секса. Тем самым толи, пытаясь привязать его к себе, толи регулярно досаждать ему. Впрочем, сама себе вразумительно объяснить такое свое поведение она тоже не могла. Александр же не смог заставить себя решительно отказать Наташе и вынужден был регулярно и слишком часто по любым меркам исполнять супружеский долг по отношению ставшей весьма пожилой для него Наташи. Хорошо еще, что состояние его организма по этой части могло позволить ему заниматься сексом даже гораздо чаще не испытывая никаких физических напряжений.

Наташа всегда была сравнительно стеснительна. После быстрого омоложения Александра она к тому же окончательно растеряла уверенность в себе и уже совсем не верила в то, что она может нравиться Александру, возбуждать в нем желание. Поэтому она явно не просила Александра о близости. Считая, что это будет выглядеть совсем уж унизительно и нелепо. Она просто совершенно голой лежала в кровати и ждала, когда Александр ляжет спать. Раньше она без ночной рубашки практически никогда не ложилась в постель, тем более в одиночестве. Теперь же можно было подумать, что она совсем забыла о существовании ночных рубашек или пижам.

Как бы рано или поздно Александр не ложился спать, Наташа тут же пододвигалась к нему, прижимаясь, как можно сильнее своим обнаженным телом к его телу, и молча укладывала свою голову к нему на плечо. Ее рука начинала тихо и робко гладить его по груди. Затем ее рука спускалась ему на живот. Немного задерживалась в нерешительности на нем, а потом Наташа совершала над собой последнее усилие и ее рука соскальзывала ниже, под резинку трусов Александра. И через несколько минут ее, ставшие узловатыми и шершавыми, пальцы уже решительно и настойчиво ласкали его член, разминая и поглаживая его.

Все происходило в абсолютной тишине. Тело Александра просто не могло не ответить на такие действия Наташи. И его член помимо воли Александра постепенно начинал наливаться, увеличиваться в размерах. Когда он становился совсем твердым,

упрямо торчащим из-под резинки трусов и уже совсем не помещающимся в трусах, Наташа отбрасывала одеяло и стаскивала с него трусы. Но не совсем, она их скорее приспускала почти до его коленей.

— Ляг на живот! — приказывал Александр не предполагающим возражения тоном, привставшей, чтобы стащить с него трусы, Наташе.

И она безропотно и быстро выполняла приказание, а Александр одним рывком своих рук поднимал с постели увеличившийся в размерах мягкий целлюлитный зад своей жены, ставил ее на колени и без прелюдий входил в нее сзади.

Александр хорошо знал, что Наташа терпеть не может эту позицию. Возможно из-за того, что в этом положении она практически полностью утрачивала контроль за действиями Александра. Но он раз за разом заставлял принимать ее именно эту позицию, возможно из-за того, что не хотел видеть на приближающемся лице Наташи морщины, целовать ее в губы, вообще в целом видеть ее подержанное лицо. А она с недавних пор перестала даже пытаться возражать его требованиям. Лишь бы лишить его возможности хоть в чем ни будь придраться к ней и отказаться по "уважительной причине" от исполнения супружеского долга.

Вообще-то сексом они теперь занимались очень поздно, когда становилось совсем темно, свет не включали так, что рассмотреть Наташу Александр никак не мог. Тем более не мог рассмотреть ее морщины. Зато его руки хорошо чувствовали ее мягкий большой обвисший многочисленными складками живот и значительно увеличившиеся с возрастом в размерах тоже мягкие, и совсем уже не упругие свободно висящие и раскачивающиеся, словно маятники груди. Подергивающийся мелкой рябью при каждом толчке, под старой на ощупь кожей, жир. Да, ее сиськи стали очень большими, но они не стали красивыми и уже не могли возбуждать.

Александр трахал Наташу грубо в невероятно быстром темпе в надежде быстро кончить и завершить ставшую для него уже совсем неприятной процедуру. Но ничего не выходило. Быстро кончить не получалось.

Александр перепробовал все. Пытался представлять, что занимается сексом с молодой Наташей, другой молодой женщиной. Ничего не помогало. Половой акт все равно затягивался надолго. Он понял, что трахать женщину возраст, которой перевалил за пятьдесят, оказывается, является жутко большой нагрузкой для воображения и требует гораздо больше сил, чем, если бы он занимался тем же самым, но с молодой

партнершей.

Трахая Наташку, он думал, как же ужасно быть старым, гадкой старой рептилией и как же все же хорошо, что он избавил себя от этой участи и с ним никогда, и никто не будет трахаться из жалости или по принуждению.

Затем все же естественные физиологические процессы делали свое дело, и он кончал. Если Александр разряжался, то Наташа не испытывала оргазма и даже не пыталась его изобразить, но неизменно проверяла действительно ли Александр кончил? Ей вообще уже столько секса было не нужно.

Александр быстро понял, что режим его сексуальной семейной жизни изменился надолго, если вообще не до самой смерти Наташи. И стал искать способы избавить себя от слишком регулярных домогательств Наташи.

Конечно же, первое, что он использовал — это регулярные пьянки после работы, которые после вступления в интимную связь с Ольгой были почти прекращены. Он снова стал накачивать себя спиртным, в том числе продолжая это дело уже дома, до почти бесчувственного состояния и только потом, с трудом добравшись до кровати, толи с мычанием, толи со стоном падал на нее.

Но Наташа так просто вовсе не собиралась сдаваться. Если Александр в постели был не в состоянии активно функционировать, то она всю работу выполняла сама и все равно заставляла Александра кончить при помощи своих рук. Конечно, это было совсем не просто. Тело, находящегося в полубессознательном состоянии Александра, почти отказывалось реагировать на ее манипуляции. И ей приходилось упражняться с членом, неподвижно лежащего бревном Александра, до полутора часов. Хотя в качестве компенсации за свои труды она была избавлена от необходимости трахаться со своим мужем в ненавистной ей позиции. И поэтому никак не могла решить, какой вариант удовлетворения Александра для нее лучше.

Наутро Александр смутно вспоминал произошедшее ночью в их спальне. И ему становилось стыдно и неудобно от того, что он позволил своей жене делать с собой все, что только ей придет в голову. Превратить их секс в унизительно-жуткую для него процедуру добывания спермы, в форму ее мести. Тогда он решал, что лучше уж будет сам трахать свою жену, чем опять позволит ей делать с собой такое. Но через несколько дней не сдерживался и опять напивался. Тут же получая вместо избавления кару.

Однако это длилось не долго. Очень скоро в результате продолжавшихся изменений в его организме алкоголь перестал действовать. Александр просто физически потерял способность

напиться и опьянеть. В итоге его собственный дом превратился для него в камеру мучений и издевательств, домогательства его жены совершались регулярно без каких либо перерывов или хотя бы внесения изменений в этот процесс. Он даже не мог отказать Наташе под предлогом болезни. Ведь болеть он перестал совсем, даже никогда не простужался и не заражался совсем никакой гадостью.

После примерно полугода такой жизни Александр, наконец, решился прибегнуть к последнему средству одурманивания и достал для себя наркотиков. Наркотики искажали восприятие окружающего и к его радости, как показало время, не вызывали у него привыкания, которое обычно возникает у большинства обычных людей. И все же он осторожничал и прибегал к их помощи изредка, когда домогательства Наташи уж совсем его доставали.

Он принимал дозу и все изменялось. Александр срывал с себя всю одежду, которая, как ему казалась, очень сильно ему мешала, ограничивала его свободу. Ему сразу неудержимо хотелось осмотреть квартиру, выяснить, кто в ней прячется от него. А ведь в его представлении Наташа именно пряталась от него. И он, как бы в поисках побегав по квартире, направлялся в спальню. Включал в комнате свет и радостно выкрикивал:

— А, вот, где ты спряталась! Зачем же ты, дурочка, от меня прячешься!? Ну, ничего я сейчас тебе сделаю хорошо! Очень хорошо!

И с этими словами Александр срывал с абсолютно голой Наташи одеяло и отбрасывал его далеко в угол комнаты.

Наташа быстро усвоила, чем такое появление Александра ей грозит.

— Саша, пожалуйста, не надо. Давай сегодня просто будем спать, — начинала просить Наташа, пытаясь закрыться руками от Александра.

Но остановить его уже было не возможно. Их роли уже поменялись. Теперь уже Александр домогался своей жены. В наркотическом угаре очертания Наташи хоть и расплывались, но она казалась ему совсем молодой и очень привлекательной. Казалась девушкой лет двадцати. Он мгновенно возбуждался и буквально набрасывался на нее.

К ужасу Наташи он становился человеком без тормозов, позволявшем себе делать с ней абсолютно все, все, что приходило в его одурманенный разум. При попытке подняться Александр тут же сильным ударом сбивал ее, заламывал ей руки и когда она затихала, жадно и больно сгребал и сжимал ее обширные груди, больно ощупывал почти все ее тело, завершая всю эту процедуру

между ее ног. Затем сильно до боли разводил ее ноги в стороны и, не обращая внимания на слезы и жалобы Наташи, начинал грубо и энергично ее трахать. Он практически насиловал ее. И это насилие продолжалось долго. Александр кончал, но тут же продолжал совершение полового акта. Изредка лишь переходя к анальному сексу. Чего в нормальном состоянии никогда себе не позволял. Да, и Наташа никогда на такой секс не соглашалась, но физически противостоять одурманенному и совершенно не реагирующему на ее возражения Александру она, конечно же, не могла и вынуждена была терпеть.

Через некоторое время помимо своей воли кончала и Наташа, причем мощно напрягая все свои мышцы толи вопя, толи рыча: "Аааaа-рррр!". В течение совершения полового акта они оба кончали по нескольку раз. Правда, удовлетворения Наташе это не приносило, она начинала буквально ненавидеть себя за то, что способна испытывать наслаждение вот так вот, во время совершения над ней грубого насилия человеком, находящемся в неадекватном состоянии. "Неужели я теперь могу возбудить лишь совершенно не осознающего происходящего наркомана, и только такой партнер способен вызвать у меня оргазм? Да, получается, что жила я не так и не с тем, но, к сожалению, я не буду жить вечно, не буду вечно молодой и ничего изменить уже не смогу. А вот Саша ведь сможет. Сможет прожить другую жизнь. Возможно даже не одну другую жизнь. Ясно — мне он такого не предложит. Хорошо если в самом ближайшем будущем он меня просто не бросит и не начнет обустраивать новую жизнь", — с горечью и одновременно с завистью думала Наташа.

Наконец силы Александра иссякали, и он отключался и проваливался в сон, лежа прямо на Наташе, с все еще находящимся внутри нее возбужденным членом.

Наташе приходилось, напрягая все свои силы, сбрасывать его с себя, и перекатывать Александра на его половину кровати. Затем вставать и идти за одеялом, чтобы накрыв им только себя и проплакав минут десять, наконец, тоже уснуть.

Однако, как это было ни странно для Александра, совершаемые им в наркотическом угаре выходки никак не повлияли на поведение Наташи. Она все равно всеми силами стремилась как можно больше времени проводить с ним наедине или хотя бы контролировать его как можно большее количество часов в сутки, буквально никогда не выпускать его из поля своего зрения. Казалось, что для достижения этой цели она готова была терпеть все, что угодно.

В результате все его отпуска она таскала его по заграничным курортам. Ведь там он был полностью оторван от своей

привычной среды, и на территории пляжного отеля ему было практически невозможно скрыться от ее слежки.

Но она не знала, что Александру было плевать на ее слежку, его не особо раздражали ее попытки контролировать даже процесс справления им нужды. А она доходила и до такого. Тем более что в номере отеля это легко можно было сделать. Проблема для Александра заключалась совсем в другом. В то время он еще панически боялся погибнуть. Ведь умереть от болезней или старости он не мог, но зато вполне мог погибнуть в результате несчастного случая или мог быть убитым. Поэтому он старался не находиться в малолюдных местах, где на него могли напасть какие ни будь случайные отморозки, не пользоваться транспортом, который мог попасть в аварию и даже ходя по улицам все время старался держаться как можно дальше от проезжей части. А тут, чтобы добраться до отеля заграницей ему приходилось сначала несколько часов ехать на машине в аэропорт, а затем лететь в самолете и опять ехать в автобусе в отель по дорогам страны, в которой не все было благополучно с дорожной безопасностью. Да в самолете его охватывал такой панический страх, что он совсем забывал о Наташе и ее домогательствах, и был способен думать лишь о том, чтобы самолет не разбился или не загорелся или не упал в море.

Разумеется, на такой отдых Александр отправлялся с очень большой неохотой. Наташа же принимала его нежелание комфортно отдыхать за нежелание расставаться с многочисленными молодыми любовницами. А она действительно считала, что у него ни одна, а именно много любовниц.

Хотя, находясь в отеле, Наташа была почти полностью уверена в том, что сексом Александр занимается исключительно только с ней и никаких наркотиков в это время он, разумеется, не употреблял, но это вовсе не освобождало ее от страданий. Напротив ее страдания даже усиливались.

Дело было в том, что находясь в отеле, они были всегда на виду. Они не могли не посещать ресторанов, пляжа, бассейна, не ездить на экскурсии. Они не могли скрыться от глаз огромного количества совершенно незнакомых им людей. Внешняя же разница их возрастов буквально бросалась в глаза, особенно на пляже. Загар делал морщины Наташи особенно контрастными. Взгляды же окружающих очень красноречиво говорили о том, что они думают об этой странной паре. Не могла же Наташа повесить себе на грудь табличку: "Я моложе своего мужа".

Александр не обращал внимания на взгляды и ухмылки окружающих, а вот Наташа очень сильно переживала по этому поводу. Конечно, хоть у нее и часто стояли слезы в глазах, но все

же она сдерживалась. Не сдержалась она лишь один раз.

Александру было уже под шестьдесят лет. В отпуск зимой они, в который уже раз, направились в Египет. А куда им еще было податься в это время года? Наташа к тому времени перелеты в более дальние теплые страны позволить себе уже не могла.

На ресепшене их встретил молодой улыбчивый и услужливый араб весьма откровенной, все понимающей ухмылкой. Его лицо выражало одновременно пренебрежение к Александру и насмешку над пожилой женщиной вынужденной за деньги, как он искренне думал, покупать сексуальные услуги чрезмерно молодого для нее человека.

Он обратился именно к Наташе за ваучером и паспортами, подчеркивая тем самым, что именно Наташу он принимает за хозяйку, а Александр, так, нечто незначительное нанятое для сопровождения и сексуальных утех. И, в общем-то, подобные пары вовсе для него не новость, и вообще эти сексуально озабоченные старухи ему надоели, но он готов отнестись к ним с пониманием.

Когда же он заглянул в переданные ему паспорта, то его лицо вытянулось в изумлении, и он в нерешительности надолго уставился на, как он уже понял, совсем необычных гостей отеля, периодически переводя взгляд с Наташи на Александра и с Александра на Наташу. Затем выражение его лица изменилось. Было видно, что в его мозгу появилась какая то мысль.

— У вас с паспортом все в порядке? Ошибки в дате рождения нет? — глядя с подозрением на Александра на неплохом русском языке спросил уже переставший улыбаться араб.

— Конечно, все в порядке. И никаких ошибок в дате моего рождения, разумеется, нет. Иначе как бы я, по-вашему, сюда добрался, — ответил Александр.

— Но вы выглядите слишком молодо для вашего возраста, указанного в паспорте. По паспорту ваша жена моложе вас, но выглядит она…, - запнулся араб, видимо не сумев, подобрать безобидное для Наташи слово, и закончил, — Так не бывает.

— Да что вы себе позволяете! — взвизгнула Наташа и, разрыдавшись в голос, захлебываясь выдавила из себя, — значит, по-вашему, я слишком старая для своего мужа? Да, кто вам вообще дал право обсуждать мой внешний вид?

— Давай быстрее ключ от номера, а документы потом, без нас проверишь, — быстро сориентировался Александр.

— Да, конечно, возьмите. Ваш номер сто двадцать два. Это очень хороший номер. Это наш лучший номер, — заискивающе протянул Александру ключ араб и начал извиняться, — извините, я не хотел вас обидеть или оскорбить, видимо испугавшись, что Наташа станет на него жаловаться.

Но его уже никто не слушал. Александр подхватил Наташу под локоть и буквально силой потащил ее на территорию отеля.

Когда они вошли в номер, Наташа тут же направилась в ванную продолжать безутешно рыдать.

Александру стало жаль Наташу. Он очень остро почувствовал свою вину в произошедшем. Не зная, как ее утешить, Александр, практически не осознавая, что делает, ворвался в ванную и начал лихорадочно сдирать с Наташи одежду, не обращая внимания на треск рвущейся ткани, разлетающиеся в разные стороны пуговицы и застежки.

— Ты, что сума сошел! Прекрати немедленно! — завопила Наташа, пытаясь вырваться из цепких и слишком сильных, для возможности реализации этого ее желания, рук Александра.

— Успокойся, я просто хочу тебе самой себя показать, — не унимался Александр.

— Ты хочешь поиздеваться надомной, как тот мерзкий араб, — совсем упавшим голосом произнесла Наташа и прекратила всякое сопротивление.

К этому моменту Александр уже сорвал с Наташи последнюю тряпочку и повернул абсолютно голую Наташу к большому зеркалу в стене ванной.

— Вот, смотри, — указал Александр на ее отражение в полный рост.

— И на что мне тут смотреть? На старуху?

— Разве ты не видишь? Какой у тебя крупный округлый женский живот, пухлая аппетитная попка, большая грудь с просто потрясающими большими сосками, как хороша форма твоих ног! Ты же потрясающе красива! Именно сейчас ты привлекательна и желанна, как никогда раньше!

— Ты смеешься надомной? Разве я могу тебя такая возбуждать? — правда, в ее голосе отчетливо слышалось, что сил отречься, от произнесенных Александром слов у нее нет.

— А это мы сейчас проверим, — сказал Александр, усаживая Наташу на столешницу раковины и стаскивая с себя брюки и трусы.

Александр не был возбужден. Вид такой обнаженной Наташи действительно уже не мог этого обеспечить. Ему нужны были более существенные стимулы. Он отклонил Наташу назад до упора ее локтей в столешницу и его руки начали медленно блуждать по ее полулежащему телу, нежно касаясь кожи груди, живота, ног. К своему разочарованию ощущая лишь прикосновения к старой коже и вовсе не к твердым, как было когда то давно, соскам. Да ее соски действительно увеличились, но они были плоскими, расплющенными, совсем не возбуждались

и оставались мягкими, какими то дряблыми. Наконец задержавшись на внутренней поверхности ее ног, он приложил усилие и развел ее ноги в стороны, но не до отказа, не широко. И пальцы его правой руки неторопливо, раздвинув ее, ставшие дряблыми и потерявшими прежнюю красивую форму губы, погрузились внутрь.

Наташа получала от Александра предварительные ласки впервые за последние примерно десять — двенадцать лет. В молодости же они были не то что регулярны, а просто обязательны во время их близости. По одному этому обстоятельству она могла бы догадаться, что сейчас Александр хочет доставить ей удовольствие исключительно из жалости. Но Наташа не позволяла даже возникнуть этой мысли в своей голове. Ей очень хотелось верить, что она действительно все еще может быть желанной для своего мужа.

Постепенно пальцы Александра увеличили интенсивность своих движений внутри Наташи. Движения Александра приобрели однообразный, быстрый ритм. Он действовал не заинтересовано, не учитывал изменений в состоянии Наташи, обратная связь отсутствовала. По существу ничего бы не изменилось, если бы вместо пальцев Александра Наташа засунула себе между ног вибратор.

Но Наташа не хотела ничего замечать. Не хотела обратить внимание на то, что Александр обращается с ее телом слишком механистически, бездушно. Она сосредоточилась на своих ощущениях пытаясь заставить себя возбудиться.

Постепенно рука Александра стала мокрой. Наташа все же выделила влагу, а затем она в возбуждении заерзала, не так бурно, интенсивно, как это бывало раньше, но заерзала. И Александр понимал, что она вовсе не имитирует возбуждение, а действительно возбуждается.

К своему облегчению он почувствовал, что тоже уже сумел возбудиться и к активной помощи Наташи для этого ему уже прибегать не придется. Ведь если бы этого не произошло, то ввести в заблуждение Наташу по поводу того, что она все еще остается желанной для него вряд ли получилось бы. Даже несмотря на сильное желание Наташи верить в это.

Александр развел в стороны ноги Наташи по шире, подтащил ее к самому краю столешницы и почему то осторожно начал в нее входить. "Надо же, как будто в первый раз", — подумал Александр. В процессе насаживания Наташи на его член все ее морщины разом приблизились к его глазам. Он отчетливо осознал, что именно их он и не хотел наблюдать на лице своей жены. Заставил себя прильнуть к ее рту и начал интенсивно ее

трахать, уже к своему неудовольствию зная, что, несмотря на то, что сумел самостоятельно возбудиться, процесс все равно будет продолжительным.

Как раз в самый разгар их занятий, по распахнутой настежь входной двери номера тихо постучал араб, доставивший багаж. Ему никто не ответил. Потоптавшись немного у порога, он втащил чемоданы в маленький коридор номера и осторожно заглянул в оставшуюся открытой ванную.

Сцена в ванной не вызвала в нем интереса. Он испытал лишь чувство досады. Араб понял, что чаевых ему не дождаться и поплелся обратно на ресепшен думая: "Какие же странные эти русские? То из-за ничего устраивают сцену, начинают плакать. Специально выжидаешь, когда они, наконец, успокоятся. Притаскиваешь их чемоданы, а они уже помирились и вовсю трахаются. Никак к ним не приноровишься. А эта старуха, наверное, хорошо платит. Вон, как ее молодой любовник старается". Если бы носильщик владел русским языком так же хорошо, как менеджер на ресепшене, то он бы знал, что все было не совсем так, как он себе представлял и эти странные русские представляют собой весьма необычную пару, но он с трудом мог понять и произнести по-русски всего несколько коротких фраз.

Наташа впервые за много лет испытала оргазм, когда и она и Александр находились в нормальном состоянии в ходе совершения нормального полового акта, и ей уже казалось, что она сама сильно преувеличивает свои проблемы с постарением по сравнению со своим мужем, и араб на ресепшене уже не представлялся таким мерзким. Более того, она была ему даже благодарна, так как понимала, что не будь этой сцены на ресепшене Александр бы так и продолжал бы скрывать свои чувства. И самым удивительным было то, что она действительно считала тогда, что Александр скрывал все последние годы свои чувства к ней. При этом она так и не озадачилась вопросом, зачем ему это было нужно?

Тогда настроение Наташи заметно улучшилось, она успокоилась, стала более уверенной в себе, но жесткое наблюдение за своим мужем и ежевечерние домогательства все же не прекратила. По возвращении же домой все ее иллюзии и вовсе очень быстро развеялись.

К шестидесяти годам Александру уже надоело абсолютно все работа, жена со своими бесконечными приставаниями и комплексами по поводу своего старения, заметно постаревшая любовница Ольга, к которой он успел привыкнуть и уже знал обо всех ее поступках заранее. В результате службу он забросил практически совсем и совершал минимальное количество

действий, которые уже можно было не делать только в том случае, если просто бросить работу. И он без сомнений потерял бы должность, если бы не его пред пенсионный возраст. Ему просто давали доработать, но речи о том, что он будет продолжать работать в пенсионном возрасте, уже никто не вел.

Когда то он хотел омолодиться, чтобы не состоять в группе граждан дотягивающих до пенсии. Теперь же оказалось, что оставаясь физически молодым, он все равно занимался тем же самым — дотягивал до пенсии. Его организм выполнил всю программу своей жизни, а состарилось или нет его тело, ему было все равно. Он заставлял Александра выполнять предопределенную программу жизни. Даже Ольга почувствовала все это и встречалась с Александром все реже и реже.

Правда он еще считал, что избавившись от обычного финального участка своей жизни, поступил правильно и разумно. Александр ждал выхода на пенсию, полагая тем самым избавиться от необходимости ежедневно ходить на ставшую совсем уже ненавистной службу и заодно от Ольги. Он еще интересовался новыми достижениями науки и техники. Надеялся при наличии большого количества свободного времени вернуться к изобретательству, разобраться с изменениями своего организма. Надеялся второй раз попытаться начать новую жизнь. И очень рассчитывал, что эта попытка будет успешной. Поэтому, когда подошел срок подачи заявления об установлении ему пенсии по старости, Александр весьма в приподнятом настроении направился в свое районное отделение пенсионного фонда.

В комнату приема граждан отделения пенсионного фонда вошла инспектор — замотанная, задерганная и страшно уставшая от своей однообразной работы женщина сорока лет, но выглядящая минимум на пятьдесят пять лет в результате преждевременного постарения. Она взглянула на ожидавшего ее молодого человека и тяжело вздохнула, подумав: "Ну, почему именно мне так не везет? Опять на шизика нарвалась. Сейчас начнет требовать пенсию. А мне с ним теперь разбираться. Хорошо, если хоть тихим окажется".

— Вы пенсию по инвалидности хотите оформить? — с надеждой в голосе спросила она.

— Почему? Нет по старости, — уверенно ответил Александр.

— А разве вы уже достигли пенсионного возраста?

— Да, мне уже почти шестьдесят.

— Паспорт, — строго и одновременно жестко сказала инспектор, усаживаясь за стол напротив Александра.

Александр с готовностью молча протянул свой паспорт инспектору. В нетерпении буквально выхватив паспорт из рук

Александра, она его открыла, и даже не прочитав дату рождения, в недоумении уставилась на фотографию Александра в паспорте. Она ожидала чего угодно, но только не этого. С фотографии паспорта на нее без всяких сомнений смотрел именно человек, сидящий напротив нее, но только значительно более старый.

Все ее мысли по поводу того, что психически ненормальный молодой человек попытается подсунуть ей чужой паспорт, паспорт с переправленной датой рождения или вообще поддельный паспорт сразу лишились всякого смысла. Возникла невероятная в ее представлении ситуация. Александру ведь просто негде было взять фотографию в более старшем, чем он был сейчас возрасте. Если, конечно, только не предположить, что он ухитрился посетить свое будущее. Ее раздражение по поводу того, что к ней пришел очередной психически ненормальный человек впустую тратить время, сразу исчезло. Стало очевидным, что с этим посетителем все совсем ни так просто, как ей только что казалось.

Инспектор в нерешительности несколько раз сверила фото Александра с оригиналом, а затем самым тщательным образом проверила каждую страничку паспорта. Но так и не обнаружила никаких следов переклейки фотографии, замены страниц, внесения изменений в записи. Паспорт без всяких сомнений был не поддельным. Паспорт был настоящий.

— Что-то не так? — наконец, не выдержал затянувшейся проверки паспорта, Александр.

— Это действительно ваш паспорт?

— Конечно же, мой! Чей же он еще может быть?! — уже начал раздражаться Александр.

— Дело в том, что на фото в паспорте вы выглядите не совсем так, как вы выглядите сейчас.

— Ну, и что тут такого? Я фотографировался в этот паспорт, когда мне исполнилось сорок пять лет. С тех пор прошло пятнадцать лет, и нет ничего необычного в том, что я изменился за эти годы.

— Да, ничего особенного бы не было, если бы вы постарели, а не помолодели. У всех людей обычно с возрастом наблюдается именно процесс старения. Так молодо выглядеть, как выглядите вы невозможно даже при помощи пластических операций.

— Значит, я просто не такой, как все. Особенный я! И специально для вас стареть не собираюсь! — уже совсем начал терять терпение Александр. Ведь за те годы, которые он прожил после своего глубокого омоложения, ему очень сильно надоели и можно сказать буквально достали вопросы и всякие подозрения особенно со стороны незнакомых людей.

— Ну, я же не говорю, что вы постарели, и не призываю вас состариться. Я говорю, что вы помолодели, а, как раз этого обычно и не бывает. Поэтому мои вопросы к вам вполне обоснованы. Ладно. Давайте трудовую книжку и страховое свидетельство. Вот вам бланк заявления. Можете, пока я буду проверять документы, заполнить его.

— Извините, конечно, я не должен был так бурно реагировать на ваши слова. Но и вы поймите меня. Когда из-за не соответствия вашего возраста и внешнего вида буквально каждый начинает подозревать вас, черт знает в чем, то тут уж по неволи взвоешь, — беря протянутый ему бланк заявления, извинился Александр.

"Этого еще мне только и не хватает, и так не поймешь, как с ним поступить, а тут ведь и последствия могут быть буквально в любом случае", — подумала инспектор, прочитав, где и в какой должности работает ее нестандартный посетитель.

Между тем Александр написал заявление. Инспектор на всякий случай сверила подпись на заявлении с подписью в паспорте. И, как она уже и ожидала, подписи совпали практически идеально. "А может, это и хорошо, что он работает в администрации. Ведь отделу кадров администрации можно довериться", — подумала инспектор и сказала Александру:

— Александр Михайлович, вам придется немного подождать.

С этими словами инспектор перешла в соседнюю комнату и по телефону соединилась с начальником отдела кадров администрации области.

— Юлия Владимировна, у вас такой Александр Михайлович Игнатов работает? — после стандартного представления спросила инспектор.

— Да, работает. Пенсию оформляет? Ему уже пора, — раздался ответ в телефонной трубке.

— А, вот, судя по тому, как он выглядит, ему еще до пенсии работать и работать надо.

— Так, вас его внешний вид смущает? Знаете, лет десять тому назад он вдруг без всяких причин начал молодеть и года за три — четыре превратился в совсем молодого человека. Почему это произошло, так до сих пор никто и не знает. Конечно, все это удивительно, но вы можете не сомневаться, что нашему Александру Михайловичу действительно скоро исполняется шестьдесят лет, — заверила инспектора Юлия Владимировна.

— Спасибо, а то я уже и не знала, что думать, — сказала инспектор, кладя телефонную трубку.

Казалось бы, все вопросы были сняты. Даже заподозрить подмену было невозможно, уж слишком длительно, по словам

Юлии Владимировны, происходили изменения с Александром. И можно спокойно обычным порядком оформлять человеку пенсию, совершенно не опасаясь возникновения проблем в будущем. Но инспектор испытывала по отношению к Александру, появившуюся сразу после телефонного разговора, сильную неприязнь, которая постепенно перерастала в самую настоящую ненависть.

Ведь инспектор совсем не верила в самопроизвольное омоложение своего посетителя. Она подозревала, что этот человек нашел способ, как избавиться от старости и болезней, который никак не могут найти многочисленные поколения ученых. И судя по тому, что нашел он этот способ уже никак не меньше чем десять лет тому назад, делиться своим достижением с остальными людьми он явно не собирается. А значит, она успешно преждевременно превратится в старуху, ее мать совсем недавно умерла, и всего этого могло бы и не быть, не скрывай этот человек свою находку. И ей было совершенно неважно, по каким причинам этот человек не желает помочь людям. В том, что люди продолжают стареть, болеть и умирать от старости, с сегодняшнего дня, для нее лично виновен был Александр.

Но это еще были не все ее претензии к Александру. Она, как сотрудник пенсионного фонда, очень хорошо осознавала, что проживет этот гражданин очень долго, и все это время будет получать пенсию, фактически паразитируя на человеческом обществе и она, ее дети, внуки, правнуки и возможно даже более отдаленные потомки вынуждены будут содержать этого человека. Да и можно ли было его при столь значительных изменениях в организме все еще продолжать считать человеком?

Она ощущала себя обманутой самым наглым образом. Ведь человеческое общество выплачивать пенсию по старости обязалось вовсе не по достижении определенного возраста, а фактически из-за утраты работоспособности. Просто существовал определенный возрастной порог, по достижению которого у большинства людей в значительной степени утрачивалась работоспособность. И этот возрастной порог использовался из-за соображений удобства. Гражданин же, сидящий сейчас в соседней комнате, скрыл от общества существенные изменения в своем жизненном цикле и фактически превратился в мошенника.

И еще инспектор подумала, что, конечно, один такой человек не сможет оттянуть на свое содержание сколько-нибудь заметных средств. Но ведь таких людей может оказаться много. У нее же не было гарантии, что ей встретились абсолютно все подобные граждане. Тогда проблема могла оказаться гораздо серьезнее. Пенсионная система и так была не сбалансирована и с трудом сводила концы с концами. В связи с этим в самое ближайшее

время ожидалось существенное увеличение возраста выхода на пенсию.

Повышение пенсионного возраста никак не обосновывалось биологически. В массе своей люди вовсе не стали здоровее и не сохраняли более длительное время нормальную работоспособность. Некоторое увеличение средней продолжительности жизни вообще не имело никакого значения, если только оно не сопровождалось увеличением продолжительности трудовой активности, что как раз и не наблюдалось. А это означало, что жители страны вынуждены, будут вверять свои жизни престарелым пилотам, водителям различных транспортных средств, лечиться и учиться у не совсем уже адекватных врачей и преподавателей. Полагаться на защиту физически ослабленных полицейских и военных. Наблюдать на сцене мучения уже пожилых танцоров и других артистов. Да и в других профессиях ситуация будет не лучше. Она лишь будет не столь наглядной. Тех же людей, которых отстранят от работы различные медицинские комиссии, разумеется, без установления инвалидности, ждет незавидная участь безработного или малооплачиваемого работника.

Однако молодо выглядящий гражданин, несомненно, способный выполнять любую работу успевал выйти на пенсию до повышения пенсионного возраста. Конечно, инспектор понимала, что вины этого гражданина во всех ужасах повышения пенсионного возраста нет. Во всем было виновато государство.

Это именно государственные чиновники убеждали население страны, что содержать пенсионеров должны исключительно более молодые поколения. А так, как молодые поколения становятся с каждым годом все более малочисленными, то справиться с этой задачей они уже не могут. Именно чиновники старались не упоминать, что выходящие на пенсию поколения не оставили после себя гигантских долгов, как в других странах, именно они построили предприятия, разведали месторождения природных ископаемых, создали транспортную инфраструктуру. В общем именно их трудом было создано буквально все приносящее сейчас доход. И поэтому они в праве были бы рассчитывать на получение хотя бы части этих доходов в виде пенсий, а не существовать только за счет детей и внуков. Однако все приносящее доход те же чиновники в ходе приватизации практически бесплатно передали новым собственникам и не удосужились даже взять с этих новых собственников обязательство содержать в старости людей отдавших все свои силы на строительстве и развитии предприятий.

Инспектор осознавала — никакой вины, сидящего в соседней

комнате Игнатова во всем этом нет, и быть не может, но все равно она его уже ненавидела гораздо больше, чем всех чиновников вместе взятых. Ведь чиновники были безликими, а Игнатов был вполне конкретным и находился от нее на расстоянии всего нескольких шагов.

Сначала она подумала, а не доложить ли ей об этом паразите своему начальнику? Но сразу отбросила эту мысль. Ведь начальник спросит: "Этот человек оформляет пенсию без нарушений, по закону?". И она вынуждена будет ответить: "Да, по действующему законодательству он имеет полное право на получение пенсии по старости". "Тогда идите и делайте свою работу", — проворчит начальник в ответ. Если же она будет упорствовать и попытается объяснить, что в действующем законодательстве просто не были предусмотрены подобные ситуации, так как их возникновение считалось невозможным, то, скорее всего, нарвется на выволочку начальника. В ходе, которой он обязательно и неоднократно вспомнит о срыве сроков рассмотрения документов. И инспектор нехотя поплелась завершать стандартную процедуру приема Игнатова Александра Михайловича.

Как не старалась тянуть с оформлением документов инспектор, но Александр в положенное время был уволен с государственной службы и вышел на пенсию. Причем, как государственный служащий, он получил повышенную пенсию, которая вполне позволяла ему, не работая, безбедно существовать. Да и к моменту выхода на пенсию, как оказалось, на его банковских счетах скопились пусть и не громадные, но все же вовсе и не маленькие средства.

Пенсию он получал по банковской карточке, поездки заграницу на отдых тоже в скорости прекратились. Таким образом, Александр обеспечил себе полное отсутствие всяких личных контактов с представителями государства и надолго полностью выпал, из поля его зрения надежно затерявшись среди безликой массы немощных стариков тихо доживающих свой век на пенсии.

Из всех его представлений о жизни на пенсии реализовалось лишь две вещи. У него действительно образовалось большое количество свободного времени, и он избавился от Ольги. Ольга видимо действительно была неглупой женщиной и все поняла, без каких либо объяснений, она не стала искать встреч с Александром.

Несмотря на значительное количество, ничем не занятого времени Александр вовсе не вернулся к изобретательству. Он вдруг обнаружил, что у него совсем отсутствует всякое желание

этим заниматься. Заставлять себя насильно, что-то познавать, изобретать и создавать он тоже не стал. Ведь не для этого же он продлил свою жизнь и молодость. В его понимании заставлять насильно себя практически вечно работать было бы уж совсем полной глупостью.

Дни стали проходить однообразно без каких-либо новых событий. Из дома он практически перестал выходить. Главной целью выхода за пределы дома стало посещение ближайшего банкомата. Закупкой продуктов, оплатой счетов, уборкой дома и приготовлением еды занималась исключительно Наташа. Более того, Александр все чаще, когда в доме заканчивались наличные деньги, стал посылать со своей карточкой в банкомат Наташу.

Александр часто глядел на Наташу и думал одно и то же: "Вот она уже почти совсем состарилась, но все продолжает жить полной жизнью, у нее есть желания, стремления, а я ведь не живу, я просто существую, как нечто непонятное надежно и надолго законсервированное в банке и от этого неизменное. Как же так получилось? Видимо я чего-то не учел, не понял".

По утрам Александр просыпался довольно рано. Спать тоже не хотелось. Но поднимался с кровати лишь для того, чтобы дойти до туалета и, справив нужду, тут же снова упасть в кровать, включить телевизор и затем подолгу смотреть на стену комнаты мимо его экрана. Он никогда не выключал телевизор и не переключал каналы. Это за него делала Наташа исключительно по своему усмотрению. Кроме этого Наташа приносила ему прямо в кровать тарелки с едой, которую он механически без вкуса съедал. Аппетит у него тоже устойчиво отсутствовал. И думал при этом, что хорошо бы было бы Наташу приспособить доставлять ему в кровать горшок, а еще лучше больничную утку. Ведь тогда не вставать с кровати можно было бы сутками.

Александр уже несколько лет не выполнял процедуру электроакустической стимуляции своего мозга и думал, что это в сочетании с его образом жизни приведет к его быстрому одряхлению и постарению. Но ничего не происходило тело оставалось молодым, кожа гладкой и упругой, мускулатура рельефной и красивой, так как будто он целыми днями только тем и занимался, что качался в спортзале. Видимо в его организме что-то успело переключиться и возможно даже уже навсегда.

Конечно, Наташа осознавала, что у ее мужа при его образе жизни не может быть ни молодых, ни старых любовниц, вообще никаких любовниц быть не может, но ежевечерние изнасилования своего мужа не прекратила. Александр же в определенном смысле облегчал выполнение ее задачи тем, что перестал надевать на

себя даже трусы и целыми сутками валялся в кровати или изредка ходил по квартире нагишом, не обращая никакого внимания на свою жену. Таким образом, как только она решала, что время заняться сексом уже подошло, ей не надо было ни ждать, ни искать, ни даже раздевать своего мужа, а достаточно было лишь раздеться самой, лечь рядом и начать свои обычные приставания.

Постоянное пребывание мужа в абсолютно голом виде ее совсем не раздражало, а даже нравилось. Она была готова бесконечно рассматривать это молодое, потрясающе красивое и привлекательное обнаженное тело. После того, как она пришла к выводу, что никаких любовниц нет, и Александр несмотря ни на что принадлежит исключительно только ей, Наташа вообще стала рассматривать своего мужа в качестве пусть не совсем обычного, но все же некоего продолжения самой себя. В ее представлении тело Александра являлась неотъемлемой ее частью и, конечно, рассматривание и использование столь привлекательной ее части доставляло ей удовольствие. Поэтому она заботилась об Александре, как о самой себе или как о самой драгоценной вещи, которая у нее, когда-либо была.

От секса с Александром Наташа не получала чисто сексуального удовлетворения. Да это ей было уже и ненужно. Она получала иное не менее желанное удовлетворение. И уже не могла жить иначе. Психически она была, уже не совсем адекватна и вряд ли можно было ожидать, что в будущем ее состояние улучшится. Наоборот, у Александра были все основания полагать, что дальше будет только хуже. И в его голову все чаще приходили мысли о том, что хорошо бы было ей взять и скоропостижно скончаться, избавившись самой и избавив его от всех этих бесконечных мучений. Потом он стыдился этих мыслей и начинал думать о возможности омолодить свою жену при помощи своего прибора. Он готов был пойти на отказ от своего обещания использовать свой прибор исключительно только для себя, но боялся. Дело было в том, что Наташа была значительно старше того возраста, в котором он применил прибор к себе, к тому же она была не мужчиной, а женщиной, и он понятия не имел какие из-за этого могут быть последствия. А вдруг омоложения не произойдет, а произойдет просто неограниченное продление жизни Наташи? Ведь тогда он превратит свою жизнь в бесконечный кошмар. Он хорошо осознавал, что выполнить новые исследования и разработки по преодолению нежелательных последствий он был больше не способен.

Александр продолжал периодически баловаться наркотиками, но тоже в основном по другим причинам. Он

практически смирился с регулярными приставаниями своей жены и даже понимал, что секс с Наташей, пусть и не так часто, но ему необходим. Сексуальная энергия, скапливающаяся в его молодом и здоровом теле, требовала систематического выхода. Ну, не онанизмом же ему было заниматься. При его способе существования других вариантов разрядиться у него просто не было.

Только под действием наркотиков теперь у него появлялись желания, пусть и идиотские, но он сам по своей воле начинал активно функционировать. И наглотавшись дряни Александр с воодушевлением избивал и насиловал собственную жену до полной потери сил. Самое главное у него даже на следующий день оставалось ощущение активной жизни. Жалкое и бездарное существование, хоть и немного, но отступало.

Так, при полном отсутствии в жизни, каких либо значимых событий, прошло больше пяти лет с момента выхода на пенсию Александра. У Александра в очередной раз кончились наркотики. Он с трудом заставил себя собраться и пойти за очередной дозой.

За годы употребления наркотиков он обзавелся постоянным поставщиком, который специально для него доставлял наркотики очень высокого качества и употребление, которых не было связано с внутривенным введением. Правда платил он за них по двойной цене, но зато и шансы того, что ему подсунут какую-нибудь дрянь были сведены к минимуму.

Подойдя к скверу у центральной площади города, в котором без выходных и праздников с раннего утра до позднего вечера ошивался Юра — распространитель наркотиков, Александр заметил, что Юра занят разговором с девушкой. И ему ничего не оставалось, как остановиться в некотором отдалении от них.

Девушка явно срочно нуждалась в очередной дозе, и она пыталась уговорить Юру дать ей дозу без денег, но Юра, как ему было и положено, был непреклонен.

Александр присмотрелся к девушке, и к своему удивлению, признал в ней свою соседку по дому Машу. Он не встречался с ней уже года три — четыре. За это время она сильно повзрослела. По его подсчетам Маше едва должно было исполниться семнадцать лет. Как он слышал от Наташи, ее родители — алкоголики совсем недавно погибли толи в ДТП, толи еще по какой-то причине. И теперь она жила одна, и непонятно на какие средства.

Юре никак не удавалось избавиться от назойливой Маши. Александр, потоптавшись немного, не выдержал и решительно направился к Юре.

— Дай ей, я за нее заплачу, — подойдя вплотную к Юре, тихо

произнес Александр, а затем добавил, — мне как обычно.

Юра тут же с облегчением сунул в руку Маше маленький пакетик, и не слова не говоря, быстро направился к выходу из сквера. Маша тоже поплелась за ним к выходу, а Александр присел на скамейку в ожидании, когда Юра извлечет из своего тайника особый товар для особых клиентов.

Минуты через три Юра вернулся, и Александр получил товар и расплатился. Юра, видимо, желая подчеркнуть свое уважение к такому клиенту, как Александр, последнее время всегда брал с него деньги после передачи товара, что в этой среде вообще-то было не принято.

— Дядя Саш, вот уж не думала, что ты тоже подсел, — окликнула его Маша при выходе из сквера. Она так называла его с самого раннего детства.

Было видно, что ее прилично колбасит, но она все равно терпеливо ждала его, спрятавшись за кирпичным столбом ворот.

— Я, нет. У меня ломки не бывает, а вот у тебя, я вижу, бывает. И, как тебя угораздило? Да, что теперь говорить, — со вздохом обернулся Александр к Маше.

— Да сдуру. Но, все равно спасибо. Очень выручил. Вот только денег у меня нет и, наверное, уже никогда не будет.

— Забудь, не нужны мне твои деньги. Можешь не отдавать.

— Пожалел, значит? А жалеть меня не надо. Да, денег нет, но я отработаю.

— Как, это? — не понял Александр.

— Ну, ты, что дядя Саш, маленький что ли? Трахнешь меня, а хочешь отсосу у тебя, — грубо, как само собой разумеющиеся вещи, предложила Маша.

— Но я вовсе не рассчитывал с тебя что-то получить. Тем более принуждать тебя совершать такие вещи.

— Брезгуешь, да? Я, что уже так плохо выгляжу, что со мной уже ни один нормальный мужик никаких дел иметь не захочет?

— Да нет. Ты еще в порядке и к тому же совсем молодая еще. Просто все это для меня как-то неожиданно, — поспешил ее успокоить Александр.

— Хватит тут сопли размазывать. Если я действительно тебе не противна, то пошли ко мне. Не хочу должницей оставаться.

— Ну что ж, если сама этого хочешь, то пошли, — неожиданно для самого себя вдруг проговорил Александр.

— Вот сразу бы так, я, ведь, терпеть уже почти не могу, — с укором сказала Маша и быстро устремилась вперед суетливой походкой классического наркомана со стажем.

Еле поспевая за ней, Александр думал, почему он вдруг поддался на эту авантюру? Ведь, что бы он там ни говорил ей по

поводу того, что она еще в порядке, одни ее впалые глаза с большими контрастными синяками под ними чего стояли. К тому же она была несовершеннолетней. Правда, лишь по календарю, а не по жизни. Однако чисто формальная сторона этого вопроса в любом случае ни куда не девалась. Но почти сразу сообразил. Маша была совершенно не похожа ни на Наташу, ни на Ольгу, она была совсем из другого мира. Опять сработала его погоня за новыми ощущениями. Даже на подсознательном уровне, захотелось испытать, каков будет этот секс с несовершеннолетней почти не контролирующей ни себя, ни окружающее, на самом дне выгребной ямы этой жизни. При полном отсутствии, каких либо приличий и моральных ограничений, причем с обеих сторон.

Почему себя так вела Маша? Александр тоже быстро догадался. Ей нужна была доза не только сегодня, но и в будущем и чем дальше, тем больше. А Александр рассматривался ею, как возможный источник получения ею наркотиков в будущем хотя бы и изредка. Ради этого она была готова пойти, на что угодно и перешагнуть через что угодно. И ей было плевать, на то чего пожелает через пятнадцать минут дядя Саша и каким уродом в конечном итоге он может оказаться.

Они добежали до дома невероятно быстро, менее чем за пятнадцать минут. Маша не захотела ждать автобуса, потому что просто не могла. Находиться постоянно в движении ей было легче. Александр, воровато оглядываясь по сторонам, быстро проскользнул за ней в подъезд. Не в свой подъезд, а в соседний.

Сказать, что Машина квартира представляла собой жуткий сральник выкинутый на самую отвратительную помойку в радиусе ста километров — это значит, ничего не сказать.

— Дядя Саш, у тебя какие ни будь особые пожелания, будут? Или мы просто обычным порядком перепихнемся? — деловито и одновременно торопливо спросила Маша, как только Александр закрыл за собой дверь.

— Для первого раза, я думаю, обойдемся без извращений, — уверенно, как хозяин положения, имеющий все права выбирать, ответил Александр.

— Вот и хорошо. Ты только обожди немного. Я сейчас по быстрому уколюсь и минут через пять, как поплыву, можешь делать свое дело, — с облегчением в голосе, и совсем не обратив внимания, что Александр предусматривает продолжение их отношений в будущем, сказала Маша. — Да, в коридоре стоит коробка с презервативами. Возьмешь. Меня ими борцы с распространением СПИДа, наверное, до конца моей жизни снабдили.

Проговорив инструкции, она практически бегом устремилась

на кухню, где суетливо трясущимися руками приготовила себе дозу. Затем прошла в зал. Уселась в полулежащей позе на покрытый громадным количеством различных пятен, проваленный с наполовину ободранной и свисающей лохмотьями обивкой диван. И не обращая никакого внимания на с любопытством наблюдающего за ней, стоящего в центре комнаты Александра, молча вколола себе дозу.

Через некоторое время Машу перестало трясти, ее тело обмякло и расслабилось, глаза полу прикрылись и закатились. Связь с окружающей обстановкой ею почти полностью была утрачена.

Александр выждал еще немного, наблюдая за практически неподвижной и почти полностью сползшей по дивану Машей. Затем вздохнул, понимая, что порядочный человек не должен пользоваться затруднительным положением девушки, и зачем-то взял и снял с нее босоножки и всю одежду. При этом Маша не противилась его действиям, но и ничем ему не помогла.

Нормально положив Машу на диван, он с грустью и неторопливо рассмотрел ее тело.

Оно представляло собой угловатое тело девочки-подростка, которому еще только предстояло оформиться в настоящее женское тело. Но по Машиному лицу Александр смело бы дал ей тридцать лет. И он понимал, что, учитывая уже приобретенную ею устойчивую и сильную наркотическую зависимость, этому телу уже никогда не обзавестись красивыми мягкими округлыми чисто женскими чертами. Маша так и останется с маленькими не развитыми молочными железами, не появятся у нее ни нормальные бедра, ни нормальной попы. Ей вообще жить осталось совсем недолго.

Правда кожа у нее все еще была в очень хорошем состоянии и обтягивала все кости так, что по Машиному телу запросто можно было бы изучать анатомию. Только сгибы локтей были густо покрыты следами от уколов и синяками. Почти присохший живот и густая растительность на лобке создавали ощущение его необычно высокого выступания над поверхностью тела. Ее половые губы были натянуты и загнуты вовнутрь, как бывает только у совсем еще маленьких девочек. И это аккуратное, гладкое и ровное без каких либо излишних складок и морщин продолговатое углубление на самом верху лобка притягивало взгляд.

Однако ощущения Александра оказались смазаны, так как абсолютно на все его действия со стороны Маши полностью отсутствовала хоть какая-нибудь реакция. Даже тщательный осмотр Александром самых интимных ее мест не вызвал в Маше

признаков стыдливости, ни малейшей попытки прикрыться хотя бы рукой. Она так и не приложила никаких сил, для того чтобы прояснить свое затуманенное сознание и критически осознать происходящее. Эта ситуация начинала заметно злить Александра.

Вообще Александра никогда не привлекали худые женщины, он просто не воспринимал их в качестве сексуального объекта, но к лежащему на диване скелету он все же испытывал сексуальное влечение, и оно несмотря ни на что усиливалось. Возможно дело было в необычности обстановки или в необычном виде органа у нее между ног.

Несмотря на имеющееся желание, Александр все же не торопился сделать свое дело, как ему советовала Маша, когда они только вошли в квартиру.

На самом верху сваленной им на замусоренный пол, снятой с Маши одежды лежали, когда-то бывшие белыми трусики. Теперь же они были темно-серого цвета с черными полосами и расплывшимися желто-коричневыми пятнами в характерных местах. Трусики были заношены до появления в них многочисленных дырок. От Маши исходил крепкий неприятный и очень характерный запах, который усилился, как только она осталась без одежды. Было ясно, что интимной гигиеной она не занималась никак не меньше, как уже месяца два. Для Александра это было слишком.

Он не долго, думая, взял ее на руки и понес в ванную. Теплой воды не было. Газовая колонка просто отсутствовала. Остались лишь развороченные места ее крепления к стене, да заглушенные трубы. Ванна была целой, но покрыта невероятно толстым слоем налета грязи. Поэтому Александр не рискнул положить в нее Машу. Ему пришлось ее поставить, и так как самостоятельно стоять она не могла, все время удерживать ее от падения. Пустив холодную воду, Александр начал ее подмывать и заодно слегка обмывать все ее туловище.

— Зачем? Не надо, — промычала Маша, вяло, отреагировав на льющуюся, на нее холодную воду.

Александр никак не отреагировал на слабые возражения Маши. Он нашел, валяющийся на полу, обмылок и продолжил процедуру. Процедура подмывания привела к усилению его возбуждения. В ванной, конечно же, не оказалось никакого полотенца или хотя бы достаточно чистой тряпки, чтобы можно было обтереть Машу. Поэтому ему пришлось тащить ее назад в комнату мокрой и дрожащей от холода, но такой ее вид лишь еще больше усилил его желание.

Войдя в комнату, он уже не хотел больше себя сдерживать. Но ему пришлось положить Машу на диван, для того чтобы

аккуратно снять с себя брюки и трусы, так как не хотел допустить самопроизвольного их падения в мусор на полу. Затем обуться, так как перспектива ходить необутым по мусору его так же не прельщала. Вынужденные задержки раздражали его все больше.

Устраиваться с ней на отвратительного вида диване не хотелось. Окинув комнату взглядом, он ничего лучшего не нашел, как смахнуть со стола прямо на пол грязную посуду с засохшими объедками и буквально повесить Машу на освободившемся участке столешницы. Войдя в Машу сзади он начал ее быстро трахать понимая и чувствуя, что из-за наркотического опьянения она ничего не ощущает. Быстро кончив и не получив в ожидаемом объеме удовлетворения он от злости, практически без перерыва, грубо, нарочно стараясь причинить ей как можно большую боль, трахнул ее в задницу, но за все время лишь один раз, в самом начале, смог выжать из нее слабенькое и тихое:

— А-аа!

Как только Александр оставил Машу в покое, она тут же сползла со стола и рухнула в мусор на полу.

— Это никуда не годится. Больше я трахать даже не резиновую куклу, а полудохлый скелет не буду. В следующий раз руководить всем буду только сам, — сам себе вслух говорил Александр, натягивая брюки. — Что же за дрянь такую подсовывает Юра этим несчастным уродам?

Затем, выругавшись, швырнул Машу на диван и набросил на нее дырявую тряпку, которая возможно когда-то была пледом. Вышел из квартиры, захлопнув на замок за собой дверь. Маша все же умудрилась его раздразнить. Он вовсе не собирался так просто сдаваться и желал все же получить ожидаемое им от общения с Машей удовлетворение.

Теперь Александр не валялся круглосуточно в кровати, а проводил все время, глядя в окно, выходящее во двор. Он наблюдал за Машей и быстро пришел к выводу, что все ее усилия уходили на добывание денег на очередную дозу и дела у нее шли очень плохо, а доза ей требовалась слишком часто. Для него это означало легкую возможность получения над ней полного нечем не ограниченного контроля.

Вообще-то его же собственные мысли и планы в отношении Маши были ему неприятны, он понимал, что нормальный, хороший и просто приличный человек не должен делать того, что собирался сделать с Машей он. Он сам себе представлялся, как извращенец и урод, но отказаться от своих замыслов уже не мог.

Примерно через неделю Александр отправился к Юре за дозой, но не для себя, а для Маши. Уже купленные наркотики для себя им так и не были использованы. Ведь Александр нашел себе

занятие, и ему сразу стало не до них.

Он попытался сменить наркотик для Маши с целью ослабления последствий наступающих сразу после употребления, но Юра сказал, что этого сделать уже не удастся. Другие более слабые наркотики уже на Машу не подействуют, а прием более тяжелых приведет к еще более худшим последствиям. И Александр вынужденно решил, что оплату натурой от Маши он потребует до передачи ей наркотика. И тут же осознал свою готовность издеваться над Машей и не обращать внимания на ее мучения, которые она будет испытывать, исполняя его прихоти в ожидании получения маленького пакетика, превращающего ее в существо гораздо более низкое, чем любое животное. Ему действительно было плевать на нее. Главное было получить от нее то, что было нужно ему, удовлетворить свою похоть.

Дня через три Александр заметил, как с утра Маша отправилась на очередные поиски. К вечеру он увидел, что она возвращается. И по тому, как она шла, понял, что возвращается она пустой.

Александр тут же вышел из дома навстречу Маше, ни слова не сказав Наташе. Впрочем, он и раньше, особенно в последние годы, редко удосуживался объяснять своей жене, куда и зачем он выходит из дома.

Александр еле успел, когда он выходил из своего подъезда, Маша уже взялась за ручку двери своего подъезда.

— Здравствуйте дядя Саша, — заметив Александра, с очевидной надеждой в голосе сама окликнула Александра Маша.

— Добрый вечер, — после продолжительной паузы и двинувшись в ее сторону, как бы нехотя, ответил Александр. Усердно делая вид, что на улицу именно сейчас он вышел совершенно случайно.

— Для кого-то может и добрый… Плохо мне, дядя Саш. Совсем плохо. Не поможешь еще разик? — заискивающе попросила Маша, когда Александр поравнялся с ней.

Александр неохотно подошел к ней вплотную и со вздохом сказал:

— Может и помогу, если, конечно, договоримся.

— А у тебя есть и с собой?

— Есть и даже с собой. Никуда идти не надо, но я просто так не дам. Ты должна будешь отработать.

— С тобой трахнуться что ли? Так никаких проблем, — с радостью согласилась Маша.

— Значит, согласна на все?

— Конечно, мочи нет терпеть. Ну, давай пошли же быстрей ко мне.

— Давай, — сказала Маша, как только они вошли в ее квартиру.

— Нет, сначала ты расплатишься, — потребовал Александр.

— Слушай, мне совсем плохо. Давай я быстренько уколюсь, и потом можешь делать со мной все, что захочешь. Ты же знаешь, я ведь никуда не денусь. Просто не смогу. Даже, если очень захотела бы тебя кинуть. Ты же ни чем не рискуешь. А сейчас я просто никакая. Я ничего делать не могу. Мне очень уколоться надо, — стала упрашивать Александра Маша.

— Нет, меня это не устраивает. Я не собираюсь заниматься сексом с бесчувственным манекеном, — жестко отверг просьбы Маши Александр.

— Ты, что не понимаешь? Да мне так плохо, что я, наверное, прямо сейчас сдохну. А, я поняла. Ты садист и хочешь издеваться надо мной?

— Нет, не сдохнешь. От этого так просто не умирают. А будешь ты мучиться или нет мне абсолютно все равно, — слукавил Александр. Ему как раз требовалось от Маши полное и безоговорочное, причем сознательное, подчинение, которого можно было добиться только через ее мучения.

— Ну, если тебе все равно и тебе надо лишь, чтобы я осознавала происходящее, то давай сделаем так. Ты даешь дозу мне сейчас и приходишь ко мне завтра утром. Я сделаю для тебя все, что только захочешь. Я обещаю, я очень буду стараться.

— С чего ты взяла, что я захочу ждать завтрашнего дня? Я, что похож на идиота? Ты все сделаешь сейчас, а стараться ты и так будешь. Если мне не понравиться, так учти — ничего не получишь. Деваться тебе все равно некуда, — зло ухмыльнулся Александр.

— Ну, если я в таком состоянии тебя устраиваю, то чего стоишь? Не тяни, делай, что тебе нужно, — вынуждена была согласиться на условие Александра Маша, понимая, что деваться ей действительно некуда, и никто сегодня без денег наркотиков ей не даст. Получить их сегодня от дяди Саши был для нее последний и единственный шанс.

— Ишь прыткая какая. Ты все будешь делать так, как я прикажу, — явно нарочно промедлив, сказал Александр, особо выделяя слово "прикажу".

— Хорошо. Говори, чего хочешь, но только очень прошу, побыстрее.

— Так, для начала, я хочу, чтобы ты прибралась в комнате.

— Что? — У Маши от удивления буквально отвисла нижняя челюсть.

— Да, ты не ослышалась. Собери с пола мусор, ну хотя бы

замети его в угол. Застели чем ни будь чистым диван. Ведь, надеюсь, ты не думаешь, что мне приятно заниматься сексом в твоем сральнике.

Маша застыла в полном непонимании. Ее даже колотить почти прекратило.

— И долго ты стоять собираешься? Может, тебе доза уже не нужна? А ну, быстро сделала, что я тебе приказал, — прикрикнул на Машу Александр, выводя ее своим окриком из состояния ступора.

Наконец, до Маши дошло, что Александр вовсе не шутит и совсем не в ее интересах тянуть время. Она в раздражении подобрала валявшийся в комнате веник и начала сметать мусор от дивана в угол комнаты.

— Нет, дядя Саш, а ты все же садист. Тебе нравиться издеваться над людьми, — с ненавистью в голосе проворчала Маша, неумело орудуя веником.

— Разве я тебе разрешал рот открывать? Заткнись и исполняй мои приказы молча, если, конечно, хочешь сегодня свою дозу получить, — решительно пресек ее Александр. Он хотел сразу подавить ее и добиться ее полного и безоговорочного подчинения.

В шкафу нашлась большая стопка постиранного и выглаженного постельного белья, оставшегося, по всей видимости, еще от родителей Маши. Она к нему даже не прикасалась, так как потребности в его использования у нее при ее образе жизни просто не могло возникнуть, а продать его даже по бросовой цене было нереально. Выуженной из этой стопки простыней Маша застелила диван и вопросительно посмотрела на Александра.

— Ладно, пока сойдет, — сжалился Александр. — Теперь раздевайся.

Маша быстро и с готовностью стянула с себя давно вышедшее из моды старенькое потрепанное легкое платьице черного цвета в потускневший мелкий красный горошек. Решив, что дядя Саша, наконец, перестал чудить и сейчас быстренько отымеет ее, и она получит от него долгожданный пакетик.

Под платьем на ней не было ничего. Ее ужасного вида трусики только что были сметены вместе с остальным мусором в угол комнаты. По всей видимости, после первой их встречи она так ни разу и не удосужилась одеть на себя хоть какое ни, будь нижнее белье.

Стащив с себя платье, Маша тут же отбросила его в сторону и застыла в ожидании начала активных действий со стороны Александра, но он не торопился. Он стоял и откровенно

рассматривал ее.

— Ну, давай же начинай, — засмущалась Маша, пытаясь прикрыться руками от взгляда Александра.

— Опусти руки и стой ровно, — прикрикнул на нее Александр.

Она без вопросов и мгновенно исполнила новое приказание. К удовлетворению Александра Маша быстро усваивала правила игры и демонстрировала безропотное подчинение.

— Так, теперь идем в ванную, — после очень долгой паузы, вызвавшей усиление смущения Маши, сказал Александр.

— Зачем? — удивилась Маша.

— Подмоешься и вообще вся помоешься. От тебя же воняет.

После этой фразы Александра Маше по настоящему сильно стало стыдно и к удовлетворению Александра ему удалось вогнать ее в краску. Ему было мало просто безропотного подчинения, ему еще были нужны ее эмоции. И проявления эмоций он, наконец, добился. Она вся красная буквально сорвалась с места и бегом пробежала в ванную. Александр направился за ней.

— Горячей воды нет. Вода очень холодная, — жалобно сказала ему Маша.

— Восстанови газовую колонку.

— Ремонт потребует денег и много времени, а я столько ждать не выдержу.

— Тогда мойся холодной водой, — безжалостно предложил ей Александр.

— Хорошо, я буду мыться холодной водой, — упавшим голосом со слезами стоящими в ее глазах сказала Маша. — Но ты выйди, пожалуйста.

— Это еще зачем?

— Ну, как же ты не понимаешь, мне же стыдно это делать при тебе.

— Нет, я хочу убедиться, что ты помылась хорошо, а не просто слегка размазала по себе грязь.

Маша тяжело вздохнула и, сняв босоножки, полезла в ванну под почти ледяную воду. Кроме смыва грязи с ее тела, холодная вода способствовала еще и некоторому прояснению ее сознания, повышению критичности осознания происходящего с ней, что взамен некоторому снижению физических страданий усилило ее моральные страдания.

После завершения водных процедур они вернулись в комнату, где Александр, проявляя недюжинную фантазию, долго занимался сексом так, как еще никогда этого не делал. Позволяя себе и заставляя Машу делать все, что ему только приходило в

голову. Ведь ни от чего Маша отказаться не могла. Впрочем, случилось невероятное, и она пару раз даже испытала оргазм.

Уходя Александр, бросил Маше пакетик с наркотиком и сказал:

— На, колись, но только без меня. Смотреть на это никакой радости нет. Ну, что теперь поняла, что значит отработать, а то ведь так бы и думала, что достаточно просто лежать трупом, неспособным самостоятельно даже ноги раздвинуть.

Все произошедшее называлось сексуальной ролевой игрой. Александр, проживший на свете намного более полувека, раньше понятия не имел что это такое. Оказалось это весьма приятное и увлекательное занятие, придающее сексу особый аромат. И он впервые подумал, что ради получения такого сексуального опыта стоило вернуть себе молодость. Ведь ему очень трудно было даже представить себе самому возможность совершения, им чего-либо подобного, находись он сейчас в теле старика. А это значит не создай он свой прибор, то он так бы и умер не испытав ничего подобного. Правда, его продолжало смущать, что его прельщают только получения новых ощущений исключительно в области секса. Почти все блюда приемлемых для него кухонь он уже успел попробовать. Да и употребление нового блюда все же не вызывало в нем сильного удовлетворения. У него ни появилась, и никогда не было даже слабой потребности пробовать новую еду. Получение знаний, изобретательство, все виды искусства и даже всякое чтение или просмотр фильмов вообще неизменно ассоциировались у него с работой. А выполнять любую работу в любом виде он не хотел. Выполнять работу его могли заставить разве, что насильно или давление определенных обстоятельств.

На беду Александра он совсем не относился к людям, которые живут только для того, чтобы работать. Работать же для того, чтобы жить, после выхода на пенсию стало просто не нужно.

Оказалось, что человеку может потребоваться не так уж и многое: еда, секс, включая извращения, всякого вида зрелища и труд. Из всего этого в принципе не повторяющиеся вещи периодически могут постоянно появляться только в сфере труда. Все остальное, так или иначе, пусть и с незначительными изменениями, но рано или поздно по большому счету будет повторяться. И такому человеку, как Александр, через весьма не продолжительное время просто не для чего и незачем станет жить. Ведь по большому счету даже в детстве и молодости учебу и работу Александр превратил для себя в определенный вид развлечений. И этот вид странных развлечений успел ему уже надоесть. К тому же в самом процессе их получения уже ничего нового произойти не могло.

Все это Александр ни раз, уже обдумывал и осознавал свои плохие перспективы, но сейчас он с воодушевлением при помощи Маши принялся за изучение неизведанной еще им формы сексуальных отношений. Он — добровольно, а Маша — принудительно, из-за своей губительной наркотической зависимости.

У Александра появился стимул для продолжения жизни, интерес к жизни и он даже опять вернулся к выполнению регулярных процедур электроакустической стимуляции своего мозга. К нему вернулся, уже почти исчезнувший, страх случайной гибели.

Регулярно, примерно раз в неделю он за дозу покупал Машу для участия в придумываемых им сексуальных играх. В промежутках между встречами с Машей ему теперь тоже было чем себя занять. Он тщательно продумывал сценарии их игр, находил и покупал необходимый для реализации этих сценариев реквизит.

Маше, конечно, все это не нравилось, особенно из-за того, что ее заставляли играть в эти игры практически в состоянии ломки, но деваться ей действительно было некуда. Александру же доставляло дополнительное удовольствие наблюдать, как вся трясущаяся, почти превратившаяся в животное Маша выполняет его приказы. И при этом абсолютно не интересуется вопросом не соответствия его внешнего вида и возраста. Причем не притворяется, как Наташа, что это ей не интересно, а действительно этим не интересуется.

Но все это продолжалось не долго. Во всяком случае, не так долго, чтобы Маша успела надоесть Александру.

Через год, когда у Александра в голове еще оставалось много нереализованных сценариев игр с участием Маши, она умерла. По заключению патологоанатома ее смерть наступила от передозировки наркотиков. Однако Александр понимал, что имела место не просто передозировка, а употребление дешевого и совсем непригодного для употребления наркотика. А еще он знал, что с тех пор, как он начал регулярно покупать услуги Маши, ей вовсе не было необходимости идти на прием откровенной дряни, и толкнуть на это ее могли только его издевательства. Ей хотелось получить передышку. Ведь с появлением Александра ее и без того не сладкая жизнь превратилась в самый настоящий ад, отказаться от которого у нее не было возможности. Таким образом, вольно или невольно, но Александр приблизил смерть наркоманки Маши. Но он не испытывал от этого никаких моральных страданий. Он лишь сожалел о потери безропотной, на все готовой сексуальной партнерши, которая могла

поддерживать у него интерес к жизни возможно еще год или два, а возможно лишь несколько месяцев. Но даже и нескольких месяцев ему было жаль.

Александр не смог собраться для того, чтобы сразу начать искать замену Маше и вернулся к бесцельному круглосуточному лежанию на кровати в своей спальне. С той лишь разницей, что вместо Маши он попытался приспособить для своих сексуальных игр свою жену.

Окончательно свихнувшаяся к тому времени Наташа уже полностью утратила всякую способность критически оценивать свое поведение, если оно касалось взаимоотношений с мужем. И оказалось, что она тоже была готова абсолютно на все, лишь бы молодой Александр обратил на нее внимание и оставался доволен. От имевшихся у нее в молодости самоограничений ни осталось и следа. И Александр не стал отказывать себе в возможности воспользоваться этим обстоятельством.

Но глядя на старушечью фигуру, занявшую в свете ярких ламп, по его приказу, очередную позу и при этом изо всех сил старающуюся быть сексуально привлекательной, он никогда не испытывал по отношению к Наташе ничего кроме жалости или смеха. Да, Наташа, стоящая в какой ни будь непотребной позиции с покрытой глубокими складками, морщинами и старческими темными пятнами, сильно провисающей дряблой кожей, редкими седыми и убого выглядящими во всех местах ее тела волосами, с угодливой улыбкой, похожей на страшную маску, старательно демонстрирующая свои женские прелести вызывала у него только смех. Он откровенно начинал смеяться, а Наташа, неправильно истолковывающая его смех, начинала стараться еще больше, выгибаясь сильнее и раздвигая части своего тела еще шире. Тем самым только усиливая его смех над ней. Но от всего этого он совершенно перестал возбуждаться. Он окончательно перестал воспринимать свою жену в качестве сексуального объекта.

Проделывать все эти постыдные и унижающие Наташу действия Александр заставлял ее исключительно от скуки, а еще он воспринимал все это, как свою месть за годы ее назойливых и чудовищно регулярных домогательств. При этом его совсем не смущало, что Наташа была психически явно не совсем здорова.

Скука порождала у него внутреннюю пустоту, внутреннюю дрожь, неудовлетворенное стремление действовать вообще, без какой либо конкретной цели. Ему казалось, что он никак не может сделать чего-то чрезвычайно важное и нужное. При этом понимая, что эту, неизвестную ему работу, выполнить не удастся никогда. И эти неприятные ощущения он чувствовал постоянно, если только не спал. Тянущее внутренне стремление неизвестно к

чему буквально изматывало его и, отдавая Наташе, идиотские приказания он получал некий суррогат необходимых ему действий. Тем самым хоть немного и ненадолго облегчая свое состояние.

Наташу очень расстраивало, что ее старания не оказывали на ее мужа ожидаемого ею эффекта — Александр оставался не возбужденным. Утомившись от кривляний, уже без всякого приказа, она, горестно вздохнув, становилась на четвереньки и ползла к Александру, одновременно стараясь раздвинуть его ноги как можно шире. Основательно и надолго устраивалась между ними и начинала тщательно вылизывать все вокруг главного для нее органа мужа, умудряясь добираться вплоть до копчика, лежащего на спине Александра. Затем забирала в рот несмотря ни на что, остающийся все еще вялым член Александра и долго мусолила его в своем рту.

Александр совершенно неподвижно лежал на спине, никак не препятствуя действиям Наташи и, несмотря на наличие у него к тому времени большого желания, наконец, завершить все это безобразие, никак не мог возбудиться.

У него напрочь исчезали даже совсем еле заметные ощущения полового влечения, стоило ему только осознать, что вот прямо сейчас его член втягивает в себя, окаймленный многочисленными складками и морщинами, старческий рот Наташи с постоянно ставшим гнилым, зловонным дыханием, тягучей густой слюной коричневатого цвета, кровоточащими деснами, разрушенными зубами, местами накрытыми полустертыми металлическими протезами. Ее рот у Александра устойчиво стал ассоциироваться с отвратительным общественным отхожим местом, куда засунули его член и заставляют им еще во всех этих нечистотах вращать.

Конечно, Александр мог сделать над собой усилие, напрячь свое воображение и представить себе все происходящее в боле привлекательном и возбуждающем виде, но сделать это ему мешал запах Наташи. Именно отвратительный старческий запах ее тела, вызывал у Александра тошноту, не давал ему отвлечься и воспользоваться своим воображением. Даже максимально вытянув шею и отвернув голову в сторону, он продолжал чувствовать рвущийся из ее подмышек и промежности отвратительный острый запах старушечьей мочи и пота, смешанный с поднимающимися из ее желудка тяжелыми испарениями от съеденной ею на ужин пищи. Может, это было уже порождением его воображения, но он готов был поклясться, что ощущает даже слабый запах сукровицы и перхоти, исходящий от ее головы, а также вонь от микрочастиц ее испражнений,

скопившихся под ее ногтями.

Как только запах тела Наташи стал изменяться и это почувствовал Александр, он не постеснялся заявить Наташе, что она совсем уже превращается в мерзкую, дряхлую и самое для него главное нечистоплотную старуху и ей следует, прежде чем приближаться к нему, тщательно мыться. И она с готовностью и очень тщательно стала мыться каждый вечер, а затем еще обильно поливать свое тело дезодорантом. Но старость есть старость, и если в случае с молодой Машей оказалось достаточно легкого обмывания, то с Наташей уже ничего помочь не могло. Ее старческий запах просто смешивался с запахом влажной кожи и дезодоранта и этот новый аромат, исходивший от Наташи, оказался вовсе не лучше. Кроме этого даже легкое касание переувлажненной дряблой кожи Наташи вовсе не вызывало удовольствия у Александра.

Чувство вины перед Наташей и сознание того, что Наташа ни в чем не виновата и представляет собой невольную жертву его глупого эксперимента, уже почти совсем покинуло его мозг. И он стал смотреть на их взаимоотношения иначе. Александр уже перестал понимать, на каком основании Наташа присвоила себе его тело и пользуется им

столь бесстыдно для удовлетворения своих потребностей. Почему она считает себя вправе не считаться с ним с его чувствами? Действительно ли она настолько выжила из ума, что не может осознать необходимость, к обоюдному благу, их расставания и не способна осознать унижающего ее достоинство его обращения с ней?

Однако Александр так и не нашел в себе сил для того, чтобы уйти от Наташи. Его страшила необходимость в этом случае заниматься устройством своего быта. Он предпочел продолжать терпеть возле себя полоумную старуху.

Наконец, Наташины труды давали свои закономерные результаты, и член Александра, словно пытаясь покинуть тухлый рот Наташи, если уж Александр сам не предпринимал для этого ничего, раздвигался на всю свою длину. При этом он почти весь вылезал из ее рта. Внутри оставалась практически одна головка. Тогда Александр мстительно толкал его ей в рот в самую глотку. Наташа давилась и кашляла, а Александр, понимая, что при помощи такого орального секса рискует вообще не кончить, быстро заставлял ее сесть верхом на себя, самой насаживаясь на его член и потом самой же с максимально возможной интенсивностью отжиматься. Тошнотворный запах, источаемый ее телом, сразу усиливался, но оставаясь в покое, и не затрачивая физических усилий, он мог позволить себе хотя бы гораздо реже

вдыхать ее ароматы.

Так однообразно, без каких либо событий, незаметно и субъективно очень быстро для Александра, прожил он с Наташей более десяти лет.

Даже Анна в эти годы заезжала к ним всего по два раза в год — на их дни рождения и при этом ни разу не осталась ночевать. Ее очень сильно злил образ жизни ее родителей, и она вовсе не хотела на все это смотреть. Да и с матерью, из-за появления у нее странностей, она уже не могла нормально, как раньше, общаться. Поэтому, как только она убедилась, что повлиять на мать уже не в силах, то предпочла предоставить своим родителям полную свободу и максимально избавить их от своего присутствия и своих критических комментариев по поводу их образа жизни.

Совсем не так Александр представлял себе свою жизнь после возврата себе физической молодости. Он думал, что его жизнь превратится в бесконечный праздник удовлетворения его желаний. А оказалось все не так. Оказалось, желания просто не существуют и в будущем вряд ли могут появиться. А все те желания, что у него, как он думал, были, оказались все сплошь фальшивыми, совсем ему не нужными, для удовлетворения которых он оказался не готов работать, затрачивать хотя бы минимально необходимые усилия.

Хоть и сравнительно медленно, но Наташа постепенно дряхлела, и незаметно подошло время, когда у нее уже не стало сил на ежедневные занятия сексом. Она перестала выдерживать физические нагрузки, а Александр отказывался от активного функционирования и издевательски упрекал ее:

— Ты, что старуха, не понимаешь? Мне нужна женщина каждый день. Если не можешь исполнять свои обязанности, так сдохни. Освободи место той, которая сможет.

Постепенно Александр совсем перестал называть свою жену по имени, а исключительно стал называть ее старухой. И если, что-то и говорил ей, то это были ругательства или указания, отдаваемые им в грубой форме.

Наташу страшила вовсе не возможная скорая ее смерть от старости, а то, что ее место возле ее драгоценного мужа может занять другая женщина и самым для нее ужасным была сама возможность появления другой молодой женщины еще до ее кончины. Но, как она ни напрягалась, ни старалась, а добиться того, чтобы Александр кончил, ей удавалось сначала один раз в два дня, потом раз в три дня, потом раз в неделю, а потом и еще реже. Все чаше у нее стали появляться дни, в которые она даже не пыталась приступить к занятиям сексом.

К счастью для них обоих, Наташа не болела, полностью одна

вела домашнее хозяйство, обслуживая не только себя, но и Александра и умерла во сне от внезапной остановки сердца. В то время Александр был уже совершенно не готов, чтобы взять на себя заботы о своей престарелой жене. И одновременно при живой Наташе не решился бы на внесение значительных изменений в течение своей жизни.

* * *

Проснувшись утром и обнаружив возле себя уже холодный труп своей жены, Александр не испытал ни радости, ни горя, а испытал чувство облегчения и удовлетворения.

Смерть своей жены он воспринял, как некий знак свыше о том, что он полностью отдал все свои долги своей прошлой жизни и теперь имеет полное право начать строить для себя принципиально новую жизнь. И тут же, так уверовал в эту возможность, что без всяких усилий над собой сам, один организовал, можно сказать, образцовые похороны и, не дожидаясь даже дня похорон, начал быстро избавляться от вещей Наташи. Он, недолго думая, просто выбрасывал из квартиры все, что было непосредственно связано с его женой, и в дальнейшем могло бы напоминать ему о ней.

Память его подводила. И в этом его приборчик ему помочь не мог. Он не помнил, во всяком случае, хорошо события своего детства и молодости. Он помнил все очень схематично, без чувств и ощущений. Фактически тот далекий мальчик, юноша, молодой человек Саша превратился для него как бы в героя кинофильма, который он когда то очень давно просмотрел. А, как известно, просмотреть события на киноэкране и прожить их в реальной жизни — это две большие разницы.

Зато он отчетливо во всех подробностях со всеми ощущениями помнил последние лет тридцать своей жизни, и в связи с этим не было ничего удивительного в его желании избавиться от воспоминаний о своей жене. Ведь все приятное у него с Наташей произошло в молодые годы, и именно этого он уже не мог качественно вспомнить, а все, что было в последние годы, вспоминать было стыдно, да и вовсе не хотелось.

Правда оставалась Анна, которую невозможно было взять и выбросить на помойку, чтобы не напоминала о Наташе. Александр смотрел на свою дочь и прикидывал — ее возраст был близок к его возрасту начала электроакустической стимуляции. Признаки надвигающейся старости уже отчетливо были видны на ее лице, в ее фигуре, но все же выглядела она гораздо лучше, чем

Александр перед принятием им решения о возврате себе молодости. Скорее всего, и состояние ее здоровья было в гораздо лучшем состоянии. Александр поймал себя на мысли, что, к своему стыду, он практически ничего не знает о собственной дочери. Как и чем она живет? Есть ли, и какие у нее проблемы? Хотя нет, главное в сложившейся ситуации он все же знал. После быстрого развода со своим мужем еще в молодости, она оставалась одинокой, и много лет у нее не было даже просто мужчины. Это означало, что в своей жизни она еще не испытала очень многого. "А, ведь сейчас будет в самый раз. Риск минимален. Да и потеряет она явно меньше, чем приобретет", — подумал Александр уже в самом конце поминального ужина.

— Как у тебя со здоровьем? Надеюсь, серьезных проблем нет? — спросил Анну Александр, как только после поминок они остались одни.

— Да, пока, не жалуюсь. А, что это тебя вдруг мое здоровье заинтересовало? — удивилась Анна.

— Есть у меня относительно тебя кое-какие мысли. Вот только я не совсем еще во всем уверен.

— Моя жизнь тебя ведь никогда не интересовала. А тут вдруг на мой счет мысли появились. Говори уж прямо, что тебе от меня потребовалось? — с некоторым раздражением в голосе сказала Анна.

— От тебя, ничего. Наоборот хочу кое-что тебе предложить, — решился, наконец, Александр, но, уже понимая, что время выбрал неудачно. Анна слишком расстроена смертью матери и ее сейчас явно раздражает на всем этом фоне, непонятный для нее, молодой и здоровый его вид. — Видишь ли, я думаю, что смогу тебя значительно омолодить. Омолодить на неограниченный срок.

— Как это? Разве такое уже возможно?

— Возможно. Много лет тому назад мне удалось создать необходимую технологию. В общем, сейчас ты выглядишь скорее не как моя дочь, а как моя мать. Но я могу сделать так, что ты будешь выглядеть как моя ровесница и при этом станешь абсолютно здоровой. Если у тебя сейчас есть, какие ни будь заболевания, то все они пройдут. Ты сможешь попытаться начать почти всю свою жизнь, за исключением только детства, как бы снова, испытаешь, то, что тебе не удалось по каким либо причинам испытать в своей молодости.

— Раз такие чудеса возможны и возможны уже очень много лет, то почему об этом ничего не известно? Это же сенсация, а в прессе ни слова. Или ты не договариваешь, и у твоего метода существуют нехорошие побочные эффекты? А, я, кажется,

догадалась, твой метод нельзя применять массово, — спокойно начала расспрашивать отца Анна, совсем, без ожидаемых Александром, ноток заинтересованной восторженности в голосе.

— Нет, конечно, можно омолаживать и в массовом порядке, но я не хочу давать это всем и поэтому скрываю. Тебе предлагаю только потому, что ты моя дочь. Можешь не бояться, я все проверил на себе, никаких побочных эффектов нет. Во всяком случае, хуже точно не станешь, — сразу стал успокаивать Анну Александр, решив, что она опасается применять к себе методы его омоложения.

— Тогда почему ты допустил смерть мамы? — выкрикнула Анна, гневно глядя на отца.

Александр осознал свою ошибку в истолковании слов Анны и в замешательстве уставился на свою дочь.

— С твоей матерью было все не так просто. Сначала я не хотел давать вторую молодость вообще никому кроме себя. Пойми, в самом начале, у меня было что-то вроде помешательства. Потом, время уже было упущено, она стала слишком старой, и я стал опасаться за результат. В общем, я не решился, — после долгой паузы, попытался сбивчиво оправдаться Александр.

— Скажи уж прямо, тебе она просто надоела и ты, как там мне предлагаешь, захотел начать новую жизнь. И ничего не предпринимая, ты же просто избавился от собственной жены и моей мамы, — уже плача дрожащим голосом упрекнула Александра Анна.

— Ты можешь считать, как хочешь, но это ничего не изменит. Что произошло, то произошло. Я же тебе говорю — я длительное время был не в себе, и не могу ни перед кем в полном объеме нести ответственность за то, что я сделал или не сделал. Тем более перед тобой.

— Ну, хорошо, она тебе мешала, но, что тебе мешало продлить ей жизнь, а затем просто развестись? Какая у тебя была необходимость затратить столько лет на наблюдение за ее медленным угасанием? И, вообще, я не представляю, как можно было спокойно сидеть и наблюдать этот процесс, зная, что его можно остановить.

— Прекрати! Все, что ты говоришь уже не важно! Сейчас важно только то, что я реально могу дать тебе почти бессмертие! Вот об этом надо думать! Ты, что дура?! Совсем ничего не понимаешь?! Ведь ты сейчас единственный человек, которому предложили такой шанс! — грубо прервал Анну Александр.

— Да, я действительно была бы полной дурой, если бы согласилась принять хоть что ни будь из рук человека

допустившего смерть моей матери и способного спокойно наблюдать, как вокруг него мучается и умирает громадное количество хороших людей и даже просто детей! Который способен все это остановить, но, видите ли, обиделся, и просто не желает ничем им помочь! Да ты же чудовище!

— Между прочим, если ты забыла, чудовище является твоим отцом! Уж извини, так получилось! Другого у тебя уже не будет! И у меня ни перед кем нет никаких обязательств, и думать обо всем человечестве я вовсе не обязан, и тебе тоже не советую.

— Если другого нельзя, то и такой, какой есть, мне тоже не нужен. И уж извини, но можешь считать, что у меня перед тобой тоже никаких обязательств нет.

— А вот, тут ты даже чисто формально ошибаешься. Каким бы, по твоему, плохим человеком я не был, но свои обязательства по отношению к тебе я все же выполнил в полном объеме. И сейчас желаю тебе только добра. Ну, да ладно. Сейчас ты слишком расстроена. Давай сделаем так. Ты остынешь, спокойно обдумаешь мое предложение, и мы вернемся к этому вопросу, скажем, через месяц.

— Нет, ты меня совсем не понимаешь и вряд ли уже сможешь. Хочешь жить Кощеем бессмертным — живи, но только без меня. С этого момента мы уже ничего обсуждать не будем, и никогда встречаться тоже не будем, — твердо сказала Анна и, подхватив свою сумку, решительно покинула квартиру.

— Может ты и не дура. Правильно делаешь, что отказываешься от такой вечной жизни. Ведь я слукавил, побочные эффекты есть и весьма неприятные, — тихо произнес в уже захлопнувшуюся входную дверь Александр.

"А ведь, как точно она подметила, что я стал чем-то похож на Кощея бессмертного", — затем подумалось Александру.

Потом, месяца через три, Александр попытался поговорить с дочерью по телефону, но она разговаривать с ним не стала. Они больше до самой ее смерти так и не встречались. Она, неожиданно для Александра, умерла сравнительно рано. Примерно через пятнадцать лет после смерти Наташи его разыскали по поводу получения наследства. Он оказался у Анны единственным наследником.

* * *

После разрыва отношений с дочерью Александр окончательно осознал, что настоящей семьи у него никогда не было. Да, у него была жена, была даже дочь, но все они друг для друга в силу

разных обстоятельств оказались лишь удобными попутчиками по жизни. Причем у каждого жизнь оказалась своя индивидуальная. А совместной то жизни у них никогда и не было. И он как был одиноким человеком, так им и остался.

Именно тогда Александр подумал, что для него еще не все потеряно ведь ему ничто не мешает создать новую настоящую семью, завести детей. Прожить этот период человеческой жизни иначе.

Тогда он еще не осознавал утрату для него всякого смысла в понятиях периода, этапа или отрезка жизни, в традиционном понимании существования семьи. Прошлое тоже никуда бы не исчезло и наложило бы свой всегда одинаковый отпечаток. Любая созданная им семья могла существовать в практически неизменном виде по его желанию неограниченно долго. Человек для такого образа жизни в принципе был не предназначен. И он не понимал, как это все было ужасно, что осуществи он свое желание, на свете по его прихоти появилось бы еще несколько несчастных человек.

Так до конца еще и не осознавая, что он уже давно не вписывается в традиционное человеческое сообщество, Александр решил в целях создания настоящей семьи жениться на совсем молоденькой девушке. Конечно, он мог подобрать себе опытную в этом смысле женщину, а затем омолодить ее. Но подумал, что наличие у нее опыта помешает ему сформировать из нее жену подходящую именно ему, а из неопытной молодой девушки у него было гораздо больше шансов вообще вылепить все, что угодно. Да и в случае ошибки он мог не омолаживать ее и затем просто развестись, то есть легко и просто избавиться от непонравившейся жены без последствий для нее в виде продления молодости и совершить следующую попытку с уже другой женщиной.

Мысли о создании новой семьи опять вызвали у Александра интерес к жизни. У него впервые со времени омоложения появилась приличная цель в жизни, о которой не стыдно было рассказать окружающим.

Но никому и ничего рассказывать он не стал, а месяца через четыре после смерти Наташи, все как следует, обдумав, он направился в парк на поиски новой жены. Александр решил просто повторить ту же процедуру, которую он проделал, когда нашел Наташу.

Со времен его первой и настоящей молодости парк значительно изменился. Появилось громадное количество всякого рода летних кафе, а просто лавочки стали редкостью. Кафе стояли буквально впритык друг к другу вдоль сохранившихся

заасфальтированных дорожек и почти сплошной стеной отгораживали уцелевшие деревья и кусты от дорожек.

Поведение людей также претерпело определенные изменения. Относительно молодые люди, если они только не катались на велосипедах или роликах, сидели в кафе, где им шустрые и настырные официанты практически навязывали в громадных количествах всевозможные спиртные напитки. И они пили, проводя целые вечера в убогих и пьяных беседах. Как то подсесть к кому ни, будь, Александр не мог. В кафе сидели либо большие компании, либо парочки, одиночек практически не было.

На немногих уцелевших лавочках сидели, а по дорожкам прогуливались в основном люди пожилого возраста — ровесники Александра или мамаши с малолетними детьми.

"Надо же, как все изменилось. Даже люди стали совсем другими. И ведь уже давно изменилось, а я за все эти годы так ничего и не заметил. Сидел в квартире, словно в герметичном бункере спасался от радиации. Господи, и зачем мне нужно было продлять молодость?", — в первый же день своих поисков горестно подумал Александр.

Представительницы противоположного пола на него реагировали тоже иначе. Он чувствовал их готовность познакомиться с ним. Даже тех, которые были явно заняты. Но тут все дело было не в изменении девушек. Принципиально они продолжали преследовать старые цели. Возможно, только несколько иначе чисто во внешнем своем проявлении. Все дело было в изменении внешности Александра. Теперь конкурировать с ним могли очень немногие представители сильного пола.

На третий день своих бесполезных хождений Александр присел на край скамейки, плотно и надолго занятой тремя бабульками, собираясь обдумать смену тактики своих поисков. Правда подумать ему вряд ли удалось бы. Скамейка была в аккурат втиснута между двумя кафе, из которых гремела разная музыка, доносились пьяные выкрики и хохот. Весь этот гам смешивался с громким разговором бабушек на скамейке и полностью лишал Александра возможности сосредоточиться.

Александр уже собирался вставать и отправляться на поиски более спокойного места, как заметил направляющуюся явно к нему девушку. Она еще минуту назад сидела в кафе, напротив, за сдвинутыми столиками в составе большой компании и казалось, совсем не обращала внимания на происходящее за пределами их узкого кружка. Но вот она уже шла, пересекая дорожку, прямо на Александра. Момент, когда она вставала из-за стола он пропустил.

На вид ей было не больше двадцати лет. Явно крашеная

блондинка хорошего крепкого телосложения в коротенькой, едва скрывающей трусики юбочке в босоножках на высоченных каблуках хорошо подчеркивающих ее нереально прямые стройные полные и длинные ноги. В остальном ее внешность не отличалась чем-то из ряда вон выходящим. Ее большие карие глаза неотступно и лукаво смотрели именно на Александра. И она медленно приближалась специально поставленной, для демонстрации обалденных ног, походкой. Девушка производила впечатление раскованной, способной сделать, не задумываясь без всякого стеснения, любое действие, которое ей только придет в голову.

— Привет! — с широкой улыбкой, нагнувшись к Александру и обдав его сильным запахом спиртного, произнесла девушка, как будто они были давно знакомы.

— Привет! — ответил Александр и подумал про себя, — ну, вот, искал я, а, похоже, нашли меня.

— А я тебя еще вчера заприметила. Ты какой-то странный, не такой, как все. Ты, что мамочку или бабушку сопровождаешь? — выразительно скосив глаза на сидящих рядом бабушек, с усмешкой сказала девушка.

— Нет, просто ищу с кем познакомиться, — не стал ничего выдумывать Александр.

— Да? Ну, так познакомься со мной. Я Оля.

— А я… Саша, — Александр чуть по привычке не представился по имени и отчеству. Вышло с запинкой и серьезно.

— Да ты, боишься меня что ли? Я не кусаюсь. Нет, ты все-таки какой-то ни такой. И вообще долго ты еще собираешься держать меня тут в согнутом состоянии? — снова усмехнулась Ольга. Ей очень нравился этот физически развитый, крупный и почему то выглядящий куда, как более солидно, чем парни из ее окружения, молодой человек. И она вовсе не собиралась упускать возникший у нее шанс.

Ольга понимала, что Александр был лет на пять старше ее сверстников и одет он был как то не по молодежному, старомодно что ли, но все же выглядел он солиднее не только поэтому. Было в нем что-то не так, но это самое "не так" все время ускользало от понимания ею.

— Нет, конечно, но я хочу познакомиться с девушкой для быстрого начала длительных серьезных отношений, — наконец, догадался подняться со скамейки Александр. Он осознал, что совсем не продумал детали своего знакомства с будущей женой. Он ни как не мог решить, следует ему или нет ставить в известность, стоящую перед ним первую попавшуюся девушку, об истинном значении своего возраста. Терялся в общении с

девушкой, которая фактически годилась ему во внучки.

— Значит, по твоему, я для таких отношений совсем не гожусь, — попыталась придать своему голосу оттенок искреннего сожаления Ольга.

— Ну, почему не годишься? Годишься, если ты сама, конечно, готова и хочешь вступить в по-настоящему взрослые отношения.

— Если все зависит только от меня, то тогда пошли.

— Куда? — растерялся Александр.

— Как куда? Ко мне, конечно. У меня родители заграницу отдыхать укатили. Ведь ни здесь же мы с тобой во взрослые отношения вступать будем, — рассмеялась Ольга.

— А как же твои друзья, — кивнул головой в сторону кафе напротив Александр.

— Да ну, их… Надоели, а ты все же меня боишься.

— Давай, показывай дорогу, и смотри, сама потом не испугайся, — с легкой иронией сказал ей Александр, еще раз оценивающе окидывая девушку взглядом своих через, чур, пожилых глаз. Сказался опыт общения с наркоманкой Машей, и он уже начал полностью контролировать неожиданно возникшую ситуацию.

Но Ольга не замечала, что глаза у Александра смотрят, как у человека с очень большим жизненным опытом или не хотела этого замечать.

— Нет, если тебя что-то смущает, то мы можем пока просто где-нибудь поговорить или пошли ко мне. У меня дома тоже никого, — заметив, появившуюся у Ольги неуверенность, предложил Александр и, вздохнув, добавил, — я вообще живу один.

— Зачем же? Я живу совсем рядом. Вон крыша моего дома торчит, — не захотела показывать слабину Ольга и указала рукой на возвышающуюся над деревьями крышу дома.

— Ну, как знаешь. Сама решила.

— Ты, что напугать меня вздумал. Не маленькая, не испугаюсь! — окончательно решившись, двинулась по дорожке Ольга и спросила все же дрогнувшим от волнения голосом: — Я студентка, учусь в университете, а ты, наверное, уже работаешь?

— Нет, я уже на пенсии, — вырвалось у Александра, и он чертыхнулся про себя.

— Ты, что инвалид что ли? — в растерянности спросила Ольга, недоверчиво ощупывая глазами мускулистую, на вид пышущую здоровьем, фигуру Александра.

— Для инвалида я имею слишком крепкое здоровье. Можешь считать меня рантье, — выкрутился Александр.

— Вот здорово! Значит, живешь на деньги предков, и

работать не надо! Вот бы мне так. Это сколько же должны были предки денег оставить? — успокоилась Ольга, решив, что у Александра никаких физических дефектов нет. Больной Александр ей явно был не нужен.

— Да оставил мне тут в наследство капитал один предок. Пока на жизнь хватает. Не жалуюсь.

— И ты сам один деньгами распоряжаешься? А, как же родители, разве не вмешиваются?

— Да они умерли уже.

— Извини, я же не знала.

— Ничего, можешь не извиняться, все это уже в прошлом, я привык.

Дом Ольги действительно находился совсем рядом с парком и буквально через пару минут они уже вошли в ее квартиру. Квартира была ухоженной в хорошем состоянии. Чувствовалось, что родители Ольги были вовсе не бедными людьми.

Едва захлопнув дверь, Ольга обняла Александра, сильно прижалась к нему, и наградила его страстным долгим поцелуем в засос. Так, что он опять оказался застигнутым ею врасплох. Целоваться Ольга явно умела и умела это делать хорошо.

— Разувайся, проходи, — сказала Ольга, отпустив Александра и начала торопливо расстегивать свои босоножки.

Они прошли в комнату и остановились друг перед другом почти в ее центре. Возникла определенная неловкость. Александр все еще осторожничал. Он никак не мог решить стоит или нет, ему вступать в действительно близкие отношения с девушкой, которую он впервые увидел пятнадцать минут назад. И он очень хорошо осознавал, что фактически обманывает и очень жестоко обманывает, стоящую перед ним в ожидании молодую дурочку.

— Саш, ну чего застыл? Ведь не первая же женщина я у тебя? — наконец, не выдержала Ольга.

— Нет, не первая, — почему то грустно сказал Александр и начал стягивать с Ольги майку.

— Ну, вот. Давно бы так. Сам же мне взрослые отношения пообещал, — сказала Ольга, и едва освободившись с помощью Александра от майки, сама стянула с себя свою малюсенькую юбчонку сразу вместе с трусиками.

Отступив на шаг, она принялась откровенно демонстрировать Александру свое совсем не плохое тело, видимо стараясь, таким образом, возбудить Александра. Но он к тому времени и без этого возбудился так, как будто в первый раз. Торопливо стянул с себя майку и принялся расстегивать ремень на своих широких стариковского вида джинсах.

— Подожди. Дальше я хочу сама, — остановила его Ольга и

начала стаскивать с него одежду.

— Вот это инструмент! — в искреннем изумлении произнесла Ольга, как только мужское достоинство Александра было освобождено от трусов. — Вам, парням следует показывать все заранее, а то прячете свои члены в брюках и никогда не знаешь, на что нарвешься.

Она дотянула его трусы до пола и тут же озабочено и очень цепко ухватилась за поразивший ее своими размерами, член.

— Ты все же, какой то вялый. Я, что тебе не нравлюсь?

— Нравишься, — ответил Александр, но вышло у него слишком спокойно, без страсти.

— Ничего, я сейчас тебя расшевелю. Ложись, — сказала Ольга и сильно подтолкнула его, к стоящему у него за спиной, дивану.

Александр позволил ей уронить себя на диван, а она, устроившись у него между ног, принялась, весьма умело, делать минет, одновременно позволяя его рукам без каких либо ограничений изучать ее тело. Что Александр делать умел и Ольга это его умение очень скоро, к своему удовольствию, смогла почувствовать.

К своему удивлению, она довольно быстро и сильно возбудилась, чего она раньше, когда занималась сексом со своими сверстниками, никогда не достигала. Это закономерно потом приводило к недостижению ею оргазма. Вообще Александр у нее был пятым молодым человеком, с которым у нее дело дошло до секса. И при этом до Александра она не знала, что мужские ласки могут творить с ее телом подобные вещи.

Александр, стараниями Ольги, избавился от первой быстрой спермы и позволил ей натянуть на его член невесть откуда взявшийся в ее руках презерватив. А затем и оседлать себя.

Все происходящее он уже воспринимал, как само собой разумеющееся и даже с некоторым любопытством. Ему было интересно узнать, как это происходит в среде его внуков. Он невольно сравнивал эту молодую Ольгу с той далекой уже Ольгой, его сослуживицей. Удивлялся раскованности и опытности совсем еще молодой Ольги. Ведь по части доставления удовольствия мужчине она практически не уступала той уже сравнительно пожилой Ольге, на то время, когда он впервые вступил с нею в интимную связь. А еще он подумал, что та старая Ольга все же ошиблась на счет молоденьких девочек. Хотя, конечно, в те далекие времена молоденькие девочки все же были иными. Или эта, сидящая на его члене, девушка оказалась уникальной и таких в действительности совсем не много.

Александр дождался, пока Ольга кончит, и при этом она снова его удивила. По округлившимся в изумлении ее глазам,

появлению на ее лице выражения полного не понимания, в момент достижения ею оргазма, Александр понял, что это первый в ее жизни оргазм. Он не понимал, как такое было возможно при ее таком хорошем понимании мужчины, его потребностей и желаний. По его представлениям это было недопустимо не справедливым. Ему стало жаль эту девушку, не испытавшую ранее того, что она по справедливости давно должна была получать от секса. И он перешел к активным действиям. До того, как он кончил сам, Александр, используя свою отточенную технику секса, заставил Ольгу кончить еще несколько раз. Приведя ее к полному изнеможению, но очень приятному изнеможению.

Александр, откинувшись на спинку дивана, в нерешительности, так как понятия не имел, как ему теперь следует себя вести, посидел с пару минут. Так и не определившись, он стащил с обмякшего члена презерватив, встал и направился к валявшейся на полу одежде, намереваясь для начала хотя бы одеться.

— Не надо! — мгновенно вышла из своего блаженного состояния Ольга.

— Что не надо, — в непонимании обернулся Александр.

— Одеваться не надо.

— Это еще зачем?

— Посмотреть хочу. Посмотреть на тело настоящего мужика ведь очень приятно. Тебе, что жалко, что ли? Я же вижу, ты совсем не смущаешься, — в голосе Ольги появились наигранно просительные нотки.

— А ты на сегодня, значит, еще не насмотрелась? — усмехнулся Александр.

— Нет. Сейчас на кухню пойдем, кофе пить. Я тоже одеваться не буду. Хочешь?

— Ну, если это тебе доставляет удовольствие, — сказал Александр и бросил свои трусы на диван, которые он уже успел поднять с пола. При этом он уже постоянно испытывал чувство легкого раздражения из-за того, что в их отношениях Ольга прочно удерживала лидерство. Такую ситуацию еще вчера он даже не рассматривал, как в принципе невозможную. Он ожидал долгой возни с неопытной девушкой, вообще чего угодно, но только не такого.

— Вот и хорошо, пошли, — обрадованно возбудилась Ольга.

Александр сидел на кухне и смотрел на вертящуюся у газовой плиты девушку, которая старательно принимала наиболее выигрышные с ее точки зрения позы. Изо всех сил стараясь увлечь собой первоклассного самца. Он уже был уверен, что дело обстояло именно так, самке нужен был хороший самец для

продолжения отношений, устройства своей жизни и, возможно, получения от него качественного потомства. В общем, выполнения своего главного предназначения. И в качестве такого самца сейчас ею рассматривался он, Александр. Именно поэтому в ходе разговора пока они шли к ее дому, осознанно или не осознанно, но она выяснила его материальное положение и состояние здоровья. Сегодня получение удовольствия от секса для нее было далеко не самым важным.

Конечно, в его понимании, будущая жена должна была быть не только молодой и сравнительно симпатичной, но скромной, подчиняющейся его воле, управляемой, впоследствии целиком и полностью им обученной и желательно девственницей. По своим внешним данным Ольга совсем немного проигрывала его покойной жене в молодости, но вот во всем остальном она представляла прямую противоположность тому образу, которой еще вчера рисовало его сознание. Но несмотря ни на что его уже тянуло к этой девушке, и он подумал: "А почему бы и нет? Мало ли чего я там себе нафантазировал, возможно, все это не имеет такого уж важного значения".

— Ты, кофе будешь с лимоном, а еще есть неплохой коньяк? — спросила Ольга, начав разливать кофе по чашкам.

— Давай и то и другое, — сказал Александр и уже с беспокойством подумал о том, что в трезвом состоянии Ольга ведь может вести себя совершенно иначе. И тут же осознал, что она ему уже стала не безразлична и у него на подсознательном уровне уже на ее счет сформировались определенные планы.

Ольга нарезала на блюдце лимон, поставила на кухонный стол чашки с кофе и быстро куда-то сходила за коньяком и коробкой шоколадных конфет.

— У меня, как с тобой, никогда еще не было. Умеешь ты этим делом заниматься… А ты случайно не женат? — спросила Ольга, усевшись за стол. При этом было заметно, что она смущается своего вопроса, но ей очень не терпится его выяснить.

— Нет, у меня жены нет, — с готовностью ответил Александр. Для него этот вопрос был далеко не самым сложным. Он опасался совсем других вопросов и очень надеялся, что до них не дойдет, во всяком случае, сегодня.

— Сейчас немного отдохнем, попьем кофе и снова займемся сексом, — не скрывая радостные нотки в своем голосе, произнесла Ольга.

— Ну, что ж, против этого я возражать не буду, — сразу согласился Александр. После довольно длительного сексуального воздержания ему действительно было недостаточно того, что уже между ними произошло.

И они трахались в тот день и в последующие десять дней практически не вылезали из кровати, но уже в квартире Александра. Благо у Ольги были каникулы, и она без проблем могла позволить это себе. Ольга, как и его умершая жена, оказалась весьма жадная до секса, но в отличие от Наташи она была более раскованной, занималась сексом вообще без каких либо ограничений, могла пойти без каких либо вопросов и условий на выполнение любой фантазии, что делало его секс с Ольгой гораздо более качественным, чем с Наташей. Это обстоятельство окончательно убедило Александра в том, что Ольга является как раз той женщиной, которая ему нужна для создания задуманной им вечной семьи.

На десятый день их знакомства Александр задал Ольге особо волновавший его вопрос:

— Ты хотела бы иметь детей?

— Конечно, но только не сейчас, года через три-четыре. Я ведь еще совсем молодая, да и университет хорошо бы для начала закончить, — совершенно серьезно ответила Ольга, а затем добавила: — Есть еще один важный момент. От какого мужчины рожать? Если от такого, как ты, то почему бы и нет.

— Что ж, вполне разумно, — немного помедлив, произнес Александр. — Хм… три-четыре года… Какая же это малость.

— Но не о каких детях вне законного брака даже речи идти не может, — поторопилась Ольга обозначить волнующий ее вопрос и при этом она не обратила никакого внимания на последнее замечание Александра.

— Ну, это-то препятствие легко устраняется, — сказал Александр, подумав, что опять пронесло, не заинтересовалась она, почему это он считает три-четыре года малостью.

— Но, ведь для этого… тебе надо на мне жениться.

— Если надо, так женимся, какая тут проблема?

— Тогда пойдем.

— Куда?

— В загс, конечно, заявление подавать.

— И когда же ты хочешь?

— Да хоть сейчас, хоть завтра. Чего тянуть то? — в радостном возбуждении, совершенно не думая, буквально выпалила Ольга.

— И ты готова это сделать вот так, вот сразу? Даже родителей в известность не поставив? — с усмешкой спросил Александр, а про себя подумал, что как же все в этой жизни изменилось.

— А, что мне родители? Что бы там они ни говорили, а все равно будет, как я захочу. Эй, а тебе то, какое дело до моих родителей? Может ты жениться испугался? Или ты меня совсем

не любишь? И кувыркаешься со мной так, от скуки? — уже успев расстроиться, сказала Ольга.

— Да нет, конечно. Я готов штамп в паспорт поставить хоть прямо сейчас, не вставая с кровати и начать жить с тобой, как нормальный муж с нормальной и законной женой.

— Тогда к чему все эти вопросы?

— Я просто хочу, что бы у нас все было по человечески, что бы ты могла все как следует обдумать. Да, до твоих родителей мне и правда дела никакого нет, но все же мне кажется, что их обижать не стоит.

— Да не о чем мне здесь думать. Или подумать надо тебе?

— Я же уже сказал, что готов жениться, а это значит, что я уже все обдумал.

— Ладно, если тебе так будет спокойнее, сделаем так, на этой недели вместе объявим моим родителям о нашем намерении пожениться и наследующий же день идем в загс. Так годиться?

— Годиться.

— Вот и хорошо, — с облегчением вздохнула Ольга.

Уже через два дня после разговора об узаконивании их отношений Ольга позвала Александра в гости для знакомства с ее родителями. Идя на встречу, Александр твердо решил поставить в известность и Ольгу и ее родителей о своем возрасте. Уж очень ему не хотелось начинать строить свою новую семью с обмана и умышленных недоговорённостей. Но так и не сделал этого.

Сами родители Ольги не поинтересовались его возрастом. Конечно, исходя из его внешнего вида, они даже представить себе не могли, что по возрасту сами вполне годятся в дети жениху их дочери и думали, что он старше их дочери максимум лет на пять. Поэтому отца невесты интересовали в первую очередь совсем другие вопросы. Где молодожены собираются жить, и на какие средства? А на эти вопросы Александр дал ответы, весьма удовлетворившие отца. И в конечном итоге, выбором своей дочери, родители остались, очень даже, довольны.

Однако на следующий день в загсе произошло, то чего Александр не предусмотрел. Принимавшая их женщина, так же, как в свое время инспектор пенсионного фонда удивилась не соответствию внешнего вида Александра и его возраста по паспорту.

— У вас в паспорте ошибки нет? — после рассматривания в замешательстве паспорта Александра, обратилась она к нему.

— Нет, — сразу понял Александр, какую большую ошибку он совершил, не разобравшись раньше со своим возрастом и отношением к этому обстоятельству Ольги.

— Что же, вы серьезно хотите меня убедить, что вам более

восьмидесяти лет? — с подозрением уставилась на Александра служащая загса.

— Понимаете, так уж у меня жизнь сложилась. Я не такой, как все. Но, если вам необходимо, то я могу дополнительно подтвердить свой возраст. Могу показать свидетельство о рождении, в конце концов, могу показать пенсионное удостоверение, — решил не юлить Александр.

— Саша, о чем ты говоришь? Какое пенсионное удостоверение? Какие еще восемьдесят лет? — наконец, начала отходить от внезапно свалившейся и шокировавшей ее информации Ольга.

— Что же вы, девушка собрались замуж за человека и не удосужились даже спросить у него, сколько ему лет, — укоризненно посмотрела на Ольгу служащая загса.

— Извини, я, конечно, должен был сказать тебе об этом с самого момента нашего знакомства.

— Извини, значит. Подумаешь, какая ерунда? Так что ли? Да ты же мне всю жизнь поломал, — заплакала Ольга, наконец, полностью осознав возникшую ситуацию.

Не дав возможности Александру что-то ей сказать, Ольга схватила со стола свой паспорт и практически бегом выбежала из кабинета. Александр несколько секунд в растерянности смотрел ей вслед, а затем тоже поднялся и побежал за Ольгой.

Служащая загса облегченно вздохнула и подумала, что было бы совсем замечательно, если бы она больше никогда не увидела этого, не такого как все гражданина. Она вообще не любила любые, даже самые незначительные отклонения, от привычного порядка. Вся эта история смогла так выбить ее из колеи, что у нее так и не образовались мысли по поводу того, а по какой причине этот старик выглядит, как молодой человек.

— Подожди! — нагнал Ольгу Александр на самом выходе из загса.

— Чего тебе? — с все еще стоящими в глазах слезами обернулась к нему Ольга.

— Я хочу все же знать, неужели тебе так уж важно, то, что написано у меня в паспорте, а не то, как я выгляжу и, что я собой представляю?

— Так у тебя в паспорте указан не правильный возраст? И ты вовсе не являешься стариком? — в голосе Ольги появилась надежда.

— Нет, у меня в паспорте все указано правильно, — погасил Александр возникшую у Ольги надежду.

— Какой кошмар… Значит, я действительно трахалась с дедушкой, да еще и чуть было не создала с ним семью.

— А, что такого ужасного, в том, чтобы выйти за меня замуж? И разве сексом со мной заниматься тебе было плохо? Я же не чем не уступаю любому молодому мужчине. Вон молодые по паспорту, как я понимаю, тебя даже удовлетворить то толком не могли.

— Уж и не знаю, как мне теперь тебя называть? Наверное, надо по имени отчеству.

— Зачем? Ведь выгляжу я, как молодой человек. Так, что вполне можно обойтись без отчества.

— Очень, значит, хочется Сашкой оставаться? Да? А хоть цену этого ты себе хорошо представляешь? Столько лет на свете прожил, а элементарных вещей понять не можешь. Мне, как и любой женщине, нужен нормальный, так сказать среднестатистический, мужчина не алкоголик, не психически больной или имеющий какие либо другие отклонения от нормы. Это нормальная реакция в целях защиты рода, желание иметь человеческих детей и для человеческого общества, чтобы они без проблем в этом обществе жить могли, а не пойми каких мутантов.

— Но я же не мутант. Я всего лишь продлил молодость. И это можно сделать для любого человека. Кстати, я могу продлить молодость и тебе или, точнее сказать, сделать твою молодость вечной.

Сказав так, Александр понимал, что опять, как минимум, не договаривает всей правды, так как не был, уверен можно или нет, его считать мутантом. Ведь все исследования он давно забросил. Но киборгом его назвать можно было точно, так как он вообще продолжал жить, возможно, исключительно благодаря тому, что периодически подключал к себе техническое устройство. И, что было хуже, с позиции обычного человека, еще надо было отдельно разбираться.

— Скажи, вот ты вопреки законам природы продлил себе молодость, и действительно ощущаешь себя счастливым человеком? — в упор и очень внимательно посмотрела на Александра Ольга. — Хотя нет, можешь не отвечать, я уже и сама все вижу. И тебе не стыдно предлагать, мне, еще не успевшей полностью ощутить свою настоящую молодость, променять ее и всю свою жизнь в придачу на неизвестно какую суррогатную. Возможно, я слишком молода, чтобы оценить твое предложение, и тебе нужна женщина постарше, глядишь, она будет просто счастлива, получить еще одну молодость, а для меня все это точно слишком рано.

— Извини, я действительно все не так себе представлял, да и думал больше о себе. И уж совсем никак не ожидал, что ты окажешься способна на подобные рассуждения, — сказал

Александр после длительной паузы.

— Вот спасибо, что ко всему прочему еще и держал меня за дурочку. Но ты, старый козел, еще не все понял. Ведь я до тебя уже постоянно встречалась с Мишей, а теперь он встречается с моей подругой и ко мне, увы, не вернется. А вот, тебя в моей жизни, по всем правилам, вообще быть не должно. И будет ли кто-то приемлемый для меня в моей дальнейшей жизни совершенно неизвестно. Вообще, ну кто дал тебе право влезать в жизнь потомков?

Ольга уже не плакала, а в упор и с ненавистью смотрела на Александра так, что казалось, была бы она в силах его убить, то, не задумываясь, это сделала бы.

Александр, совершенно неготовый к столь сильной реакции, даже отступил на шаг от Ольги и надолго замолчал. А Ольга отвернулась от него и решительно зашагала прочь. Он не стал пытаться ее задержать, так как понял, что это уже лишено всякого смысла.

Еще через минуту Александр уже буквально забыл про Ольгу. Она стала ему совершенно безразлична. Он, наконец, понял, о чем его пытался предупредить Алексей во сне перед самым началом разработки им своего прибора для омоложения.

Для своих сверстников он стал чужим, да и к тому же очень скоро их просто не станет. А стать своим для потомков ему тоже никогда не удастся. И все потому, что он уже перестал принадлежать человечеству, являться его частью, да и человечество было не однородным, делилось на поколения, а принадлежать можно было только к своему поколению, перескочить из одного поколения в другое поколение невозможно. Чем дальше во времени отдалялось его поколение от поколений ныне живущих молодых людей, тем шире становилась пропасть между ним и ныне живущими людьми.

Тогда же Александр понял, что никакой вечной семьи нового образца у него никогда не будет. Конечно, можно было подобрать человека для его нужд, но такой человек, скорее всего, окажется каким ни будь моральным уродом, жизнь с которым превратится в мучения. Или даже, если он найдет дурочку, которая сразу не сможет все понять, то со временем все равно и до нее дойдет реальное положение вещей и тогда она его возненавидит.

Что бы теперь Александр не думал и чего бы ни осознал, но ему предстояло как-то неопределенно долго жить, так как пойти на самоубийство он был не готов.

Глава 5 Все имеет свое окончание.

Александр совсем перестал бояться погибнуть, попав в аварию, под колесами автомобиля или быть убитым в какой либо случайной драке. Более этого он очень хотел прекратить свое существование на этом свете, но помнил предостережение Алексея от самоубийства, как большого греха. И, хотя в Бога он не верил, но все же на всякий случай гнал от себя даже мысли о самоубийстве. С другой стороны он понимал, что по теории вероятности случай со смертельным исходом обязательно произойдет и без всякого его участия в этом.

Поэтому Александр в ожидании, когда ему на голову упадет кирпич с десятого этажа или бутылка из-под вина, брошенная, не глядя, рукой допившегося до чертиков человека, проводил, отпущенную ему теорией вероятности часть жизни, в праздности и бесконечных развлечениях. Его жизнь превратилась в бесконечный праздник секса и желудка. Правда она его не радовала, но такая жизнь все же была лучше, чем та, которую он вел раньше.

Нет, конечно, он больше не пытался искать временных партнерш в парке. А о постоянной партнерше больше и речи идти не могло. Он находил их в Интернете на сайтах знакомств. Быстро научившись, по характеру объявлений без ошибочно выявлять женщин в возрасте до сорока лет готовых и более того нуждающихся в относительно непродолжительных отношениях без взаимных обязательств и последствий с молодым и здоровым во всех отношениях мужчиной, но при этом не являющихся проститутками. Напротив, эти женщины, как правило, были успешны и обеспечены.

После вступления в контакт следовала встреча с такой женщиной в живую, и если чисто внешне обоих все устраивало, то начинались встречи по местам их проживания, посещения ресторанов, туристические совместные поездки, иногда с выездами на пару недель заграницу в пляжные отели, где их сексуальные утехи выглядели более красиво. Для разнообразия Александр при выездах заграницу периодически объединялся с одной-двумя парами. С каждой из таких партнерш, как правило, отношения не поддерживались более полугода. Причем по обоюдному согласию. В этой среде никому не было никакого дела, что у Александра записано в документах, сколько ему лет. Определяющими были его внешний вид, хорошее состояние здоровья и отсутствие комплексов в сексе, способность удовлетворить сексуального партнера.

Очень быстро Александр выяснил, что такой образ жизни вовсе не дешевое удовольствие. Его пенсии и сбережений ему катастрофически не хватало.

Он вполне мог существовать и развлекаться на деньги женщин. Ведь многие из найденных им женщин даже сами пытались настаивать просто по существу на покупке его услуг, чтобы оставаться хозяйками положения. Однако это для Александра было совершенно не приемлемо, и заниматься проституцией он вовсе не собирался.

Для решения проблемы нехватки денег он сначала решил устроиться на работу по своей специальности. Извлек из дальнего ящика свой диплом и отправился по предприятиям, но очень быстро понял всю бесперспективность своей затеи.

В отделах кадров потенциальных работодателей с изумлением смотрели на девяностолетнего молодого человека, а затем с не меньшим замешательством разглядывали его диплом советского образца. Ведь такие дипломы перестали предъявлять уже, как лет двадцать пять. Потом следовал отказ в приеме на работу под предлогом того, что Александру потребуется основательная переподготовка, а, учитывая его возраст, предприятию невыгодно его на нее направлять.

Перемещаясь из одной кадровой службы в другую, он ощущал себя почти, что путешественником во времени. Причем застрявшим путешественником, который потерял способность перемещаться в другое время. Он понимал, что для окружающих он выглядит, как врач, переместившийся из девятнадцатого века в двадцать первый, и пытающийся лечит людей. А пациенты, естественно, в панике шарахаются от него.

Да и сам Александр понимал, что обычная работа ему не подходит. Ведь ему вовсе не нужна была относительно небольшая зарплата, напряженный труд с утра до вечера, отсутствие свободного времени, затрата значительных усилий на обеспечение карьерного роста и медленное повышение зарплаты в течение нескольких десятилетий при благоприятном стечении обстоятельств, а нужны были быстрые и большие деньги при сохранении свободного времени, отсутствии обязательств для беспрепятственного продолжения бесконечных развлечений. Поэтому он решился заняться Интернет-трейдингом, по сути, валютными спекуляциями — попытаться заработать на краткосрочных скачках курсов валют. Конечно, он рисковал, запросто потерять последние свои сбережения, ведь Интернет-трейдинг было очень опасное почти криминальное занятие.

Однако оказалось, что Александр вовсе не утратил своих способностей и очень удачно прогнозировал текущие изменения

курсов валют, а так же моменты времени, когда надо было изымать деньги и переходить на другие торговые площадки, где его воспринимали, как обычного новичка, а когда необходимо было вообще затаиться на два-три месяца.

По началу, к своему удивлению, он от этой игры даже оказался способен испытывать давно забытое им чувство азарта.

В результате примерно за два года Александру удалось сколотить себе состояние в несколько миллионов долларов и при этом умудриться, не привлечь к себе внимание.

Заработанные деньги он разместил в надежных банках и превратился в настоящего рантье. Причем процентов с его капитала не только хватало на текущее потребление, но и на постепенное и постоянное увеличение капитала.

После решения проблемы денег отпала и проблема несоответствия его внешнего вида и даты рождения в документах. Произошло это после перехода на полностью электронный документооборот. Все данные из свидетельства о рождении, паспорта, пенсионного удостоверения, сведения о банковских счетах и так далее, практически абсолютно все было переведено в электронный вид и помещено в единую базу данных. Для доступа к базе данных каждому человеку под кожу был внедрен микрочип, который дистанционно запускал специальные компьютерные программы при оплате товаров в магазине или пересечении границы. Человек же в этом процессе не участвовал, а программисты не научили компьютерные программы удивляться не соответствию внешнего вида и даты рождения человека или непомерно длительной продолжительности жизни человека. И на Александра перестали обращать внимание.

Причем Александр не привлек к себе внимание даже в момент своей оцифровки, так как эта процедура проходила в весьма сжатые сроки, с большими очередями и измученные чиновники практически не глядя ни на человека, ни на его документы запихивали в сканеры документы. Компьютер же отказывался принимать документы только в том случае, если документы не соответствовали друг другу. У Александра такого несоответствия выявлено не было, и ему без вопросов поместили под кожу микрочип.

Правда, совсем затеряться все же не удалось.

Незадолго до своего столетнего юбилея в своей квартире Александр приказал Юлии раздеться догола и встать на четвереньки. Приковал ее к батареи центрального отопления, принесенными ею наручниками. Начал старательно и методично хлестать ее по выставленной вверх толстой рыхлой белой заднице, принесенной ею же плетью.

Юлия не очень-то симпатичная тридцати шести летняя женщина была типичной мазохистской. Александр же давно не получавший никакого удовольствия от обычного полового акта, от скуки, все чаще соглашался играть роль садиста — все хоть какое-то разнообразие.

Телефонный звонок раздался, когда Юлия уже блаженно постанывая, старательно подставляла под удары свою задницу, а Александр разошелся не на шутку и орал на нее:

— Какая же ты дура, уродина и жопа у тебя как у макаки! Ох, что я с тобой сейчас сделаю! Пожалеешь, что на свет родилась!

— Да! — рявкнул в телефонную трубку Александр прекратив оскорблять и грозить Юлии, но, не прекратив обрабатывать плетью ее задницу.

— Александр Михайлович? — раздался незнакомый мужской голос в телефонной трубке.

— Слушаю, что надо?! — все еще не выйдя из роли садиста, грубо спросил Александр.

— Извините, если не вовремя. Это вас беспокоят с местного телеканала. Могли бы мы взять у вас интервью в связи с достижением вами столетнего возраста, — раздался в телефонной трубке слегка испуганный голос.

— Нет. Он не может, — после длительной паузы в замешательстве ответил Александр и от неожиданности даже прекратил стегать Юлию.

— А, вы, наверное, его родственник? Что он так плох?

— Да, совсем плохой.

— Очень жаль, но мы понимаем возраст ведь не шуточный. Придется обратиться к другому юбиляру. Еще раз извините за беспокойство, — участливо проговорил мужчина и отключился.

Александр облегченно вздохнул и застыл с телефонной трубкой в руках, уставившись не видящим взглядом на Юлину задницу.

— Ну, что встал. Давай продолжай. Ты же так все портишь, — недовольно проговорила, заждавшаяся продолжения Юлия.

— Закрой пасть, дура! Еще чего вякнешь, и я возьму свой ремень и выдеру тебя по-настоящему, так, что потом неделю сидеть не сможешь! — в раздражении накричал на нее в ответ Александр. И это прозвучало так серьезно, что Юлия поняла — эта угроза вовсе не является частью игры.

У Юлии с Александром проходил первый сеанс, и она осознавала, что, будучи прикованной к батарее, абсолютно беспомощна и понятия не имеет, на что способен ее новый партнер. Поэтому не на шутку испугавшаяся Юлия надолго замолчала, а Александр рассмеялся, представив себе, как перед

видеокамерой дает интервью на фоне прикованной к батарее отопления голой Юлии с плетью в руках. В этой ситуации ничего не останется, как сказать, что такие занятия обеспечивают продление молодости. И ведь найдется ни мало старых придурков, которые поверят в эту чушь и побегут орудовать плетками. "Господи, и ведь действительно, сколько же вокруг идиотов, готовых на все, лишь бы остаться жить. А тут не знаешь, как избавиться от этой жизни. Вот теперь еще от журналюг прятаться придется", — грустно подумал Александр.

Однако опасения Александра не сбылись, прятаться не пришлось. В следующий раз к нему позвонили с просьбой дать интервью лишь через двадцать лет. Видимо сменился журналист, отвечающий за рубрику. Во второй раз он избавился от журналиста так же без проблем тем же самым способом, как и в первый раз.

Больше его журналисты никогда не беспокоили. Александр посчитал, что это было связано с прекращением выдачи компьютером информации о нем. Видимо поисковая программа имела особенности, не позволяющие ей осуществлять поиск, далее какого то определенного возраста.

* * *

Был уже поздний вечер. В громадном кабинете непомерно большой площади и чрезмерно высоким потолком, уставленным массивной мебелью и обильно украшенном государственной символикой — флагами, гербами и прочими атрибутами власти, друг напротив друга за приставленным к массивному письменному столу столиком сидели двое мужчин.

Одному — хозяину кабинета на вид было лет восемьдесят. Хотя могло быть и больше, так как чувствовалось, что за здоровьем этого господина следили очень тщательно. Но, несмотря на наличие явных признаков пластических операций, все его лицо было покрыто глубокими морщинами, цвет кожи был землисто-темным. Волосы на голове были совсем редкими и седыми. Сама голова дрожала мелкой и частой дрожью. Впрочем, руки тоже заметно дрожали. Чувствовалось, что для того чтобы просто сидеть и удерживать свое внимание на собеседнике ему приходится затрачивать значительные усилия.

Второму — посетителю, на вид было лет сорок пять — пятьдесят. Его фигура для его возраста была достаточно стройной. Чувствовалось, что человек был энергичен и здоров, активно занимался спортом. И этим выгодно отличался от

сидящей напротив состарившейся развалины.

В комнате больше подходившей для зала человек на двести, чем для кабинета эти двое вполне могли бы потеряться, если бы не сидели возле массивной настольной лампы — единственного действующего светильника в кабинете. Свет от настольной лампы был способен осветить лишь малую часть кабинета и обозначал место расположения собеседников.

— Николай Васильевич, я пригласил вас, чтобы дать вам одно не совсем обычное задание. Не совсем по профилю вашего ведомства, — скрипучим голосом проговорил старик, хозяин кабинета.

— Владимир Иванович, наша служба всегда готова к выполнению любых поручений, — почтительно выразил готовность к выполнению задания Николай Васильевич, какое бы оно ни было.

"Да этому прикажи Луну с неба достать, так будет прыгать до самой последней возможности. На него можно положиться", — подумал Владимир Иванович и сказал:

— Да, знаю я, что кроме, как на вас и положиться то не на кого. Мое поручение может показаться вам не только непрофильным, но и пустяковым, не важным. Однако, не сомневайтесь, для меня лично это очень важно.

— Не беспокойтесь, выполним все в самом лучшем виде.

— Дело в том, что мой помощник просматривал тут очередной отчет пенсионного фонда и в графике распределения выплаты пенсий по возрастам пенсионеров заметил одну странность. Оказывается, у нас есть пенсионер, получающий пенсию в возрасте двух сот семидесяти пяти лет. Тупые, но дотошные помощники, оказывается, бывают очень полезны. Другой бы решил бы, что это компьютерный сбой и докладывать бы никуда даже и не подумал.

— А разве это не компьютерный сбой? Очень, даже похоже.

— Во-во, наш Абрамович, руководитель пенсионного фонда, придурок, так и сказал. А вот мой помощник запросил сведения об этих подозрительных выплатах и компьютер выдал, что эти деньги в виде пенсии по старости получает некий Игнатов Александр Михайлович, и пенсия ему была назначена более двухсот лет тому назад.

— Извините, Владимир Иванович, но это все звучит, как полный бред. Такого просто быть не может.

— Может, не может, не знаю. Поэтому я и хочу, чтобы вы взяли, лежащую перед вами бумажку со всеми данными на этого Игнатова, и через день доложили мне действительно или нет, существует такой долгожитель, в каком он состоянии, и если

существует, то не мошенник ли он.

— Всего сутки? — поморщился Николай Васильевич.

— Ладно, хорошо даю три дня. Мне ведь нужна надежная, достоверная информация и ждать я уже тоже не могу, — окинул завистливым взглядом молодо выглядящего Николая Васильевича Владимир Иванович. — Да, и если это тебе поможет, можешь снять хоть всех своих сотрудников с других работ.

Ровно через три дня Николай Васильевич докладывал Владимиру Ивановичу о результатах проведенного расследования.

— Вот, Владимир Иванович, как сейчас выглядит, интересующий вас, объект, — начал Николай Васильевич, разложив перед Владимиром Ивановичем фотографии. — Есть еще видео. Если будет нужно, то посмотрим через мой компьютер.

— Да, я этому сверх долгожителю больше двадцати пяти лет ни за что бы не дал. А, что такое отвратительное качество? Фотографировать, что ли разучились? — после долгого разглядывания фотографий сказал Владимир Иванович.

— Извините, Владимир Иванович, проблема у нас с этим объектом образовалась. Мы сначала не поняли, а когда поняли, то отведенное вами время уже заканчивалось. В общем, обойти проблему не успели. Дело в том, что объект ни разу не покинул пределы своей квартиры. Фотографировать пришлось через окно, которое он не мыл лет сто, наверное. А в таких условиях, какое уж там качество? Ни один специалист не вытянет.

— Так он, что из квартиры совсем не выходит?

— Ну, почему? Выходит. Один раз в десять дней, за продуктами. По закону подлости последний раз выходил как раз накануне установления за ним наблюдения.

— А почему он на всех фотографиях, в чем мать родила?

— А зачем ему одеваться, если он сутками лежит в кровати и смотрит в одну точку.

— Неужели вот так вот сутками лежит? — удивился Владимир Иванович.

— Да, так и лежит, если, конечно, не считать его походов в туалет да на кухню, чтобы пожрать.

— Ну, а вот на этом фото, неужели онанизмом занимается? — протянул фотографию Николаю Васильевичу Владимир Иванович.

— Да, вы не ошиблись, это его основное занятие после рассматривания стены напротив кровати. Его сексуальным возможностям можно только позавидовать. Для старика это просто невозможно.

— Что же он себе бабу найти не может? При такой внешности у него никаких проблем с этим делом быть не должно.

— По имеющимся у нас сведениям он ее и не ищет. Возможно, в далеком прошлом у него что-то и было, но сейчас нам не удалось обнаружить ни одного свидетеля подтверждающего его контакты с женщинами. А организм ведь молодой сильный, сексуальная энергия требует выхода. Вот он и сцеживается, так сказать, самостоятельно.

— А может ему жить не на что? Может он с трудом концы с концами сводит? И ему просто не до женщин? Работать ведь он не работает, а на пенсию не разгуляешься.

— Нет, он очень состоятельный человек. Нами обнаружено несколько его высокодоходных счетов с весьма внушительными суммами и они медленно, но верно продолжают расти. Происхождение этих денег нам выяснить не удалось, но счета были открыты без малого двести лет тому назад и около ста лет он ими не пользуется.

— Значит, имеет возможность жить хорошо, развлекаться, но не имеет желания, не хочет, — медленно в задумчивости проговорил Владимир Иванович.

— Очень неприятный тип. Ох, совсем мне он не нравится, — тяжело вздохнул Николай Васильевич.

— Это почему же?

— Да, мутный он какой-то. Ну, посудите сами: родственников, включая дальних нет, даже друзей или хотя бы просто хороших знакомых нет, от жизни ничего не требует, ничего ему не надо. Вообще, впечатление такое, что человек ждет смерти, а жизнь доставляет ему только мучения. Такого, если что, и ухватить будет не за что. А вдруг, все, кто воспользуются его услугами, в таких же уродов превращаться будут? Может нам взять, от греха подальше, да и забыть вообще о существовании этого Игнатова?

— Уже не получиться, — с раздражением остановил рассуждения Николая Васильевича Владимир Иванович.

— Что же нам может помещать, это сделать?

— Интересовались уже, тем, что нам удалось нарыть на этого Игнатова. Между прочим, интересовался ни кто, ни будь, а сам Фальковский Михаил Абрамович, а еще Бреннер, Московский, Бердичевский, Ройзман и так далее по списку, в общем, практически все, кто финансировал мою избирательную кампанию. Не от тебя ли к ним информация ушла? — с укором в голосе спросил Владимир Иванович.

— Никак нет, Владимир Иванович. Обижаете, из моего ведомства так просто никогда еще ничего не уходило. Я думаю,

это Абрамович разболтал.

— Ну, конечно же, это придурок Абрамович. А я, старый дурак, даже не приказал ему язык за зубами держать. Хотя он все равно разболтал бы, — обреченно сказал Владимир Иванович. — Все эти господа уже весьма в преклонном возрасте и имеют в собственности практически всю страну, а деньги с собой в гроб не унесёшь. Им позарез омолодиться нужно и прямо сейчас. Так или иначе, но вынудят заниматься этим Игнатовым. Хорошо еще, что информация заграницу не ушла. Представляешь, какой бы был скандал? Столько лет проблема вечной молодости решена, а мы и сами не пользуемся, и молчим, и ничего не знаем. Да и сам я, по правде готов на любой риск пойти, лишь бы снова молодым стать и уж тем более умирать совсем не хочется.

— Понимаю. Конечно, как говориться, кто платит, тот и музыку заказывает, — вздохнул Николай Васильевич.

— Можешь не вздыхать, все равно теперь этим делом будешь заниматься до конца. Ты мне еще главного не сказал. Может этот Игнатов все же мошенник? Воспользовался чужими документами?

— Это вопрос не простой. По документам выходит, что Игнатову Александру Михайловичу действительно двести семьдесят пять лет, но вы же знаете, что все документы у нас существуют только в электронном виде и внести изменения в записи не только теоретически, но и практически можно. Было бы желание и определенные навыки, так можно подделать и даты внесения изменений. Поэтому с уверенностью могу утверждать, что этому гражданину точно немногим более ста лет, а вот все остальное может рассматриваться лишь, как возможное.

— И как же вы сто лет смогли доказать?

— Очень просто, нашли мы двадцать семь человек соседей этого странного гражданина в возрасте от семидесяти пяти до девяносто одного года. Так вот, все эти старички и старушки в один голос заявляют, что помнят Игнатова чуть ли не с младенческого возраста и выглядел он тогда, давно, точно так же, как и сейчас на двадцать пять лет. Теперь к девяносто одному году прибавляем двадцать пять и получаем сто шестнадцать лет.

— Умно. Действительно сотню доказал, и доказал достоверно. То, что полный возраст доказать так же достоверно не удалось неважно. Выглядеть в сто лет, так как выглядит Игнатов можно только мечтать. Одно это всех устроит. Наличие феномена можно считать доказанным и доказывать больше нам ничего не надо. Что посоветуешь? Как нам теперь дальше действовать?

— Я тоже считаю, что мы отчетливо фиксируем, казалось бы, совершенно невозможное событие. И доказывать тут больше

нечего. Но меня смущает, почему этот Игнатов затаился?

— Да, это выглядит очень даже странным. Ведь мог заработать славу, деньги, с него бы пылинки сдували. Значит, это выяснить не успел? Еще время нужно?

— Я думаю время нужно не совсем мне. Мы проанализировали возможные причины такого поведения и пришли к выводу, что их может быть всего три. Первая — это уникальная особенность организма и он не желает становиться подопытным кроликом. Вторая — его сильно обидели, и он в отместку скрыл свое открытие. Кстати кое, что способное его весьма сильно обидеть мы обнаружили.

— Значит, обида. Это, каким же идиотом надо было быть, чтобы допустить такое и ведь не накажешь. Вымерли эти идиоты и уже давно, — возмутился Владимир Иванович.

— Третья — он просто шизик, — монотонно продолжил Николай Васильевич, без какой либо реакции на замечание Владимира Ивановича.

— Что значит шизик?

— Ну, шизофреник, психически больной. Возможно, у него мания преследования. Вот, он всего и боится. Поэтому и прячется буквально от всех.

— И вы, действительно думаете, что психически больной человек мог обеспечить себе вечную молодость? — засомневался Владимир Иванович.

— Вообще-то есть такое мнение, что все гении немного того, — покрутил пальцем у виска Николай Васильевич. — Нужна основательная медкомиссия. Пусть врачи его осмотрят и скажут, психически здоров он или нет, и есть ли в его организме, какие либо особенности, отличия от большинства людей.

— Что ж нам теперь, все это в районной поликлинике объяснять?

— Зачем? У нас же целая академия имеется, институты геронтологии имеются. Вот пусть академики — геронтологи под видом своих геронтологических исследований в местной поликлинике и проведут обследование Игнатова, а вместе с ним заодно пусть здоровьем и остальных проживающих в районе долгожителей поинтересуются. Им это в любом случае полезно будет.

— Ох уж, эти мне наши геронтологи, — горестно вздохнул Владимир Иванович. — Сколько лет говорят, что вот-вот проблема старения будет решена, а практически у них решается только получение финансирования да степеней, званий и наград. Ну, как таким можно довериться? Они же все провалят.

— Других все равно нет. Если бы были, то сейчас мы совсем о

других вещах говорили бы. Нет, конечно, в моем ведомстве врачи есть, но они предназначены совсем для другого. Вот, если из этого, Игнатова, информацию придется выбивать, то они пригодятся, но это будет очень плохой сценарий. Гораздо надежнее получить от него все по доброй воле, а то ведь он может и такого насоветовать, что не омолодишься, а скоропостижно скончаешься. Опять же оценить полученную информацию, правильно вопросы сформулировать, специалисты нужны. У каждого своя специализация.

— Тогда руководство академиками и контроль за ними возьми на себя, — после длительной паузы выдавил из себя перепуганный Владимир Иванович, который привык постоянно ощущать себя в полной безопасности, а тут он вдруг осознал, что возможны ситуации, при которых ему никто ничего гарантировать просто не сможет.

— Предлагаю действовать более деликатно. Присмотреть за академиками, я, конечно, присмотрю, но только негласно. А то наши академики занервничают, начнут вести себя неестественно, неизбежно поползут слухи. Нам ведь огласка не нужна, тем более такая скорая. Хорошо бы об этой истории при любом ее исходе никогда никто ничего не узнал. Разумеется, за пределами определенного круга лиц.

— Это-то понятно, но как же можно в темную задействовать медиков?

— А мы выберем один институт и вы его директора поругаете за отсутствие результатов, поинтересуетесь знает ли он о сверх долгожителе, а потом сетуя, что вам буквально каждой ерундой приходится заниматься пока те, кому полагается этим заниматься по долгу службы спят, прикажете ему лично в кратчайшие сроки провести обследование всех долгожителей в районе проживания Игнатова и вам доложить результаты.

— Вы думаете, что приказ должен отдать именно я?

— Конечно, так больше шансов, что академик обследование проведет на самом деле, а не подсунет нам липовый отчет, и не станет перепоручать эту работу, кому ни будь еще. При этом само задание он, скорее всего, воспримет как очередную блажь начальства. И организует все в форме обычного рутинного научного исследования. Так, что в поликлинике на базе, которой будет проходить обследование всех долгожителей без исключения, проживающих в районе вряд ли чего заподозрят. Да и наш премудрый пескарь тоже сочтет это обычной научной работой, а если чего и заподозрит, то ведь человек склонен верить в то во что ему хочется верить. Ну, а детальный план всей этой операции разработают мои аналитики.

— Ну, хорошо, принесут мне отчет и что мне с ним делать?

— А, это будет зависеть от того, что в нем будет написано. Если из отчета будет следовать, что наш молодой долгожитель имеет какие либо особенности организма, то прикажите геронтологам взять его в свои лаборатории и пускай хоть на мелкие кусочки его разрежут, но поймут, как все это работает и, главное, как все это использовать. Разумеется, предупредив их о неразглашении ставшей им известной информации.

— Ну, а если у этого Игнатова никаких особенностей не обнаружат?

— Это однозначно будет означать, что этот гражданин является гениальным изобретателем. Тогда пошлете к нему геронтологов для того, чтобы они без шума, как можно деликатнее купили или заполучили иным образом его изобретение и всю необходимую информацию.

— Ох, Николай Васильевич, и хитрый же ты мужик. Как ловко стрелки на других переводишь. Как у тебя все четко и логично получается, — с укором посмотрел прямо в глаза Николаю Васильевичу Владимир Иванович.

— Да я же все исключительно для пользы дела, — криво ухмыльнулся Николай Васильевич и тут же с тяжелым вздохом добавил: — Я был бы счастлив, если нам бы действительно удалось бы с Игнатовым просто договориться, но мое чутье подсказывает мне, что ничего он нам и не за какие деньги не отдаст. Ох, придется мне выходить из тени и явно подключаться к этой операции, и дай нам Бог, чтобы удалось из Игнатова выбить необходимую информацию. Я ведь совсем в этом не уверен.

* * *

У Александра всегда был хороший сон нормальной продолжительности. Он уже не в состоянии был себе представить, что такое бессонница, как это проснуться не выспавшимся и какие при этом бывают ощущения. Все это давно и окончательно улетучилось из его памяти.

Александр открыл глаза и с сожалением осознал, что опять не умер, а проснулся в надоевшей до крайности ему своей спальне и произнес, ставшую уже традиционной фразу:

— Господи, ну когда же все это кончится.

Над ним был все тот же покрытый густой причудливой сетью трещин, требовавший уже очень давно ремонта, потолок. Его, страдающий от недостатка новой информации мозг, как бы это было невероятно, но всегда замечал образование новой трещинки

и отмечал этот "важный" факт в сознании Александра. Фиксация появления новых трещин на потолке раздражала. Александр неоднократно пытался избавиться от этого, но каждый раз его глаза сами собой, помимо его воли фиксировались на новой трещине.

Сегодня новых трещин не появилось. Они вообще появлялись все реже и реже. Видимо потолок приближался к некоему критическому состоянию, при котором образование новых трещин на его поверхности становилось уже невозможным. Теперь следовало ожидать полного или частичного обрушения потолка и Александр с сожалением думал, что обрушение потолка вряд ли сможет привести к его гибели и вообще по закону подлости оно может случиться, когда он будет отсутствовать в спальне.

Мочевой пузырь настойчиво требовал скорейшего опорожнения, но Александр проигнорировал это обстоятельство, закрыл глаза, чтобы не видеть опостылевших стен и потолка своей спальни, и занялся своим, ставшим традиционным занятием — попыткой последовательно вспомнить, как выглядели его мать, отец, брат, жена Наташа, дочь Анна. Но вместо четких узнаваемых образов в его мозгу всплывали размытые обобщенные фигуры вообще мужчин и женщин. Он не помнил, как выглядели даже его самые близкие люди.

Конечно, он легко мог освежить свою память, достав альбом со старыми пожелтевшими от времени фотографиями. Раньше он именно так и поступал с периодичностью в двадцать — тридцать лет. Однако потом Александр осознал, что фактически довольствуется схематическими образами своих близких, так как плоские, маленького формата изображения на бумаге искажали реальный внешний вид его близких, не передавали мелких подробностей, таких как структура кожи, морщинки и тому подобные важные подробности. Часть фотографий была вообще черно-белыми, а те, которые были цветными, имели отвратительную цветопередачу. Поэтому он хотел извлечь информацию о внешности своих близких из недр своей памяти. Ведь больше взять достоверную информацию такого рода ему было просто негде. Но у него ничего не получалось.

Его тщетные усилия прервал звонок в дверь. Александр с досадой открыл глаза. Вообще, чтобы к нему кто ни будь, заходил, примерно в последние сто лет, было крайне редким событием. "Наверное, соседям чего-то потребовалось? Может у меня труба протекает?", — подумал Александр, вовсе не торопясь вставать с кровати. Но буквально через несколько секунд звонок повторился, а потом еще и еще. "Придется открывать", —

флегматично подумал Александр и начал медленно вставать с кровати, намереваясь натянуть на себя хотя бы штаны, но тут осознал, что больше терпеть не в состоянии и бросился ни к двери, а в туалет.

Пока он сливал в унитаз, накопившуюся за ночь мочу звонки в дверь стали практически непрерывными и сопровождались тяжелыми сильными ударами в дверь.

Когда Александр, наконец, смог открыть входную дверь своей квартиры, то увидел за ней незнакомого ему крепкого мужчину лет сорока в строгом костюме черного цвета.

— Служба курьерской доставки корреспонденции. Вам письмо, — с укором взглянул на Александра своими колючими глазами мужчина и в нетерпении протянул сложенный вдвое листок бумаги.

Как только Александр взял письмо, мужчина не произнеся ни слова, повернулся и начал быстро спускаться по лестнице.

Александр еще секунд тридцать стоял в дверном проеме, смотря в растерянности на листок бумаги в своих руках, а затем, не закрывая дверь в квартиру, быстро прочел напечатанный на листке текст.

Из текста следовало, что ему, как долгожителю, на следующий день к десяти часам утра предлагалось явиться в районную поликлинику для прохождения медицинского осмотра, проведение которого в научных целях организовал институт геронтологии медицинской академии наук.

Александр захлопнул дверь, и уже собирался было бросить письмо на заросшую пылью тумбочку, стоящую в прихожей, наверное, еще со времен его родителей с тем, чтобы навсегда забыть про него, но все же передумал. Вернулся в спальню, лег на кровать и еще раз внимательно прочитал письмо.

"Какая еще курьерская служба? Да доставка бумажных писем была прекращена более ста лет тому назад. Вон, те, кто послал этого курьера, даже понятия не имеют, что раньше письма доставлялись в конвертах. Похоже, они вообще не знают, что такое почтовый конверт", — с быстро нарастающей тревогой подумал Александр. Затем у него в голове промелькнуло: "А ведь этот курьер даже не поинтересовался кто я такой. Выходит, он отлично знал, кто перед ним стоит".

Александр осознал, что заинтересовались именно им, причем весьма серьезно и по каким-то причинам не хотят афишировать свой интерес. Это не сулило ничего хорошего. Вот чего он сразу не понял, так это почему те, кого он заинтересовал, так грубо подставились с курьером? Но немного поразмыслив Александр догадался, что он сам, специально не желая того, вынудил их

пойти на это, просто не оставив им выбора. Ведь никто никак иначе связаться с ним просто не мог. Дело было в том, что из средств связи в его доме оставались проводной телефон и сотовый телефон. От проводной связи отказались и, соответственно, проводной телефон замолчал навсегда очень давно. И вряд ли в настоящее время еще живут люди, которые знают что такое проводной телефон. Аккумулятор в своем сотовом телефоне он заряжал в последний раз лет восемьдесят тому назад. Да и вряд ли сотовая связь все еще действовала, так как Александр знал, что уже довольно продолжительное время всем вживляют новые чипы, которые обеспечивают не только удостоверение личности и осуществление платежей, перечисление денежных средств, но и осуществление коммуникации между людьми на уровне почти телепатической связи. У Александра же так и остался устаревший чип.

Александр понял, что уклониться от медицинского осмотра, не получиться. Да и фраза в конце письма о том, что в случае не способности к самостоятельному передвижению, его доставят в поликлинику силами ее персонала, была включена в него явно для того, чтобы предупредить его возможные ссылки на старческую немощь.

На другой день Александр хоть с опозданием на двадцать минут и с большой неохотой, но все же пришел в поликлинику.

Поликлиника представляла собой новое сверкающее металлизированным покрытием и большими зеркальными стеклами здание, которое, если Александр не ошибался, было построено точно на месте старого здания поликлиники. В вестибюле проход ему преградила невысокая металлическая перегородка с фонариком в ее центре светящим красным светом. Примерно через две — три секунды раздался приятный женский голос:

— Добрый день, Александр Михайлович! Вам необходимо пройти в кабинет номер пять. Нам удалось вас идентифицировать, но ваш чип — идентификатор устарел. Пожалуйста, обратитесь в службу поддержки идентификации граждан для замены чипа.

Цвет фонарика на перегородке сменился на зеленый, и перегородка скользнула в стену, освобождая проход для Александра.

Кабинет номер пять оказался просторным залом с раздвижными металлическими дверями, как у лифта в центре его дальней стены. У раздвижных дверей стоял стол с компьютером, за которым сидела молодая женщина в белом халате, по всей видимости, врач, больше похожая на оператора — техника. Все

функции, которой сводились к тому, чтобы усадить пациента на стул в маленькой нише за раздвижными дверьми и нажать на кнопку закрывающую двери и запускающую процесс обследования. Все обследование занимало не больше минуты. Эти нехитрые операции ей, скорее всего, придется повторять несчетное количество раз до самого момента выхода ее на пенсию. Но уже сейчас было видно, что ее работа ей давным-давно опостылела и превратилась в некое подобие наказания.

Пока пациент сидел на стуле, датчики, вмонтированные в стены ниши, успевали прямо через одежду и другие предметы туалета полностью просканировать буквально каждый миллиметр его тела, оценить работу всех его систем и выполнить анализы всех циркулирующих в организме жидкостей, ни разу даже не коснувшись пациента.

В кабинете было большое количество стариков. Многие, из которых были настолько немощны, что вынуждены были прибегнуть к помощи своих более молодых родственников. По лицам, которых без труда можно было понять, что все это действо их вовсе не радует.

Александр занял очередь и в нетерпении стал ждать, когда сможет пройти обследование. Хотя ему вовсе некуда было спешить, он все равно испытывал сильное чувство раздражения и нетерпения. А еще ему было неудобно перед этими стариками и их родственниками вынужденными отложить все дела, чтобы доставить в поликлинику своих стариков. Ведь он осознавал, что всех этих людей мучают лишь для того, чтобы ввести его в заблуждение и заставить его поверить в рутинный характер медицинского осмотра, но вопреки ожиданиям Николая Васильевича, Александр не стал верить в то, во что ему хотелось верить. За ним очередь больше никто не занимал. Это означало, что все эти старики прибыли на медицинский осмотр даже раньше назначенного времени, думая, что участвуют в действительно важном деле.

Наконец Александр остался один и по удивленному взгляду врача осознал, как сильно он отличается от других долгожителей. Даже эта, действующая, как автомат женщина смогла обратить на это внимание, и даже осознать это обстоятельство, как совершенно нестандартную, невозможную ситуацию.

Сидя на стуле в окружении многочисленных датчиков Александр подумал: "Как же сильно продвинулась медицинская техника, а вот медицина, судя по внешнему виду долгожителей, совсем не продвинулась".

Затем Александра направили в другой кабинет, где, как ему объяснили, он должен был просто побеседовать с учеными и

врачами, специализирующимися в области геронтологии.

Вопреки своим ожиданиям, Александр не обнаружил очереди перед, указанным ему кабинетом. Это означало, что старики, которые прошли обследование раньше него, либо в этот кабинет не направлялись, либо их в нем почти совсем не задерживали.

Кабинет был обычных нормальных размеров, без какого либо специального медицинского оборудования, во всяком случае, видимого. Из мебели в кабинете имелся длинный стол со встроенным стационарным компьютером и четыре стула.

По тому, что стол стоял почти в центре комнаты и практически перегораживал ее, а перед столом на некотором удалении от него стоял одинокий и незанятый стул, Александр понял — комнату подготовили специально для встречи с ним.

За столом в ряд сидели трое мужчин, одетых в белые халаты. Конечно, халаты уже давно можно было не использовать, но это была очень древняя традиция, и все врачи продолжали ее неукоснительно соблюдать.

В центре стола сидел старичок лет под восемьдесят. Его лицо сплошь было изрезано глубокими морщинами, немногочисленные, оставшиеся волосы были абсолютно седыми, а кожа дрябло провисла под глазами и на щеках. Но его глаза продолжали смотреть жестко и даже как-то властно. Сразу становилось ясно, что именно этот старичок здесь главный. По его бокам сидели двое тоже не молодых, но еще довольно крепких и хорошо выглядящих мужчин. Александр смело дал им примерно по пятьдесят лет.

Войдя в кабинет, Александр не поздоровался и ничего не спросил.

— Александр Михайлович, присаживайтесь, — прервал нелепую паузу старичок и указал рукой на одиноко стоящий перед столом стул.

Александр молча прошел к стулу и уселся на него, отметив про себя, что стул жесткий и совсем неудобный и вряд ли они могли усадить на него остальных долгожителей, особенно тех, у кого состояние здоровья было совсем уж плохим.

— Баскилович Исаак Абрамович, директор института геронтологии академии медицинских наук, — представился старичок и недовольно поморщился, заметив полное равнодушие Александра к его должности. Александр продолжал молчать, глядя мимо сидящих перед ним врачей.

— Мой заместитель, Бугров Андрей Николаевич, доктор медицинских наук, специализируется в области геронтологии, — кивнул в сторону, сидящего слева от него мужчины, Исаак Абрамович, а затем кивнул в сторону мужчины, сидящего справа,

и представил его. — Лыков Константин Петрович, доктор медицинских наук, специалист эээ…, высшей квалификации.

При этом выражение лица и направление взгляда Александра не изменилось.

— Александр Михайлович, а вам действительно двести семьдесят пять лет? — после недолгой паузы спросил Исаак Абрамович.

— Да, — ответил Александр и с тоской в голосе добавил, — скоро исполнится двести семьдесят шесть.

— Но такого просто не может быть. В это же невозможно поверить. У нас редко кто проживает немногим больше ста лет, — возбужденно и быстро заговорил Исаак Абрамович.

— А мне все равно верите вы мне или нет. Может, завершим нашу встречу?

— Ну, зачем вы так? Наш сканер выдал о вашем чипе — идентификаторе личности всю информацию. И из этой информации следует, что он такой древний, что все остальные чипы из этой же партии давным-давно истлели в могилах вместе с их носителями. Такое не подделаешь. Основания для сомнений у нас отсутствуют.

— Тогда зачем глупые вопросы задавать?

— Хотелось услышать подтверждение лично от вас. Вот, и результаты обследования показывают, что вашему здоровью может позавидовать любой молодой человек. Да, и выглядите вы уж никак не древним стариком. Вы ничего по поводу всего этого нам сказать не хотите?

— Нет, — жестко и решительно произнес Александр.

— Ну, почему? — искренне удивился Исаак Абрамович. — Мне уже семьдесят два года и большую часть этих лет я боролся со старостью, боролся за продление жизни человека…

— А, я думал, что вам никак не меньше восьмидесяти лет. Да, судя по вашему внешнему виду, боролись вы совсем хреново. Наверное, по умственным способностям совсем профнепригодны? — перебил Баскиловича Александр, с нотками как бы сочувствия в голосе и одновременно с издевательской усмешкой на лице.

— Да, что вы себе позволяете? Я заслуженный, уважаемый человек, врач, ученый, мои труды и заслуги признаются специалистами во всем мире, а вы, вы, просто никто и звать вас никак, — буквально задохнулся от совершенно неожиданного высказывания в свой адрес Баскилович.

— Ну, вот и замечательно! Вы же вообще можете забыть о моем существовании. И знаете, я даже обижаться не буду.

— К сожалению не могу. Это вам, как я понимаю, на всех и на

все наплевать, а вот мне нет. Я ответственный человек и, прежде всего, перед нашим населением. Вы же можете помочь людям, продлить им молодость и жизнь.

— И вы уверены в том, что это людям действительно надо? Это сделает их всех без исключения счастливыми, а не несчастными? Что же вы, всю жизнь посвятили делу продления жизни и не удосужились даже для начала выяснить, а будет ли это дело всей вашей жизни действительно полезно? Слава Богу, что ни у вас, ни у ваших коллег на получение реальных результатов просто ума не хватило.

— М…да…, - протянул Баскилович и сказал: — А вы тяжелый человек, Александр Михайлович и судя по всему содействовать нам, вы не собираетесь. Однако зря вы так. Я думаю, что ваша дальнейшая судьба будет во многом зависеть от того, что я напишу в отчете о вашем обследовании.

— А я предпочел бы, чтобы у меня в дальнейшем вообще никой судьбы больше не было.

— Даже так. Ну, что ж, Константин Петрович прошу вас, — сказал Баскилович, кивнув Лыкову.

Лыков начал задавать вопросы, и Александр сразу понял, в какой области Константин Петрович был специалистом. Он был психиатром. И судя по тому, как внимательно и уважительно поглядывали на него Баскилович и его заместитель, Лыков действительно считался специалистом высшей квалификации.

"Выходит, заказчик всей этой комедии всерьез сомневается в моем психическом здоровье. И если бы ни это обстоятельство, то и этой встречи бы не было. Ведь сканеры в соседнем кабинете представили исчерпывающую информацию о моем физическом здоровье, но никак ни о психическом состоянии. А это означает, что директор института получил задание лишь провести мое всестороннее обследование и доложить собранную информацию заказчику. Его же попытка выведать у меня мои способы продления молодости является чистой его самодеятельностью", — догадался Александр.

Александр не стал препятствовать работе психиатра. Он добросовестно ответил на все его вопросы. Поэтому его довольно быстро отпустили после того, как Лыков уверенно произнес:

— Норма.

Александр считал, что последствия после обследования должны были бы наступить буквально на следующий день, но время шло, а ничего не происходило, он по-прежнему продолжал лежать в кровати и никто привычному для него занятию не пытался помешать. Он не учел, что Баскилович действовал по указанию с самого верха, хорошо осознавая свою невозможность

распоряжаться полученной информацией и уж тем более выдать за свои научные результаты, полученные когда-то давно Александром и одновременно опасаясь допустить даже незначительный промах в своем отчете о состоянии Александра. Баскилович не любил работать на таких условиях и тянул с представлением отчета до последней возможности, с большим отвращением лично тщательно проверяя и перепроверяя все изложенное в нем.

Лишь примерно через месяц после посещения Александром поликлиники во входную дверь его квартиры позвонили. Было около двенадцати часов дня. Когда Александр открыл дверь, то увидел за ней Баскиловича и Бугрова.

— Извините, что мы пришли вот так вот сразу без предварительной договоренности, но с вами практически невозможно связаться, — начал говорить Баскилович.

— Не стоит, а я то уже начал думать, что больше никогда вас не увижу, — монотонным, лишенным всяких эмоций голосом прервал Баскиловича Александр. Затем повернулся и, не закрыв дверь, медленно побрел по пыльному коридору в комнату. Из одежды на нем были только поношенные покрытые многочисленными пятнами и местами дырявые штаны с сильно вытянутыми коленями. Штаны из-за растянувшейся резинки сползли на бедра, и было заметно, что под штанами на Александре трусов не было.

Баскилович и его заместитель обменялись удивленными взглядами и несколько секунд в нерешительности, потоптавшись у порога, зашли в квартиру.

— Странно, человек достиг практически вечной молодости и при этом вовсе не выглядит счастливым, — тихо, в полголоса произнес Бугров.

— Ох, Андрей Николаевич не об этом сейчас надо думать. Влипли мы в очень не хорошую историю. От такого субъекта всего чего угодно можно ожидать, а виноваты, будем мы. Ох, не нравится мне все это, — также тихо, явно заботясь, чтобы его не услышал Александр, сказал Баскилович.

Когда они вошли в комнату, то застали Александра, уже лежащим на кровати. Он глядел совершенно безучастно на стену перед ним. Гости же не удостоились даже его взгляда.

Баскилович с Бугровым какое-то время постояли в дверях спальни, а затем Баскилович, так и не дождавшись приглашения, направился к единственному в спальне, стоящему у стены, стулу. Но, подойдя к нему и увидев, каким толстым слоем пыли был покрыт стул, отказался от намерения сесть на него. Он только в этот момент осознал, что во всей комнате очищены от пыли были

только две сдвинутые вместе кровати, небольшой участок пола возле них и узкая тропинка, ведущая прямо к двери. Вся одежда, которой, видимо, пользовался Александр, была свалена комом на соседней с его кровати.

— Александр Михайлович, мы знаем, о вашем не желании сотрудничать с нами, но мы вынуждены опять обратиться к вам с предложением о сотрудничестве, — повернулся к Александру Баскилович.

— Да, пошел ты на х… — совершенно спокойно и опять без эмоций и очень тихо ответил Александр.

— Что? То есть, как это?

— Да, ты не ослышался, я предлагаю тебе идти, куда подальше.

— Как тебе не стыдно? Как можно так обращаться с пожилым, да еще и очень заслуженным, уважаемым человеком? Это переходит все границы и просто недопустимо для приличного человека, — возмутился Бугров. Все это время не двигаясь стоявший, почти у самого порога спальни Александра и с отвращением и одновременно с изумлением ее рассматривающий. Определенно не понимая, как можно в таких условиях существовать столь длительное время.

— Молодые люди, между прочим, я вас к себе не приглашал. И вовсе не обязан выслушивать ваши глупые поучения. Вы получаете ровно то обращение, какое заслуживаете в сложившихся обстоятельствах.

— Какие мы тебе молодые люди? Да, ты даже по сравнению со мной — мальчишка, не говоря уж об Исааке Абрамовиче, — уже совсем разозлился Бугров.

— Уже лет двести, как для меня во всем мире больше не существует пожилых людей и появление их уже невозможно. Я самый старый и им и останусь навсегда. А то, что Исаак Абрамович даже в столь юном, по сравнению с моим, возрасте не смог сохранить свое тело в приличном состоянии вовсе не является поводом для того, чтобы к нему относились с каким-то особым уважением, — в свою очередь начал раздражаться Александр.

— Прожить много лет и так и не научиться общаться с приличными людьми то же, знаешь ли, хорошо тебя не характеризует. Ты просто хам, пусть даже и очень старый, — ответил Бугров, подчеркивая обращение на ты и видимо полагая, что подобное обращение должно обидеть и оскорбить Александра.

— А вы всерьез считаете себя приличными людьми? — усмехнулся Александр.

— Ну, ты и урод! Да ты знаешь, что мы тут по указанию самого хозяина. Вот мы ему доложим о твоем отношении к его поручениям и, что тогда с тобой бу-удет…, - при слове "хозяин" Бугров вытянулся по стойке смирно, а при высказывании угрозы заулыбался, видимо представив себе жуткую сцену расправы над Александром.

— Немедленно прекратите! Мы вовсе не ругаться и припираться пришли! — почти заорал Баскилович. — У нас совсем другие цели.

— Конечно, другие. Более привычные. Воровство чужих идей и выдача их за свои, — почти рассмеялся Александр. — Да, похоже, вы господа ученые совсем не изменились и в полной мере унаследовали гадкие повадки своих прадедов.

— Ах, так вот в чем дело. Старая обида непризнанного гения, — ехидно заулыбался Баскилович.

— Зря стараешься. Старый приемчик высмеивания и объявления психически ненормальным в ходе присвоения идеи и выдачи ее в качестве закономерного достижения классической науки всегда успешно срабатывал, но только при одном условии, суть идеи должна быть уже известна, а ты сути идеи не знаешь. К тому же я живу уже очень давно и уже не являюсь наивным молодым человеком и мне все это очень хорошо знакомо, я через это все уже проходил. Короче, я вовсе не собираюсь дважды наступать на одни и те же грабли.

— Да, признаю, проблема есть. И если бы ее не было и все шло, как обычно мы бы, скорее всего, в вашей квартире бы никогда бы не появились, но ведь совместно мы же можем ее решить и надеюсь без ущемления интересов кого-либо. Зачем же вам вот так вот сразу с порога отказываться? — поморщился Баскилович от того, что вынужден был пойти на практически невозможное для себя высказывание.

— Сомневаюсь, у меня много старых претензий к вашему брату. Да и слишком разные мы. Разные у нас взгляды на жизнь, на порядочность. В отличие от вас у меня, например, хозяина нет.

— Славы, значит, хочется, унижения научного сообщества. Так что ли? А ведь во всем, что с вами случилось, никто кроме вас самих не виноват. Так уж заведено в человеческом сообществе. Ну не принято учиться у дилетантов и все. Надо было, как все нормальные люди, хорошо учиться, выбрать одну область знания, стать в ней специалистом, профессионалом, войти в нормальные отношения с коллегами. А вам трудиться, проходить положенные ступени, выказывать уважение уже заслуженным коллегам или, как вы, наверное, считаете — прогибаться, не захотелось, противно все это было. Ну, так чего же вы хотите? Вы вполне

закономерно стали изгоем.

— Конечно, сам дурак, сам во всем виноват. Ни все жопы вылизал. Ну, а воровство и не воровство вовсе. Просто у вас так принято. Но вообще-то мне от вас ничего не надо. Это вы ко мне пришли и чего-то хотите получить. Так, как вы думаете, при таких-то обстоятельствах, по чьим правилам мы дальше взаимодействовать должны?

— Мне лично от вас тоже ничего не надо. Если бы ни желание самого…, хрен бы я с вами вообще разговаривать бы стал, — разозлился Баскилович. — Ладно, предлагаю сделать так. Опубликуем мы в средствах массовой информации о вас несколько статей, в которых расскажем, что жил такой своевременно неоцененный гений, перечислим все ваши гениальные изобретения и подтвердим, что их единоличным автором являетесь именно вы.

— Почему же жил? Я пока еще продолжаю жить. И потом, опубликуем мы две или три статьи и что? Обычное копание в никому не интересном старье. Все уже состоялось. Вряд ли вызовет интерес, кто на самом деле двести лет тому назад изобрел давно измененный до неузнаваемости прибор, а за рубежом информация обо мне вообще ничего не изменит. Ведь для них меня никогда не было, по их мнению, они всегда действовали независимо. И в некоторой части случаев это действительно было именно так. Имело место повторное изобретение.

— Вот, вы же сами понимаете всю бессмысленность ваших притязаний. Прошло слишком много времени. Исправить ничего уже нельзя. Можно попытаться лишь переписать историю. Причем, мало кого интересующую, историю развития техники. И вы правы, даже это можно сделать только локально, что лично вам практически ничего не даст. Ну, и зачем все это вам? А вы все же наивный человек. Неужели не понимаете, что факт вашего существования является большим секретом? И в обозримом будущем никто не позволит обнародовать о вас информацию, уж извините, иначе, как о покойнике.

— Выходит, вы фактически признаете, что вам нечего мне предложить. Но тогда вы мне совершенно неинтересны. И я очень хотел бы, чтобы меня оставили в покое.

— Изобрети вы двигатель, ракету или даже колесо никто бы на вас даже внимания никогда не обратил, но вас угораздило изобрести средство вечной молодости, от получения которой никогда никто не откажется. Поэтому вас не оставят в покое до тех пор пока вы не передадите свое изобретение. Если вы не захотите этого сделать добровольно, то вас все равно заставят

отдать все, но только силой со всеми, присущими этой неприятной процедуре, последствиями. Лично мне ваш отказ тоже ничего хорошего не принесет. Из меня, скорее всего, сделают козла отпущения. И если вас беспокоит вопрос авторства, то я ни при каких обстоятельствах уже не смогу выдать себя за автора вашего изобретения. Более того, я думаю, что у этого изобретения автора не будет очень долго. Но я могу предложить вам за ваше изобретение очень хорошие деньги.

— Что значит хорошие деньги? — с еле заметной усмешкой спросил Александр.

— Ну, слава Богу, кажется, начинаем договариваться. Я уполномочен выплатить вам за ваше изобретение десять миллионов, — воодушевился, не заметившей усмешки Александра, Исаак Абрамович.

— Всего-то, — придал почти оскорбленное выражение своему лицу Александр.

— Ну, хорошо, одиннадцать.

— Это просто несерьезно, — рассержено произнес Александр с лукавыми искорками в глазах. Но Баскилович не заметил появления этих лукавых огоньков, и уже поглощенный процессом торга, выдавил из себя:

— Двадцать!

— Нет, это уже становится просто смешным. Исаак Абрамович, ну подумайте сами вы пришли покупать товар многомиллиардной стоимости, а торговаться начинаете с миллионов. Этак мы с вами и за год торговаться не закончим.

— Неужели вы хотите миллиард? — с округлившимися от изумления глазами толи прохрипел, толи прошептал Баскилович.

— Нет, не хочу, — с жалостью посмотрел на Баскиловича Александр, как обычно смотрят на умственно неполноценных.

— Да, что вы, Александр Михайлович мне голову морочите. Скажите мне прямо, наконец, свою цену. Чтобы мы могли дальше обсуждать детали сделки, — в раздражении сказал Баскилович, усаживаясь на край кровати с грудой одежды. От долгого стояния у него жутко ломило поясницу, и тряслись ноги.

— Раз вы настаиваете, хорошо давайте посчитаем, во что должно обойтись покупателям мое изобретение.

— Давайте!

— Исаак Абрамович, вы сказали, что мое изобретение особенное, а из этого следует, что и цена за него тоже должна быть особенной. Исаак Абрамович, вы согласны с этим утверждением?

— Ну, допустим, согласен, — проговорил, непонимающий к чему клонит Александр, Баскилович.

— Так, теперь посмотрим, а что же делает мое изобретение особенным? А делает его особенным, то обстоятельство, что если покупатель откажется покупать мое изобретение, то он просто умрет в положенное ему время и потеряет вообще все. И времени у него на ожидание совершения повторного изобретения практически уже нет. Ведь, так?

— Можно сказать и так, — нехотя признал Баскилович.

— Тогда у нас выходит, что справедливой ценой за мое изобретение должно быть все, то есть я предлагаю все обменять на все.

— Не понимаю, что значит все?

— А, по-моему, все просто, Исаак Абрамович. Все значит все. Человек, желающий пройти процедуру омоложения, должен будет отдать за это мне все, абсолютно все. То есть передать мне не только все свое имущество и денежные средства, но и должности, звания, награды, права включая все свои полномочия, право контроля имущества и прочих активов непосредственно ему не принадлежащих, а также различных организаций и структур и тому подобное. Ведь все это в могилу с собой не унесешь. Так или иначе, но оставшиеся жить люди после его смерти все это растащат. Потеря всего практически неизбежна. Таким образом, если подумать, то моя цена не так уж и высока. Я предлагаю отдать мне лишь то, чего покупатель и так лишится.

— Неужели вы все это говорите серьезно? Это же невозможно, это просто не осуществимо. Вы, что не понимаете? Александр Михайлович, если вы будете продолжать в том же духе, вас же просто убьют.

— Если убьют, так вероятность потери всего только вырастет. А предлагаемый мной обмен вполне реален и осуществим. Ну, ладно, черт с вами я готов предложить хорошую скидку.

— И в чем же эта скидка будет выражаться, — с надеждой, но уже без особого энтузиазма в голосе спросил Баскилович.

— Я оставлю покупателям личную свободу. Ведь если в уплату за омоложение я заберу у них, в том числе и личную свободу, то практически превращу их в своих рабов. А о рабах хозяин обязан заботиться, содержать их. Покупатели то, поди, все люди не простые избалованные начнут мне докучать, не слушаться и шалить. Я за это должен буду их наказывать, наверное, пороть. Знаете ли, для меня все это будет слишком хлопотно. С другой стороны покупатели после омоложения спокойно смогут начать свою жизнь заново. Ведь люди все они способные, с умственными способностями намного выше среднего уровня, трудолюбивые, предприимчивые и хваткие, так, что смогут быстро заработать себе новое имущество, должности и

положение в обществе хорошие занять.

— Какие еще рабы?! Сейчас какой век то на дворе?! — возмущенно закричал Баскилович.

— Исаак Абрамович, и даже не пытайтесь выторговать еще, что ни будь. Я больше не уступлю. Если ваш покупатель придет на сеанс омоложения в штопанных носках и драных трусах, я все равно их у него отберу. Не могу отказать себе в удовольствии понаблюдать за абсолютно голым человеком, оказавшемся на улице, и которому совсем некуда податься. Ведь интересно, как он себя поведет? Кинется к ближайшему мусорному баку в поисках хоть какой-нибудь одежды или начнет новую жизнь с грабежа первого попавшегося прохожего, — уже открыто рассмеялся Александр.

Баскилович хотел что-то сказать, но вмешался Бугров:

— Исаак Абрамович, все бесполезно, мы напрасно здесь теряем время. Вы разве не видите? Этот гад просто издевается над нами.

Баскилович, открывший было рот, его закрыл и в течение нескольких секунд о чем-то напряженно думал, а затем решительно сказал:

— Александр Михайлович, я искренне хотел договориться, но вы блокируете все мои предложения. Что ж, это ваш выбор. Я никогда не желал вам зла и даже сейчас не желаю, но я буду вынужден доложить, о вашем нежелании сотрудничать с нами Владимиру Ивановичу. Об этом станет известно и другим важным людям, от которых зависит вся наша жизнь. В результате я вам ничего хорошего не обещаю. Вам будет очень плохо, и как раз именно вы первым потеряете все.

— И кто же такой, этот ваш грозный Владимир Иванович, — спросил Александр.

— Президент, руководителя государства надо бы знать. Кстати возраст и состояние здоровья у него критические. Так, что можете догадаться сами, как далеко он готов пойти в своем стремлении заполучить ваше изобретение. Ему терять уже нечего, — сказал Баскилович.

— Я очень давно уже не слежу за политической жизнью и вообще мне глубоко наплевать на всех хозяев этой жизни, — безразличным тоном ответил Александр на очередное запугивание Баскиловича.

— Исаак Абрамович, все бесполезно. Мне не понятно почему, но эта сволочь совсем не цепляется за жизнь. Похоже, он вообще хочет умереть, — опять вмешался Бугров.

— Молодой человек, а зачем нужна жизнь, если не получаешь от нее удовольствие? Причем даже от таких ее составляющих, как

хорошая еда, секс, творчество, созерцание красивых вещей, окружающей природы и так далее. Вообще ни от чего. Все надоело, и от всего безумно устал.

— Если вас действительно так сильно тяготит собственная жизнь, так возьмите и удавитесь, — усмехнулся Бугров.

— Знаете, я вообще-то в Бога не верю, но все же, а вдруг в этом что-то есть. Поэтому становиться самоубийцей я все же не желаю, это большой грех, — серьезно ответил Александр на усмешку Бугрова.

— Иначе, вы хотите сказать, что вами достигнуто лишь внешнее омоложение, а психологически вы глубокий старик и в этом плане продолжаете стареть? — озабоченно спросил Баскилович.

— Именно, и я не знаю, что с этим делать, но так жить просто ужасно. Вот это вы и должны сказать своему хозяину. Такое омоложение не принесет ему практически ничего хорошего, — совсем потухшим голосом сказал Александр.

— Исаак Абрамович, а что это за хрень он там нес насчет психологического старения? Неужели это обстоятельство имеет хоть какое-нибудь значение? — спросил Бугров, когда они уже спускались по лестнице в подъезде.

— Андрей Николаевич, ты еще слишком молод, чтобы это понять. Вот лет через двадцать — тридцать возможно сможешь. Но поверь мне, если это действительно так, как говорит Игнатов, то это перечеркивает все. Но говорить об этом Владимиру Ивановичу мы не станем. Лишать человека, особенно человека, от которого целиком и полностью зависишь, последней надежды очень опасно. К тому же, я думаю, что Владимир Иванович поймет, о чем говорит Игнатов лучше, чем мы все вместе взятые.

* * *

На следующий день Владимир Иванович в своем необъятном кабинете грозно стучал по столу кулаком и кричал:

— Да, что он себе позволяет? Он, что сумасшедший? Совсем ничего не понимает?

— Конечно, сумасшедший. Нормальный человек так себя вести не станет, — жалобно и одновременно испуганно и тихо пропищал Баскилович.

— Значит, говоришь сумасшедший, а что ж ты в отчете писал, что он нормальный?

— Так психически, с медицинской точки зрения, он здоров, но чисто по-житейски дурак и полный идиот, — оправдывался

Баскилович.

— А-а, да, что с вас взять. Вы всю жизнь только и умели щеки надувать, да все объяснять, а точнее сказать, просто оправдываться особенно, когда деньги клянчили. А вот дело, какое или работу сделать, так не дождешься, — махнул на Баскиловича рукой Владимир Иванович. — Вот, если этот Игнатов дурак, а ты такой умный, то почему он молодой, а мы с тобой старики?

— Владимир Иванович, мы столько сил потратили. Прорыв вот-вот будет. Обязательно будет. Полгода тому назад мы начали новый препарат проверять. Заложили несколько больших экспериментов на мухах и крысах.

— Какие мухи?! Какие крысы?! Ты, что не понимаешь? Я не могу больше ждать! Я же буквально в любой момент умереть могу! — в раздражении закричал на Баскиловича Владимир Иванович.

— Владимир Иванович, я для вас все готов сделать, но не выходит у меня пока омоложение, не получается, и все тут, а эта сволочь знает, как, но молчит, не хочет помочь. Я бы этого отщепенца своими руками задушил бы, И ведь, какому человеку отказывает.

— Ну, и что же мне теперь делать? Все полномочия, власть, страну отдать этому идиоту? И идти, по его прихоти, у него под окнами нагишом бегать?

— Только ни это. Как же мы без вас жить то будем? Ведь он и страну погубит, и мы все пропадем, — "искренне" испугался Исаак Абрамович.

— А-а, все вы так говорите. А потом ничего, продолжаете жить и иногда даже очень хорошо жить и покойника еще и дураком называть, — совсем не весело вздохнул Владимир Иванович.

— Ну, я-то тоже уже не молод и вряд ли долго протяну, — ответил на укор Владимира Ивановича Исаак Абрамович. — Так, что я и лично весьма заинтересован в решении проблемы продления жизни.

— Увяз ты, Исаак Абрамович в этом деле дальше некуда. И рад бы тебя заменить, да поздно уже, — с откровенным пренебрежением и недоверием во взгляде медленно проговорил Владимир Иванович. — Теперь ты этим долгожителем до самого конца будешь заниматься. Не один, конечно. С сегодняшнего дня руководить вами будет соответствующий специалист из соответствующей службы.

Баскилович не удержался и облегченно выдохнул.

— А ты не радуйся и не думай, что с тебя ответственность

сняли, с еще большим презрением посмотрел на Баскиловича Владимир Иванович. — Если результата не будет, то отправишься ты у меня в самую последнюю дыру, лаборантом, пробирки мыть до конца жизни. И сделаю я так, что от этого тебя и мой приемник не освободит.

Видимо для придания своим словам большей убедительности Владимир Иванович, размахнувшись со всей силы, треснул кулаком об стол. Исаак Абрамович от этого ухитрился сжаться почти в два раза, затравленно, и обречено с неподдельным страхом глядя на Владимира Ивановича. Но смотрел он не в глаза. В глаза он посмотреть не посмел. И, как только до него окончательно дошло, что угроза более чем реальна, его подбородок противно мелко и часто задрожал, а сам он заметно побледнел.

— Господи, я то тут при чем? Я же не в чем не виноват, — дрожащим голосом выдавил из себя Баскилович.

— А притом. Ты жил то хорошо? А хорошую жизнь ведь себе не заработал. Совсем ведь не заработал. Так, что должен ты теперь. Вот и отработай, хоть раз в жизни. А для того, чтобы ты за мою жизнь боролся, как за свою собственную, я тебе и рассказываю, что с тобой будет, если у тебя опять ничего не получится. Жизнь у тебя будет, но клянусь, будет она уж очень несладкой.

— Владимир Иванович, но мы же всегда по всему миру все самые передовые достижения всеми правдами, и неправдами доставали, и вы всегда были первым, кто их получал. Определенные успехи есть, вашу жизнь уж точно удалось продлить и продлить существенно.

— Что?! Да ты никак посчитаться со мной хочешь?! Упрекнуть в неблагодарности?! — буквально зарычал Владимир Иванович.

— Нет, вы меня не так поняли, я вовсе не это хотел…, - в ужасе попытался откреститься от сказанного Баскилович. — Но ведь этот Игнатов совсем не управляемый. От него вообще чего угодно ждать можно.

— Господи, какое же ничтожество. Вот уж действительно не свое место занимает. Ну, об этом раньше думать надо было, — махнул рукой Владимир Иванович. — Так, предложите ему миллиард, ну ладно, черт с ним, пять миллиардов.

— Он же откажется. Что тогда?

— От таких денег и откажется? Да, в этом случае предлагать ему деньги в большем количестве действительно будет бессмысленно. Значит ни деньги, да и сама жизнь его действительно уже не интересуют и вряд ли заинтересуют. Плохи

будут наши дела и особенно плохи будут твои, Исаак Абрамович дела, — засмеялся Владимир Иванович. — Что ж в этом случае придется необходимую нам информацию добывать у него силой.

— Вы предлагаете его пытать? Выбивать из него информацию? Но я же никогда никого не бил, я же этого не умею делать, — растерялся Исаак Абрамович.

Владимир Иванович долго смеялся своим надтреснутым старческим смехом, а затем с трудом сквозь смех сказал:

— Вот уж рассмешил, так рассмешил. Любопытно было бы посмотреть, как ты из Игнатова выбиваешь информацию. Хорошая бы комедия вышла. Это будут делать специалисты. А от тебя потребуется лишь грамотно вопросы сформулировать. И следить, чтобы эта сволочь нас не обманула и чего доброго вместо омоложения на тот свет бы не спровадила.

— Так, если мы его пытать будем, он же разозлится, и нарочно вас убить может захотеть, а я полной гарантии того, что все его уловки выявлю, дать не могу, — озабочено сказал Баскилович.

— Ну, пытать уже никого не пытают. Для этого спецсредства есть. И прежде чем перейти к допросу с пристрастием его квартиру надо будет обыскать. Возможно, удастся обнаружить записи, документацию, приборы, лекарственные средства и тому подобное. Твоя задача будет консультировать спецов по части медицины и, особенно по вопросам геронтологии. Его квартиру, конечно, пытались обыскать, пока вы с ним в поликлинике общались, но вы же видели, что у него в квартире твориться. Незаметно во все шкафы и тумбочки проникнуть было невозможно. А теперь уже все это можно будет сделать открыто. Скрываться уже не имеет смысла.

* * *

На следующее утро после разговора с президентом в уютный кабинет Исаака Абрамовича без обязательного доклада секретарши вошел молодой, подтянутый, уверенный в себе с очень неприятным, тяжелым взглядом человек лет тридцати. Молодой человек, одетый в строгий черный костюм с чемоданчиком в руках и абсолютно обычным, совсем неприметным лицом, как только сам за собой закрыл дверь, представился четким отрывистым голосом:

— Смирнов Геннадий Викторович, назначен руководителем операции по Игнатову. С этого момента будем работать вместе.

— Значит, вы и есть специалист по допросам, которому мы

должны будем помочь выбить информацию из Игнатова? — спросил Баскилович, понявший кто к нему пожаловал еще, как только Смирнов открыл дверь его кабинета.

— Да, и по совместительству ваш коллега, врач. Вот только я никого не лечу и никому жизнь не продлеваю, — цинично усмехнулся Смирнов, без приглашения по-хозяйски усаживаясь за, приставленный к рабочему столу Баскиловича, стол для проведения совещаний.

— Ну, тогда вы понимаете, в какой непростой ситуации мы оказались. И, что нашей вины в том, что Игнатов отказывается сотрудничать, ведь нет, — попытался оправдаться Баскилович хотя бы в глазах, назначенного им руководить, молодого человека.

— Конечно, понимаю. Без специальной подготовки у вас против такой уникальной сволочи, как Игнатов шансов с самого начала никаких не было. Но вас к нему послали лишь попытаться договориться по-хорошему. Не получилось, ну что ж мы и не таких еще умников раскалывали. И этот никуда не денется, все расскажет. Расскажет даже то, чего не знает, — зловеще засмеялся Смирнов.

— Но меня ведь ругают. Грозятся наказать, — пожаловался на несправедливость Баскилович.

— Исаак Абрамович, хватит слюни пускать. У нас очень мало времени. Вызывайте Бугрова.

"Грубый, неотесанный солдафон и к тому же, похоже, еще и тупой, но себя любит, любит покрасоваться", — подумал Баскилович, вызывая через секретаря в свой кабинет Бугрова.

Смирнов вынул из своего чемоданчика компьютер и установил его на столе, а затем усадил Баскиловича и Бугрова рядом с собой, так чтобы они одновременно все трое могли видеть экран компьютера.

— Сейчас вы ознакомитесь с досье, собранное нами на Игнатова и посмотрим ваш последний визит к нашему несговорчивому долгожителю и проведем работу над ошибками, — сказал Смирнов.

— А разве там велась видео съемка, — удивился Бугров.

— Разумеется! Мы там понатыкали столько камер, что наш объект даже по-тихому пукнуть не сможет без того, чтобы мы этого не заметили, — самодовольно ухмыльнулся Смирнов.

— Зачем нам время терять? Надо прямо сейчас ехать к Игнатову и вытрясти из него все, что нам нужно, — недовольным голосом заявил Баскилович.

— Нам ведь конкретный результат нужен. Если мы его не получим, то нам всем без разбора запросто яйца оторвать могут и

даже объясниться не позволят, а вы ну совсем не готовы для такой работы.

— Да уж влипли мы по полной, — горестно вздохнул Баскилович. — И за что мне все это на старости, лет? А разве нельзя еще подготовленных специалистов набрать?

— В нашем ведомстве нет специалистов, которые хоть, что ни будь, понимали в геронтологии, омоложении и продлении жизни. Кстати те люди, которые будут нам помогать, практически ничего не знают о сути операции и не должны узнать о ней ничего. Поэтому в их присутствии либо молчите, либо если уж придется говорить, то говорите так, чтобы о сути операции ничего понять было невозможно. Это-то хоть сможете сделать?

Баскилович с Бугровым оба синхронно кивнули головами.

— Выбить информацию обычными методами мы не можем из-за опасения, что он умышленно ее исказит и фактически убьет тем самым практически все наше руководство.

— Да, Игнатов совершенно непредсказуем. Я вообще не могу понять мотивы его поведения. От него можно ожидать всего, чего угодно, — подтвердил опасения Смирнова Баскилович.

— Я тоже согласен, что прямо давить на него опасно, — присоединился к мнению своего начальника Бугров.

— Значит, придется сразу применить сыворотку правды. Находясь под ее действием, он хоть обманывать, не сможет. Однако есть проблема. Наша сыворотка позволяет вести нормальный допрос весьма не продолжительное время. Частое или применение в больших дозах может привести к быстрой смерти допрашиваемого. Все это не так уж и важно, если необходимо выяснить имя или адрес агента или получить признание в совершении преступления. Нам же необходимо получить исчерпывающие сведения о целой технологии и методах ее применения. Сколько времени на объяснение всего этого может потребоваться? Полчаса? Час? — спросил Смирнов.

— Куда там. Я думаю, что потребуется никак не меньше четырех — шести часов. Столько под действием препарата не протянет никто, — ответил Баскилович. — Правда остается надежда, что он все же согласится принять пять миллиардов. Это же чудовищно огромная сумма.

— Вряд ли. Я уже говорил, что этого гада не интересуют никакие деньги и более того он явно желает, чтобы мы его убили, — со злостью в голосе сказал Бугров.

— Таким образом, нам задали практически невыполнимую задачу. Поэтому смотрим кино и попытаемся составить план наших действий на завтра, — сказал Смирнов, запуская видеозапись на своем компьютере. — Возможно, нам хотя бы

удастся свести к минимуму наши личные потери.

* * *

На следующий день все трое подошли к квартире Игнатова ровно в девять часов утра. Смирнов позвонил в дверь, но ему никто не открыл.

— Так, нам здесь явно не рады, — сказал Смирнов, принимаясь звонить в дверь непрерывно.

Еще примерно минуты через две Смирнов поставил на пол свой чемоданчик и освободившейся рукой достал из кармана пиджака маленький очень тонкий монитор, на котором была видна спальня Александра и сам Александр, лежащий абсолютно голым на своей кровати. Было видно, что Александр не спит, но и никак не реагирует на непрерывный звонок во входную дверь его квартиры.

— Ну вот, что и требовалось доказать, наш клиент дома, и занят своим обычным делом — нагишом рассматривает стену перед своей кроватью. Он, наверное, за смотрел ее уже до сквозных дыр, — самодовольно сказал Смирнов, внимательно глядя на монитор. — Однако и крепкая же у него психика. Сморите, лежит так, словно звонка совсем не слышит. Это плохо. С людьми с крепкой психикой работать намного сложнее.

— И, что теперь? Он будет там лежать, а мы будем тут стоять? — с раздражением спросил Баскилович.

Смирнов перестал жать на кнопку звонка и открыл свой чемоданчик.

— Конечно, нет. Безвыходные ситуации, Исаак Абрамович вообще встречаются очень редко, — сказал Смирнов, извлекая из своего чемоданчика комплект отмычек. — Если нас не приглашают войти, то нам придется войти без приглашения. Хорошо еще, что он хоть не пытается от нас скрыться.

— Прошу, — сказал, самодовольно улыбаясь, Смирнов, широко распахивая дверь перед Баскиловичем и Бугровым, прокопавшись с дверным замком Александра не больше трех — четырех секунд.

— А вы действительно настоящий специалист, — произнес Бугров в полном восхищении от увиденного.

Когда все трое вошли в спальню Александра его поза и направление взгляда совсем не изменились. Можно было подумать, что Александр вообще не заметил, вошедших к нему людей.

— Здравствуйте, Александр Михайлович! Ну, что же вы так.

Дверь не открываете. К вам пришли гости, а вы лежите в таком виде. Хоть прикрылись бы, чем ни будь. Ведь так встречать гостей просто неприлично, — с язвительной усмешкой поздоровался Смирнов, почти не допустив образования паузы и явно стремясь разозлить, вывести из себя Александра.

— Не считаю нужным. Я вас в гости не приглашал и никого здесь не задерживаю, — так и не взглянув на вошедших спокойно, без эмоций ответил Александр.

— Вот вы нас гоните, а зря. Мы пришли с очень хорошим предложением. За ваше содействие вам готовы выплатить целый миллиард, — сказал Баскилович в соответствии с разработанным накануне планом встречи.

— В прошлый раз я вам кажется, уже назвал свою цену. Если вы не готовы ее платить, то и нечего было вам сегодня суда приходить, — жестким голосом, исключающим всякие компромиссы, ответил Александр.

— Александр Михайлович, неужели вы серьезно настаиваете на своей цене? Разве это была не шутка? Ладно, скажу уж сразу. Предельная цена составляет пять миллиардов. Таких денег за всю историю человечества еще ни один изобретатель за свое изобретение не получал. С такими огромными деньгами вы сразу превращаетесь в настоящего хозяина жизни, — сказал дрожащим голосом Баскилович, так словно он предлагал Александру свои собственные деньги, и ему их было очень жалко отдавать.

— Исаак Абрамович, не знаю, с чего вы взяли, что я в прошлый раз тут шутки шутил? Я говорил совершенно серьезно. А хозяином жизни я уже и так являюсь. И как тут выясняется, оказывается, что не только своей собственной жизни. Вот только ничего хорошего во всем этом я не нахожу.

— Хорошо, плохо! Господи, вам то, какая разница?! Возьмите деньги и дайте этим людям, что они хотят. И пусть они сами разбираются плохо или хорошо им будет. Из-за вашего упрямства все кончится тем, что вас просто убьют. Допускаю, что вам ваша жизнь недорога, но мы-то, почему должны страдать? — вмешался Бугров.

— Будете вы страдать или нет, вообще-то целиком и полностью зависит только от вас, от вашего понимания и восприятия жизни. Исаак Абрамович может спокойно выйти на пенсию и заняться где-нибудь выращиванием овощей. Андрей Николаевич, еще достаточно молодой человек и вполне может начать карьеру обычного врача для нормальных людей. Приносить пользу людям и получать от этого удовольствие. Ну, а вы, молодой человек, хоть и не представились, но догадаться о вашей мерзкой деятельности все же не составляет труда.

Прекратите служить всяким упырям, и ваша жизнь перестанет приносить вам страдания, и вы станете счастливыми людьми, — начал поучать своих посетителей Александр, словно священник в церкви.

— Да я не представился, но в этом отчасти вы виноваты сами. Ведь встретили вы нас не очень то любезно. Зовут меня Смирнов Геннадий Викторович, — прервал поучения Александра Смирнов. — Я служу не упырям, а государству, своему народу и ничего мерзкого в этом не нахожу. А эти достойные господа стараются продлить жизнь людям. Тоже вполне приличное и полезное занятие.

— Конечно, то-то вы, Геннадий Викторович предпочли ограничиться служением государству и народу и не конкретизировать свою деятельность. А эти достойные господа, небось, собираются продлить жизнь всем без разбору и плохим и хорошим?

— Разумеется, плохие, ненужные и откровенно вредные члены общества нам не нужны и никто им жизнь не будет продлевать, — сказал Смирнов, не заметивший подвоха в вопросе Александра.

— И кто же будет делить людей на плохих и хороших? Решать, кому жить, а кому умирать?

— Ах, вот вы куда клоните. Так по этому поводу вы зря переживаете. У нас есть достаточно структур, в которых работают уважаемые и авторитетные специалисты. Я думаю, эти специалисты уж как-нибудь, смогут приемлемо рассортировать наше население.

— Ага. Смогут. Точно так же, как вот эти два уважаемых специалиста продлевают жизнь, — Александр кивнул в сторону Баскиловича и Бугрова.

— Ничего абсолютно идеального не бывает. Конечно, будут случаться ошибки, но сейчас умирать вынуждены все и хорошие, и плохие. Разве лишаться всех нужных людей лучше того, чтобы лишаться их лишь частично?

— Логика в ваших рассуждениях есть, но не забывайте, что умирать всем, определено нам Богом и природой. И человеку во все это вмешиваться не следует. Вот и мой брат советовал мне не заниматься продлением моей жизни, а я по глупости его не понял и не послушал. И вы, и те, кто вас послал, тоже понимать не хотите.

— Александр Михайлович, ведь ваш брат умер до того, как вы омолодились. Когда же он вам советовал? — вкрадчивым голосом спросил Смирнов.

— Во сне, сразу после своей смерти.

— А, ну если во сне, то тогда, конечно, — с сарказмом в голосе сказал Смирнов и укоризненно посмотрел на Исаака Абрамовича.

— Но ведь его смотрел сам Лыков, — сразу попытался спрятаться за авторитетного психиатра Баскилович.

— Да он же просто над нами издевается. Скучно ему тут одному в четырех стенах, вот он и куражится, — глядя с нескрываемой ненавистью на Александра, сказал Бугров.

— Вовсе над вами никто здесь не издевается. Вот вы тут подозреваете меня в том, что я вам зла желаю. А это ведь совсем не так. Никто не доказал, что с нашей смертью полностью заканчивается наше существование. Вдруг после смерти мы пусть и иначе, но продолжаем жить, и эта жизнь представляет собой одно сплошное наслаждение и удовольствие. Тогда получается, что я сам себя обокрал, лишил себя лучшей жизни. Значит, омолоди я вас, и вы тоже будете лишены лучшей жизни. Превратитесь в несчастных людей.

— А вдруг после смерти ничего нет, и от человека остается только кучка разлагающейся плоти, пожираемой червями, — сказал Бугров. — Вы же можете дать людям возможность разобраться, понять стоит им умирать или нет.

— Вы действительно хотите, чтобы я поверил в способность людей, отобранных вашими специалистами, осуществлять научные исследования, — усмехнулся Александр.

— Александр Михайлович, вы можете и сами войти в сильный коллектив ученых нашего института. Работая в коллективе можно добиться гораздо большего. Ведь, как известно, время одиночек в науке прошло уже очень давно, еще даже до вашего рождения, — сделал неожиданное предложение Баскилович, понимая, что в коллективе его института вряд ли может прижиться такой человек, как Игнатов.

— И кому известна эта глупость? Возьмите любое настоящее открытие или изобретение, и как следует, встряхните, и вы увидите, как с них свалятся все ваши коллективы, и останется всего один человек, который высказал основополагающую идею. Ведь эту самую основополагающую идею невозможно высказать хором. А то, что время одиночек в науке прошло, придумали бездари и тупицы, чтобы им легче было присваивать чужие идеи, — снова усмехнулся Александр.

— Как, вы действительно считаете, что развитие и разработка идеи совсем не важны? Ведь бывают такие идеи, разработка которых для одного человека в принципе невозможна, — с наигранным удивлением в голосе спросил Баскилович.

— Конечно, нет. Хотя в этом смысле ваш коллектив важен

точно так же, как и добросовестная уборщица, без которой весь коллектив рискует погибнуть под кучей мусора и собственного говна.

— Я, конечно, понимаю, что у Александра Михайловича время не ограничено, и он может себе позволить философствовать тут вечно, но мы себе такого, к сожалению, позволить не можем, так как рискуем просто скончаться за этими разговорами от старости, — вмешался в диалог Баскиловича и Александра Смирнов. — Надеюсь, вы настоящий гражданин и патриот своей страны? И не откажете в укреплении оборонной мощи нашего государства.

— А какое отношение к оборонной мощи может иметь мое изобретение? — искренне удивился Александр.

— Самое непосредственное. При помощи вашего изобретения мы продлим жизнь руководителям нашего государства, руководителям крупных предприятий, работающих на нужды армии, наиболее боеспособным и преданным офицерам и солдатам, а также лояльным инженерам и рабочим — оружейникам, — воодушевленно заговорил Смирнов. — Разве все это не создаст преимущества в военной сфере по сравнению с другими странами? Вы только представьте себе главнокомандующего или солдата, имеющего опыт военной службы в сто — двести лет.

— Какой кошмар. Вы только представьте себе жизнь в обществе с вечным президентом да, и надо полагать, с такими же вечными остальными начальниками в окружении подавляющего количества преданных им подчиненных? Меня же нормальные люди просто проклянут, — неподдельно ужаснулся Александр, чудовищной, по его мнению, идее Смирнова.

— Ужасно это или нет, но вы обязаны передать свое изобретение государству, — настаивал Смирнов.

— Почему это я обязан? Я, что врач? Клятву давал лечить людей и продлевать им жизнь?

— А я это вам говору вовсе не как врачу. Александр Михайлович, вы же офицер запаса. Хоть в армии и не служили, но во время обучения на военной кафедре института все же присягу приняли. Так, что как минимум вы обязаны защищать жизни своих командиров и участвовать в повышении обороноспособности страны.

— Той страны, которой я давал присягу уже не существует и очень давно. Вообще странно, что вы про нее вспомнили. Видимо действительно сильно вас подперло.

— Ну и что, что нет. Наше государство является законным правопреемником, — не унимался Смирнов.

— Вообще-то все это не имеет значение, так как никаких обязательств у меня нет ни перед государством, ни теперь вообще перед кем либо из ныне живущих.

— Александр Михайлович, как же такое может быть? Мы же только что установили, что присяга была, а значит, есть и обязательства.

— Геннадий Викторович, конечно, может. Когда у человека возникает обязательство? Только тогда, когда он его принимает добровольно или добровольно совершает некие действия, которые приводят к возникновению обязательств. Так вот, когда я принимал вашу присягу, у меня никто не спросил, а хочу ли я, ее вообще принимать? Более того, отказ от ее приема означал бы фактически отказ от службы в армии, за что полагалось бы меня посадить в тюрьму. Так, что принял я ее под принуждением, а значит, как любят говорить юристы, она ничтожна.

— Мы можем обратиться к юристам, и они объяснят вам, Александр Михайлович, что вы заблуждаетесь насчет ничтожности вашей присяги, — уже вопреки своим желаниям начал злиться Смирнов.

— Не сомневаюсь. Ведь это же ваши и вашего государства юристы, — усмехнулся Александр. — И потом объективно обосновать свою точку зрения по этому вопросу ни ваши юристы, ни я не сможем. А тогда почему я должен соглашаться с их точкой зрения?

— Значит, вы не любите свою страну и не поддерживаете законно установленную власть? — с почти ужасом и удивлением спросил Смирнов.

— Разумеется. Ведь я же не извращенец мазохист, чтобы любить плетку и человека, ею орудующего, и получать удовольствие от подобных процедур.

— Если вам так все здесь не нравиться, тогда взяли бы и выехали в другую страну.

— А зачем? Ведь в других странах все то же самое. Я родился на этой территории и в этом сообществе людей, а, значит, имею полное право проживать именно здесь. Причем независимо от того, нравлюсь я кому-то или нет. Ведь я же не требую отъезда тех граждан, которые мне не нравятся. Почему в отношении меня у кого-то должно быть больше прав?

— По праву большинства, — ответил Смирнов. — Неужели вы, столько прожив на свете, так этого и не узнали?

— Ой, Геннадий Викторович, не смешите меня. Это, кого вы называете большинством? Надо полагать тех, кто устраивает революции и всякие перевороты? Так вот, я не могу вспомнить ни одну революцию, в которой непосредственно в момент смены

власти приняло активное участие хотя бы около одного процента населения.

— Хорошо, пусть не большинство. Пусть по праву людей осуществляющих так называемые властные полномочия. У вас-то властных полномочий нет. И потом вы же сами признаете, что все человеческие сообщества устроены примерно одинаково. Других нет, и возможно никогда не будет. И я не понимаю, почему вы не хотите придерживаться общепринятых правил совместного проживания в человеческих сообществах?

— Просто в настоящее время я это могу себе позволить. Ведь соблюдение правил обеспечивается вовсе не обязательствами, а насилием по отношению к тем, кто их не соблюдает.

— Ну, вот, вы, оказывается, и сами все очень хорошо понимаете. Или вы думаете, что вы неприкасаемый и силу к вам применять не будут? — зловеще ухмыльнулся Смирнов.

— Попытаться силой вынудить меня отдать вам мое изобретение вы, конечно, можете. Вот только эффективность ваших трудов, скорее всего, будет незначительной.

— С чего вы это взяли? — Смирнов жестко посмотрел на Александра. — Мы умеем обрабатывать людей. Проверять никому не рекомендую.

— Ну и, что вы можете мне сделать? Близких, кем бы я дорожил у меня нет. Пригрозите убить меня лично? Так я и сам давно уже хочу умереть.

— Если бы хотели умереть, так давно бы прекратили себя омолаживать и умерли бы, как большинство обычных людей, от старости.

— А я и не омолаживаю, — грустно вздохнул Александр. — Да видно, что-то в моем организме изменилось и теперь я не старею и не умираю.

— И давно вы прекратили себя омолаживать? — оживился Баскилович.

— Уже лет сто, не меньше.

— А в чем заключается процедура омоложения? Мы бы могли помочь вам разобраться, — с плохо скрытой надеждой в голосе спросил Баскилович.

— Исаак Абрамович, неужели вы действительно рассчитываете на то, что я вот так вот просто возьму и разболтаю вам суть моего изобретения? — снисходительно улыбнулся Баскиловичу Александр.

— Ну, мертвым вы нас совсем интересовать не будете. Кроме убийства существуют ведь и другие средства воздействия, — снова вступил в диалог Смирнов, понявший, что уловка Баскиловича не сработала.

— Пытать будете? Да? А вы не боитесь, что я вам вместо метода омоложения подсуну метод очень медленного убийства? И вы своими собственными руками уничтожите всех своих горячо любимых руководителей и преданных им солдат, — издевательски понизил голос почти до шепота Александр.

При этих словах Александра трое его гостей многозначительно переглянулись, и после небольшой паузы Смирнов сказал:

— Обойдемся без пыток.

— Другие методы в виде посадки в тюрьму и тому подобного вряд ли вас устроят. Ведь у вас нет времени. Вы не можете ждать. И кроме этого вы боитесь огласки. Боитесь, что о моем существовании узнают простые люди и заграницей.

— Так, Александр Михайлович последний раз предлагаю добровольно передать за хорошее вознаграждение изобретение государству, — официальным тоном произнес Смирнов.

— А то, что? — Александр сделал страшные круглые глаза и с пренебрежением кивнул в сторону Баскиловича и Бугрова. — Эти господа изобретут его заново?

— Нет, мы сейчас проведем у вас тщательный обыск и найдем все ваши средства омоложения. Затем я вколю вам одну очень хорошую ампулу, и вы нам расскажите, как эти ваши средства использовать, — грустно, словно на ничего не смыслящего и надоевшего придурка посмотрел на Александра Смирнов. — В этом случае, разумеется, вы не получите вообще никаких денег, а после получения от вас нужной нам информации будете немедленно физически уничтожены, как нелояльный власти гражданин. Вот, видите, у нас существуют необходимые средства, чтобы вопреки вашим ожиданиям, вытрясти из вас все.

— План, конечно, хороший, но хочу вас предупредить, что, например, воздействие алкоголя или наркотиков на меня существенно изменилось. Поэтому, как подействует ваша ампула трудно сказать. Возможно, вам потребуются длительные исследования, — спокойным и совсем без волнений голосом произнес Александр. Продемонстрировав полную уверенность, что из затеи Смирнова ничего не получится.

— Ну, все, хватит! Мне надоели эти бессмысленные препирательства! Я вас предупреждал по-хорошему! Теперь, пеняйте на себя! — совсем разозлился Смирнов.

— Зря вы так, Александр Михайлович, мы же вам добра желаем, — начал пытаться еще раз уговорить Александра Баскилович, осознавший после последнего замечания Александра всю рискованность действий Смирнова.

— Исаак Абрамович, это бесполезно. Если человек дурак, то

ему уже невозможно помочь, — остановил Баскиловича, совсем переставший скрывать свое раздражение, Смирнов.

Баскилович что-то хотел сказать Смирнову, но не успел, так как в комнату совершенно бесшумно, словно приведения, вошли шесть внешне очень похожих друг на друга, на вид примерно одного возраста, одетых в одинаковые костюмы, обутых в одинаковые ботинки с одинаковыми чемоданчиками в руках, угрюмых и явно не разговорчивых мужчин. Мужчины, не произнеся ни слова, выстроились у самого входа в комнату в виде некоего подобия колонны по три и замерли.

— Необходимо обыскать эту квартиру. Самым тщательным образом. Важность работы чрезвычайная. Искать будете лекарственные средства, вообще все вещества в любом виде, жидкости, порошки и тому подобное, а также любые записи с техническими текстами, формулами химическими, математическими, любыми, записи напоминающие дневниковые и регистрационные. Химический анализ всех обнаруженных веществ производить немедленно, даже если вещество по своему внешнему виду вам кажется знакомым. Не пропускать ничего, — отдал указание команде по проведению обысков Смирнов.

— А еще, поищите, пожалуйста, технические устройства, особенно непонятного назначения и документацию чертежи, принципиальные схемы, — быстро и сбивчиво проговорил Баскилович, словно опасаясь, что ему не дадут договорить.

Все шестеро синхронно повернули головы и вопросительно посмотрели на Геннадия Викторовича.

— Делайте все, что говорит этот господин, — ответил на их немой вопрос Смирнов.

— Да и еще необходимо обращать внимание на предметы, которые окажутся менее пыльными, — вмешался в инструктаж Бугров.

— Это может в определенной мере помочь. Хотя если он не врет, что уже сто лет не пользуется своими средствами, то их по пыли, вряд ли можно будет отличить. Но все равно на менее пыльные предметы обращайте внимание в первую очередь, — дополнительно распорядился Смирнов.

— Не сомневайтесь, не вру, — захихикал Александр. Его явно вся эта ситуация забавляла.

Замечание и смех Александра были просто проигнорированы. В квартиру оперативно был доставлен мощный пылесос, при помощи которого всего за двадцать минут была собрана вся скопившаяся чуть ли не за два века пыль.

— Хоть что-то полезное смогли сделать, — снова захихикал Александр. — Вот только, судя по всему, мне вашими трудами

воспользоваться уже не удастся.

— Я, молодые люди больше стоять не могу. Спина и ноги просто отваливаются, — произнес Исаак Абрамович, усаживаясь на единственный в спальне стул уже очищенный от пыли, подчеркнуто не обращая внимания на Александра. Тем самым недвусмысленно давая понять Александру, что его судьба уже решена и для находящихся в комнате людей он теперь представляет собой что-то вроде вещи с очень маленьким сроком службы. От этого внутри весь Баскилович буквально ликовал.

Члены команды, по проведению обыска, не произнеся ни слова, каким-то непостижимым для Александра образом, разделили между собой его квартиру на секторы и каждый начал скрупулезно обыскивать свой сектор.

Сначала были обследованы обычные места для хранения вещей и предметов: шкафы, тумбочки, антресоли и тому подобное. Затем из чемоданчиков были извлечены сканеры и при помощи них буквально насквозь просветили стены, пол, потолок и даже корпуса мебели, радиаторы и трубы отопления и водопровода.

Все найденное непонятного назначения или пригодное для хранения информации сносилось в спальню Александра и укладывалось прямо на пол перед его кроватью.

Несмотря на то, что все без исключения вещества подвергались экспресс химическому анализу, в куче на полу не было ни одного вещества. Не удалось найти даже ни одного лекарственного средства. Зато куча быстро пополнялась архаичными радиодеталями, элементами электроники и собранными из них непонятного назначения радиоэлектронными устройствами. Подозрительные записи на бумаге отсутствовали, но в кучу принесли компьютер, который возможно содержал техническую информацию.

Глядя на постепенно увеличивающуюся груду предметов, по большей части совершенно непонятного предназначения, Смирнов, Баскилович и Бугров все больше мрачнели.

Еще в середине обыска Баскиловичу стало ясно, что никакого готового эликсира вечной молодости в аптекарской бутылочке не будет. Если эликсир и был, то Александр успел его уничтожить, а возможно никакого эликсира вообще никогда не было, и процедура омоложения заключалась в чем-то ином. Все это делало призрачными их шансы найти разгадку тайны Александра.

Смирнов скептически смотрел на компьютер. Он был очень древним. Был настоящим музейным экспонатом. Смирнов осознавал, что запустить его, во всяком случае, быстро вряд ли

удастся. Несомненно, память компьютера значительно пострадала просто от старости. Ни одно современное устройство не могло быть с ним совместимо, а использовавшееся в нем программное обеспечение наверняка было очень давно утеряно. Так, что на реанимацию этого экспоната могут потребоваться годы. А в результате вместо документации можно, ведь обнаружить несколько старинных компьютерных игр.

— Александр Михайлович, да вам музей истории техники открывать можно, — не выдержал Смирнов. — Не желаете рассказать для чего все это старье нужно?

— Нет, не желаю, — ответил Александр очень веселым голосом, так как уже понял в сколь затруднительное положение, попали его не званные гости. — Да, и если бы даже желал, то, вряд ли, смог бы вам помочь. Просто потому, что о предназначении большинства этих предметов я действительно забыл, а то немногое, что я еще помню очень туманно и отрывочно. Ведь я очень долго живу, и очень давно не посещал курсы повышения квалификации.

Александр широко и нагло улыбнулся Смирнову. Он помнил, как около ста лет тому назад в порыве отчаяния разобрал свой прибор до уровня отдельных деталей, а затем разбросал их по разным ящикам. Конечно, возможно, он бы смог бы восстановить свой прибор, но даже ему на это потребовалось бы никак ни меньше недели. Компьютер же, который с интересом и надеждой рассматривал Смирнов, содержал всего лишь несколько компьютерных игр. Его Александр приобрел, когда от безысходности увлекся компьютерными играми, но, проиграв в них несколько лет, забросил и это дело. Старый же компьютер со всей документацией на прибор был выброшен на помойку и бесследно сгинул в недрах огромной городской свалки бытовых отходов.

— Может, хоть вы узнаете в этой куче хлама, что-то пригодное для использования в медицинских целях? — обратился к Баскиловичу с Бугровым Смирнов.

Но они посмотрели на него, словно на полностью законченного идиота и только развели руками.

— Ясно, придется вызывать технарей, — без энтузиазма сказал Смирнов.

Сотрудники технической поддержки появились в квартире Александра как раз, когда обыск был полностью завершен и очень быстро. Все заявки Смирнова выполнялись незамедлительно, и он подумал, что было бы лучше, если бы технари появились через несколько дней, а так ему следовало готовиться, что спросят за результаты операции с него очень жестко.

Специалисты долго в изумлении рассматривали кучу обнаруженных в ходе обыска предметов. Потом стали поднимать с пола отдельные предметы и подолгу крутить их в руках. Было видно, что большую часть из них они видят впервые.

Наконец старший группы, грузный седовласый мужчина с большим круглым лицом сказал:

— Здесь мы ничего не сделаем. Надо везти все это хозяйство к нам в лабораторию.

— И сколько времени вам потребуется на исследования? — спросил Смирнов.

— Учитывая, как давит руководство, дня три. Быстрее никак, хоть застрелите, я не чудотворец. Хотя по-хорошему на такие артефакты нужно минимум раз в пятьдесят больше времени.

Смирнов очень хорошо понимал, что это означало. Через три дня он получит отчет с кратким описанием всех обнаруженных предметов. В отчете также будет указано, что информация в компьютере повреждена и не подлежит восстановлению. Простая идентификация предметов ему ничего не даст, так как он уже догадался, что если какое то оборудование у Игнатова и было, то оно давно им было разобрано на отдельные детали. Восстановить же оборудование из кучи деталей было под силу только самому Игнатову и никому больше.

Когда специалисты с имуществом Александра покинули его квартиру, Смирнов извлек из своего чемоданчика шприц и ампулу с прозрачной жидкостью на вид неотличимой от обычной воды. Неторопливо набрал в шприц из ампулы жидкость и больше для порядка, чем, надеясь на понимание, спросил Александра:

— Александр Михайлович, может, все же, передумаете? Знаете, применять сыворотку правды мне лично не очень-то приятно. Да, и вам это ничего хорошего не принесет.

— И вы думаете, что я просто так позволю вам дырявить мою кожу? — ответил Александр с явной угрозой в своем голосе.

— Что ж придется вас зафиксировать, — тяжело и лениво вздохнул Смирнов. Он отложил шприц в сторону, достал из своего чемоданчика наручники, медленно подошел к Александру и самонадеянно взялся за его руку, которая казалось, совершенно расслаблено лежала на кровати вытянутой вдоль туловища.

Через секунду на лице Смирнова отразилось изумление. У Александра оказалась железная мускулатура. Смирнов бросил наручники и уже двумя руками изо всех сил пытался оторвать от кровати руку Александра, но она не сдвинулась даже на миллиметр.

Потом видимо вся эта бесполезная возня Смирнова с его рукой ему надоела, и Александр свободной рукой быстро и резко

ударил в глаз Смирнова. От удара Смирнов, словно воздушный шарик, отлетел к батарее центрального отопления.

Хотя было видно, что Смирнов весьма прилично ударился о батарею, но видимо сказались многолетние тренировки, он почти мгновенно вскочил на ноги.

Неожиданно Бугров выкрикнул: "Вот гад!" и бросился на помощь Смирнову. Они навалились на Александра почти одновременно.

Баскилович с перекошенным от страха лицом вскочил со стула и метнулся в дальний угол комнаты, где уселся на пол, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами, и вопя: "Я не хотел! Меня заставили!".

Физическая сила Александра столь значительно превосходила возможности Смирнова, что когда он попытался провести хорошо отработанный в спортивном зале захват, то у него просто ничего не получилось. Александр сбросил его с себя, а заодно и Бугрова так легко, словно они были не физически развитыми мужчинами, а маленькими детьми. Смирнов почувствовал себя в роли кота по дурости вцепившегося в ногу слону, но обдумывать свое положение ему не пришлось. Вставший с кровати, Александр схватил его одной рукой сзади за ремень брюк и легко оторвал от пола. Затем та же участь постигла и Бугрова.

Смирнов брыкался и колотил Александра руками и ногами словно кот, которого схватили за шкирку, а Бугров орал:

— Ты еще пожалеешь об этом! Думаешь, с нами справился и все! Нам помогут! Тебе теперь вообще конец!..

Баскилович с округлившимися от ужаса глазами стоял на четвереньках в своем углу, упираясь задницей в стену словно хотел ее сдвинуть и почти шепотом бесконечно произносил: "я… я…я…". Ему удавалось только начать фразу, но закончить ни как не удавалось.

Впрочем, угрозы и слабое сопротивление не произвели на Александра никакого впечатления и он поволок своих противников к выходу из комнаты.

— Ну, ты как? Сам пойдешь или тебе тоже помощь требуется? — спросил Баскиловича Александр.

— Сам, — мгновенно перестал якать Баскилович и с невероятной скоростью выскочил из комнаты.

— Однако шустрого еще старичка вы, господа за собой таскаете, — усмехнулся Александр. — Но все равно проводите вы его на пенсию. Пора ему уже, а то, гоняясь за бессмертием, переволнуется, и свой обычный срок ведь не дотянет.

Тем временем Баскилович открыл входную дверь в квартиру

и услужливо придерживал ее распахнутой, пока Александр выкидывал на лестничную площадку Смирнова и Бугрова.

— Спасибо, — сказал Баскиловичу Александр и захлопнул дверь.

— Надо же, сколько силушки человеку Бог отмерил, — начал подниматься с пола Смирнов. — Аж завидно.

— Да не причем здесь Бог. Ничего он ему не давал. Из старых медицинских записей выходит, что раньше он никакими особыми физическими данными не отличался. В этом смысле был весьма средним человеком. По всей видимости, физическую силу он получил вместе с вечной молодостью, — ответил на высказывание Смирнова Баскилович.

— Ах, же ты старый дурак. Правильно Игнатов предлагает тебя на пенсию отправить. В твоем возрасте работать уже нельзя. От тебя больше вреда получается, чем пользы. Не мог раньше об этом сказать? В отчете хоть бы намекнул, — зло начал выговаривать Баскиловичу Смирнов.

— Можно подумать, что предположения о его незаурядной физической силе хоть что-то изменили бы, — с обидой ответил Баскилович.

— Конечно, изменили бы. Я бы к нему и близко не подошел бы без серьезной поддержки. Теперь же он будет считать нас недоумками, мало, что понимающими в происходящем. А это вряд ли будет способствовать решению нашей проблемы.

Смирнов злился все больше, так как его глаз уже начал заплывать, и огромный синяк ему был обеспечен.

— Ничего в нашем ведомстве тоже хорошие лоси имеются. Вот сейчас они прибудут и утихомирят эту сволочь. Никуда он не денется, — после небольшой паузы мстительно проговорил Смирнов.

Не проходивший специальной подготовки Бугров, наконец, с трудом смог подняться и сказал:

— Таких сразу надо убивать. Разговаривать с этим уродом даже под препаратом бесполезно.

Минут через пять появилась группа поддержки — шесть самых настоящих громил. Все под два метра ростом. Ходячие груды мышц с одинаково тупыми выражениями на своих лицах. Они невозмутимо и уверенно прошли в квартиру Александра. Из оставшейся распахнутой настежь входной двери с минуту доносился звук возни и больше никаких звуков, никто ни кричал и даже просто говорить не пытался. Затем все стихло и почти сразу, все так же молча и невозмутимо, вся команда по усмирению покинула квартиру.

— Ну, вот и все. Чего чудак сопротивлялся разве можно в

одиночку с государством справиться? — сказал Смирнов, направляясь в спальню.

Александр надежно был зафиксирован, привязан веревками и пристегнут наручниками к собственной кровати, так что не мог даже слабо пошевелиться. Смирнов тут же подскочил к нему и ударил его кулаком в глаз.

— Это я тебе должок вернул, — захихикал Смирнов, потирая собственный подбитый глаз.

— Так, подобные долги отдают только трусы и подлецы, — презрительно сказал Александр. — Да и нет у меня перед тобой никаких долгов. Ведь ты, что заслужил, то и получил.

— Ну, конечно, ты же у нас благородный. Думал, что я буду с тобой разбираться один на один. И ты с легкостью превратишь меня в боксерскую грушу, ведь у меня же нет твоих способностей, а помочь мне заполучить их ты отказываешься.

— Если тебе нужны какие-то способности, то и создавай их себе сам. С чего вы все взяли, что это именно я должен вас всех ими наделять, — зло сказал Александр.

— Вот добыванием для себя и всех остальных способностей я сейчас сам и займусь, — произнес Смирнов, аккуратно и медленно впрыскивая содержание шприца в вену Александра.

Все внимательно стали следить за изменениями в состоянии Александра. Никто из присутствующих не относился к нему с сочувствием. Они все ненавидели этого человека. Причем ненавидели они его не только из-за того, что он создал в их жизни проблемы, а в большей степени из-за его природных способностей, его возможностей без особых усилий получать результаты, которые они могли получить с очень большим трудом, а то и вовсе не способны были получить. Они считали крайне не справедливым, что природа такому неправильному человеку дала все, а им таким правильным и хорошим, никогда не нарушающим принятые нормы поведения, ничего не дала.

В полном молчании прошло десять, потом уже пятнадцать минут, но никаких видимых изменений в состоянии Александра так и не появилось.

— Придется добавить, — недовольно с тяжелым вздохом произнес Смирнов.

— Люди даже от обычной дозы этого препарата бывает, загибаются. Вдруг он не выдержит, — заволновался Баскилович. — Я знаю, о чем говорю. В молодости мне довелось участвовать в разработке этого препарата.

— Исаак Абрамович, ну и говно же вы разработали, — засмеялся Александр.

— Он сам говорил, что на него химия действует не так, как

на всех людей. Будем потихоньку прибавлять. Возможно, дозу и подберем. Другого выхода у нас все равно нет, — сказал Смирнов.

— Уже вечер, а пришли мы утром. Мы устали и есть хотим. Может нам лучше прерваться и отдохнуть? — предложил Баскилович.

— Никто отсюда не уйдет пока мы так или иначе не завершим операцию. Если потребуются, будем спать по очереди. Андрей Николаевич, сходите на кухню, приготовьте нам чай с бутербродами, может, еще какой ни будь еды. Пожалуйста, возьмите это на себя, — распорядился Смирнов.

Он вколол Александру еще один шприц препарата. Потом еще и еще.

Только после пятой инъекции состояние Александра изменилось. Но оно изменилось совсем не так, как рассчитывал Смирнов. Александр вовсе не стал мягким и пушистым, готовым ответить на любой вопрос. Он, словно мгновенно в несколько раз увеличив свои силы, весь забился, пытаясь порвать удерживающие его веревки и добраться вовсе не с благими намерениями до Смирнова с Баскиловичем и Бугрова. Но веревки были надежны и нечеловеческие усилия Александра ему не помогли освободиться. Однако Смирнов все же побоялся приблизиться к Александру, пока действие препарата не прекратилось, и Александр не затих. Зато еще одно введение препарата, наконец, дало ожидаемый результат. К этому моменту было уже около часа ночи. Баскилович устал настолько, что уже был не в состоянии волноваться по поводу чудовищной передозировки опасного препарата и с трудом осознавал происходящее. Более молодые Смирнов и Бугров еще держались, но все же их реакция тоже ощутимо замедлилась.

— Вы не понимаете… Это нельзя… Всем будет плохо…, - захныкал словно ребенок, лишившийся воли к сопротивлению, Александр. Из его глаз покатились слезы, а тело было настолько неподвижно, что приобрело вид почти неживого.

— Получилось! — радостно выкрикнул Смирнов, выводя своим криком из состояния толи дремоты, толи ступора Баскиловича.

— Александр Михайлович, как вы делали процедуру омоложения? — торопливо спросил мгновенно сориентировавшийся Баскилович.

— Нельзя… будет плохо…, - продолжил хныкать Александр.

— Мы знаем о плохом. Мы все исправим. Нам можешь сказать, — продолжил Баскилович.

— Прибор… Я использовал прибор, — почти шепотом выдавил из себя Александр.

— Ну, вот видишь, как все просто. Не надо сопротивляться. Как устроен этот прибор? — приободрился Баскилович.

— Нельзя… я не должен…, - после длительной паузы произнес Александр.

— Можно! Скажи нам и тебе сразу станет легче, — продолжил давить на вялого Александра Баскилович.

— Это такой прибор…, - начал говорить Александр и снова замолчал.

— Хорошо! Говори дальше!

— Я не могу объяснить. Слишком сложно, — снова заплакал Александр. — Не заставляйте меня.

— Скажи, где лежит твой прибор? — вмешался Смирнов уже начавший паниковать из-за того, что действие препарата должно было скоро закончиться.

— Прибора нет. Я его давно разобрал, — быстро и легко ответил Александр, видимо все же сохранивший, слабую способность оценивать, сообщаемую им информацию и понявший, что эта информация ничего не даст.

— На каких принципах работал прибор? Что он делал? — снова взялся за допрос Баскилович.

— Не спрашивайте, я этого не должен говорить, — плаксивым и одновременно просящим голосом сказал Александр. — Эта информация должна умереть со мной. Иначе меня никогда не простят.

— Нам можно сказать. Тебя никто за это наказывать не будет. Не бойся, говори, — вкрадчивым голосом стал успокаивать Александра Баскилович. — Скажешь, и тебе станет хорошо и спокойно.

— Ну, это электронный прибор, — сказал Александр и снова замолчал.

— Так, молодец. Видишь, говорить легче, чем молчать. И, что же этот прибор делал?

— Генерировал электрические импульсы.

— Какие импульсы? Расскажи об их характеристиках.

— Не могу. Импульсы были очень сложные, — снова заплакал Александр.

— Успокойся. Хорошо не надо. Тогда скажи, к чему ты подключал прибор? На что он воздействовал? — поторопился изменить вопрос Баскилович.

— Нет.

— Что значит, нет?

— Я не буду больше ничего говорить. Я не должен вам ничего рассказывать, — почти перестал плакать и хныкать Александр. Действие препарата заканчивалось. Его голос все больше начинал

походить на его обычный голос. — Мне, как-то плохо, не хорошо. Голова кружится и сильно болит.

— Ты обязан ответить, — уже просто панически спешил Баскилович. — Ответь, если хочешь, чтобы тебе стало легче!

— Ладно, прибор воздействовал на мозг, — снова сдался Александр.

— Уточни! На какие именно области мозга воздействовал твой прибор?

Александр молчал и буквально на глазах приходил в себя.

— Отвечай! Сволочь! — заорал Смирнов.

— На глубинные структуры мозга, — неожиданно для всех произнес Александр.

— На какие именно структуры? Как ты подводил к ним электрические импульсы? Как долго длилось воздействие? — засыпал вопросами Александра Баскилович.

— Да пошел ты…, - жестко ответил Александр обычным голосом, демонстрируя полный возврат к нему воли и способности критически оценивать происходящее.

— Все, препарат перестал действовать, — констатировал и так очевидный для всех факт Смирнов.

— А выяснить мы почти ничего не успели, — с сожалением произнес Баскилович.

— Да о чем вы говорите? Разве можно под препаратом заставить человека рассказать о конструкции и технических характеристиках? Это же чертежи графики чертить надо, писать надо, а под препаратом он телом совсем не владеет. Это все бесполезно, — вмешался Бугров.

— Андрей Николаевич, ну и что вы предлагаете? Что нам теперь вообще ни чего не делать что ли? — с раздражением сказал Баскилович. — Лучше б чего дельного предложили бы, а то, что у нас все плохо я и сам хорошо вижу.

— Значит, будем делать еще одну инъекцию. Возможно, он сможет все же рассказать достаточно для того, чтобы можно было осуществить разработку его прибора по новой, — сказал Смирнов.

Александр лежал совершенно неподвижно, уставившись в потолок, не язвил и вообще никак даже не пытался участвовать в разговоре. Допрос его организму обошелся слишком дорого и сейчас он был совершенно без сил.

— Да, деваться нам все равно некуда, придется делать инъекции еще, но только не сейчас, — Баскилович с тревогой посмотрел на Александра. — Сейчас он не выдержит. Лучше это сделать завтра. Я бы вообще дал бы ему передохнуть одну или две недели.

— Так не пойдет. Мое руководство меня просто не поймет. Из

меня же просто отбивную котлету сделают. Да и препарат к завтрашнему дню у него из организма весь выйдет. Что ж мне его снова им накачивать? Делать это повторно тоже большой риск, — ответил на предложение Баскиловича Смирнов. — Если этот гад загнется после двухнедельной отсрочки, так ничего больше и, не сказав, то представляете, что со мной тогда сделают?

— Операцией руководите вы, вам и решать, — тяжело вздохнул Баскилович. — Только, Геннадий Викторович, я думаю, что все оборачивается так, что вам в любом случае не позавидуешь.

— Господи, быстрей бы все это кончилось. Угораздило же именно мне получить это задание. Я все же рискну, — сказал Смирнов и начал вводить Александру еще одну ампулу препарата.

Примерно через минуту Александр сильно побледнел, его губы посинели, он выгнулся всем телом, широко открыл рот и начал часто им хватать воздух.

— Что вы застыли?! Делайте же хоть, что ни будь! Ведь эта сволочь сейчас сдохнет! — закричал Смирнов.

— Мы же не реаниматологи. Да вы же ведь сам врач, — растерялся Баскилович.

— Да я тоже по другой части! — выкрикнул Смирнов.

Тем временем Александр сделал глубокий вдох и перестал дышать. Его глаза широко открылись, а взгляд остановился. На лице застыло выражение сильного удивления.

Бугров с криком: "Мы его теряем!" кинулся неумело делать Александру искусственное дыхание.

— Вызывайте скорую! Сами мы не справимся! — оторвавшись на секунду от своего занятия, прокричал Бугров.

После небольшого замешательства Смирнов тоже кинулся помогать Бугрову, периодически повторяя:

— Как же я так? Надо же было бригаду наготове рядом держать.

Бригада скорой медицинской помощи появилась минут через десять. Но врач бригады вместо того, чтобы сразу кинуться к Александру застыл на пороге комнаты в немом вопросе, увидев привязанного к кровати Александра, вывернутые наизнанку шкафы и тумбочки, раскиданные по полу предметы, шприц, кучу пустых ампул и трех подозрительного вида мужчин.

Смирнов через свой идентификатор личности быстро довел до сведения прибывших, с кем они имеют дело. Врач с фельдшером сразу, как ошпаренные подскочили к Александру и, как никогда изо всех сил стали стараться его реанимировать. Они не спрашивали, что произошло, сколько времени их пациент

находился в состоянии клинической смерти, что и зачем ему кололи. Им и так все было ясно. Больше всего им хотелось как можно быстрее убраться из этой квартиры. И убраться так, чтобы без последствий, чтобы, вызвавшие их люди навсегда забыли об их существовании. Именно поэтому им больше всего хотелось вернуть с того света Александра. Но что бы они ни предпринимали, ничего не помогало.

Провозившись с телом Александра минут на тридцать больше разумного срока, мокрый от пота врач скорой помощи, наконец, дрожащим голосом сказал:

— Все, он ушел. Ничего сделать нельзя.

— Жаль. Мы вас больше не задерживаем, — не скрывая своего сожаления, сказал Смирнов, который до последнего надеялся, что Александра все же удастся откачать.

Бригада скорой медицинской помощи тут же буквально на глазах исчезла из квартиры Александра, словно они в ней никогда и не были. Было ясно, что они не то, что рассказать, кому-то об этом вызове не посмеют, а даже между собой вряд ли решаться его обсуждать.

— Ну, и что нам теперь делать? — в растерянности спросил севшим голосом Смирнов.

— Как, что? Сейчас тело перевезем к нам в институт. Сделаем вскрытие, возьмем пробы, проведем исследования тканей, — уверенным голосом сказал Баскилович. — Вы, Геннадий Викторович, конечно на вскрытии можете и не присутствовать. Вот только перевозку тела организуйте, пожалуйста. Незачем нашим сотрудникам лишнего видеть.

— Исаак Абрамович, кому оно теперь ваше вскрытие нужно? — с раздражением спросил Смирнов.

— Ой, не скажите, Геннадий Викторович. Еще как нужно, — хитро ухмыльнулся Баскилович. — Интересно посмотреть, что собой клетки его тканей представляют после того, как они прожили несколько обычных сроков. Может еще, какие зацепки найдутся?

— Вот, что, пожалуй, я с вами до конца останусь, — с подозрением и о чем-то пытаясь сообразить, посмотрел на Баскиловича Смирнов.

— Ну, это уж, как вам будет угодно, — безразличным тоном сказал Баскилович.

После вскрытия Смирнов от усталости уже буквально еле стоял на ногах, а у Баскиловича словно второе дыхание открылось. Он энергично и деловито отдавал команды по поводу проведения исследований тканей Александра, указывал, какие части тела Александра следует сохранить, а какие уже можно

отправить на утилизацию.

— И, что это вскрытие дало? Труп, как труп. Без сюрпризов, вполне обычный, — спросил Баскиловича Смирнов.

— А это уже значительно сокращает возможные варианты, примененных Игнатовым, методов омоложения. Я уверен, что и при исследовании образцов его тканей обязательно, что ни будь, интересное отыщется, — ответил Баскилович. — Да, Геннадий Викторович, и не забудьте нам отчет ваших технарей передать.

— Исаак Абрамович, я что-то не пойму? Вы так суетитесь, неужели вы на что-то рассчитываете? — удивился Смирнов.

— Это вы о чем? Никак вспомнили, что меня наказать грозились? Так ведь я два десятка лет омолаживал все наше руководство. Раз Игнатов свое изобретение в могилу унес, то значит, и дальше этим делом буду заниматься. Больше все равно некому. Вот, если бы он все рассказал, то тогда, конечно, не сразу, но со мной действительно всякое могло случиться. Кроме этого, того, что он все же успел рассказать достаточно для того, чтобы зародилась надежда на воссоздание его прибора. А кто будет заниматься воссозданием прибора? Опять же, я, ведь в эту сферу очень неохотно новых людей допускают, — самодовольно улыбнулся Баскилович.

— А как же я? — совсем расстроился Смирнов.

— Ну, а вы… Я уж и не знаю, куда вы так гнали допрос? Ведь вы были нужны только для проведения допроса. А потом вы просто превращаетесь в ненужного свидетеля. Все это вы должны лучше меня знать и понимать. Поэтому я очень желаю вам, Геннадий Викторович, дней так через пять оказаться в таком месте, где вы о событиях последних суток сможете рассказать разве, что белому медведю. И о вашем существовании наши хозяева, как можно быстрее, вообще забыли.

Потом, когда Баскилович с Бугровым сидели в институтской машине, которая развозила их по домам, Баскилович сказал:

— Я не понимаю, как ему удалось врать даже, находясь под действием препарата?

— Почему вы так решили? — искренне удивился Бугров.

— Во время вскрытия мы хотя бы следы от электродов у него в мозгу нашли?

— Нет.

— А как же он тогда глубокие структуры мозга стимулировал своим прибором?

— Тогда получается, что никакого прибора никогда и не было, — в полном изумлении произнес Бугров.

— То-то и оно. И не дай Бог, чтобы это понял кто-то еще.

Декабрь, 2012 год.